

6

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

164²⁰²⁵

* декабрь 1825-го: его
предшественники и наследники
* денежная реформа
1947 года и экономическое
поведение советских людей
* Фредрик Джеймисон
как теоретик периодизации

неприкосновенный запас 6 [164] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ДЕКАБРЬ 1825-ГО: ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И НАСЛЕДНИКИ	003	ДАНИЛА КРАСНОВ. Дальние родственники: Александр Радищев и декабристы
	015	ВАДИМ КОРОЛЬКОВ. О мифологии декабризма
	034	АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН. Выйти на площадь и не будить Герцена: декабристы в современном кинематографе
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	055	Двести лет тому <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
АРХИВ «НЗ»	058	ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ АНТУАН СЕРВАН. Рассуждение об отправлении уголовного правосудия
	090	Наказ третьего сословия Парижа – апрель 1789 года
ОЧЕРКИ НРАВОВ	107	МИХАИЛ НИКОЛАЕВ. Денежная реформа 1947 года и экономическое поведение населения
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	134	КОНСТАНТИН МИТРОШЕНКОВ. От культурной революции 1960-х к постмодернизму: Фредрик Джеймисон как теоретик периодизации
КУЛЬТУРА МОДЕРНОСТИ REVISITED	154	ВАДИМ МИХАЙЛИН. <i>You necessary film:</i> о мистической изнанке авангардных городских симфоний
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	174	Страна Милея <i>Страницы</i> ТАТЬЯНЫ ВОРОЖЕЙКИНОЙ
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	195	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Мифы, технические тела и мораль: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	211	ФЕДОР НИКОЛАИ. «Темный историзм» и практики историописания в эпоху постпостмодерна
	222	БОРИС СОКОЛОВ. Без цензуры. Мемуары маршала Малиновского
	238	АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ. Реальность страшнее теорий заговора, или Как Милтон Фридман сломал наш мир навсегда
SUMMARY	251	

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2025

Дальние родственники: Александр Радищев и декабристы

ДАНИЛА
КРАСНОВ

В свое время в советской историографии утвердилось стойкое представление о наличии прямой идейной преемственности между Александром Радищевым и движением декабристов. Согласно этой концепции, декабристы были непосредственными продолжателями революционных идей, сформулированных Радищевым за три десятилетия до восстания. Этот взгляд был канонизирован в трудах видных историков – например, Милицы Нечкиной – и стал неотъемлемой частью официального исторического нарратива¹. Его научная живучесть и идеологическая устойчивость подтверждаются тем, что он от десятилетия к десятилетию продолжал воспроизводиться в советской академической литературе. Характерным примером, в частности, может послужить вышедшая более полувека назад монография Владимира Пугачева, посвященная Александру Радищеву. В этом труде тезис о прямой преемственности выдвигается как нечто само собой разумеющееся и не требующее верификации. Если верить автору, то именно «с Радищева начинается история революционной мысли в Рос-

*Данила Сергеевич
Краснов (р. 2001) –
политолог, специалист
по истории политической
мысли.*

1 Автор благодарит Андрея Костина и Наталью Потапову за помощь в подборе источников для настоящей статьи.

сии», а «большинство декабристов прочли [его] знаменитую книгу “Путешествие из Петербурга в Москву”»².

РАДИЩЕВСКИЙ МИФ

Истоки этого мифа уходят глубоко в дореволюционную эпоху, хотя его идеологическое закрепление произошло только в начале XX века. Ключевую роль в этом сыграла написанная в 1914 году статья Владимира Ленина «О национальной гордости великороссов», в которой был обрисован пантеон революционных предшественников большевизма. Перечисляя тех, «кем мы гордимся», Ленин поставил Радищева в один ряд с декабристами и революционерами-разночинцами, предложив тем самым картину непрерывной революционной эстафеты, где одни борцы против самодержавия неустанно сменяли других³. Уморительная схема, после 1917 года приобретающая директивный характер, предопределила направление научных изысканий на многие годы вперед, заставляя советских историков усматривать убедительные доказательства там, где их подчас не существовало.

Канонизированный образ Радищева-революционера, однако, начал разрушаться по мере более тщательного анализа его главного труда. Уже в конце 1930-х классик советского литературоведения Григорий Гуковский, сам работавший в парадигме «революционной преемственности» – его памяти Пугачев и посвятил свою книгу, – был вынужден констатировать глубокую внутреннюю сложность и запутанную идейную эволюцию мыслителя. Анализируя философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», созданный Радищевым в сибирской ссылке, Гуковский писал:

«Сознательные убеждения [Радищева] материалистичны, а в бессмертие души он может только верить; слишком тяжела жизнь, особенно жизнь свободолюбца при деспотизме, слишком хочется человеку верить в то, что несчастье его не вечно».

При этом советский ученый не мог не обратить внимания на «предательски сомневающееся “если”», не раз встречающееся на страницах трактата и заставляющее заключить, что материализм Радищева оставался непоследовательным, а его мышление – противоречивым⁴. Вырисовывавшийся в результате об-

2 Пугачев В.В. А.Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. Горький: Типография ЭМ ГИФТИ, 1960. С. 3.

3 Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Он же. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1960. Т. 26. С. 107.

4 Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. С. 438–439.

раз непоследовательного и колеблющегося человека довольно плохо соответствовал ярлыку «прямого предшественника»: неустоявшиеся мысли мятущейся личности едва ли могли автоматически усваиваться последующими поколениями революционных борцов. Иначе говоря, уже в рамках советской науки подспудно вызревало понимание, что Радищева нельзя считать пламенным революционным трибуном «без страха и упрека» – он, как постепенно выяснялось, был скорее неоднозначным, а то и трагичным мыслителем, чье наследие требует не механического заучивания, а критического осмысления.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

Умозрительная схема, после 1917 года приобретшая директивный характер, предопределила направление научных изысканий на многие годы вперед, заставляя советских историков усматривать убедительные доказательства там, где их подчас не существовало.

Именно этот тезис отстаивался в вышедшей в 1966 году книге Юрия Карякина и Евгения Плимака «Запретная мысль обретает свободу», которая, оставаясь в целом в рамках марксистской парадигмы, решительно отбрасывала примитивные трактовки радищевского наследия. Авторы доказывали, что «Путешествие из Петербурга в Москву» является не политическим манифестом, а многослойным и неоднозначным текстом-размышлением. Причем, по их мнению, пресловутая противоречивость книги – либеральные проекты будущего в сочетании с революционными призывами в настоящем – свидетельствовала не об отсутствии у автора четких принципов, а отражала происходивший в его сознании «процесс преодоления, изживания либеральных идей»⁵. Подобного рода трактовки можно обнаружить и у других отечественных специалистов – как советских, так и постсоветских.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы критически проанализировать сделавшийся обыденным тезис о прямой преемственности между Радищевым и декабристами. Ради достижения этой цели в статье последовательно рассматриваются: а) показания декабристов на следствии после провалившегося восстания; б) особенности рукописного распространения «Путешествия»; в) бытование мифа о преемственности в отечественной историографии дореволюционной и послереволюционной поры. Привлечение комплекса источников – вклю-

5 Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. *Запретная мысль обретает свободу*. М.: Наука, 1966. С. 25.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

чая следственные дела декабристов, данные о рукописном распространении самого известного радищевского произведения, мемуарную литературу, а также библиографические изыскания – позволит, как представляется, поставить под сомнение основательность мифологии о Радищеве. При этом исследовательская задача заключается не в том, чтобы подвергнуть знакомство декабристов с трудами Радищева полнейшему отрицанию, а в том, чтобы показать, что оно нередко было вынужденным, оставалось ограниченным и не обладало ключевой значимостью при формировании их убеждений. В статье будет показано, что на протяжении долгого времени строгий источниковедческий анализ радищевского наследия подменялся идеологической предвзятостью, вектор которой был задан ленинской публицистикой.

РАДИЩЕВ И СЛЕДСТВИЕ

Следственные дела декабристов служат уникальным источником, позволяющим обозначить реальный вклад произведений и воззрений Александра Радищева в их социально-политические установки. Работая с этими материалами, нужно иметь в виду, что прямой вопрос о знакомстве подсудимых с «Путешествием из Петербурга в Москву» не входил в стандартную анкету специальной следственной комиссии, а упоминания этой книги возникали лишь эпизодически и в специфических контекстах. Иначе говоря, многое из того, что было сказано о Радищеве на допросах, едва ли можно воспринимать буквально⁶.

В интересующем нас разрезе показательна стратегия, которую избрал Вильгельм Кюхельбекер. Отвечая на обязательный вопрос об истоках «свободного образа мыслей», он первоначально вообще предпочел не упоминать нелегальной литературы. Лишь позже, рассуждая о вреде «рукописной словесности», он обмолвился, что читал и радищевские сочинения, тут же, однако, поспешив минимизировать значение этого факта: по словам допрашиваемого, в «Путешествии из Петербурга в Москву» он «мало что понял»⁷. При этом Кюхельбекер сделал важное уточнение, заявив, что подобные сочинения «переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»⁸. Признание ценности запретного текста для декабристского круга, сопровождаемое одновременным публичным отмежеванием от него, с одной стороны, подтверж-

6 Далее будут использоваться материалы, собранные в: *Восстание декабристов: документы. Т. I–XXIII. М., 1925–2016*. Все тома этого собрания доступны в электронном виде: <http://decabristy-online.ru/doc/dela/>.

7 *Восстание декабристов... Т. II [1926]*. С. 167.

8 Там же.

дает само знакомство с радищевским произведением, а с другой стороны, позволяет предположить, что власти приписывали ему гораздо бóльшую важность, нежели сами мятежники.

Впрочем, иные участники движения высказывались по интересующему нас поводу более прямолинейно. Например, Владимир Штейнгель, представлявший самую старшую по возрасту когорту декабристов, назвал «Путешествие из Петербурга в Москву» в числе сочинений, способствовавших усвоению им «либеральных понятий»⁹. Аналогичным образом и Петр Бестужев сообщил следователям, что «свободные мысли зародились в нем вследствие чтения разных рукописей», в круг которых входило и радищевское «Путешествие»¹⁰. Важно, однако, что перечисленные признания остаются практически единичными: как показывает анализ следственных материалов, конкретные ответы, прямо указывающие на Радищева, в ходе допросов были редкостью.

Намеренно занижая вредоносность текста, но при этом не отрицая знакомства с ним, декабристы словно воспроизвели приемы самого Радищева, также побывавшего в царских застенках несколькими десятилетиями ранее. Как сообщает Гуковский, допрашиваемый екатерининскими следователями в 1790 году автор «Путешествия» избрал «сложную линию самозащиты»: «Он доказывал, что его книга – только обычное литературное произведение вроде Стерна или Рейналя, не более. Он топил свои показания в покаянных словах... Но отказать от главного он не хотел – и не сделал этого»¹¹. Иначе говоря, автор подрывного сочинения делает вид, будто не понимает, что именно он написал; точно так же и Кюхельбекер спустя годы пытается убедить розыск, будто прочитанное «неблагонадежное» произведение осталось за пределами его понимания. Декабристы уходят от пояснений не потому, что не желают открыть допрашивающим одного из потаенных источников своих политических воззрений, а скорее всего поскольку знают: официоз ненавидит этот труд, считает его опасным, а следовательно, лишние разговоры о нем могут усугубить их участь.

Советские исследователи между тем нарочито игнорировали указанное обстоятельство, усматривая в словах и мыслях подследственных то, чего те не говорили и не думали. Так, в комментариях к показаниям Александра Муравьева один из сотрудников Нечкиной пытается приписать этому декабристу «стиль Радищева» – исключительно на том основании, что в его показаниях единожды встречается якобы радищевский оборот

9 *Восстание декабристов...* Т. XIV [1976]. С. 176–177.

10 Там же. С. 326.

11 Гуковский Г.А. *Указ. соч.* С. 434–435.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

И ДЕКАБРИСТЫ

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

И ДЕКАБРИСТЫ

«вольно-дерзко-безумно-думство»¹². Однако подобная атрибуция, как справедливо отмечается историком Натальей Потаповой, «сомнительна с точки зрения аргументации»¹³ и свидетельствует лишь об одном: исследовательская установка на поиск предписанной авторитетным источником преемственности побуждает находить чаемые аллюзии даже там, где скорее всего речь идет о простом совпадении языковых оборотов.

Таким образом, из следственных материалов вырисовывается далеко не однозначная картина, которая резко контрастирует с безапелляционными утверждениями, присущими советской историографии. В то время как мы сегодня, опираясь на материалы дела, констатируем спорадичность и вынужденность упоминаний Радищева в показаниях арестованных, ученые, опиравшиеся на парадигму «революционной преемственности», представляли дело решительно по-другому. Так, Пугачев, следуя сложившемуся канону, писал о «могучем воздействии идей Радищева на несколько поколений русских революционеров»¹⁴. Но показания самих декабристов говорят не об уникально мощном, но, напротив, о весьма узком влиянии «Путешествия» на их мировоззрение. Знакомство большинства из них с опальным текстом предстает чисто случайным и поверхностным.

Данные следствия рисуют сложную картину. С одной стороны, они доказывают, что некоторые декабристы действительно читали радищевское «Путешествие», причем преимущественно в рукописных версиях. С другой стороны, упоминания об этом оказываются единичными, вынужденными, принижающими. Запрещенная книга входила в круг чтения будущих членов тайных обществ, но нет никаких оснований приписывать этому тексту ту влияние, которой наделяла его советская историческая наука. Вместе с тем, чтобы объективно оценить масштабы этого знакомства, необходимо обратиться к практикам нелегального распространения рукописных вариантов «Путешествия» среди образованных русских читателей.

РАДИЩЕВ И «САМИЗДАТ»

Основным каналом распространения идей Радищева в первой половине XIX века, особенно после едва ли не полного уничтожения тиража «Путешествия из Петербурга в Москву», стали скопированные с оригинала рукописные версии. Печатное издание 1790 года превратилось в библиографическую ред-

12 *Восстание декабристов...* Т. III [1927]. С. 409.

13 Электронное письмо автору. 28 октября 2025 года.

14 Пугачев В. В. *Указ. соч.* С. 3.

кость сразу после выхода в свет; по подсчетам исследователей, к настоящему времени в российских хранилищах имеются не более пятнадцати типографских экземпляров этой книги¹⁵. Однако, как отмечает Андрей Тартаковский, это компенсировалось широким нелегальным распространением произведения в нелегальных списках¹⁶, ставшем «весьма заметным явлением литературной жизни и общественной мысли»¹⁷. Широта этого коммуникационного канала впечатляет: к середине 1980-х удалось обнаружить около сотни рукописных копий книги¹⁸. Причем специалисты полагают, что речь идет лишь о верхушке айсберга, а общее количество списков, циркулировавших в России на рубеже XVIII–XIX веков, могло достигать трехсот¹⁹.

Любопытно также хронологическое распределение списков – по крайней мере тех из них, которые поддаются датировке. Оно свидетельствует о том, что пик интереса к радищевскому творчеству приходится именно на «пушкинскую эпоху»: 1790-е – 21 список (23%); 1800–1825 – 54 списка (59%); 1826–1840-е – 9 списков (10%); вторая половина XIX века – 7 списков (8%)²⁰. Вместе с тем было бы недопустимым упрощением заявлять, что отмечаемый интерес обусловлен сугубо революционными настроениями. Как показывает в своем исследовании Тартаковский, в 1830-х в глазах Пушкина и его современников фигура Радищева, как и главный его труд, встраивались в более широкий контекст исторического осмысления екатерининской эпохи, крестьянского вопроса и трагической судьбы писателя в самодержавном государстве²¹.

«Путешествие» привлекало читателей не только в качестве политического памфлета, но и как уникальный исторический источник, запечатлевший язык русского общества конца XVIII столетия. Важно также отметить, что интерес к этому произведению в первой трети XIX века далеко не всегда мотивировался протестными настроениями: как указывал Гуковский, книга Радищева считалась «незаурядным художественным произведением», а не просто «политическим трактатом, лишь условно оформленным беллетристически»²². Ее ценность для читателей пушкинской поры могла заключаться не только в «дерзких словцах», но и в новаторском языке, острой

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

15 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. А.С. Пушкин и А.Н. Радищев: Заметки источниковеда // Отечественная история. 1999. № 1. С. 64–90.

16 В историко-литературном контексте «списками» называют рукописные копии произведений, распространенных в XVII–XIX веках в обход цензуры. – *Примеч. ред.*

17 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 1.

18 Подробнее об этом см.: РАДИЩЕВ А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992. С. 475, 478.

19 Там же С. 479.

20 Там же С. 478.

21 ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 2. С. 144–148.

22 ГУКОВСКИЙ Г.А. Указ. соч. С. 456.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

И ДЕКАБРИСТЫ

публицистичности, смешении жанров и, наконец, в уникальном историческом свидетельствовании о недавно ушедших екатерининских временах. Следовательно, сам по себе факт наличия списка в чьей-то личной библиотеке, как и его прочтение в университетском или гимназическом кружке, еще не означал автоматического принятия радищевской политической программы. Для многих современников «Путешествие» выступало важным, но устаревающим элементом складывавшейся в то время традиции русской интеллектуальной прозы, художественные особенности которой – например, проявления сентиментализма или интерес к фольклору, подмечаемые Гуковским, – оказывались не менее значимыми, чем прямые революционные призывы.

Важным, хотя и неоднозначным свидетельством знакомства с наследием Радищева в среде будущих декабристов служит наличие его работ в личных библиотеках. Известно, например, что в библиотеке Никиты Муравьева имелось собрание сочинений Радищева, изданное в 1807–1811 годах²³. Однако, как пишет историк Николай Дружинин, это мало о чем говорит:

«М.Н. Муравьев, вероятно, с сочувствием и интересом следил за выходящими книжками либерального “Санкт-Петербургского журнала”, но он гораздо ближе примыкал не к радикальным писателям А.Н. Радищеву и И.П. Пнину, а к сентиментальным романтикам Н.М. Карамзину и В.А. Жуковскому»²⁴.

Такой подход позволяет скорректировать упрощенные представления о прямой преемственности между радикальной мыслью XVIII века и программами тайных обществ. Ценными источниками, раскрывающими конкретные читательские аудитории и контексты восприятия «Путешествия», остаются также дневники и мемуары современников. Так, Михаил Погodin, будучи студентом Московского университета, записал в дневнике 15 октября 1820 года: «Есть книга “Путешествие из Петербурга в Москву”, [...] сочиненная покойным Радищевым. В ней описывается много касающегося до Екатерины»²⁵. Эта запись, сделанная членом кружка, где в числе прочих состоял и Федор Тютчев, позволяет предположить, что книга Радищева оставалась предметом обсуждения в университетской среде. Другой пример того же рода – дневник гимназиста Федора Чижова, в котором 1 марта 1828 года автор сделал следующую запись: «В греческом классе читал “Путешествие из Петербурга в Москву”. [...] Оно не находится в печати, но в рукописях, и я его достал у Текменева». 10 марта он добавляет, что в ради-

23 Дружинин Н.М. *Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в.* М.: Наука, 1985. С. 252.

24 Там же. С. 50–51.

25 Цит. по: ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. *Указ. соч.* // Отечественная история. 1999. № 1. С. 73.

щевской книге «нашел очень хорошее определение гражданина»²⁶. Примечательно, что тот же Чижов одновременно переписывал для себя и поэму Кондратия Рылеева «Войнаровский», в которой была представлена картина всестороннего усвоения оппозиционных идей молодым поколением.

Особый интерес представляет вопрос о том, как относился к радищевской книге Пушкин. Судя по одной из строк «Послания к цензору» (1822) – «Радищев, рабства враг, цензуры избежал», – поэт был знаком с «Путешествием» уже в начале 1820-х. Кроме того, известно, что в его личной библиотеке хранился раритетный экземпляр уничтоженного тиража 1790 года «в красном сафьяновом с золотым тиснением переплете» и с владельческой пометой: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей. А. Пушкин»²⁷. Интерес Пушкина к Радищеву в 1830-х, как показывает Тартаковский, был многогранным: он отнюдь не ограничивался лишь «пугачевской темой», как полагали некоторые²⁸, а оставался частью его фундаментального замысла написать историю России XVIII века, включая царствование Екатерины II²⁹. Именно в этом контексте Пушкин обращался к дневнику Александра Храповицкого – статс-секретаря Екатерины II, – содержащему записи о реакции императрицы на книгу Радищева, и встречался с писателем Сергеем Глинкой, чьи записки содержали уникальные сведения о роли придворных группировок в судьбе гонимого писателя³⁰.

И все-таки, несмотря на широкое хождение списков и наличие обсуждаемого сочинения в библиотеках некоторых деятелей тайных обществ, прямых доказательств того, что «Путешествие» служило для декабристов чем-то вроде настольной книги, напрямую формирующей их политическую программу, по-прежнему не обнаружено. Как показывает тематический анализ литературы, интерес к Радищеву в первой трети XIX века носил сложный и переменчивый характер. Если в 1810–1820-х его фигура и труды могли восприниматься как символы свободной мысли, то к 1830-м, как показывает пушкинский опыт, они уже казались пусть и важной, но во многом устаревшей частью русской традиции вольнодумства, постулаты которой в новом

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

26 Там же. С. 74.

27 Модзалевский Б.Л. *Библиотека Александра Сергеевича Пушкина: Библиографическое описание*. СПб.: Императорская Академия наук, 1910. С. XVII.

28 См., например, мнение Юлиана Оксмана: ОКСМАН Ю.Г. *Пушкин в работе над «Историей Пугачева»* // Пушкин А.С. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962. Т. 7. С. 443–476.

29 Тартаковский А.Г. *Указ. соч.* // Отечественная история. 1999. № 2. С. 144–146.

30 См.: Храповицкий А.В. *Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова*. СПб.: А.Ф. Базунов, 1874; Глинка С.Н. *Записки* // Русская старина. 1895. № 6. С. 203–206.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

И ДЕКАБРИСТЫ

историческом контексте требовали критического отношения и больше не воспринимались в качестве прямого руководства к действию. Резкая, но во многом справедливая критика «Путешествия», которая представлена в статье Пушкина «Александр Радищев», написанной в 1836 году – за «варварский слог», «преувеличенность и пошлость», «пылкое злоречие», – служит красноречивым тому подтверждением. «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве», – сурово подытоживает автор³¹.

РАДИЩЕВ И ПРЕЕМНИКИ

Формирование образа Радищева как идейного предтечи революционного движения в России прошло через несколько этапов, каждый из которых отражал идеологический запрос своего времени. Если в первой половине XIX века его имя ассоциировалось преимущественно с распространением вольномыслия и критикой крепостничества, то к концу столетия, а особенно после 1917 года, Радищев был канонизирован как «первый пророк революции», чьи идеи якобы прокладывали путь большевикам. До их выхода на сцену интерес к Радищеву как к фигуре, стоявшей у истоков русской революционной традиции, активно демонстрировали в своих трудах народники. В 1909-м Василий Семевский в работе «Политические и общественные идеи декабристов» возвел генеалогию отечественной революционной мысли к Радищеву и конституционным проектам рубежа XVIII–XIX веков, а в 1911-м Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли» объединил в общий и связанный ряд Николая Новикова, Александра Радищева и декабристов, создав тем самым непрерывную цепь «борцов за свободу»³². Однако ключевой точкой, предопределившей дальнейшую судьбу образа Радищева в советской историографии, стала, как уже отмечалось выше, ленинская статья 1914 года «О национальной гордости великороссов». Ленин включил Радищева в пантеон «революционных предшественников» большевизма наряду с декабристами и разночинцами.

Хотя определенная, пусть и локальная преемственность между Радищевым и последующим революционным движением

31 Пушкин А.С. *Александр Радищев* // Он же. *Полное собрание сочинений: В 16 т.* М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1959. Т. 12 («Критика. Автобиография»). С. 36.

32 Семевский В. *Политические и общественные идеи декабристов.* СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909. С. 694; Иванов-Разумник Р.В. *История русской общественной мысли.* СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. С. 31–32, 55–56, 62–66.

действительно существовала, ее масштабы и природа все-таки не соответствуют советскому мифу. Гуковский, ссылаясь на исследования Владимира Семенникова, отмечал, что после возвращения Радищева из ссылки вокруг него сплотилась группа петербургских молодых людей, в которую, в частности, входили Иван Пнин, Василий Попугаев, Иван Борн. «Вольное общество любителей словесности» в первые годы своего существования было, по выражению советского литературоведа, «гнездом “радищевцев”»³³. Однако радищевское влияние оказалось кратковременным; кроме того, оно было ограничено крайне узким кругом начинающих литераторов. К моменту формирования декабристских тайных обществ в 1816–1818 годах эта непосредственная связь уже оборвалась. Таким образом, следует говорить не о прямой идейной преемственности, а о сложном, опосредованном и слабом влиянии, осуществлявшемся через культурную память и чтение запретного текста.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

Хотя определенная, пусть и локальная преемственность между Радищевым и последующим революционным движением действительно существовала, ее масштабы и природа все-таки не соответствуют советскому мифу.)

После октябрьской революции новые власти развернули широкую кампанию монументальной пропаганды, в рамках которой Радищеву отводилось особое место. Уже в 1918 году в Петрограде был установлен временный бюст Радищева работы скульптора Леонида Шервуда. На его открытии Анатолий Луначарский произнес речь, в которой назвал Радищева «первым пророком и мучеником революции», подчеркнув прогрессивность его разрыва с классом помещиков и сплочения с народом³⁴. Как видно из переписки Луначарского с Лениным, последний был крайне недоволен медленными темпами установки памятников и в телеграмме от 18 сентября 1918 года потребовал наказать ответственных за саботаж в этой сфере, упомянув в указанной связи исчезновение радищевского бюста³⁵. Символизм фигуры Радищева для выстраиваемого большевиками нарратива выглядит несомненным.

33 Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 467–468.

34 Луначарский А.В. Александр Николаевич Радищев – первый пророк и мученик революции. Речь на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 года. Пг.: Издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918.

35 Ленин В.И. Телеграмма А.В. Луначарскому и Н.М. Покровскому от 18 сентября 1918 года // Он же. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 50. С. 182.

ДАНИЛА КРАСНОВ

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ:
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ
И ДЕКАБРИСТЫ

В 1920-е, в период становления советской исторической науки, гипотетическая связь Радищева с декабристами стала темой бурной дискуссии. С одной стороны, исследователи, поддерживавшие Нечкину, настаивали на прямой преемственности между ними, видя в авторе «Путешествия» идейного вдохновителя тайных обществ. С другой стороны, сторонники Дружинина указывали на шаткую документальную базу этого тезиса. Это противостояние сохранялось и в последующие десятилетия, хотя симпатии официоза в этом отношении оставались вполне недвусмысленными.

* * *

Представленный выше очерк позволяет утверждать, что устоявшийся в советской историографии тезис о прямой идейной преемственности между Александром Радищевым и движением декабристов по большей части представляет собой целенаправленно сконструированный миф. Материалы следственных дел рисуют картину не всеобщего и глубокого влияния радищевских текстов на участников восстания, но ограниченного и зачастую случайного знакомства с ними. Изучение рукописного распространения «Путешествия из Петербурга в Москву», при всей внушительности последнего, показывает, что в первой трети XIX века интерес к тексту далеко не всегда был чисто политическим. Наконец, сам генезис мифа о Радищеве выявляет его идеологическую заданность, берущую начало в ленинской схеме «революционных предшественников» и позже канонизированную марксистско-ленинской историографией. Наследие Радищева вопреки настояниям большевиков не служило для декабристов прямым программным руководством или значимым источником вдохновения. Его роль была иной: текст и трагическая судьба его автора составили заметный, но при этом архаичный и опосредованный элемент оформлявшейся культуры русского вольномыслия, атрибут культурной памяти, а не политической преемственности.

19 мая 2025 года в рамках самого престижно-го в России профессионального конгресса юристов – XIII Петербургского международного юридического форума – прошла сессия «Правовые идеи декабристов: pro et contra. Уроки истории»¹. Это мероприятие стало знаковым не только за счет принявших в нем участие высокопоставленных лиц², но и благодаря практически единогласной негативной оценке дискуссантами восстания 14 (26) декабря 1825 года. На прозвучавший из зала вопрос, почему, несмотря на обозначенную в названии сессии коллизию «за и против», никто из участников ни словом не поддержал позицию «за», последовал вполне ожидаемый, как представляется, ответ. По словам министра юстиции Российской Федерации Константина Чуйченко, с учетом *нового осмысления*, предложенного участниками мероприятия, едва ли можно было рассчитывать, что среди них найдутся сторонники декабристов. «Мы заранее так *сформатировали*, что у нас не будет состязательности и разделения на две команды», – добавил чиновник. Еще более радикальную позицию заявил модератор сессии Михаил Швыдкой, который – не больше и не меньше – противопоставил взгляды декабристов христианскому вероучению: «Христос проповедовал любовь, тогда как декабристы проповедовали смерть».

Будучи ученым-правоведом, автор этих строк не может не вступить в полемику с титулованными коллегами-юристами, нарочито выносящими событию двухсотлетней давности не правовую, а политическую оценку, замаскированную при этом под этическую. Пользуясь недавним юбилеем знаменательного восстания, в настоящей работе я намереваюсь предложить собственный критический взгляд на это важное историческое явление.

ВОССТАНИЕ КАК МЕМ

Порой бывает так, что под нарастающей толщею культурных и идейных смыслов, бесперерывно рождаемых общественной

- 1 См. основные тезисы выступавших: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovye-idei-dekabristov-pro-et-contra-uroki-istorii/>.
- 2 В качестве спикеров в сессии приняли участие министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко, ректор Российского государственного гуманитарного университета Андрей Логинов, заместитель

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

жизнью, отдельные исторические события как будто утрачивают автономное значение, преобразуясь в часть общего повествования, которая интерпретируется в интересах тех или иных социально-политических групп. К числу подобных исторических событий можно отнести и восстание декабристов – уникальный феномен отечественной истории, который, начиная с очевидцев и современников и заканчивая нынешними публичными (и непубличными) лицами, зачастую воспринимают как образ, мем, поп-культурный нарратив. Сложность и многоаспектность этого события с легкостью позволяют трактовать его в угоду текущей политической повестке на протяжении вот уже двухсот лет, причем в ходе подобных процедур зачастую игнорируются не только контекстуальные рамки декабрьских событий 1825 года, но и их критическое осмысление в последующие эпохи.

В силу сказанного разносторонний критический анализ упомянутого культурного нарратива имеет, по-видимому, не меньшее значение, чем изучение самого восстания как исторического события. При этом потенциальная деконструкция непременно должна быть контекстуальной: то есть восстание декабристов необходимо рассматривать в качестве такого феномена отечественной политической культуры, отношение к которому исторически диктовалось не столько объективной научной оценкой произошедшего, сколько сиюминутными политическими резонами. Таким образом, декабристский мем стоило бы проанализировать в качестве продукта субъективных установок очевидцев восстания, более поздних российских и советских авторов, а также постсоветских общественных деятелей. Лишь после этого можно будет обратиться к теории и практике самого декабризма и постараться выяснить, имеет ли его интеллектуальное наследие какое-либо значение для современной России – с учетом рассмотренных ранее культурных наслоений.

Утрата восстанием декабристов статуса самостоятельного исторического события и его превращение в составляющую нашей политической поп-культуры можно объяснить несколькими объективными обстоятельствами. Во-первых, в европейской интеллектуальной традиции, к которой с незначительными оговорками принадлежала и императорская Россия, на рубеже XVIII–XIX веков вызрел романтизм с присущим ему акцентированием индивидуалистических ценностей³. Во-вторых,

директора по международному сотрудничеству Института государства и права РАН Александр Звягинцев, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Елена Тимошина. Модератором выступил специальный представитель Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой.

3 РАССЕЛ Б. *История западной философии* [1948]. М.: Миф, 1993. С. 9–10.

последователи этого культурного тренда, возглавившие позже восстание, не обсуждали свои идеи публично, ограничиваясь вместо полноценной политической дискуссии лишь кулуарными разговорами. Дошедшие до нас первоисточники – программные документы тайных обществ (конституция Никиты Муравьева, «Русская правда» Павла Пестеля) – не раскрывают всех аспектов деятельности движений, из-за чего последние мифологизируются. Наконец, в-третьих, царский престол всячески старался не только замолчать само восстание и последующее судилище, но и игнорировать их общественное обсуждение. Во многом именно поэтому даже творчество Александра Пушкина – современника восстания и близкого друга многих его участников – в указанном отношении по сей день остается предметом весьма противоречивых трактовок⁴.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Восстание декабристов необходимо рассматривать в качестве такого феномена отечественной политической культуры, отношение к которому исторически диктовалось не столько объективной научной оценкой произошедшего, сколько сиюминутными политическими резонами.

Первое официальное русскоязычное издание, посвященное восстанию декабристов, было подготовлено бароном Модестом Корфом на основе его конспектов, написанных для обучения одного из членов царской фамилии. На конспекты обратил внимание цесаревич Александр (будущий Александр II), по инициативе которого этот труд был упорядочен и опубликован с его собственными правками. Издание состоялось в 1848 году; миниатюрный тираж в 25 экземпляров предназначался исключительно для членов царской фамилии⁵. Примечательно, что эта книга «для внутреннего пользования» вышла в свет именно тогда, когда в трудах зарубежных историков впервые начали появляться оценки провалившегося восстания⁶ – события, о котором подрастающее поколение Романовых не имело

- 4 См.: Есипов В.М. *Мифы и реалии пушкиноведения: избранные работы*. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–154.
- 5 Корф М.А. *Историческое описание 14-го декабря 1825-го года и предшедших ему событий*. СПб.: Типография Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1848. Важным и далеко не случайным фактом представляется то, что книга была издана одновременно с началом революционных событий в Европе.
- 6 Там же. С. II–III. Кроме того, в 1840 году был опубликован роман Александра Дюма «Учитель фехтования», главный герой которого становится свидетелем ссылки в Сибирь своих бывших подопечных. Роман был запрещен цензурой, но все равно пользовался популярностью, в том числе и среди членов императорской фамилии, а также высшего дворянства.

сколько-нибудь цельного представления. Работа, предназначенная для августейших читателей, опиралась на ограниченный круг источников: их составили официальные документы по делу декабристов, а также воспоминания преданных Николаю I очевидцев восстания. Таким образом, члены правящей фамилии впервые узнавали о событиях 14 декабря из книги, целью которой было информирование о кулуарных особенностях престолонаследия в 1825 году и конструирование «единственно верного взгляда» на восставших как на «горсть молодых безумцев, не знакомых ни с потребностями Империи, ни с духом народа»⁷. Иначе говоря, не располагая иными источниками, царская семья формировала собственное мнение по принципиальному историко-политическому вопросу под воздействием конъюнктурного нарратива, отличавшегося неполнотой и находящегося в процессе складывания⁸.

После того, как под влиянием западной историографии и беллетристики стали предприниматься первые отечественные попытки публицистического осмысления восстания⁹, власть столкнулась с необходимостью озвучить официальную оценку произошедшего публично. Поэтому после смерти Николая I по инициативе восшедшего на престол Александра II и в относительно короткий срок было опубликовано исправленное и дополненное третье (и первое, предназначенное для публики) издание труда Корфа¹⁰. Однако тенденциозность предложенного общественности официального нарратива незамедлительно вызвала волну эмоциональной, причем не менее тенденциозной, реакции. Именно в таком контексте исповедовавший на тот момент умеренно-либеральные взгляды Александр Герцен написал молодому императору письмо, в котором раскритиковал труд Корфа¹¹. Поначалу целью Герцена была именно деконструкция официозного нарратива:

«Неужели с лишком через тридцать лет – об этом событии, о людях, участвовавших в нем, можно еще отзываться с теми же по-

7 Там же. С. 61.

8 Перед широкой публикацией труд Корфа в 1854 году пережил второе издание, которое было подготовлено с учетом замечаний, сделанных некоторыми членами императорской семьи.

9 В частности, таким произведением является опубликованная в 1847 году книга участника тайных обществ и друга декабристов Николая Тургенева, покинувшего Россию за год до восстания (ТУРГЕНЕВ Н. И. *Россия и русские* [1847]. М.: ОГИ, 2001). В одном из своих сочинений Герцен, уже после эмиграции в Европу, обращается к опыту восстания декабристов, отчасти продолжая мысли Тургенева, отчасти полемизируя с ними (ГЕРЦЕН А. И. *О развитии революционных идей в России* [1851] // Он же. *Собрание сочинений: В 30 т.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1966. Т. 7. С. 193–210). Однако в этой работе он не рассматривает декабристов как отдельное и самостоятельное явление, а помещает их в общую канву становления оппозиционных сил в России, называя «первой поистине революционной оппозицией», обладавшей таким уровнем развития, который мешал «мириться с провизорными условиями царского строя» (Там же. С. 196).

10 Корф М. А. *Восшествие на престол императора Николая I*. СПб.: Типография Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1857.

11 ГЕРЦЕН А. И. *Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)* [1857] // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 13. С. 35–46.

шлыми ругательствами, с которыми выражались жалкие старики, поседелые в низкопоклонстве и интригах, созданные в какой-то импровизированный суд для осуждения их? Вместо брани не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслью и постараться понять их смысл?»¹²

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Альтернативу «татарскому раболепию» придворного хрониста, предложенную Герценом, можно считать примером изобретения нового публичного дискурса¹³. Письмо Герцена императору тайно распространилось по России и получило широкую поддержку среди как интеллектуалов, так и бывших декабристов; однако адресат письма не только не ответил на него, но и запретил барону Корфу обнародовать свои возражения на инвективы Герцена¹⁴.

Возможно, самодержец намеревался провести необходимые и требуемые либеральные реформы поэтапно, не предавая их разработку широкой огласке и тем самым не ставя собственную власть в зависимость от внешних обстоятельств, к числу которых относилась и публичная критика со стороны эмигрантов-оппозиционеров. Однако Герцен, не знакомый с соответствующими соображениями монарха – ввиду пресловутого отсутствия публичного дискурса и публичной политики, – продолжал печатать труды, посвященные декабристам, тональность которых делалась все более жесткой по отношению уже к самому царствующему императору¹⁵. «Прося и желая» отклика барона Корфа на свои работы о декабристах¹⁶, Герцен, сам того не заметив, начал формировать собственный нарратив восстания 1825 года, идеализируя и героизируя его участников¹⁷. И далее, следуя инерции, задаваемой появляющимся из-под его пера нарративом, он атаковал уже и либеральные

12 Там же. С. 35.

13 «Но зачем же переделявать насилеи, делать заговоры, тайные общества, бунтовать на площади?». Лучшее собираться явно и действовать убеждением; об этом и сомнения быть не может. Но беда в том, что в нашем отеческом управлении человек не имеет ни права созвать без карт и вина других людей, ни права вольной речи, цензура убивает слово перед его рождением, а если оно иной раз прорвется, – секретное предписание, жандарм, курьерская тройка и поминай как звали. Представьте себе самого Иисуса Христа, который бы стал проповедовать где-нибудь на Адмиралтейской площади или в Летнем саду, – тут и до Иуды не дошло бы дело, первый квартальный свел бы его в III отделение, а оттуда отдали бы его в солдаты или еще хуже – послали бы его в Соловецкий монастырь» (Там же. С. 40). Примечательно использование в аргументации Герцена христианских мотивов, которые, как отмечалось выше, могут наделяться диаметрально противоположными смыслами.

14 Там же. С. 504–505.

15 Так, в 1858 году Герцен публикует сборник документов о восстании декабристов, которыми он располагал, сопровождая его критическим разбором не только книги Корфа, но и умонастроений императора, поощрявшего публикации подобного рода: 14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды» по поводу книги Барона Корфа. Лондон: Trübner & Co., 1858; см. также пояснительную работу к этому сборнику: ГЕРЦЕН И.А. *Русский заговор [1857]* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 13. С. 128–145.

16 Там же. С. 268.

17 Немалую роль в процессе героизации декабристов сыграли и русские классики: Николай Некрасов («Русские женщины»), Лев Толстой («Война и мир», «Декабристы») и другие.

реформы Александра II. Точно так же и Николай Огарев – ближайший соратник Герцена по «Колоколу» и «Полярной звезде», – который тоже возлагал большие надежды на роль венценосца в деле освобождения крестьян¹⁸, в своем критическом очерке, посвященном крестьянской реформе, разочаровано и неоднократно констатирует: «народ царем обманут»¹⁹. При этом, впрочем, в литературе сохранялось и другое, умеренное, видение, сторонники которого вслед за Тургеневым пытались осмыслить восстание 14 декабря в контексте эпохи и взаимного органического влияния популярных идей и тайных обществ 1820-х²⁰.

Такая радикализация дискурса о декабристах, изначально основанная на поощряемой официозом недосказанности, привела к формированию трех разнонаправленных тенденций²¹. Во-первых, были открыты пути для «хождения в народ» – именно к нему стали призывать Герцен и его сподвижники – и, соответственно, для формирования и развития движения народников, а затем и народовольцев, политических террористов, увидевших в терроре альтернативу неэффективному (как им представлялось) народническому порыву. Именно это имел в виду Владимир Ленин, когда, прослеживая идейную преемственность оппозиции самодержавию начиная с декабристов – через Герцена – и до большевиков, писал, что «восстание декабристов разбудило и “очистило”» Герцена²². Во-вторых, резкие нападки на текущий умеренно-либеральный курс правительства спровоцировали еще более радикальную консервативную реакцию. В частности, Константин Леонтьев, систематически полемизировавший с Герценом, сформулирует по итогам либеральных реформ хрестоматийное «надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”»²³. Именно эту идеологическую установку после воцарения Александра III попытался воплотить в жизнь один из лидеров российского консерватизма и крупнейший государственный деятель своего времени Кон-

18 Герцен И.А. *Освобождение крестьян [1861]* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 15. С. 249–253.

19 ОГАРЕВ Н.П. *Разбор нового крепостного права*. Лондон: Trübner & Co., 1861.

20 См., например: ПЫПИН А.Н. *Общественное движение в России при Александре I [1885]*. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900.

21 Современная российская историография, занимаясь анализом «декабристского мифа», продолжает сложившуюся в советское время традицию выделения трех декабристских дискурсов: официально-охранительного, либерального и революционного (героико-романтического). Ср.: НЕЧКИНА М.В. *Движение декабристов: В 2 т.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 6–13; ЛЕОНТЬЕВА О.Б. *Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XX веков* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 56–62.

22 Ленин В.И. *Памяти Герцена [1912]* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 21. С. 256.

23 ЛЕОНТЬЕВ К.Н. *Восток, Россия и славянство [1880]* // Он же. *Собрание сочинений*. СПб.: Деятель, 1913. Т. 7. С. 124.

стантин Победоносцев. Наконец, в-третьих, оформился менее эмоциональный – и потому, кстати, менее популярный – подход к дальнейшему исследованию и осмыслению декабристского движения, видевший в нем пусть и предельную, но вполне органическую часть российской политической истории.

Серьезная проблема, как представляется, состояла в том, что последний, либеральный, подход, пусть даже и опиравшийся на выраженный социальный запрос, не получил должного развития и не предложил ожидавшихся от него ответов. Именно на фоне его бессилия укрепились политизированные нарративы, призванные компенсировать отдельным группам отсутствие в России публичной политики. В итоге к тому моменту, когда публичный дискурс начал складываться более или менее основательно, когда появилась возможность отреагировать на накопившиеся социальные вопросы в рамках умеренного «среднего» пути, самым простым решением оказалось следование одному из уже утвердившихся искажающих нарративов. Это превратило упомянутые установки в составную часть партикулярной политической поп-культуры, причем произошло это в ущерб компромиссному варианту.

Под влиянием революционных настроений начала XX века и обусловленного ими расшатывания охранительных начал новую силу обрел не только радикальный революционный, но и умеренно-либеральный подход. Первая русская революция 1905–1907 годов пробудила в отечественной публике интерес не только к текущей политической жизни, но и к истории российской политической мысли, породив невиданный спрос на декабристов. Так, впервые широкий круг читателей получил доступ к оригинальным документам участников восстания: сначала были опубликованы программные проекты вождей движения, затем появилась и анализирувавшая их научная литература²⁴. Во многом воспроизводя подход раннего Герцена, но с опорой на гораздо более широкий круг источников, ее авторы осторожно утверждали:

«Движение не было случайной вспышкой либерализма. Оно опиралось на глубокое негодование мыслящей части русского общества и выступало в целях освобождения всех классов народа от тяжело рабства. Декабристы весьма серьезно отнеслись к предстоящей

24 См., в частности: Якушкин В.Е. *Государственная власть и проекты государственной реформы в России. С приложением проекта конституции Никиты Муравьева*. СПб.: Типография Альтшулера, 1906; Пестель П.И. *Русская правда. Наказ Временному Верховному Правлению*. СПб.: Книгоиздательство «Культура», 1906; *Записки князя С.П. Трубецкого. Издание его дочерей*. СПб., 1906; Головачев П.М. *Декабристы: 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени*. М.: Издание М.М. Зензинова, 1906; *Декабристы. Материалы для характеристики* / Под ред. П.М. Головачева. М.: Издание М.М. Зензинова, 1907; Довнар-Запольский М.В. *Идеалы декабристов*. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1907; Семевский В.И. *Политические и общественные идеи декабристов*. СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909.

им задаче. Они внимательно изучали современное им положение России и стремились выяснить, при какой форме правления русское государство может достигнуть наивысшего процветания»²⁵.

От Корфа к Корфу

После 1917 года корфовский охранительный нарратив был изгнан из общественного дискурса. Советская власть в поисках дополнительных источников легитимации воспевала декабристов как народных героев, первых борцов с самодержавием, о большевистском тяготении к которым еще до революции писал Ленин²⁶. С одной стороны, новый режим внес неопределимый вклад в изучение феномена декабризма: в частности, к столетнему юбилею восстания в 1925 году впервые началась публикация следственных материалов по делу восставших²⁷. С другой стороны, советская власть принялась эксплуатировать образ героических борцов за свободу в своих политических интересах. При этом стирание ранее господствовавшего нарратива сопровождалось насаждением иного, столь же предвзятого – зачастую посредством умаления и дискредитации ранее написанных научных трудов. Например, такой подход к делу демонстрировал ответственный редактор серии «Восстание декабристов», историк Михаил Покровский:

«Большие труды – в их ряду на первом месте приходится поставить книгу покойного В.И. Семевского, – помимо того, что написаны очень “ученым” стилем, с ученым аппаратом цитат, ссылок и тому подобным, написаны к тому же и не марксистами, то есть методологически научными не являются»²⁸.

Стремление к популяризации декабристов находило отражение не только в научно-публицистической литературе, но и в советском кинематографе, который быстро стал важнейшим инструментом пропаганды. Так, приуроченный к столетнему юбилею восстания и появившийся на экранах в 1926 году

25 Довнар-Запольский М.В. *Указ. соч.* С. III. Далее закономерно следовала мысль, что «тот режим, против которого подняли знамя борьбы декабристы, – тот самый, с которым борется наше поколение» (Там же).

26 Ленин В.И. *Указ. соч.* С. 255–262.

27 Речь идет о серии «Восстание декабристов» (<http://decabristy-online.ru/doc/dela/?page=1>). Ее первый том вышел в 1925 году, а последний, 23-й, в 2016-м, что делает указанную серию одним из самых продолжительных научных проектов в нашей истории. Менее масштабной, но столь же значимой работой стало издание воспоминаний некоторых участников декабристского движения: *Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: В 2 т.* / Под общ. ред. Ю.Г. Оксмана, С.Н. Чернова. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931; 1933.

28 Покровский М.Н. *Декабристы. Сборник статей.* М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 3. При этом, однако, автор, используя марксистскую методологию как единственно «верную» и «научную», рассматривал восстание декабристов как самостоятельное явление и отказывался проводить прямые параллели между участниками тайных обществ и большевиками.

фильм «Декабристы» стал первой попыткой перенести радикальный нарратив Герцена вкупе с романтическим нарративом Некрасова на большой экран. Но, судя по отзывам кинокритиков, органично переплести эти разнонаправленные идеи между собой режиссеру Александру Ивановскому не удалось: повествовательная линия в фильме кажется несбалансированной и разорванной²⁹. Впрочем, работа над ошибками была проделана довольно быстро – в 1927 году в прокат вышел авангардистский фильм «С.В.Д.» режиссеров Григория Козинцева и Леонида Трауберга, покоривший сердца зрителей и кинокритиков не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Вместе с тем после столетнего юбилея отношение к декабристам во властных кругах коммунистической страны вновь начало меняться. Укрепление партийного аппарата и связанное с этим складывание культа личности исключали широкие научные дискуссии по общественно-политическим вопросам. К тому же на декабристское движение незадолго до своей эмиграции в публичных речах ссылался Лев Троцкий, которого вскоре подвергли «отмене» – как и самих декабристов. Их осторожное «возвращение» в советскую научную дискуссию началось только во второй половине 1930-х, а еще острее оно стало после Великой Отечественной войны³⁰. Здесь следует особо отметить труды Милицы Нечкиной (ученицы Покровского), которые окончательно утвердили в советской науке постулат о преемнической связи декабристов и большевиков, сформировав новую официозную парадигму – опять под влиянием поп-культурного нарратива³¹.

Именно в таком контексте усилиями Министерства культуры СССР к очередному, на этот раз 150-летнему, юбилею восстания в 1975 году на экраны был выпущен фильм «Звезда пленительного счастья» режиссера Владимира Мотыля. Эту картину, ставшую культовой, в определенном смысле можно было считать ремейком «Декабристов» (1926), однако она более гармонично сочетала в себе элементы политической драмы и личной трагедии (хотя, по мнению автора этих строк, и в этом случае повествование не отличается достаточной целостностью). Одновременно в предложенном создателями фильма весьма карикатурном изображении царя и его приближенных пронизательные зрители могли усмотреть отсылки к реалиям эпохи застоя, что добавляло фильму популярности. Это обстоятельство соотносило «Звезду пленительного счастья» с еще одним трендом:

29 Блейман М. «Декабристы» // Он же. *О кино – свидетельские показания*. М.: Искусство, 1973. С. 77–78.

30 См.: Булдакова Д. И. *Декабристы в общественно-политическом дискурсе СССР середины XX в.* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 77–78.

31 См.: Нечкина М. В. *А. С. Грибоедов и декабристы*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951; Она же. *Движение декабристов...*

несмотря на множество официозных мероприятий, приуроченных к юбилею, одновременно множились альтернативные интерпретации декабристского движения, сближавшие его с диссидентским движением³². В целом же отсутствие общественных установок, формируемых публичной политикой, в очередной раз заменялось суррогатом – нарративом поп-культуры, который на этот раз использовался одновременно и государством, и скрытой оппозицией. Фактически, он распался на две части, и во многом именно поэтому к завершению застоя и началу перестройки интерес к декабристской теме в интеллектуальной среде оказался крайне высоким³³.

Постсоветскому этапу декабристского дискурса присущ ряд важных тенденций. С одной стороны, упразднение цензуры, прежде ограничивавшей постановку исследовательских задач и снижавшей степень объективности исторических изысканий, открыло дорогу для публикации оригинальных исследовательских трудов³⁴. Но, с другой стороны, до объективной оценки событий 1825 года дело вновь не дошло. Под предлогом отбрасывания идеологизированной советской науки постсоветская Россия в очередной раз сменила поп-культурный нарратив: властями был взят на вооружение ушедший, как могло показаться, навсегда охранительный подход барона Корфа, который в официальных дискурсивных практиках вытеснил былую революционную героину. Теперь даже умеренные диссидентские трактовки начали подвергаться последовательной и напоистой маргинализации, что влияло не только на восприятие феномена декабристов массовым сознанием, но и на тональность научных исследований.

Обозначенный перекокс оформился после событий зимы 2011–2012 года с ее массовыми протестными выступлениями, под влиянием которых «Первый канал» решил изготовить «правдивый фильм» о декабристах. Картина «Союз спасения» режиссера Андрея Кравчука, ставшая одной из самых дорогих в истории отечественного кинематографа, снималась на протяжении нескольких лет и вышла в 2019 году. Фильм, с одной стороны, представлял невиданные ранее визуальный ряд и сценический масштаб, но, с другой стороны, в сюжетном плане оказался приспособленным к современным реалиям экранизацией пресловутого труда Корфа. Неудивительно, что картина, создатели

32 Булдакова Д.И. *Указ соч.* С. 79–85.

33 См., например: *Мемуары декабристов. Северное общество* / Под общ. ред. В.А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1981; Нечкина М.В. *Декабристы*. М.: Наука, 1982; *Мемуары декабристов* / Под ред. А.С. Немзера. М.: Правда, 1988; Федоров В.А. «Своей судьбой гордился мы...». *Следствие и суд над декабристами*. М.: Мысль, 1988; *Декабристы в воспоминаниях современников* / Под общ. ред. В.А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1988.

34 См., например: Ильин П.В. *Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.* СПб.: Нестор-История, 2004.

которой проигнорировали результаты научных исследований и публицистических дискуссий едва ли не двух столетий, вызвала ожесточенную полемику в интернет-сообществе. Среди прочего я хотел бы выделить хлесткий разбор этого фильма блогером Евгением Баженовым (*BadComedian*), набравший более 22 миллионов просмотров³⁵. Добrotно сделанный фьюжн, вобравший широкую источниковую базу, доступную постмодернистскую подачу, а также изрядную дозу черного юмора, не только разошелся на цитаты, породив множество мемов, но и положил начало настоящей полемике с официозом. Примечательно, что автор кинообзора не присоединяется ни к одной из сторон, ограничиваясь призывом не замалчивать исторические факты и не привязывать фигуры деятелей прошлого к реалиям современной жизни. Иными словами, в условиях крайнего дефицита публичной политики и ее имитации блогер оказался «разбуженным» знаковым фильмом о декабристах – подобно тому, как последним некогда удалось растормошить Герцена.

Нынешний политический курс конструирует определенный тип публичности, подразумевающий наличие в стране общественного консенсуса. Упомянутая сессия юридического форума, посвященная декабристам, содержала в названии слова «pro et contra», однако организаторы без смущения уведомили зал, что лишь позиция «contra» является, по их мнению, адекватной современным реалиям. Более того, в рамках заключительных реплик министр юстиции пообещал провести под эгидой своего ведомства конференцию, посвященную выступлению декабристов, анонс которой действительно появился на сайте министерства в начале декабря 2025 года в контексте открытия тематической выставки в Минюсте³⁶. Примечательно, что высокопоставленный чиновник не просто призвал переосмыслить ключевое событие российской истории, но и обозначил направление, в котором это должно происходить: «Наша задача – извлечь из всего этого урок, осознать приоритетность эволюционного пути проведения правовых реформ. Именно законность должна являться ключевым принципом любых преобразований»³⁷. Показательна здесь не только тональность, но и сам факт обращения лица, представляющего один из мощ-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

35 См.: <https://rutube.ru/video/8cf4bfabc6f93e9a3f102aab5ee9e7eb/>.

36 См.: *В Минюсте России открылась выставка, приуроченная к 200-летию со дня восстания декабристов на Сенатской площади* (<https://minjust.gov.ru/ru/events/51030/>); *Выставка в Минюсте открыла дискуссию о роли восстания декабристов на судьбу России* (<https://minjust.gov.ru/ru/events/51036/>). Примечательно, что в доступных источниках не было информации о том, будет ли это мероприятие открытым для сторонних участников. [Конференция, о которой пишет автор, состоялась во время подготовки статьи к печати. См.: ЛЕЙБА Г. *Восстание против декабристов. В Минюсте переосмыслили события на Сенатской площади* // Коммерсант. 2025. 11 декабря. С. 3. – *Примеч. ред.*]

37 Цит. по: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovye-idei-dekabristov-pro-et-contra-uroki-istorii/>.

нейших рычагов исполнительной власти, к толкованию исторического события двухвековой (!) давности.

Не менее символичным стало и уничижительное (иначе не скажешь) по отношению к декабристам выступление, прозвучавшее на открытии упомянутой декабрьской выставки из уст директора Института государства и права РАН Александра Савенкова. Он, в частности, заявил:

«Нет аналогии с 1991 годом, с Беловежской пущей? И это все декабристы. Это вот то, что еще юристам, наверное, есть смысл изучать, чтобы это никогда не повторялось. Не надо делать героев из того, что произошло. [...] Хватит политики. Давайте говорить о фактах объективно, дадим этой истории настоящую оценку»³⁸.

Круг, похоже, замкнулся. Отечественный дискурс о декабристах, начало которому было положено в полемике с предвзятым нарративом, генерируемым напуганной николаевской монархией, пройдя сложный и извилистый путь, в конце концов, вернулся к реабилитации и воспроизводству того же нарратива ресурсами официоза. Это однако не избавляет нашу науку от необходимости продолжать исследование декабризма – внимательное, последовательное и беспристрастное.

НЕПОДЦЕНЗУРНЫЙ ДЕКАБРИЗМ

Идейные и интеллектуальные истоки декабризма – помимо ранее обозначенного романтического этоса, затронувшего все сферы западной культуры, – проистекают и из иных факторов, действительно повлиявших на формирование взглядов русских заговорщиков начала XIX века.

Во-первых, в большинстве своем будущие декабристы родились уже после Войны за независимость США (1775–1783) и Великой Французской революции (1789–1799) – двух фундаментальных событий, ознаменовавших наступление новой эпохи. В современном обществе традиционные способы легитимации власти перестали работать: им на смену шло новое понимание властных механизмов. Поскольку, как представлялось сторонникам инноваций, всякий акт власти предполагает наличие того или иного типа консенсуса, связывающего правителей и подданных, возникла идея формализовать этот *общественный договор* в виде конституции, ограничивающей произвол влас-

38 Цит. по: *Выставка в Минюсте открыла дискуссию...* Примечателен также пассаж Савенкова о том, что восстание декабристов стало основанием для отказа от «моратория на смертную казнь», который существовал в то время в Российской империи. К сожалению, уважаемый коллега умолчал об отсутствии в то время моратория на телесные наказания, некоторые из них (например прогон сквозь строй с битьем шпицрутенами) нередко влекли за собой мучительную смерть.

тителя – на том основании, что власть является не его врожденным атрибутом, а качеством, которым он наделяется гражданским обществом. На глазах очевидцев революции 1789 года и наполеоновских войн свергались вековые монархии и провозглашались новые политии, обращавшиеся к принципу сменяемости власти. Модерные институты, более совершенные в плане социальной эволюции, брали верх над ранее успешными, но ныне неэффективными традиционными практиками. И хотя образованные люди эпохи по-разному относились к этим трендам, совсем игнорировать их не мог никто.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Круг замкнулся. Отечественный дискурс о декабристах, начало которому было положено в полемике с предвзятым нарративом, генерируемым напуганной николаевской монархией, пройдя сложный и извилистый путь, в конце концов, вернулся к реабилитации и воспроизводству того же нарратива ресурсами официоза.

Будущие декабристы подмечали также и некоторые тенденции современной им российской политики: в частности, что XVIII век ознаменовался многочисленными дворцовыми переворотами – свержениями и (или) убийствами венценосцев малыми группами выходцев из привилегированного дворянского сословия. Так, князь Сергей Трубецкой констатировал: «Со времени вступления дома Романовых на Российский Престол малая только часть Государей наследовала его спокойно по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований были следствием насилия или обмана»³⁹. Таким образом, традиционалистский тезис о богоданном престоле, абсолютности монархической власти и неприкосновенности персоны властителя был разрушен задолго до декабристов. Это сделали философия Просвещения и ее практические следствия, а также кровавая борьба за власть в России, на протяжении веков ведущаяся различными аристократическими группами, выдвигавшими и смещавшими монархов.

Во-вторых, многие либеральные идеи в начале правления Александра I встречали поддержку и понимание со стороны царя. «Дней Александровых прекрасное начало» рисовало перспективы скорой трансформации российского общества и государства на западный манер, с заменой традиционных властных

39 Записки князя С.П. Трубецкого... С. 7.

институтов современными учреждениями. Однако в силу различных внутри- и внешнеполитических причин монарх отказался от проведения соответствующих реформ после кампаний 1812–1814 годов. При этом участие в боевых действиях в России и за границей расширило кругозор рядового состава и сблизило солдат с командирами-дворянами. Такая форма личной связи начальника с подчиненными исключает применение телесных наказаний и прочих дисциплинарных практик, унижающих человеческое достоинство; между тем именно это ждало дома рядовой состав, вернувшийся из заграничных походов. Разрыв между сущим и должным был тем болезненнее, чем более ошутимо Александр I менял курс с преобразовательного на консервативный. Тем самым власть своими руками перекрывала для страны эволюционный путь развития: ведь под эволюцией понимается не только преемственность, но и изменчивость, а в данном случае всякие изменения были признаны опасными для самодержавия. Или, как заявлял Николай Карамзин, «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»⁴⁰.

В-третьих, как следствие, главной политической целью заговорщиков было упразднение самодержавия как главного препятствия на пути прогресса России. К такому выводу стали приходить равнодушные представители дворянства на своих поначалу спонтанно организуемых встречах. В рамках этих «кухонных разговоров» каких-либо политических акций не планировалось, однако со временем осознание ответственности за судьбу своей родины сподвигло участников подобных дружеских пирушек к самоорганизации. Выбранная ими форма тайных обществ соответствовала романтической эпохе, популярности масонства и культа рыцарства, а также казалась наиболее практичной формой организации дворянства. Страх перед повторением ужасов французской революции побуждал заговорщиков ориентироваться на верхушечный переворот, а не на полноценную революцию, чреватую массовой гибелью невинных людей. Попытка упрекнуть декабристов в том, что они, в отличие от Христа, проповедовали не жизнь, а смерть, с учетом этого обстоятельства выглядит несостоятельной: имей подобный упрек под собой какие-либо основания, декабристы, наоборот, постарались бы вовлечь в заговор широкие массы. Однако они не могли этого позволить не только из-за своей образованности: многие из них в придачу были и глубоко религиозными людьми. Мысль об использовании незрелого в политическом смысле народа для достижения своих целей была противна их образу мыслей.

40 КАРАМЗИН Н.М. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях* [1811]. М.: Наука, 1991. С. 56.

Осмысление декабристами основных общественных проблем не привело, однако, к разработке единой политической программы. Дошедшие до нас конституционные проекты были скорее интеллектуальными упражнениями, предметами для обсуждения, чем окончательными вариантами будущего институционального дизайна. Однако даже при беглом анализе этих документов можно обнаружить ряд принципиальных сходств, которые имели под собой общность мировоззренческих установок. Прежде всего речь идет об упразднении самодержавия и введении конституционного правления, а также об отмене крепостного права. Говоря о первом, Никита Муравьев закладывал в свой проект конституционной монархии следующие идеи:

«Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием Правительства произвол одного человека, невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, Государя забыли, что они в таком случае вне законов – вне человечества! – что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы – тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным; или они несправедливы – тогда зачем хотят они подчинять им других»⁴¹.

В отношении же крепостного права и гражданского равенства муравьевский проект декларировал:

«Крепостное состояние, рабство *отменяются*. Раб, прикоснувшийся к земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо* по воле Божьей, все рождены *для блага* и все *просто люди*: ибо все слабы и несовершенно»⁴².

Примечательно, что, хотя некоторые из будущих декабристов были знакомы с новейшей для тех времен наукой политической экономии, они рассматривали самодержавие и крепостное (рабское) состояние прежде всего с этической стороны, видя в них не столько неэффективный инструмент хозяйство-

41 Проект конституции Н.М. Муравьева // *Материалы по истории восстания декабристов* / Под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. Т. I. С. 109; см. также: ПЕСТЕЛЬ П.И. *Указ. соч.* С. 8.

42 Цит. по: Якушкин В.Е. *Указ. соч.* С. 133. О том же говорилось и в манифесте Сергея Трубецкого, требовавшем «уничтожения права собственности, распространяющейся на людей» (*Материалы по истории восстания декабристов*. Т. I. С. 107).

вания, сколько богопротивные практики, не соответствующие ни истинным христианским ценностям, ни здравому смыслу.

При этом проекты расходятся по большинству тем, касающихся формы государственного устройства. В качестве альтернатив самодержавию предлагались как конституционная монархия (проект Муравьева), так и всенародная республика (проект Пестеля). Вопрос о судьбе царствующего монарха оставался одним из наиболее острых: рассматривались и свержение императора с последующим отречением, и его убийство. Последний вариант диктовался отнюдь не кровожадностью заговорщиков, а желанием учесть опыт произошедшего в 1820 году восстания Рафаэля Риего: испанский монарх, которому повстанцы сохранили жизнь, сумел найти поддержку за рубежом, восстановил власть и вскоре подавил бунт. Своеобразным способом отодвинуть решение этой проблемы на задний план декабристам казалось выступление в дни *междущарствия* – периода, когда присяга покойному монарху уже не действует, а новому еще не принесена. В междущарствие некого свергать, хотя сама эта ситуация, воспринимаемая в правовом разрезе, не могла не казаться некоторым из заговорщиков возмутительной. Герцен впоследствии отмечал:

«В этом капризном, сделанном втихомолку распоряжении коронной [завещании Александра I] так ясно и видно полнейшее презрение к народу; судьба его считается домашним делом одной семьи, и привычка не ставить *подданных* ни в грош так велика, что сам либеральный Александр I наивно воображал, что Россия его собственность: после смерти раскроют завещание и узнают, чья Россия»⁴³.

Судя по всему, декабристы были склонны покончить с подобным отношением. «Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства», – говорилось в проекте конституции Никиты Муравьева⁴⁴.

Различались и подходы декабристских вождей к будущему территориальному устройству⁴⁵. Представители Северного общества выступали за федерализм: проект конституции Муравьева в этом аспекте при ближайшем рассмотрении представлял собой русифицированную копию американской федеративной системы (вплоть до количества субъектов федерации)⁴⁶. В свою очередь члены Южного общества были принципиальными противниками федерализма, видя в нем угрозу территориальному

43 Герцен А.И. *Письмо к императору Александру II*... С. 43.

44 Цит. по: *Проект конституции Н.М. Муравьева*. С. 109.

45 См. подробнее: СЕМЕВСКИЙ В.И. *Указ. соч.* С. 450–474, 513–523, 546–554, 640–647.

46 *Проект конституции Н.М. Муравьева*. С. 109, 115–132.

единству России⁴⁷. Не было среди декабристов единства и относительно конкретных институтов власти: эта тема рассматривалась в качестве производной от форм правления и территориального устройства. При этом все движения активно выступали за разделение властей: создание представительного органа с законодательными функциями, подконтрольной ему исполнительной власти, а также судебной системы, действующей на основе закона. Принципы верховенства права, уважения личности, гарантии прав, свобод, судебной защиты – то есть все те ценности, которые в настоящий момент являются важнейшими юридическими средствами отстаивания прав и законных интересов, – в разнообразных формулировках, но без принципиальных различий по смыслу защищались всеми идеологами декабризма.

Все сказанное разрушает крайние позиции, навязываемые поп-культурными нарративами. Восстание 14 декабря не было стихийным, спонтанным, но при этом не имело четкого плана достижения цели. Его участники не планировали убивать монарха, а лишь стремились воспользоваться ситуацией междуцарствия для достижения своих целей. Говорить о единстве политической программы восставших не совсем корректно – скорее стоит признать единство ценностей и нравственных устремлений декабристов, которые находили разнообразное выражение в зависимости от конкретных обстоятельств.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Беглый экскурс в интеллектуальную и поп-культурную историю декабристского движения и его наследия в отечественном политическом дискурсе демонстрирует различные тенденции: диалектичность, цикличность, поляризацию. В их ряду наиболеестораживает то, что декабристские нарративы, сложившиеся в свое время на фоне отсутствия публичной политики, и сейчас продолжают предопределять направления общественного дискурса. Использование образа восставших в конъюнктурных политических целях лишает выступление 14 декабря историчности и самобытности; в итоге оно бытует исключительно контекстуально и, следовательно, не содержит никаких собственных коннотаций – за исключением тех, какими его наделяют сторонники той или иной точки зрения. Вместе с тем воспроизводство дефектных нарративов поддерживает воспроизводство и ущербных социально-политических практик, которые, как показала история, ведут к отрыву элит от по-

⁴⁷ См.: Пестель П.И. *Указ. соч.* С. 21–23.

литической реальности, в конечном счете, угрожая сохранности государства. Для разрыва этого порочного круга требуется критическое осмысление 14 декабря именно как *исторического события*, причем результатом этого станет последовательная деконструкция обоих поп-культурных нарративов о декабристах. Приходится отмечать, что сейчас официальный дискурс далек от того, чтобы даже поставить вопрос подобным образом. Поэтому полезно хотя бы в нескольких строках обозначить горизонты предстоящей работы.

С точки зрения как действовавшего на тот момент законодательства, так и политического реализма восстание декабристов приходится оценивать как незаконную и плохо спланированную авантюру с непредсказуемыми последствиями. К очевидным ошибкам тайных обществ следует отнести отсутствие у восставших единой программы, несогласованность их действий, отказ от ведения агитационной и разъяснительной работы. Все это еще предстоит рассмотреть детально и скрупулезно. Однако бросают ли эти нелестные для декабристов оценки тень на отстаиваемые ими ценности, на поставленные ими цели и так далее? Основания для такого суждения, как представляется, отсутствуют. Вместе с тем, если для наиболее консервативной части нынешнего правящего класса отсылки к опыту декабристов удобны тем, что они помогают обосновывать подавление всякого инакомыслия в зародыше, то для наиболее радикальной части оппозиции они служат стимулом для культивации еще большей ригидности. Выходит, восстание декабристов, в конечном счете, привило нашему обществу отнюдь не ценности, ради которых они выходили на площадь, поднимались на эшафот и отправлялись в Сибирь, а лишь набор противостоящих друг другу превратных представлений.

Между тем наличие публичной политики позволило бы решать насущные вопросы русской жизни без создания тайных обществ. Оно открыло бы путь для обсуждения, критики и совершенствования путей социально-политического обустройства, а ставка на долгосрочные и спланированные реформы сделала бы эволюцию страны ровной и адаптивной. Наконец, разностороннее обсуждение самого феномена декабризма – как *pro*, так и *contra*, причем не в современном, а в историческом контексте – позволило бы оставить прошлое позади, взяв из него лучшие идеи и отказавшись от повторения прежних ошибок, допущенных как проигравшей в 1825-м оппозицией, так и победившим режимом.

В ходе написания этой статьи меня не оставляло ощущение, что, будь декабристы живы, они, несомненно, включились бы в полемику с творцами и пропагандистами поп-культурных нарративов, касающихся их жизненного пути. Они, по-видимо-

му, высказались бы против как собственной героизации в советской традиции, так и использования их провала для оправдания «закручивания гаек» в традиции постсоветской. Они навряд ли оценили бы вмешательство в свою личную жизнь – чтение писем, копание в любовных делах, – производимое ради романтизации их образов. Декабристы решительно отвергли бы современный охранительный нарратив, господствующий в дискурсе о восстании 1825 года, – ведь его сторонники во многом воспроизводят идеи барона Корфа, артикулировавшего позицию того режима, который восставшие считали противоестественным и негодным. Судя по всему, их нынешние оппоненты это понимают и потому всячески пытаются дискредитировать как самих декабристов, так и память о них. Вместо обстоятельного и вдумчивого обсуждения, обществу в очередной раз навязывается стереотип. Но проблема состоит в том, что системное сдерживание открытой общественной дискуссии и ограничение публичной политики, как показали последние двести лет в России, не уничтожают оппозиционные настроения, а лишь радикализуют их. В результате ценой десятилетий мнимого «спокойствия» становится, увы, «пробуждение» вождей новых революций – с лимитом на которые у нас и без того большие проблемы.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

АЛЕКСЕЙ
МАКАРКИН

Выйти на площадь и не будить Герцена: декабристы в современном кинематографе

Алексей Владимирович
Макаркин (р. 1971) –
первый вице-президент
Центра политических
технологий.

В советской исторической памяти декабристам везло: их официальное почитание как революционеров, «разбудивших Герцена», сочеталось с восхищением элегантными героями «Звезды пленительного счастья». Но в нынешней России отношение к ним изменилось, хотя обаяние образов все равно не исчезло полностью. Это нашло отражение в современном, 2019–2025 годов, кинематографе, для которого после долгого перерыва декабристская тематика вновь стала актуальной. Чтобы разобраться в этих процессах, нужно обратиться к позднесоветской и постсоветской истории.

ДЕКАБРИСТСКИЙ КОНСЕНСУС

Декабристы были частью не только революционной традиции, но и досоветской истории, интерес к которой возрастал в позднесоветские годы. По словам Михаила Рожанского, культ декабристов в СССР – один «из самых ярких примеров подпитки советской идеологии ценностями русской “высокой классики”», когда «пионеры, выросшие в малометражных хрущевках и коммуналках (во всяком случае “книжные” мальчики и девочки), числили себя наследниками великосветских офицеров, соединивших обаяние элитарной культуры с романтикой революции»¹.

Фильм «Звезда пленительного счастья» (1975) стал культовым – в отличие, скажем, от картины «Софья Перовская» (1967), режиссер которой Лео Арнштам искренне стремился отойти от клише в изображении как народовольцев, так и убитого ими государя. О декабристах не было написано ничего, подобного «Нетерпению» (1973): в той же серии «Пламенные революционеры», в которой появилась книга Юрия Трифонова, вышли «Апостол Сергей» (1975) и «Большой Жанно» (1982) Натана Эйдельмана с выведенными в них запоминающимися обаятель-

1 Рожанский М.Я. *Сибирь как пространство памяти*. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 116.

ными образами Ивана Пущина и Сергея Муравьева-Апостола. И, хотя в «Апостоле Сергее» присутствует тревожная вставная глава «Фантастический 1826-й» с призраками «новой Вандеи, нового террора, нового Бонапарта», готовыми вновь воплотиться, если декабристы победят, там также видно рациональное понимание, что даже при таком сценарии восстановить крепостное право не удалось бы, да и введение конституции в любом случае обрело бы немалое историческое значение. «Разве можно совсем разогнать кортесы, парламент?» – риторически вопрошал Эйдельман, апеллируя к испанскому опыту, где революцию довольно быстро сменила реакция². (В Испании, несмотря на то, что король Фердинанд снова стал самодержцем, уже при его дочери восстановили Конституцию.)

Историк Лев Лурье пишет:

«Это был благородный миф – возможно, центральный для советской оппозиции. Декабристы – интеллигентские герои-панфиловцы. Существование декабристов в учебниках позволяло вести разговор про то, что можно любить Россию, но не любить начальство. В обществе, где не было Евангелия, где историю Христа узнавали из “Мастера и Маргариты”, примеры гражданской доблести можно было черпать только в каких-то доступных и разрешенных источниках. Естественно, о стойкости говорили не на примере троцкистов или диссидентов, а на примере декабристов»³.

«Официально поощряемый и неформально любимый» образ декабристов был актуален и для национально-патриотического сегмента советского общества. Культовая книга российских почвенников – роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» (1981–1984; ранее главы печатались в «Нашем современнике», фрагмент об участниках восстания появился там в 1978-м) – содержит подробное описание судьбы декабристов, сосланных в Сибирь, среди которых был и предок жены писателя Николай Мозгалеvский. Но позитив Чивилихина в отношении декабристов выходит далеко за рамки семейной и региональной истории:

«Услышишь – “декабристы”, – и, откуда ни возьмись, вспыхивают в памяти крутые события, дорогие имена, неповторимые характеры и горькие судьбы, благие дела и святые письма, в душе затеплится что-то настолько родное и совершенно неотрывное от тебя, что без этого ты был бы совсем другим человеком – беднее и черствее, а твое восприятие и знание жизни, людей, истории Отечества лишилось бы драгоценной сердцевины»⁴.

2 Эйдельман Н. Я. *Апостол Сергей*. М.: Политиздат, 1988. С. 246.

3 *Невредное кино: чем история декабристов поможет российскому обществу* // РБК. 2020. 24 января (www.rbc.ru/spb_sz/24/01/2020/5e2ab3e39a79476fbfafa399).

4 Чивилихин В. А. *Память. Роман-эссе*. Фрунзе: Мектеп, 1986. С. 40–41.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

«Связь времен» (1980) Федора Нестерова – яркий пример позднесоветской патриотической литературы, отличавшейся выраженным антизападничеством и акцентировавшей внимание на связи между русофобией (этот термин появляется уже во введении к книге) и антисоветизмом⁵. Если интерес Чивилихина к декабристам можно объяснить родовой традицией и распространенным в брежневские годы увлечением семейными корнями, то у Нестерова этого нет. Но и он, не слишком органично стремясь соединить революционный пафос и русскую национальную идею, одобрительно писал о декабристах как о «закалившихся в огне Отечественной войны 1812 года» преемниках российских воинских доблестей⁶. «Вглядимся в эти дорогие лица, прежде чем на них наденут колпаки. Они спокойны, как спокойна их совесть. Свой долг они выполнили как могли», – восхищался Нестеров пятью казненными декабристами⁷.

Один из ведущих писателей-почвенников Валентин Распутин в своей книге о Сибири, впервые опубликованной в 1991 году, «регионализировал» декабристов, обращая внимание на их цивилизаторскую роль, в том числе для Иркутска – восточно-сибирской столицы. Подобный подход свойственен сибирским авторам вне зависимости от их идеологических взглядов – но интересно, что почвенники не составляли исключения.

«Декабристы и ссыльные поляки оказали огромное влияние на наш город в его общественном и нравственном развитии, словно не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание, вплоть до того, что декабристы преподавали в доме самого генерал-губернатора»⁸.

Таким образом, в позднюю советскую эпоху сложился своеобразный «декабристский консенсус», простиравшийся от либералов до национал-патриотов, включая и официоз. Благостную картину портили лишь несколько «тучек», которые, впрочем, оставались малозаметными. Таких, например, как убийство составшими героя суворовских походов и наполеоновских войн Михаила Милорадовича, причем его убийца никаких военных заслуг вообще не имел, или же поведение декабристов на следствии, сильно отличавшееся от героических образцов, задаваемых советскими нарративами. Как правило, эти темы в позднесоветской литературе «затушевывались», а внимание читателя переключалось на произвол царизма.

5 НЕСТЕРОВ Ф. Ф. *Связь времен: опыт исторической публицистики*. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 6–7.

6 Там же. С. 158.

7 Там же. С. 160.

8 РАСПУТИН В. Г. *Сибирь, Сибирь...* // Он же. *Собрание сочинений: В 3 т.* М.: Молодая гвардия; Вече, 1994. Т. 3. С. 143–144.

Однако постепенно и подспудно это странноватое согласие подтачивалось, что вполне четко просматривалось в неподцензурной литературе. «Петербургский романс» (1968) Александра Галича с вопросом «Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь / В тот назначенный час?!» стал знаковым произведением для диссидентского движения, участникам которого льстило сравнение себя с декабристами. Для диссидентов была актуальной и изображаемая Галичем нравственная трагедия увенчанного наградами полковника, который не поддержал «щелячий табор» юных офицеров, вышедших на Сенатскую площадь. Его история напоминала о размежевании в рядах «шестидесятников», особенно ярко проявившемся после разгрома Пражской весны, когда к инакомыслящим присоединилось лишь меньшинство из них. Кроме того, она подчеркивала правильность именно диссидентского выбора, проявившегося в демарше, который состоялся на Красной площади летом того же года, когда был написан «Романс».

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

В позднюю советскую эпоху сложился своеобразный } «декабристский консенсус», простиравшийся } от либералов до национал-патриотов, включая } и официоз.

Но вот проходит всего год, и в 1969-м появляется ироничная баллада «Памяти Герцена» Наума Коржавина. С одной стороны, образ декабристов в ней предельно заземлен («Любовь к Добру разбередила сердце им, / А Герцен спал, не ведая про зло... / Но декабристы разбудили Герцена. / Он недоспал. Отсюда все пошло»). С другой стороны, в стихотворных строках саркастически воспроизводится советская схема эволюционирования революционного движения от декабристов до Ленина, но с обратным знаком: «Все обойтись могло с течением времени. / В порядок мог втянуться русский быт». И – горестное заключение: «Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!.. / Нельзя в России никого будить».

У Александра Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» (впервые опубликован в 1973 году в Париже) декабристы тоже дегероизированы – здесь рассказано о том, что Рылеев в своих показаниях был избыточно откровенен, что Пестель просто «раскололся», что в большинстве своем восставшие на следствии «держались бездарно, запутывали друг друга, многие униженно просили о прощении», причем безо всяких пыток⁹. В интерпретации Солженицына николаевская Россия на фоне

⁹ Солженицын А. И. *Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт исторического исследования*. М.: Советский писатель; Новый мир, 1989. Т. 1. С. 133.

советской системы выглядела почти идиллически: с добросовестным следствием (фальсификаций и впрямь не было), отказом осудить «знавших о приготовлении мятежа, но не донесших» (за это, впрочем, все же был осужден Михаил Пущин), помилованием вовлеченных в мятеж солдат (на самом деле часть прошла через шпицрутены), отсутствием репрессий в отношении родственников осужденных (действительно, Николаю не пришла в голову идея коллективной ответственности).

РАСПАД КОНСЕНСУСА

Консенсус сломался в конце 1980-х, когда цензурные ограничения были ослаблены, а затем и вовсе сняты. Официальная точка зрения, восходящая к Ленину, все более дискредитировалась. Парадоксальным образом для либерального и национал-патриотического сообществ при всех их различиях и противоречиях объединяющей стала антиреволюционность, хотя и понимаемая по-разному. Либералы противопоставляли революции реформы, отождествляя себя с реформаторской традицией в российской истории: Михаил Сперанский и последующие преобразователи были им явно ближе не только Пестеля, но и Никиты Муравьева. В их глазах декабристы попадали в число революционеров, прервавших нормальный эволюционный путь страны и, в конечном счете, приведших к российской трагедии XX века.

Впрочем, одновременно была предпринята и знаковая попытка встроить декабризм именно в реформаторскую традицию – речь идет о вышедшем в 1989 году втором, «переработанном и дополненном», издании книги Якова Гордина «События и люди 14 декабря», которое получило название «Мятеж реформаторов». В первом издании, вышедшем четырьмя годами ранее, едва ли можно было оценить декабристов как политиков-реформистов, обладавших предвидением «катастрофы, к которой ведет страну самодержавие». Теперь же Гордин писал:

«Они провидели возрастание социального антагонизма и новую пугачевщину. Они хотели свободы и справедливости для крестьян, но не гражданской войны. Многие из них изначально не хотели кровавых катаклизмов. Они хотели реформ. Взяться за оружие их заставило нежелание и неумение правительства начать необходимые реформы – освободить рабов, раскрепостить экономику, упорядочить финансы, установить соблюдение законности, поставить исполнительную власть под контроль представительных учреждений. [...] Правительственная установка на ложную стабильность и деспотический нажим превратили реформаторов в революционеров. Лояльных, но трезвомыслящих подданных – в мятежников»¹⁰.

10 Гордин Я.А. *Мятеж реформаторов*. Л.: Лениздат, 1989. С. 15.

Гордин уделял особое внимание фигурам реформаторски мыслящих декабристов, которые 14 декабря находились в Петербурге, но по разным причинам на площадь не вышли – Сергея Трубецкого, Гавриила Батенькова, Владимира Штейнгейля.

Однако представление о декабристах как о реформаторах не укоренилось. Гордин сам выделял в их рядах и другое течение – «делавшее ставку на вооруженный переворот, насильственный захват власти как необходимое и единственное условие для проведения реформ»¹¹, что было несовместимо с реформаторской традицией. Пестель с его проектом создания полицейского государства вытеснил реформаторов, пытавшихся оставаться «лояльными подданными». Коллизия усугублялась тем, что снятие цензурных барьеров позволило сделать предметом исторических изысканий запретные ранее темы: коррупционные схемы с участием Пестеля (пусть даже направленные не на личное обогащение, а на революционные цели), буйное поведение во время революционного брожения солдат Черниговского полка и так далее. Новаторскими работами, в которых были подняты эти вопросы, стали монографии историка Оксаны Киянской¹².

Национал-патриоты выдвигали иную дихотомию, в которой государственничество противопоставлялось антигосударственности. У них декабристы выступали в качестве разрушителей страны, а отпор им дали такие безусловные государственники, как Николай I, Александр Бенкендорф, Александр Чернышев. Подспорьем для национал-патриотов послужила дореволюционная и эмигрантская антимасонская литература, активно переиздававшаяся в 1990-х, – в ней декабризм изображался частью глобального масонского заговора. Уже в 1992 году в России вышла «История русского масонства» Бориса Башилова (псевдоним Бориса Юркевича, бывшего советского журналиста, коллаборациониста, а затем эмигранта второй волны, обосновавшегося в Аргентине и печатавшего свои книги в собственном издательстве). В 1997-м была перепечатана книга «Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней» Василия Иванова, бывшего деятеля белого движения на востоке России, ставшего в китайской эмиграции руководителем шанхайского отделения Русской фашистской организации. А в 2000-м увидело свет переиздание еще одной дореволюционной книги антимасонского толка: написанной умершей накануне февральской революции графиней Софьей Толь работы «Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов».

11 Там же. С. 16.

12 Киянская О.И. *Южный бунт: восстание Черниговского пехотного полка*. М.: РГГУ, 1997; Она же. *Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик*. М.: Параллели, 2002.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Маргинальная и для русской общественной мысли, и для русской эмиграции литература стала популярной в постсоветской России, фрустрирующей по поводу распада прежней страны, – все упомянутые книги в XXI веке были вновь переизданы. Для Башилова «декабристское восстание – это, по существу, восстание масонов», которые преследовали две цели: «подорвать Православие – основу духовной самобытности русского народа и источник его духовной силы – и подорвать окончательно Самодержавие – источник физической силы русского народа». При этом, обосновывая свои тезисы, автор ссылаясь на «Масонское действо», авторство которого приписывал не графине, а графу (!) Толь¹³:

«Масонское действо, известное в истории освободительного движения под наименованием “восстания декабристов”, кончилось. [...] Насколько благородно и мужественно держался Император, настолько низко и подло вели себя заговорщики»¹⁴.

Интересно, что сама Толь в 1914 году признавалась: «Влияние масонства на событие 14 декабря я документально доказать не смогла, но надеюсь, что доказала это логически», ибо документы на этот счет, «несомненно, существуют», но скрыты в зарубежных масонских архивах¹⁵. Стоит отметить, что подобный подход к доказательной базе присущ не только антимасонской, но и конспирологической литературе в целом.

Историк Павел Ильин обратил внимание на следующее:

«С начала 1990-х негативистская тенденция в тематике декабристоведения заявила о себе в полный голос, опираясь на еще дореволюционную охранительную традицию, постулирующую практически полное неприятие правомочности для русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику – традицию, берущую свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам»¹⁶.

Впрочем, если основные источники официальной царской версии декабризма («Донесение Следственной комиссии по делу декабристов и «Историческое описание 14-го декабря и предшедших ему событий» Модеста Корфа) были составлены в период, когда самодержавие чувствовало себя уверенно, то эмигрантская публицистика с ее теориями заговора была куда более созвучна настроениям читателей 1990-х. Как крайне

13 Башилов (Юркевич) Б.П. *История русского масонства*. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 182.

14 Иванов В.Ф. *Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней*. М., 1997. С. 303.

15 Толь С.Д. *Масонское действо // Она же. Ночные братья*. М., 2000. С. 181.

16 Ильин П.В. *Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2(22). С. 152.

правые эмигранты, так и недавние лояльные советские граждане потеряли почву под ногами и искали виновных в своих бедах не только в современности, но и в истории. Национал-патриотическая версия декабризма стала восприниматься и более широкими кругами государственников.

Одним из проявлений такой тенденции стал опубликованный в 2001 году в одном из крупнейших в то время издательств «Терра» двухтомник Владимира Крутова и Лидии Швецово-Крутовой, в котором разоблачалась советская «лживая легенда» о декабристах¹⁷. Для авторов декабристы – масоны и бунтовщики, предшественники большевиков, которые «весь XX век держали народ впроголодь, в очередях и нищете»¹⁸. Пребывание же некоторых декабристов на сибирской каторге было несопоставимо по тяжести с «работой на лесоповале или в шахтах в 30–50-х годах XX века»¹⁹. Зато Николай I представал в качестве «государя, обладавшего личным мужеством и таинственным ореолом Власти»²⁰. Никаких достоинств у декабристов авторы вообще не находили, что придавало книге памфлетный характер. Но, как бы то ни было, подобная аргументация могла восприниматься самыми разными аудиториями – как либеральной, так и государственнической.

Интересно, что для Киянской появление такого рода интерпретаций было полностью неприемлемо. В рецензии на книгу Крутова и Швецово-Крутовой она возмущается «не только тенденциозностью и некомпетентностью», но и тем, что авторы видели в ней свою единомышленницу: «Отмечу, что при таких союзниках врагов уже и не надо»²¹.

ПЕРЕМНЫ В XXI ВЕКЕ

В XXI веке либералы начинают воспринимать декабристов более благожелательно, обращая ради этого к своего рода сортировке: если Пестель, да и Рылеев, оставались для них неприемлемыми, то в декабризме в целом – вполне в русле нарратива, предложенного Гординым, – выделяется реформаторское крыло, которое встраивается в историю российского либерализма и включается в символический «либеральный пантеон». В вышедшем в 2007 году под редакцией Алексея Кара-Мурзы обширном сборнике политических портретов русских либера-

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

17 Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. *Белые пятна красного цвета: декабристы*. М.: Терра, 2001. Кн. 2. С. 268.

18 Там же. С. 32.

19 Там же. С. 57.

20 Там же. С. 274.

21 Киянская О.А. *Декабристский заговор раскрыт* // Независимая газета. 2002. 21 февраля (www.ng.ru/ng_exlibris/2002-02-21/4_zagovor.html).

лов представлены биографии Николая Тургенева, Никиты Муравьева, Михаила Лунина, Михаила Фонвизина, Ивана Якушкина. Причем в книге они соседствуют с жизнеописаниями таких «либеральных государственников», как Михаил Сперанский, Борис Чичерин, Дмитрий и Николай Милютины, великий князь Константин Николаевич и даже Михаил Катков (который в молодости был либералом-западником)²².

Протестное движение 2011–2012 годов и последующий разлад во взаимоотношениях власти и либералов способствовали укреплению симпатий либерального сообщества к тем, кто вышел на площадь в 1825 году, борясь за свободу против тогдашнего деспотического государства. Если в 1990-е большинство либералов отождествляли себя с государством («новой Россией») – и этот подход для части из них оставался актуальным и в 2000-е, – то во втором десятилетии XXI века ситуация принципиально изменилась: государство сделалось «чужим», и потому либералы стали возвращаться к диссидентской трактовке декабризма, предложенной Галичем. Участники протестов на Болотной площади и проспекте Сахарова психологически сближали себя с декабристами.

Для государственников же декабристы оставались чуждыми фигурами, и московские протесты только усилили эту тенденцию. В этой среде восставших в 1825-м продолжали воспринимать как разрушителей государства, покусившихся на законного монарха и стремившихся спровоцировать гражданскую войну. К основному обвинению добавлялись и другие: в частности, в гибели обманутых солдат, а также в лицемерии, якобы выражавшемся в отказе освободить собственных крепостных. (Полезно пояснить, что большинство декабристов таковых попросту не имели из-за молодости или бедности.)

Тема лицемерия оказалась эмоционально заряженной, так как контрастировала с благородным образом борцов за свободу. В частности, в интернете получила хождение апокрифическая речь Бенкендорфа, якобы произнесенная перед первым допросом декабристов. В ней шеф III отделения, обращаясь к обвиняемым, уличал их в том, что они не дали свободы собственным крепостным. При этом в качестве противоположного примера он якобы предлагал себя, отпустившего на волю своих крестьян на выгодных условиях. Речь завершается в тоне, более приличествующем тюремному надзирателю, чем боевому генералу:

«Я не выхожу на площадь с безумными заявлениями или протестами против Государя или, тем более, против Империи!.. Так как вы ничем не можете доказать, что дело сие – политическое, судить

22 *Российский либерализм: идеи и люди* / Под общ. ред. А.А. КАРА-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.

мы вас будем как бунтовщиков и предателей Отечества, навроде Емельки Пугачева. А теперь – всех по камерам! В одном этапе с уголовными пойдете, сволочи!»²³

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Если принять сказанное на веру, то получается, что Бенкендорф еще и лгал, ибо своих крестьян он не освобождал.

Участники протестов на Болотной площади и проспекте Сахарова психологически сближали себя с декабристами.

Вероятно, к цитируемому тексту имеет отношение Александр Башкуев – «астролог, писатель, специалист по сетевой безопасности»²⁴, автор опубликованной в интернете книги «Призвание варяга (*von Benckendorff*)». Непосредственно этой речи в книге нет – она появилась на сайте «Глобальная авантюра» в 2008 году, уже после публикации, – но зато есть вещи еще более фантастические. Так, согласно автору, Бенкендорф в конце 1812 года руководил массовыми казнями коллаборационистов в Москве, причем «всего предстояло исполнить более восьми тысяч казней, из них – до трех тысяч в отношении женщин»²⁵. (В реальности немногочисленные коллаборационисты были амнистированы.) Пестель же, как выясняется, «своими руками убивал иных заговорщиков, в чем-либо несогласных с его личным мнением»²⁶. Но если мрачные авторские фантазии не привлекли широкого внимания, возможно, из-за их явной нелепости, то подметная «речь» главного жандарма России оказалась публике более убедительной.

ФИЛЬМ «СОЮЗ СПАСЕНИЯ»: ДОГОВАРИВАТЬСЯ НАДО

Именно на таком фоне в 2019 году на экраны вышел фильм «Союз спасения», одним из продюсеров которого стал гендиректор Первого канала Константин Эрнст. Несмотря на активную рекламу и крайне выгодное время показа (новогодние каникулы), фильм в прокате не окупился. Его бюджет составил 980 миллионов рублей (500 миллионов были выделены государственным Фондом кино, причем 400 миллионов – в виде

²³ Цит. по: <https://istlyap.ru/v-1816-1818-gg-benkendorf-osvobodil-svoih-krepostnyh/>.

²⁴ См.: www.livelib.ru/author/867602-aleksandr-bashkuev.

²⁵ БАШКУЕВ А.Э. *Призвание варяга (von Benckendorff)*. С. 324 (<https://litlife.club/books/154724/read?page=215>).

²⁶ Там же. С. 244 (<https://litlife.club/books/154724/read?page=244>).

безвозвратной субсидии), а собрать удалось всего 719 миллионов²⁷. (Критерием окупаемости в кинематографе является двойное превышение доходов над бюджетом, так как около половины сборов оставляют себе кинотеатры²⁸.) Исторический фильм о далеком прошлом, не вызывающем сильных эмоций у советских поколений, со множеством героев, неизвестных российской молодежи (профильной аудитории для каникулярного времени), и к тому же с отсутствующей «сквозной» любовной линией, не привлеч зрителя.

Научным консультантом фильма выступила Оксана Киянская. Впрочем, ее консультирование ограничилось длительными беседами с другим продюсером, Анатолием Максимовым, и автором сценария Никитой Высоцким; к самой подготовке сценария и тем более к съемкам фильма Киянская отношения не имела²⁹. Фильм вызвал активную полемику, которая хорошо вписывается в контекст общественных процессов, идущих в России во втором десятилетии XXI века и характеризующихся разладом между властью и либералами. После протестов 2011–2012 годов в России вышла целая серия «антиреволюционных» фильмов – среди них телесериалы «Бесы» (2014), а также «Троцкий» и «Демон революции», приуроченные к столетию революции 1917 года. В тот же ряд, на первый взгляд, вписывался и «Союз спасения» – тем более, что в нем присутствовали и мужественный государственный Николай, и отнюдь не безукоризненные декабристы. Но у этой картины были существенные особенности: в ней признавались, во-первых, значимость диалога между государством и недовольными и, во-вторых, ответственность не только бунтовщиков, но и правительства за пролитую кровь. Характерно также и отсутствие в фильме антимасонского нарратива.

Самой Киянской фильм пришелся по душе; по ее словам, «либеральные критики априори уверены, что ничего другого, кроме осмеивания тех, кто выходит сражаться против власти, Первый канал выдать зрителю не может», хотя лично она знает «многих либерально настроенных людей, даже принимавших участие в разного рода протестах и вообще несогласных, которым фильм очень понравился»³⁰. По мнению Льва Лурье, «сегодняшний зритель крайне политически поляризован, что лишний раз показала дискуссия вокруг “Союза спасения”».

27 См.: <https://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111022019>.

28 См.: Стогова Е. В 2022 году в прокате окупился лишь один поддержанный Фондом кино фильм // РБК. 2023. 10 февраля (www.rbc.ru/technology_and_media/10/02/2023/63e38a649a7947a68eb0b59d).

29 История на миллион критических замечаний. Интервью с консультантом фильма «Союз спасения» (https://pitchingi.ru/intervyu_s_konsultantom_filma_soyuz_spaseniya).

30 Когда приходит новое поколение, оно переписывает историю. Интервью с научным консультантом фильма «Союз спасения», профессором РГГУ Оксаной Киянской (www.rsu.ru/student/news/kogda-prikhodit-novoe-pokolenie-ono-perepisyvaet-istoriyu/).

Кроме того, полагает он, в фильме присутствует «вопрос о том, могут ли разные части общества договориться», а также имеется главная идея: «Чтобы не пролить кровь, сядьте за стол переговоров»³¹. Историк Сергей Рудник отмечал:

«Желание создателей фильма – “примирить” декабристов и власть. Показать, что любые попытки совершить революцию всегда приводят к кровопролитию. Трагедия в том, что образованные люди – представители власти и общества – не поняли и не хотели понять друг друга»³².

Остановимся на некоторых особенностях картины. Одна из ее идей – ответственность власти за случившееся 14 декабря. Если бы Александр не просто холодно простил восторженно-молодого офицера Муравьева-Апостола, явившегося на победный смотр в Париже в 1814 году с ящиком шампанского, а проявил бы побольше эмпатии, выпив с ним бокал – то есть, говоря языком Макса Вебера, исходил бы не из традиционной, а из харизматической легитимности, – то все, возможно, и обошлось бы. Но Александр не Наполеон, для него важна именно традиционная легитимность, подразумевающая дистанцию между государем и подданными, – и потому в ключевой момент он проезжает мимо.

Муравьев-Апостол помогает прекратить восстание Семеновского полка, но в результате его, как и других офицеров, царь изгоняет из гвардии и отправляет в армию без права на отпуск или уход в отставку. Отвечая на вопрос, по какому праву принято такое решение, великий князь Николай говорит: «Высочайшая воля и есть закон. Примите вашу судьбу с честью». «Воля моя и есть закон», – позже говорит сам Александр младшему брату, объясняя, почему именно тот, а не Константин, станет его преемником.

«Между законной властью и самозванцами, которые возомнили себя спасителями отечества, разница есть», – говорит Николай в начале фильма, допрашивая арестованного лидера восстания Черниговского полка. «Нет разницы», – отвечает ему Муравьев-Апостол и затем конкретизирует: «И у вас, и у нас цель правая, а способы преступные». На несостоявшийся диалог прямо указывает миниполемика между царем и арестованным Трубецким. «Я целью жизни своей полагал поставить власть российскую перед своими подданными и заставить разговаривать. Только вы не пожелали нас слушать», – говорит второй. Но первый отвергает эту логику: «Если государя мож-

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

31 *Невредное кино...*

32 Глезеров С. *Романтики и обманщики. Мнение историка о фильме «Союз спасения»* // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. 16 января (<https://spbvedomosti.ru/news/culture/romantiki-i-obmanshchiki-mnenie-istorika-o-filme-soyuz-spaseniya/>).

но силой принудить, какой он государь». И, разумеется, никакое взаимодействие теперь невозможно, даже если до восстания Николай и не исключал его.

Кажется, впервые в кинематографе была поднята тема и еще одного диалога – между декабристами и либеральными сановниками. Либерал Николай Мордвинов, догадывающийся о заговоре (в реальности декабристы рассматривали его в качестве одного из будущих членов правительства), сообщает Рылееву, что Николай вот-вот объявит себя в Сенате императором. Он призывает Рылеева действовать сообща, но не против Николая, а в поддержку его – вопреки Милорадовичу и другим генералам, не желающим допускать Николая к власти. Мордвинов верует не в монархию, а в закон – основу, на которой «можно все построить» (ведь Николай все-таки законный монарх). Кондратий Рылеев же делает из полученной от Мордвинова информации совершенно иные выводы – и начинает восстание. Получается, что либерал-«николаевец» невольно провоцирует декабристов на выступление, в ходе которого ему достается лишь роль наблюдателя. «Там люди умирают, русские убивают русских, дальше только война», – бессильно говорит Мордвинов Трубецкому. И взывает к Николаю, который исходит из того, что жестокость простят, а слабость нет. И будущий государь, в отличие от Трубецкого, даже прислушивается к нему, давая восставшим уйти с площади – но те отказываются. Уже после разгрома восстания Мордвинов упрекает Рылеева в том, что тот пожертвовал жизнью офицеров и солдат, обрек на страдания свою семью, но Рылеев видит себя героем и обещает не выдавать Мордвинова, дабы не сделать и его таковым. Либерал и радикал расходятся как чужие, не понимающими друг друга люди.

Впрочем, образ Николая в фильме в полной мере соответствует государственническому тренду. Государь храбр, он не по воле случая сталкивается с восставшими лейб-гренадерами, а сам едет им навстречу, полагаясь на то, что они будут верны ему. Когда же выясняется обратное, в глазах Николая нет страха (который, заметим, присутствует в аналогичной сцене в «Звезде пленительного счастья»). Николай прямодушен, тогда как генерал-губернатор Милорадович и несостоявшийся диктатор Трубецкой погрязают в интригах. Первый гибнет, а второй, попробовавший в день восстания манипулировать Николаем (это вымысел сценариста: нечто отдаленно похожее пытался делать Александр Якубович), так и не появляется на площади. «Полилась кровушка», – произносит умирающий Милорадович; и тем же вечером гибнут солдаты, выведенные декабристами на площадь. Николай гуманен – он долго пытается избежать кровопролития, а когда восставшие оказывают-

ся на замерзшей Неве и пытаются атаковать Петропавловскую крепость, приказывает стрелять не по ним, а по льду.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

СЕРИАЛ «СОЮЗ СПАСЕНИЯ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ В ИЗМЕНИВШЕЙСЯ СТРАНЕ

Вскоре после выхода на экраны «Союза спасения» начались съемки восьмисерийного сериала «Союз спасения: время гнева», в котором многие темы фильма были представлены в развернутом виде. Пока сериал снимался (он появился на стриминговом сервисе «KION» в сентябре 2022 года, а на Первом канале – в феврале 2024-го), в России произошли перемены, сделавшие диалог власти и либералов абсолютно неактуальным. Тем не менее этот кинематографический продукт все равно весьма интересен с точки зрения не столько истории, сколько недавних общественных тенденций.

В сериале существенно расширена любовная линия Муравьева-Апостола и фрейлины императрицы Анны Бельской (вымышленный персонаж); при этом следует иметь в виду, что романтический герой не может быть «плохим» по определению. На экране появляется и Екатерина Трубецкая – героиня некрасовских «Русских женщин» и «Звезды пленительного счастья», – с которой связан еще один любовный сюжет, на сей раз реальный и хорошо знакомый зрителям советских поколений. Впрочем, лиричная история Муравьева-Апостола уравнивается представлением идиллической семейной жизни тяжело раненного офицерами-декабристами полкового командира Гебеля, которая в последней серии грубо нарушается ворвавшимися в дом буйными черниговцами, вышедшими из повиновения своему командиру-смутьяну.

Муравьев-Апостол принимает на себя роль защитника бунтующих крестьян-недоимщиков: он предотвращает их расстрел, освобождая не только от наказания, но и от уплаты долга. (Деньги он вносит сам – двухсотрублевый платеж, для крестьянского общества непомерный, декабристу вполне по плечу.) Но при этом офицер становится самозванцем, выдав себя за посланца генерал-губернатора – и поэтому местный священник, поначалу одобрявший его поступок, напоминает ему, что душа в подобных ситуациях должна быть чиста от греховных помыслов. Идиллия заканчивается: две логики сталкиваются друг с другом. С одной стороны, священник не верит в праведность собеседника, поскольку нет безгрешных людей, не желающих зла другим и не подверженных гневу. С другой стороны, Муравьев-Апостол считает, что его помыслы чисты, а гнев праведен; однако для церкви гневливость остается одним из смертных грехов. В со-

временном российском дискурсе батюшка, говорящий от имени церкви, служит символом мудрости – более того, он противопоставляется самоуверенному офицеру. На практике же сельский священник, которого в ходе бунта самого могли убить или искалечить, вряд ли стал бы вступать в спор с подполковником.

В сериале появляются также Алексей Аракчеев и Михаил Сперанский. Аракчеев строг, бесцеремонен, дурно воспитан, упивается своей властью, но при этом эффективен (в отличие от либерального князя Петра Волконского, просмотревшего подстроенную заговорщиками полуторамиллионную растрату в армии и поплатившегося за это должностью) и радует о благе государя и государства. Сперанский – еще один, наряду с Мордвиновым, потенциальный член будущего декабристского правительства; он умен и понимает необходимость превентивных и скорых реформ. В противовес Аракчееву он гуманен и обходителен, помогает с карьерой сторонникам перемен – тому же Рылееву, а также еще одному будущему декабристу, Батенькову. Обсуждая с ними отставку Волконского, он дает понять, что недоволен политикой властей – и тем самым невольно подталкивает заговорщиков к дальнейшим действиям. Батеньков же, маневрируя между двумя своими высокопоставленными покровителями, Сперанским и Аракчеевым, мечтает о собственном премьерстве, чтобы воплотить продуманную им преобразовательскую программу. (В реальности он претендовал не на кресло премьер-министра, а всего лишь на «рядовой» министерский пост.) Но возглавить кабинет подполковник Батеньков может только в результате революции.

Между тем император начинает очередную осторожную либерализацию, поручая Сперанскому в годичный срок подготовить проект освобождения крестьян. Таких проектов было тогда немало: один из них, причем далеко не самый консервативный, принадлежал Аракчееву, исправно выполнившему соответствующее царское поручение. Тем не менее царь ничего из представленного не одобрил – политика Александра становилась все более реакционной. У зрителя, однако, создается впечатление, что декабристы организовали заговор против царя-реформатора, который почти был готов реализовать их программу. Кроме того, напрашивается и аналогия с убийством народовольцами Александра II, незадолго до гибели одоббившего реформаторскую инициативу Михаила Лорис-Меликова.

В междуцарствие Николай призывает к себе Сперанского и пытается заручиться его поддержкой. Сперанский соглашается, а Николай взамен гарантирует ему сохранение статуса и сулит возможность, как он выражается, «содействовать моему превращению в европейца» (без упоминания, впрочем, конкретных реформ). Таким образом, в сериале вокруг Николая

объединяются либеральные реформаторы – не только Мордвинов, но и Сперанский. При этом Сперанский сообщает Батенькову о предстоящей присяге в Сенате – подобно тому, как Мордвинов проинформировал об этом Рылеева.

Батеньков и Сперанский встретятся в фильме еще дважды. В первый раз это произойдет в Сенате утром 14 декабря, когда выясняется, что сенаторы уже присягнули, а Сперанский остался лояльным Николаю. «Как вы изменились, Михаил Михайлович!» – восклицает Батеньков. «Я всегда делаю все возможное и полезное, а не бессмысленное и нелепое», – парирует Сперанский, обособляя себя от революционеров; однако, осознав, что Батеньков – тоже заговорщик, советует ему покинуть Петербург. Аракчеев на его месте распорядился бы об аресте. Во второй раз герои встречаются спустя несколько дней, когда Сперанский, сделавший, как выяснилось, правильную ставку, обедает с Батеньковым, ожидающим ареста и находящимся на грани срыва. «В том, что случилось, моей вины нет», – говорит Сперанский. «Наша вина в том, что служили нелюдям, помогали им быть людьми», – отвечает Батеньков, вспоминая о своей службе у Аракчеева и не отделяя себя от Сперанского.

В последний раз Сперанский появляется в сериале во время встречи с Николаем. Он говорит новому императору о поколении, которое хочет изменить жизнь, но Николая подобные мысли не интересуют. Царь знает о связях Сперанского с Рылеевым и привлекает его к участию в судебном процессе над декабристами; формально – чтобы обеспечить соблюдение закона, но на самом деле, дабы заставить его таким образом подтвердить лояльность, в которой Николай сомневается. Таким образом, дело не ограничивается тем, что диалог между государством и недовольными не задался, а между реформаторами и революционерами произошло размежевание: сами реформы под конец теряют всякую актуальность.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

«ЦЕРБЕР»: ВОЗМОЖЕН ЛИ БЛАГОРОДНЫЙ ДОНОСЧИК?

Тема порочности революций и революционеров имеет и обратную сторону: это оправдание тех, кто любыми средствами борется с бунтовщиками. Но в отношении декабристов здесь тоже все непросто. В 2023-м вышел минисериал «Цербер», посвященный последствиям восстания, а в следующем году был опубликован одноименный роман Александра Гоноровского и Ильи Егармина, на основе которого сериал снимался. Консультантом фильма выступила историк Ольга Эдельман, профессио-

нально занимающаяся декабристской проблематикой; она же написала и обширное послесловие к книге.

Ведущий персонаж сериала – Александр Бошняк, образованный человек, ботаник-любитель и одновременно шпион командующего военными поселениями на юге России графа Ивана Витта в рядах декабристов, который продолжает свою «информаторскую» деятельность и после подавления восстания. Кажется, впервые в российском кинематографе главным героем становится доносчик. Как в книге, так и в сериале Бошняк пытается быть лучше, чем в жизни. Среди прочего он «замолвил слово» за вымышленного наивного прапорщика Фабера, которого выпускают из крепости, – подобного альтруизма за ним ранее не наблюдалось (да и вряд ли участника восстания освободили бы по протекции доносчика). Но доброе дело ведет к тому, что Фабер дискредитирован в глазах товарищей – и, чтобы очистить свое имя, вызывает избавителя на дуэль. Конечно, Бошняк, которого отказавшийся от примирения прапорщик назвал подлецом, не промахивается. Тем самым попытка осведомителя проявить благородство ведет к катастрофе.

Бошняк в фильме предстает интеллектуалом, тонко ведущим расследование; однако в сохранившихся документах это ничем не подтверждается. Пушкина он не арестовывает, и это соответствует исторической правде. Но когда в ходе расследования он сталкивается с перспективой ареста своей любовницы, замешанной в заговоре, то убивает умного и симпатичного положительного персонажа – полицмейстера, добросовестно выполняющего свой долг (реальному Бошняку такое вряд ли пришло бы в голову). Тем самым «государственный человек» Бошняк сам становится жестоким убийцей. Бенкендорф, однако, отказывается отправить на каторгу рефлексирующего агента, ибо, по его словам, они сообща «вершат историю».

Вымышленная детективная линия сериала связана с судьбой капитана Ушакова, храброго офицера и талантливого поэта, из мести убивающего доносчиков на декабристов. И в книге, и в сериале опытный и компетентный полицейский Лавр Переходов, ведущий расследование, отпускает раненого на войне героя, который мстит персонажам, не вызывающим особого сочувствия. Вместе с тем декабристы в сериале и книге отнюдь не идеальны. Пестель наводит полицейских на вымышленного Ушакова (впрочем, он и в реальной жизни был откровенен сверх меры). А подпоручик Лихарев винится в том, что назвал на следствии имя Бошняка, не зная о его шпионстве (это вполне соответствует его показаниям)³³.

33 *Восстание декабристов: документы.* М.: Наука, 1969. Т. XII. С. 81–82.

Николай в сериале демонстрирует искусственность в поэзии, цитируя революционные стихи Рылеева, но тут же подчеркивает его фамилию в списке потенциальных смертников – осведомленный зритель понимает, что именно так и был вынесен приговор. Позже Николай мужественно общается с Ушаковым, который так и не решается стать цареубийцей (царь изображен еще и любящим отцом, что было бы немыслимо в советском фильме, – и именно отца капитан-заговорщик не решается убить на глазах у дочери). Впрочем, этот образ не так уж далек от того, как Николай изображен в «Звезде пленительного счастья»: достаточно вспомнить диалог императора и поручика Панова, ведшего лейб-гренадеров на Сенатскую площадь, – реальный Панов тоже не выстрелил, хотя и в совсем другой обстановке. Вместе с тем в «Звезде...» Николай, допрашивая декабристов, срывается на оскорбления, а в «Цербере» он уравновешен и спокоен, – но это две стороны одной личности, проявляющиеся в разных ситуациях. В книге же Гоноровского и Егармина Бошняк, глядя на царский портрет, «поймал себя на мысли, что начинает уставать от этого усатого лица с выпуклыми холодными глазами»³⁴ (здесь авторы опережают события, потому что усы Николай стал носить позже – в сериале, кстати, это учтено).

Книга и сериал заканчиваются одинаково – встречей Николая с Пушкиным, после которой поэт «спешит, бежит, летит, [...] на ходу расстегивая тесный сюртук»³⁵, с радостью покидая государя. Только в фильме царь вдобавок читает поэту свои вирши, а тот вежливо отказывается выступить в качестве соавтора, предусмотрительно держа дистанцию.

ПРОРОК: ПУШКИН VS БЕНКЕНДОРФ

Декабристская тема возникает и в фильме «Пророк. История Александра Пушкина», который вышел на экраны в феврале 2025 года. В числе его продюсеров можно обнаружить Никиту Михалкова, одного из идейных лидеров российского консерватизма, но фильм получился совсем не консервативным. Более того, он стал коммерчески успешным: при бюджете почти в 800 миллионов рублей, 500 миллионов из которых составила безвозвратная субсидия Фонда кино, картина заработала в прокате 1,63 миллиарда рублей³⁶, то есть вполне окупилась. Успех, вероятно, объясняется тем, что фильм оказался созвучным ожиданиям целевой молодежной аудитории: стилистически «Пророк» явился противоположностью «Союзу

34 Там же. С. 271.

35 Там же. С. 354.

36 *Пророк. История Александра Пушкина* (<https://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111001825>).

спасения». Хрестоматийная биография Пушкина была представлена в виде мюзикла, оформленного в рэп-стилистике, сразу с двумя запоминающимися любовными линиями: главной (Пушкин и Наталья Гончарова) и второстепенной, но столь же яркой (Пушкин и Елизавета Воронцова).

Исторических консультантов у фильма не было, что неудивительно, так как интерпретации пушкинской биографии – и особенно сопутствующих событий – мало соответствовали канону. Но авторы к буквальному соответствию и не стремились. Декабристская тематика в картине периферийна, однако отсылки к ней играют немалую роль. Главным антагонистом Пушкина здесь выступает Бенкендорф, на которого Николай I перекладывает общение с поэтом. Изображенный в «Пророке» Бенкендорф необычен: это не реальный человек – боевой генерал и светский человек, – а зловещий символ тоталитарной деспотии. Первая его встреча с Пушкиным происходит в невероятной для российского XIX века обстановке – в кабинете, расположенном рядом с тюремным застенком. Шеф жандармов допрашивает юного Пушкина, будучи одетым в кожанку; он грозит поэту Сибирью. Благодаря заступничеству Василия Жуковского и княгини Авдотьи Голицыной Пушкин избегает каторги, но все же отправляется в южную ссылку. При этом в 1820 году, когда происходили изображаемые в фильме события, Бенкендорф вообще не имел отношения к сыску: он занимал пост начальника штаба гвардейского корпуса. Однако настоящий Бенкендорф создателей картины не занимает; для них важнее взаимоотношения общества и государства, представленные в максимально заостренном виде.

Декабристский сюжет непосредственно связан с обаятельным образом Ивана Пущина, пушкинского друга-лицеиста. Интересно, что, по версии сценаристов, на площади, где восставшие разворачивают свои порядки, царь не появляется вовсе. Есть солдаты, предводительствуемые Пущиным, а потом есть те же солдаты, но лежащие мертвыми на снегу. Во время восстания Бенкендорф помогает царю эвакуироваться в безопасное место (чего на самом деле не было), а после подавления мятежа сообщает монарху, что заговорщики арестованы, а Пушкин не меньше самих бунтовщиков виновен в «досадном инциденте». Так что Николай дегероизирован, пожалуй, еще в большей степени, чем в «Звезде пленительного счастья», где он лично противостоит восставшим. Этим фильм отличается и от «Союза спасения», и от «Цербера».

Вторая встреча Пушкина с Бенкендорфом происходит во время аудиенции поэта у Николая – той самой, которая была показана и в «Цербере». Но если в сериале сцена представлена вполне реалистично, то в «Пророке» после встречи почему-

то происходит теннисный матч, где царь и Пушкин вместе играют против Бенкендорфа и его напарника. Бенкендорф – теперь шеф жандармов, «главный по крамоле и поиску», как характеризует его царь, стремящийся обаять Пушкина. Однако само присутствие Бенкендорфа, запомнившегося зрителям по тюремной сцене, вызывает сомнения в искренности государя. Тем более, что, несмотря на игру в одной команде, царь отказывает Пушкину в помиловании декабристов, а дело Пущина обещает посмотреть с такой интонацией, что сразу становится ясно: пушкинскому другу свобода не светит.

Третья встреча главных героев оказывается последней и решающей. Бенкендорф, наконец, предстает перед зрителем в мундире и при орденах, а Пушкин стоит перед ним в роли просителя, которому перед женитьбой надо получить свидетельство о благонадежности. «И бросились писать “Во глубине сибирских руд” / Чтоб тут же декабристам посвятить сей дерзновенный труд!» – атакует поэта Бенкендорф, соединяя стиль XIX века с рэпом XXI-го. «Я посвятил его друзьям», – отвечает Пушкин, стремясь деполитизировать тему, но при этом не желая отречься ни от стихов, ни от декабристов. «Народ единым должен быть», – продолжает Бенкендорф речитатив, разъясняя свою позицию: «Вам это нелегко понять: / Моя задача – охранять / Людское хрупкое сознание / От сумбура мироздания!». В завершение же он напоминает стихотворцу, что свободолюбивому гению не следует забывать о всемогущем государстве: «“Я памятник себе воздвиг”... / Он может мной снесен быть вмиг».

ОБАЯНИЕ БУНТОВЩИКОВ

Таким образом, ни один из кинематографических проектов, появившихся в 2019–2025 годах, не создал однозначно негативных образов декабристов. Несмотря на то, что декабризм несовместим с преобладающим сегодня государственным трендом, участники движения в зеркале кино никак не выглядят злодеями. За ними признаются бесспорная искренность и определенная правота, а государственной власти, с которой они взаимодействуют в фильмах и сериалах, присуща не только своя правда, но и свои пороки. Неидеальные декабристы противопоставляются неидеальной власти – на безусловную правоту не может претендовать никто. Это, кстати, отличает декабристскую кинематографию от фильмов, посвященных началу XX века, в которых непоколебимая правота государственника Столыпина противопоставляется преступной неправоте разрушителей империи.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ
И НЕ БУДИТЬ ГЕРЦЕНА...

Почему так происходит? Определенную роль играет обаяние декабристов, лишенных в абсолютном большинстве своем мрачного фанатизма, обычно свойственного заговорщикам. Даже Пестель – более сложная личность, чем просто бунтовщик: если присмотреться повнимательнее, то и ему не были чужды сомнения. Некоторые лидеры движения были героями войн – последующим поколениям революционеров подобное не было присуще. Молодые офицеры, задумывавшие переворот, привлекают искренностью и романтизмом, а возможная в результате их прихода к власти гражданская война так и осталась гипотетическим сценарием.

{ Ни один из кинематографических проектов, появившихся в 2019–2025 годах, не создал однозначно негативных образов декабристов.

Кроме того, декабристская повестка, несмотря на революционные методы, была реформаторской, а все их основные требования – от освобождения крестьян до равенства граждан перед законом – позже были реализованы самим государством, пусть даже поздно и непоследовательно. Разрушать систему до основания декабристы не собирались. А николаевское государство, поначалу выглядевшее вполне эффективным («Он бодро, честно правит нами; / Россию вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами», – писал Пушкин о Николае в 1828 году), оказалось из-за постоянного откладывания реформ в глубочайшем кризисе, обернувшемся катастрофой Крымской войны.

Немалую роль играет и еще одно обстоятельство: на стороне декабристов в 1825 году был Пушкин, «наше все», «солнце русской поэзии», основатель современной русской литературы. При всей эволюции его взглядов в отношении Николая и при всех различиях между ранним и поздним Пушкиным поэт никогда не отказывался от своих друзей. У последующих революционеров не было столь мощного исторического защитника. И хотя Лев Толстой и Владимир Соловьев призывали помиловать народовольцев, убивших Александра II, их невозможно представить рядом с бомбистами на набережной Екатерининского канала – тогда как Пушкин сам признавался Николаю, что если бы мог, то вышел бы 14 декабря на Сенатскую площадь. Но если декабристы злодеи, то и Пушкин, получается, гений, не лишенный злодейства. И здесь у немалой части государственной аудиторией начинается когнитивный диссонанс.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Двести лет тому

Событие, которое мы привычно называем «восстанием декабристов», длилось на Сенатской площади несколько часов, а его последствия, прямые и косвенные, растянулись на десятилетия и более. Ленин выстроил свою концепцию российской истории, начав с того, что «декабристы разбудили Герцена». Нарисованное им победное шествие освободительных идей в несколько прыжков привело к революции, пропустив, правда, тягостное правление Николая I и Александра III – реакцию на попытки вывести Россию на иной исторический путь¹.

Неудавшийся переворот сыграл большую роль в российской истории, хотя и не ту, которую задумывали его организаторы: с тех пор в России порывы к свободе вызывали контрреакцию, много более масштабную, нежели они сами.

1 Показательна в этом смысле приписываемая Александру III формула о «двух союзниках России – ее армии и флоте», которая ставит вопрос: что же хорошего в том, что с нами никто не хочет быть в союзе?

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

055

Почему так – вопрос сложный: в разных обществах разным оказывается историческое соотношение обновительных и консервирующих культурных начал, соответствующих социальных сил. Этим соображением по поводу грустного исторического прецедента мы попробуем воспользоваться для объяснения одного феномена в истории современной.

Нам не один раз приходилось комментировать такой показатель состояния общества, как рейтинг Владимира Путина². В конце ноября 2025 года он опустился до 84%, продержавшись многие месяцы на уровне 86–87%. Из опыта измерений этого показателя на протяжении четвертьвекового правления Путина известно, что 80% и выше он достигает всякий раз, когда Россия демонстрирует военную силу своему главному супостату – Западу, – побеждая более слабых соседей.

Примерно треть взрослого населения России считает эти победы главной заслугой президента. Когда наступает «скучное» время – страна ни с кем не воюет и не готовится воевать, – эта публика перестает отвечать «одобряю» интервьюерам «Левада-центра»³, и тогда рейтинг опускается до 65% или чуть ниже⁴.

Но еще примерно 60% опрошенных никогда не меняют своих ответов: они всегда одобряют! Это постоянство воистину изумительно: они поддерживали и в первую каденцию Путина, когда еще продолжалась дружба с Западом и, пусть и не всерьез, но велись разговоры о вступлении России в НАТО, и в дальнейшем, когда отношение к Западу ста-

ло меняться, и после 2022 года. И если на протяжении 25 лет одна и та же доля населения демонстрирует одну и ту же позицию, значит, опросы в своей совокупности сообщают не о настроениях (кои переменчивы), а о каком-то стабильном состоянии социума.

Поскольку мы завели разговор о том, как в обществе происходит реакция на импульс активности, то это гиперстабильное состояние можно рассматривать как одну из форм такой реакции. События, ее вызвавшие и оказавшие на российское население столь сильное воздействие, что символические интеграция и солидарность сами по себе (когда предметом объединения является само объединение) образовали воспроизводящую себя общественную структуру тотального характера, – это «лихие 1990-е», грандиозное социальное потрясение.

Возникло, а потом пропало обещание новой жизни, для многих распались привычные формы социального существования, поломалась система статусов, исчезла (поскольку потеряла имя) страна как место проживания, исчезло советское государство как структура, которая обнимала и держала своих граждан. Люди стали сами по себе, но свобода от госопеки многими была воспринята как социальное сиротство, возможность индивидуального предпринимательства – как отказ от привычных коллективных трудовых усилий. Сама свобода очень многими была воспринята не как позитивная социальная ценность, а как антисоциальность, как распад связей.

2 Доля – в процентах – людей, давших положительный ответ на вопрос «Одобряете в целом или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?».

3 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

4 Те, кто не принадлежат ни к воинственной трети, ни к неизменному большинству, формируют примерно 10%-е меньшинство, которое с тем же постоянством, что упомянутое большинство, отказывает в одобрении президенту.

Распространенные слова для описания 1990-х – «распад», «развал» – показывают, что происшедшее было воспринято социумом как угроза его целостности. Поэтому реакцией оказалось стремление к хотя бы символическому коллективизму, попытка замирения в неизменности. В отличие от реакции власти на «лихие 1990-е», зримой, оформленной в действиях, жестах и словах – демонтаж институтов демократии, вытеснение их лидеров из политического поля, а и их имен из общественной памяти, репрессии, – реакцию социума распознать не так легко. Ведь, не будь социологов, которые занудно повторяют один и тот же вопрос столько лет подряд⁵, мы не знали бы про это неизменное 60%-е большинство.

Можно гадать: если бы двести лет назад заговорщикам удалось совершить в Санкт-Петербурге то, что они замыслили, какая бы часть населения тогдашней империи их поддержала? У нас есть возможность узнать нечто отдаленно похожее про сегодняшнюю Россию. «Левада-центр» все путинские годы задает два вопроса: возможны ли в вашем городе/районе выступления протеста,

и, если они состоятся, примите ли вы в них участие? Вряд ли это точный инструмент для измерения протестного потенциала, но некоторые общие представления о настроениях он дает.

За все время наблюдений доля считавших, что протесты маловероятны, была в основном в 3–5 раз больше, чем тех, кто полагал, что протесты возможны. Готовность личного участия выражали еще реже (тут стоит еще добавить, что, судя по оценкам численности самых массовых митингов протеста в Москве и в других городах, вероятность своего участия в подобных акциях наши респонденты изрядно завышают). Только в пик недовольства президентом, когда он подписал закон об увеличении пенсионного возраста, доля обещавших участвовать в протестах доходила до почти четверти. Но в большинстве случаев она составляла в среднем около одной десятой. В нижеследующей таблице показано, как россияне реагировали на эти вопросы в конце осени 2025 года.

В заключение остается только сказать: да, периоды реакции в России длительные. Но поминуют и празднуют не их, а попытки изменить жизнь.

	Москва	Города с населением...			Село
		более 500 тысяч человек	от 100 тысяч до 500 тысяч человек	до 100 тысяч человек	
Возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе / сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями? (%)					
вполне возможны	15	12	13	10	6
маловероятны	80	83	85	85	90
Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет? (%)					
скорее всего, да	7	5	13	14	13
скорее всего, нет	90	90	85	80	83

5 Вопрос про одобрение/неодобрение деятельности Владимира Путина задавался в каждом из 1600 личных интервью, проводившихся двенадцать раз в году в каждый из этих 25 лет. Всего около полумиллиона ответов.

ЖОЗЕФ
МИШЕЛЬ
АНТУАН
СЕРВАН

Рассуждение об отправлении уголовного правосудия¹

Жозеф Мишель Антуан Серван (1737–1807) – французский судебный деятель, публицист и философ.

Жозеф Мишель Антуан Серван был генеральным адвокатом² парламента Гренобля в середине XVIII века. Один из выдающихся юристов того времени, в своей речи в 1767 году в Парламенте Гренобля он кратко и красноречиво изложил наиболее значимые требования эпохи Просвещения к уголовному законодательству. В его выступлении затрагивались самые острые и наиболее важные вопросы в сфере уголовного права и процесса, вызывавшие у современников Сервана чувство глубокой несправедливости. Из необходимости решить эти вопросы и выстроится классическая школа уголовного права. Многие из этих положений лягут в основу глубокого преобразования уголовного права и процесса в годы Великой Французской революции. Ниже публикуются отрывки выступления 1767 года, сделавшего Сервана знаменитым. **[Антон Ишков]**

- 1 Полное название: «Рассуждение об отправлении уголовного правосудия», произнесенное господином Серваном, генеральным адвокатом, и изданное в Женеве в 1767 году Бриссо де Варвилем («Discours sur l'administration de la justice criminelle prononcé par M. Servant avocat général. Ce discours a été imprimé en 1767 à Genève (Brissot de Warville)»). Перевод выполнен по: www.ledroitcriminel.fr/la_sciences_criminelle/penalistes/introduction/servant_justice_criminelle.htm.
- 2 Несмотря на название, это прокурорская должность: в Средневековье прокуроры были адвокатами короля.

АРХИВ «НЗ»

При рассмотрении всех обязанностей магистрата ни одна из них не показалась мне более важной, чем отправление уголовного правосудия; и я был удивлен, что такая важная тема так редко затрагивалась в тех выступлениях, где речь шла о благе государства и функциях судебной власти: простой беглый взгляд обнаруживает в этом предмете тысячу полезных аспектов; и постоянное волнение, которое я испытывал, рассматривая его, заставило меня почувствовать, что он полезен и интересен.

Должен признаться, я хотел бы, чтобы все наши граждане услышали меня прямо сейчас. Я хотел бы сказать им: я буду говорить за вас, только за вас, за всех вас; я буду говорить о вашем имуществе, ваших свободах, ваших жизнях: кто из вас сможет выслушать меня равнодушно? Сегодня вы свободны, ваше состояние, ваша жизнь кажутся вам безопасными; но завтра, может быть, уже завтра, вы будете обвинителями или обвиняемыми; и, возможно, прямо сейчас враждебно настроенный гражданин только и ждет удобного момента, чтобы застать вас врасплох; может быть, черная интрига заставит правосудие подозревать вас – кто знает? Может быть, когда-нибудь ваши руки окажутся в кандалах. О, мои сограждане! Слушайте и будьте уверены; излагая наши обязанности, я расскажу вам о ваших правах; узнайте, как мало вам нужно бояться исходя из тех обязательств, которые мы должны выполнить.

Сегодня вы свободны, ваше состояние, ваша жизнь кажутся вам безопасными; но, может быть, уже завтра, вы будете обвиняемыми; и, возможно, прямо сейчас враждебно настроенный гражданин только и ждет удобного момента, чтобы застать вас врасплох.

Все добродетели, все качества судьи связаны с отправлением уголовного правосудия; но я ограничиваюсь описанием тех зримых последствий, которые приносит бдительность в предотвращении и расследовании преступлений, а также последствий усердия и справедливости – в проведении судебного разбирательства.

Однако прежде всего я спрашиваю: откуда взялась роковая необходимость наказывать людей? Откуда следует, что они не могут обойтись без уголовных законов? Кажется, что с хорошими гражданскими законами уголовные законы стали бы

навсегда бесполезны; и, наконец, что такое хороший гражданский закон?

Это такой закон, который действует в согласии с природой, предлагает каждому гражданину только то, что соответствует его благополучию, и запрещает только то, что может ему навредить; такой, который из счастья каждого составляет общественное счастье и, учитывая все частные интересы, образует общий интерес. Как же может случиться, что гражданин нарушает такие законы, что хочет действовать против самого себя, отказывается от своего счастья, нарушая свои обязательства?

Человеческое сердце легко объясняет эту трудность. Хорошие законы приносят нам счастье в общественном состоянии, но они отнимают счастье, которое мы могли бы испытать в естественном состоянии: они не предписывают ничего, что не соответствует нашему благополучию, но запрещают то, что соответствует нашим удовольствиям; и то, что они дают отдыху, они отнимают у страстей; наконец, хорошие законы сначала возмущают своими запретами, и нужна довольно веская причина, чтобы люди восхищались ими.

Кроме того, человек, который видит и знает только самого себя, находящийся во власти личных интересов, всегда тайно вынашивает намерение ради своей безопасности оставить другим подчинение законам, но самому избавиться от такого подчинения ради собственной выгоды: пути, которые он хотел бы укрепить для других, он развязывает только для себя самого. И это то зло, которое необходимо было предотвратить; в этом цель и назначение уголовных законов: наказание, которое они налагают за нарушение законов, является новым основанием для их соблюдения; и все искусство уголовных законов состоит в том, чтобы так хорошо регулировать тяжесть наказаний, чтобы, всегда превышая тяжесть страстей, безошибочно склонять гражданина на сторону долга. Не в моей компетенции, не говоря уже о моих способностях, углубляться в природу уголовных законов: я рассматриваю только важность их применения и необходимость бдительности в суде – вот что занимает меня в первую очередь.

БДИТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ ЕСТЬ ПОСТОЯННОЕ ВНИМАНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ ГРАЖДАН

Я вижу мать, которая окружает заботой своих детей; она следит за ними и прикрывает их от посторонних глаз, присматривает за ними во время их сна и постоянно наблюдает за ними во время их бодрствования: более склонная к предотвращению болезней, чем к их лечению, она расставляет вокруг них пред-

меты в соответствии с их потребностями, их слабым организмом; она отбрасывает, она отдаляет все, что может причинить вред, и приближает все, что полезно; она, одним словом, своими руками составляет счастье их раннего возраста. Такова моя идея той роли, которую судья должен играть среди сограждан; то, чем природа вдохновляет одного, долг повелевает другому.

До установления гражданского порядка человек, несомненно, был единственным хозяином самого себя: свободный среди природы, все его силы принадлежали ему, и все они служили только ему: он был для себя первым двигателем и единственным объектом. Его способности, его покой, его счастье сами по себе не были результатом взаимодействия, которым его собраты имели право распоряжаться; только он составлял единое целое: если люди сталкивались друг с другом, то это были не разъединенные части одного и того же тела, это были отдельные тела, которые препятствовали друг другу.

Но с тех пор, как он лишил себя своей естественной свободы, чтобы подчиниться законам, с тех пор, как он уступил часть своих прав, чтобы обеспечить пользование остальными, и ограничил свою волю, чтобы расширить свою власть; теперь, когда его счастье – в обществе, установился новый порядок; человек больше не принадлежит самому себе; он является достоянием общества, он больше не управляется движениями собственной воли; он руководствуется планом общего разума. Он признает лишь немногих, кто выше его, но все остальные равны ему, он подчиняется, но больше не подвергается насилию – одним словом, управление заменило инстинкты, а счастье человека стало делом человеческой мудрости.

Такова по крайней мере цель гражданского общества; и, если результаты не всегда ей соответствовали, винить в этом надо себя самих, ибо мы часто превращали в яд самое действенное лекарство от неизбежных зол естественного состояния.

Часто говорят о беспристрастности судьи, но, возможно, это наименьшая из его добродетелей; во всяком случае она должна проявляться после всех прочих; это последнее средство, когда других уже не осталось. Судить по законам – невелика мудрость, но заставить соблюдать их – вот искусство, полезное и трудное; займемся сначала предотвращением зол, тогда будет время наказывать за них.

Думаете ли вы, что злодей, при всегда явных примерах бдительности правителя, осмелится предаваться своим пагубным замыслам? Он оглядывается и видит только свидетелей, готовых дать на него показания, и простого человека, готового подать на него в суд – он трепещет, бледнеет, прячется от его взора; он ищет тени и находит повсюду лишь ненавистный свет: едва мысль о преступлении возникает, как он подавля-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ет ее в глубине души и все еще боится, чтобы пронизательное око правителя не подстерегло бы его. Он бежит, наконец, с земли, что не терпит порока, или становится добрым, потеряв надежду быть злым безнаказанно.

Но стоит правосудию на мгновение закрыть глаза – и все меняется: по мере того, как бдительность засыпает, преступление пробуждается, меч законов в окостеневших руках уже не может утратить его; оно шествует дерзко, едва лишь почует себя без свидетелей, оно нагло нападает на граждан, чьи крики и смятение слишком поздно пробуждают уснувшего правителя; тогда-то граждане могут жаловаться одновременно и на того, кто причинил зло, и на того, кто не сумел его предотвратить, и, избличая преступника, обвинять судью.

Человек не принадлежит самому себе; он является достоянием общества, он больше не управляется движениями собственной воли; он руководствуется планом общего разума. Управление заменило инстинкты, а счастье человека стало делом человеческой мудрости.

Однако и добродетель имеет свои пределы, и в излишестве своем она становится пороком. Берегитесь смешивать с бдительностью те опасные дознания о мыслях людских или о поступках, незначимых для нас по своей природе; давайте отделим от нее эти постыдные проявления трусливой вражды, раскрывающей зло, на которое у нее самой не хватило бы смелости. Чиновник, бдящий над общественным порядком, должен согласиться не знать того, что бесполезно или опасно знать: ему не должно проникать слишком глубоко в те семейные тайны, чья скрытность составляет их сладость и цену; пусть он не нарушит своим суровым присутствием тех невинных, хотя и сокрытых, удовольствий, что свидетельствуют о порядке и единении граждан; будем лучше укреплять эти нежные узы общества вместо того, чтобы расторгать их недоверием; пусть друг будет всегда уверен в друге, супруг в супруге, брат в брате, отец в своих детях. Было бы преступлением вооружать природу против нее самой; вскоре низкие соглядатаи заняли бы место добродетельных граждан, и вы унизили бы нравы, желая слишком осветить поступки. Возможно, одним словом, лучше было бы всегда быть уверенным в возможности найти власть имущих в случае нужды, нежели видеть их действительно повсюду. Но, главное, их присутствие не должно всегда сопровождаться

наказанием и страхом – приятнее возвещать защиту и мир, и око правосудия – это не око циклопа, что открывалось лишь для выбора жертв.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

НЕ МЕНЕЕ ВАЖНЫМ ПРАВИЛОМ ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ТЩАТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Удивительно, что столь важная, столь священная обязанность так часто остается в небрежении.

Любое преступление всегда наносит ущерб не только какому-либо конкретному гражданину, но и вообще всему обществу, частью которого он является. Магистрат отвечает за этот двойной интерес, и усердие является частью его обязанностей, потому что оно обеспечивает успех его забот.

Подумайте о тех первых моментах, когда весть о каком-то ужасном событии распространяется по нашим городам и селам; граждане похожи на тех, кому угрожает удар молнии – каждый охвачен негодованием и ужасом, встревоженное воображение живо рисует опасность, и сердца, движимые жалостью, оплакивают в других беды, которых они страшатся и для себя самих. Вот и настало время наказать преступника: не позволяйте ему уйти, поспешите изобличить и осудить его, возводите эшафоты, разжигайте костры, тащите виновных на общественные площади, громко созывайте народ. Тогда вы услышите, что люди аплодируют оглашению ваших приговоров как провозглашению мира и свободы; вы увидите, что они прибегают к этим ужасным зрелищам как к торжеству закона: вместо этих напрасных сожалений, этой глупой жалости, вы увидите вспышку той радости и той жестокой бесчувственности, что внушаются любовью к миру и ужасом перед преступлением; каждый, все еще видя в обвиняемом своего врага, вместо того, чтобы обвинять мучителя в слишком суровой мести, увидит в нем только справедливость законов. Весь наполненный этими ужасными образами и этими полезными идеями, каждый гражданин расскажет об этом в своей семье; и там, в долгих рассказах, передаваемых с жаром и выслушиваемых с жадностью, его дети, собравшись вокруг него, откроют свою юную память, чтобы в неизменных чертах воспринять идеи преступления и наказания, любви к законам и к родине, уважения и доверия к судебной власти.

Жители сельской местности, также бывшие свидетелями подобных примеров, расскажут об этом по всей округе, и вкус добродетели укоренится в этих грубых душах, в то время как злодей, пораженный всеобщей радостью, уstraшенный тем, что

видит вокруг столько врагов, откажется, быть может, от замыслов, чей исход столь же скор, сколь и губителен.

Но, если вы позволите испариться жару, который вызывает-ся первыми звуками преступления, если вы наказываете поздно, вы наказываете излишне; тщетно вы пытаетесь воскресить память о давнем злодеянии – краткое (публичное) напоминание не в силах пробудить впечатление, стертое временем.

Народ, бесчувственный к опасности, о которой он забыл, восплает жалостью лишь к преступнику, видя его выходящим из долгого предварительного заключения, в его оправдание будет говорить жалость; у него больше не будет того отвратительного вида, который придает преступнику еще недавнее преступление; и правосудие останется одиноким среди безмолвных зрителей, втайне осуждающих его суровость и желающих вырвать у него его жертву.

Но что же случилось с обвиняемыми, которые, внезапно похищенные и на долгие годы отторгнутые от общества, являются словно из-под земли, чтобы быть преданными казни? Взгляните на эти печальные стены, где человеческая свобода заперта и скована кандалами, где иногда невинность путают с преступлением и где испытывают все мучения до последнего: подойдите ближе; и если ужасный лязг кандалов, если пугающая тьма, глухие и отдаленные стоны, леденящие ваше сердце, не заставят вас в ужасе отшатнуться, войдите в эту обитель боли; осмелитесь на мгновение спуститься в эти мрачные темницы, куда никогда не проникал дневной свет, и в изуродованных чертах лиц увидите своих собратьев, израненных кандалами, наполовину покрытых какими-то лохмотьями, зараженных воздухом, который никогда не обновляется и, кажется, пропитан ядом преступления; заживо съеденных теми же насекомыми, которые пожирают трупы в их могилах; едва утоляющих голод грубой, скупо раздаваемой пищей; постоянно встревоженных жалобами своих несчастных товарищей и угрозами безжалостного надзирателя; менее напуганных мучениями, чем измученные их ожиданием; в этом долгом мученичестве всеми своими чувствами они призывают на помощь смерть, более сладкую, чем их несчастная жизнь.

Если эти люди виновны, они все равно достойны жалости; и судья, который откладывает решение их дела, явно несправедлив по отношению к ним. Закон назначил публичное наказание, которого должно быть достаточно для искупления их преступления и удовлетворения общества, поэтому это длительное мучение в жестокой тюрьме – новое наказание, которое возлагается на виновного³, и превышать меру наказания –

3 Речь идет о предварительном заключении – нахождении под стражей до вынесения решения по существу.

значит нарушать закон: избыток тем пагубнее, что он вредит одновременно и виновному, и обществу, и что все пребывание узника в тюрьме потеряно как пример для других людей⁴.

Но, если эти люди невиновны, о горе! о, жалость! При этой мысли человечество издает из глубины души ужасный и протражный крик. Что?! Этот человек, рожденный свободным, стонет под тяжестью кандалов; этот человек, которому предназначались свет и воздух небес, едва дышит в ужасной темнице; этого семьянина насильно вырывают из объятий жены и детей; скорбь, отчаяние и голод овладели его тихим жилищем; эти руки, обнимавшие нежную жену, подрастающее потомство, эти руки, которые давали им средства к существованию, которые сеяли, которые собирали, эти руки, столь необходимые государству, недостойно связаны; чистое и непорочное сердце находится в местах, запятнанных угрызениями совести, – невинность, одним словом, находится среди преступников! Здесь нельзя удержаться от глубокого стога по поводу несчастий человеческого положения; именно здесь, устремив взор на Провидение, равно с горечью и изумлением, говорят: «О человек, какова твоя участь! Страдать и умирать – вот два великих предела твоего поприща».

Какой судья, хоть немного чуткий к своим обязанностям, к самой человечности, мог бы вынести эти мысли? Сможет ли он в уединении кабинета, не содрогаясь от ужаса и жалости, взглянуть на эти бумаги – злополучные памятники преступления или невинности? Не кажется ли ему, что он слышит стонущие голоса, исходящие из этих роковых писем и побуждающие его решить судьбу гражданина, мужа, отца, семьи? Какой безжалостный судья, если ему поручено только одно уголовное дело, сможет хладнокровно пройти мимо тюрьмы? Итак, это я, скажет он, задерживаю в этом отвратительном месте моего ближнего, возможно, равного мне, моего согражданина, человека, наконец! Это я сковываю его каждый день, закрываю перед ним эти отвратительные двери! Возможно, отчаяние овладело его душой; он с проклятиями возносит к небесам мое имя и, без сомнения, свидетельствует против меня великому Судье, который наблюдает за нами и должен судить нас обоих! Законы требуют, чтобы я судил, общественность требует, чтобы я судил, несчастный преступник тоже требует этого от меня; а я, наоборот, предаю отдыху! Быть может, в сей миг надежда на безнаказанность закрадывается в сердце злодея; он в трепете ожидал казни своего сообщника: но промедление ободряет его и оживляет его замыслы; уже, быть может, он заносит нож над голову какого-нибудь гражданина!

⁴ То есть общая превенция закона не работает при длительном пребывании обвиняемого в предварительном заключении.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Злодей, остановись! Темницы отворятся; по крайней мере прежде, чем совершить преступление, приди узреть кару своего сообщника!

Вершина совершенства законов и чести судебной власти состояла бы в том, чтобы сделать тюрьмы ненужными: вместо нескольких бесполезных памятников искусства мы триумфально показывали бы наши заброшенные тюрьмы и больницы, мы могли бы сказать завистливым иностранцам: «Все наши граждане живут в достатке и добродетели»!

Но на такое большое счастье нельзя надеяться; и люди, которые не нарушали бы законов, не нуждались бы в них. Давайте не будем стремиться к тому, чтобы сделать народ мудрым, достаточно того, чтобы им хорошо управляли, и, несомненно, никто не будет отрицать, что расторопность в наказании является одним из важнейших правил хорошего правления. Одним словом, хотим ли мы поддерживать общественный порядок? Чтобы за злодеями бдительно наблюдали, неустанно преследовали и судили их без промедления?

Впрочем, какое сладостное удовлетворение для настоящего судьи, для сердца гражданина, для чувствительной души думать, говорить себе: общественный покой – это мое дело; это я наказываю преступление, а невиновность пользуется своими правами; тюрьмы теперь не более чем временное убежище, безжалостно очищенное от отбросов общества; благодаря моему усердию я больше не вижу вокруг себя никого, кроме честных людей; я не мог вынести преступления на той земле, на которой живу, я истребил его, или изгнал; или, если еще остался какой-нибудь злой человек, он дрожит от одного моего имени – как от имени своего самого страшного врага; это стоило мне покоя, но награда достойная: я сделал добро, и все решения, которые я вынес, являются памятниками добродетели!

Усердие судьи в отправлении гражданского правосудия превозносится; это, несомненно, добродетель, но давайте поставим ее на место: усердие в отправлении уголовного правосудия должно быть намного важнее.

Что это за гражданское правосудие, которое занимается задачей нескольких клочков земли, целью которого является только собственность, столь чуждая природе человека; которое хоть и вынуждено отдавать их достойным, отнимает тем не менее землю у трудолюбивого гражданина, чтобы отдать ее праздному, отнимает у экономного, чтобы обогатить скупого, и на самом деле является всего лишь орудием нескольких богатых людей, которые одни, владеющие всем, все еще могут о чем-то спорить? Что это за правосудие по сравнению с уголовным правосудием, которое касается жизни или смерти граждан, их чести или позора, их прав или бесправия?

Жадные и спорящие люди, к которым нельзя подойти без вражды и ненависти! Вы устраиваете судебные процессы в сельской местности и захватываете с их помощью земли, вы неустанно просите своих судей, вы ропщете о малейшей задержке, само время рассмотрения отягощает вас; не жалеете ничего, чтобы выиграть дело: друзья, родственники, интересы – все идет в ход ради победы. Однако вы живете, вы свободны; вы пользуетесь всеми благами общества; возможно, вы были бы счастливы, если бы научились быть умеренными, и вы не думаете о том, что несчастные томятся в темницах, находясь между смертью и жизнью⁵; они несчастны, если виновны, и еще более несчастны – если невиновны; вы не думаете о том, что общественный порядок нарушен и что государство ждет наказания преступника или освобождения невиновного гражданина.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Давайте не будем стремиться к тому, чтобы сделать народ мудрым, достаточно того, чтобы им хорошо управляли, и, несомненно, никто не будет отрицать, что расторопность в наказании является одним из важнейших правил хорошего правления.

Будьте справедливы хоть раз, оставьте на время свои бесполезные споры и уступите место для более важных общественных интересов – или, если вы хотите получить право жаловаться, станьте гражданами, забудьте о своем деле и займитесь делом общественным; добивайтесь уголовного преследования виновного, и тогда вы будете жаловаться, если хотите, – правосудие вернет вас обратно⁶.

Господа, давайте предоставим личности граждан такую же скорую и надежную защиту, как и их имуществу: наше время всем обязано и первой, и второму. Лампа судьи, работающего на общество, должна загораться задолго до лампы ремесленника, работающего только на себя; сейчас не время сожалеть о потерянном отдыхе, размышлять о себе – мы отдали себя, наша клятва выполнена; давайте воздержимся от того, чтобы первыми подавать пример неверности: и прежде всего

5 В оригинале именно в таком порядке.

6 Трудно понять, что здесь имел в виду автор. По всей видимости, речь идет о том, что если дело истца действительно важное, то оно уголовное. Слово «жалоба» в контексте уголовного процесса означает заявление потерпевшего о гражданском иске в уголовном деле. «Правосудие вернет вас обратно» скорее всего означает, что после заявления потерпевшего о совершении преступления он возвращается в процесс уже в роли гражданского истца в уголовном деле. А вот «бесполезными спорами» названы чисто гражданские процессы: Серван дает понять, что на фоне уголовных дел имущественные споры частных лиц – дело второстепенное.

давайте никогда не будем забывать, что быстрота суждения является частью справедливости; что судить слишком поздно – значит быть несправедливым. После всего сказанного позволительно спросить: в чем же заключается наш долг? Быть беспристрастными.

В ЛЮБОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Я ВИЖУ ДВА ПРЕДМЕТА РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ОСУЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В каждом решении по уголовному делу определяют виновного в преступлении и то, какое наказание ему назначено. Первый вопрос – дело судьи, второй – только закона.

Бдительность судьи должна помогать в раскрытии преступления, а его проницательность – распознавать виновного. Итак, я полагаю, что состав преступления установлен и осталось только выяснить, кто его совершил: это решающий момент в исполнении должностных обязанностей судьи, и его разум должен изнывать под бременем долга.

Каждый день в обществе спрашивают, кто совершил преступное деяние, и каждый раз подобные вопросы решаются без колебаний, при этом наши частые ошибки нисколько не охлаждают нашей опрометчивой уверенности.

Пусть нетерпеливый и тщеславный человеческий разум беспорядочно выносит свои бессмысленные суждения о фактах, безразличных к человеческой жизни; но там, где речь о жизни и чести граждан, о самом существовании людей и обо все том, что придает ему ценность, пусть слабый наш разум остановится прежде, чем вынести решение; пусть он оценит свои силы и измерит пропасть, которую ему предстоит перешагнуть.

Мы заметим лишь, что первой заботой судьи должно быть точное понимание того преступления, по обвинению в котором он будет судить. Ни одно обстоятельство не должно быть упущено: место, время, лица, все признаки, сопровождающие правонарушение; необходимо рассмотреть преступление со всех сторон: часто из едва заметной щели пробивался внезапный свет, озарявший судью. Скольких деталей требует эта работа! Это и выбор свидетелей обвинения; и осторожность, чтобы верить лишь тому, что они действительно могут знать; точное знание места, знание времени, когда было совершено преступление; характер, заинтересованность тех, кто обвиняет. Сколько предварительных решений нужно вынести до приговора! Сколько нитей нужно распутать, чтобы развязать узел одного единственного деяния! Горе судье, который не чувствует важности этих деталей! Ничто не является мелочью в столь

великом деле; и, поскольку необходимо, так сказать, сопоставить преступление с обвиняемым, необходимо пристально изучить и первое, и второго; ибо если важно как следует понять преступление, то, возможно, еще важнее – как следует понять обвиняемого.

Я знаю, что наши законы запрещают расследование любых других преступлений обвиняемого, за исключением того, которое является предметом обвинения; но этим они скорее хотели ограничить процедуру, нежели управлять мнением судьи; и было бы весьма опрометчиво выносить решение о несправедливости или истинности обвинения, не имея хотя бы какого-то представления о характере, нравах и интересах обвиняемого.

Но что! Неужели нужно узнать всю историю его тайной жизни, чтобы судить об одном единственном поступке, который затрагивает общественные интересы? Неужели нужно рыться во всем его прошлом, чтобы прояснить что-то конкретное? Без сомнения, хотелось бы, чтобы это было возможно; хотелось бы сочетать быстроту правосудия с неторопливостью мудрости: но все человеческое имеет свои недостатки; и самое обычное правило для судьи – мириться с малыми неудобствами ради достижения великих преимуществ.

Итак, это правда, что, если подходить к вещам со всей строгостью, целой жизни человека не хватило бы, чтобы решить судьбу другого; но наша мудрость – это искусство самоограничения. Нескольких удачно выбранных черт, нескольких верно подмеченных моментов жизни обвиняемого будет достаточно, чтобы судья смог представить себе его интересы и нравы.

В обществе совсем немногие действия являются изолированными; импульс, который они вызывают, передается по цепочке всему, что их окружает; самые грубые люди – это очень пронизательные моралисты, которым личный интерес открывает посредством тонкого чутья все недостатки тех людей, которых им важно узнать лучше. Пусть судья знает, как отбирать свидетельские показания и управлять допросом: если он только захочет знать, то вскоре будет информирован; он узнает, является ли этот человек, которого обвиняют в убийстве, жестоким или умеренным, любит ли он мстить, хотел ли он причинять вред; прошлое прояснит для него настоящее, и, именно сравнивая преступление и обвиняемого, он установит высший уровень вероятности, окончательное суждение о которой является лишь общим расчетом.

Можем ли мы обвинять человека, известного своим мягким нравом, в ужасном поступке? Можем ли обвинять робкую и слабую девушку в дерзком и сложном в исполнении преступлении? Можем ли обвинять гражданина, всеми любимого за бескорыстие и честность, в подлом и низком поступке? Разум восстает

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

против обвинения, которое уже противоречит правдоподобию, и бежит прочь при одном лишь появлении обвиняемого.

Вы, судящие людей, остерегайтесь ложной мысли, что все люди в равной степени способны на все; что человеческое сердце, рожденное порочным, без усилий порождает чудовищ и что достаточно мгновения, чтобы смешать невинность и преступление. Не позорьте свою природу мрачной склонностью подозревать ее; всегда принимайте во внимание жизнь, до сих пор невинную и чистую. Покажите своей благородной верой в добродетель, что вы сами добродетельны. Одним словом, повторю: чтобы верно судить о настоящем, вдумчиво исследуйте прошлое.

Настал критический момент, когда обвиняемый предстанет перед взорами своих судей. Я спешу спросить: какой прием вы ему уготовили? Примете ли вы его как судья или же как враг? Намереваетесь ли вы утратить его или же наставить? Что станет с этим человеком, внезапно вырванным из своей темницы, ослепленным дневным светом, который он вновь видит, и перенесенным вдруг в среду людей, которые будут вершить его судьбу, решать вопрос о его жизни или смерти? Уже трепещущий, он едва поднимает неуверенный взор на вершителей своей участи, и их мрачные взгляды пугают и отталкивают его. Ему кажется, он заранее читает свой приговор в зловещих складках на их лбах; его уже помутившиеся чувства поражены грубыми и угрожающими голосами; те немногие проблески разума, что у него остались, окончательно затмеваются, его мысли путаются, его слабый голос с трудом выдает неуверенные слова, и, как верх несчастий, его судьбы, возможно, приписывают смятению преступления тот беспорядок в мыслях, что порожден одним лишь ужасом от их вида.

Как вы заблуждаетесь насчет смятения этого обвиняемого, вы, кто, возможно, и сами не осмелились бы говорить уверенно перед горсткой собравшихся! Разгладьте свой сморщенный лоб, позвольте прочесть в ваших взорах трепетную заботу о человеке, которого желательно найти невиновным; пусть ваш голос, мягкий в своей серьезности, словно открывает вместе с вашими устами путь к вашему сердцу; подавите тайное отвращение, которое внушают вам вид этих оков и ужасная внешность нищеты; остерегайтесь смешивать эти двусмысленные признаки преступления с самим преступлением – и помните, что под этими печальными внешними чертами, возможно, скрывается добродетельный человек.

Какое зрелище! Поднимите глаза и узрите над вашими головами образ вашего Бога, который был невинно обвинен: вы – человек, будьте человечны; вы – судья, будьте умеренны; вы – христианин, будьте милосердны. Человек, судья, христианин,

кто бы вы ни были, уважайте несчастье; будьте мягки и сострадательны к человеку, который раскаивается, а возможно, и не в чем ему раскаиваться.

Но оставим внешность судьи, чтобы обсудить опасное искусство, о пользе которого мне часто доводилось слышать; это искусство – сбивать с толку обвиняемого каверзными вопросами, даже ложными предположениями, и использовать таким образом хитрость и обман для раскрытия истины. Это искусство не столь уж сложно: голову несчастного обвиняемого кружат сотней разрозненных вопросов – делается вид, что не соблюдается порядок фактов; ему ослепляют взор, заставляя быстро вращаться вокруг множества различных предметов; и, внезапно остановив его, ему приписывают признание, которого он не делал, ему говорят: «вот ты только что сознался; ты противоречишь себе, ты лжешь, и ты потерян».

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

**Наша мудрость – это искусство самоограничения. }
Нескольких удачно выбранных черт, нескольких }
верно подмеченных моментов жизни обвиняемого }
будет достаточно, чтобы судья смог представить себе }
его интересы и нравы. }**

Какое презренное коварство! И каков его эффект? Обвиняемый остается в оцепенении; слова его судьи обрушиваются на его голову, как нежданная молния; он потрясен, видя себя преданным самим собой; он теряет память и рассудок; факты путаются и смешиваются; и часто мнимое противоречие заставляет его впасть в противоречие действительное.

Так ли должна поступать непредвзятая справедливость? И с каких пор отправление правосудия стало состязанием в софистике? Еще если бы у обвиняемого, как это делалось у некоторых мудрых народов, был защитник, который мог бы говорить за него и помогать его слабости; если бы хладнокровный человек отвечал спокойному судье и проницательность допрашивалась бы искусностью, если бы, одним словом, существовало какое-то равенство между нападением и защитой – но простой человек перед опытным судьей, обвиняемый, объятый ужасом, перед спокойным и владеющим собой судьей, человек, чье единственное спасение – истина, в то время как против него используют искусство и ложь; нет, это искусство отвратительно и несправедливо; да не оскверним мы им наших почтенных обязанностей; мы будем верны другому искусству – простоте, пойдем к истине через истину; последуем за обвиняемым во всех фактах, но шаг за шагом и не торопя его;

будем наблюдать за его путем, но не сбивая его; и если он падет, пусть это будет под напором истины, а не наших ловушек.

Здесь моим глазам внезапно предстает страшное зрелище: судья устает допрашивать словом, он хочет допрашивать пытками; нетерпеливый в своих изысканиях и, возможно, раздраженный их бесплодностью, он велит принести факелы, цепи, рычаги и все эти орудия, изобретенные для страдания. Палач приходит, чтобы вмешаться в отправление правосудия, и завершает насильем допрос, начатый в условиях свободы.

Кроткая философия, ты, что ищешь истину лишь со вниманием и терпением, ожидала ли ты, что в твой век будут употреблять такие орудия для ее открытия!

Неужели правда, что наши законы одобряют этот непостижимый метод и обычай его освящает? А мы упрекаем древних за их цирки и гладиаторов, наших отцов – за испытания водой и огнем. Ах! Лучше уж отдать обвиняемого на арену – по крайней мере у него будет свобода защищаться; пусть его бросят в пламя – у него будет по крайней мере надежда на случайность или бегство. Жестокие безумцы, что мы собой представляем! Неужели стоны – это то, что мы хотим услышать? Ах! Без сомнения, можно приказать пытать; но, если мы ищем истину, неужели в смятении боли мы надеемся ее найти? Увы! Кто из вас не испытывал боли? Какой человек не знает ее ужасного воздействия на существо, которого чувствительность делает столь слабым? Страдающий человек больше не похож на себя самого; он стонет, как дитя, и мечется, как безумный; он взывает о помощи ко всей природе; его слабый разум вскоре разделяет волнение его чувств и еще усиливает его воображением: его мысли искажены не менее, чем его черты; все его способности то активны, то подавлены, то возбуждены, то вновь ослабевают, и в этой всеобщей конвульсии его существа нет ничего постоянного, кроме сильного желания положить ей конец. Соберите, если хотите, все преступления и преследуйте человека болью; он покроется ими, если увидит в этом убежище. Величайшее преступление против нашей природы – это страдание, и сама смерть была бы ничем, если бы ей не предшествовала боль.

Я знаю, что следует уважать древние обычаи, и я подавил бы здесь голос чувства; я вдвойне усомнился бы в собственном спорном суждении, если бы не видел, что лучшие правительства и мудрейшие народы с ужасом отвергают пытку и поносят ее применение у нас как в ее последнем убежище. Наши величайшие мужи, наши первые гении обличили ее перед человеческим разумом, заранее заклеив ее в своих писаниях. Признаюсь, для меня большая честь присоединить свой голос к их голосам и публично высказать свидетельство в пользу челове-

ческого рода; и, если слепая вера в обычай возбудит против меня какого-нибудь критика, человечность, которая рукоплещет мне в глубине сердца, утешит меня от ропота предрассудка.

Это много значит – хорошо знать обстоятельства преступления и характер обвиняемого, тщательно сравнить их и обнаружить все взаимосвязи, – но это еще не все, и остается сделать самое важное, а именно, принять к рассмотрению и оценить свидетельские показания: это тройная неизбежность! Что жизнь свободного человека, которая должна зависеть лишь от законов, оказывается во власти страстей и ошибок его сограждан и что меч правосудия направляется свидетелями, часто лживыми или невнимательными.

Но, в конечном счете, нельзя оправдать или осудить обвиняемого исходя лишь из природы вменяемого ему преступления и тем более – из его характера и нравов: у нас больше нет граждан, столь великих, чтобы заставить умолкнуть обвинение, таких как Сципион, который сказал: «Пойдем на Капитолий возблагодарить богов за мои победы»⁷. Этого было достаточно для оправдания – напомнить своим судьям, кем он был; те времена прошли, и те возвышенные души, превосходящие само подозрение, канули в лету. Удел обыкновенных людей зависит от других людей, и сила свидетельских показаний решает его.

Но есть ли у нас какое-то верное правило, какая-то общая мера для определения ценности свидетельских показаний? Вот где трудности умножаются, и, признавая необходимость наших процедур, поражаешься их дерзости. Нет, без сомнения, эти свидетельства не имеют точной меры, и правда, что мы судим, не имея надежного правила для руководства нашим суждением.

Когда наш разум работает с собственными идеями или когда мы формулируем суждения на основе собственных ощущений, истина, которая давит на нашу душу, так сказать, непосредственно с ней соприкасаясь, рождает убеждение, почти одинаковое у всех людей. Но, когда нам недостает ясности рассудка или достоверности чувств, когда мы вынуждены идти за знаниями к другим, а не к самим себе и составлять свои суждения на основе чужих свидетельств, тогда не остается ничего определенного и универсального. Что же это за люди, к которым я обращаюсь? Какое право имеют они желать, чтобы им верили? Какую власть их ощущения имеют над моими чувствами, их разум – над моим рассудком? Какое средство имею я удостове-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

7 Здесь автор ссылается на историю осуждения брата Публия Корнелия Сципиона, бывшего героем войны с Карфагеном, победителем Ганнибала. Сципион сорвал суд над своим братом, просто призвав всех помолиться в память о его победе. См.: Тит Ливий. *История Рима от основания города: В 3 т.* М.: Наука, 1993. Т. 3. С. 310–311.

риться, что они знают все, что мне говорят, или что по крайней мере они говорят мне лишь то, что знают, что они не являются ни обманщиками, ни невеждами? Какова, одним словом, связь между тем, что есть на самом деле, и теми пустыми словами, которыми они поражают мои уши?

Только опыт может служить мостом к нашим знаниям: чтобы верить людям, нужно испытать то, что они говорят, проверить их ощущения нашими собственными и их знания – нашим разумом. Опыт – единственная мера вероятности, но сколь изменчива эта мера! Все ли люди имеют опыт? Все ли имеют его в достатке? Все ли имеют равный опыт?

Придворный, привыкший к порокам и страстям, тысячекратно обманутый или сам становящийся обманщиком, приученный к недоверию собственным опытом, слишком часто сталкивавшимся с окружающей лживостью, нелегко распознает священные черты истины в устах людей; тогда как простодушный сельский житель, живший лишь среди столь же простых людей, как он сам, без тени подозрения поверит самому легковесному свидетельству. Возьмите, одним словом, сколько угодно людей, заставьте их измерить, сколько вмещают в себя одни и те же свидетельские показания, и вы найдете лишь различные соотношения.

Каковы же тогда будут необходимые условия для точного определения ценности свидетельств и степени вероятности? Эти условия невозможно выполнить. Для этого нужно было бы существовать во все времена и во всех местах, досконально знать страсти и интересы людей, признаки, которые их характеризуют, и силу различных побуждений, толкающих от порока к добродетели, от заблуждения к истине. Нужно было бы в каждом случае сравнить все эти различные элементы, чтобы составить из них средний элемент, общую единицу, которая служила бы мерой для всех суждений.

Но зачем говорить о том, что не в силах нашей природы? Вернемся к человеку и установим, что он должен, исходя из того, что он может. Что сказать судьям, занятым определением судьбы обвиняемого на основе ценности свидетельств? Какие советы им предложить? Один, еще слишком молодой, чтобы не доверять людям, у которых не было времени его обмануть, не станет ли он верить им слишком легко? Другой, состарившийся и всегда погруженный в исполнение обязанностей, которые не показывали ему почти ничего, кроме невежества или злобности, не станет ли он слишком невосприимчив к свидетельствам?

Более искусственный судья, сумевший соединить изучение законов с изучением людей, сказал бы им: не доверяйте своим суждениям, основанным на неполном опыте, научитесь позна-

вать людей, они не всецело хороши и не всецело порочны, но распознавайте случаи, когда страсти вынуждают их становиться теми или другими. Хотите в этом преуспеть? Тщательно разбирайте и оценивайте каждое показание по добросовестности свидетеля и его осведомленности; разлагайте вновь эти главные элементы, наблюдайте его добросовестность в его интересах, привычках, страстях, нравах; измеряйте его осведомленность по его роду занятий, образованию, талантам и стольким другим обстоятельствам, не менее существенным; затем сравнивайте эти свидетельства, наблюдайте их соответствие или противоречие; и из всех противоречащих друг другу переменных величин определяйте те, что у вас остаются.

Что вам сказать! Вместо того, чтобы останавливаться на первом впечатлении, произведенном усилием слепого опыта, выбирайте свои мотивы; разделяйте все эти черты и запечатлевайте в себе ясный образ, который, представляя вам доказательства в их истинном порядке и их должном объеме, мог бы удовлетворить ваш разум и утешить ваше сердце, если вам выпадет несчастье осудить человека.

Если же какой-либо судья, отвергая эти советы, осмелится подумать про себя, что столь пристальное внимание сделает его обязанности слишком тягостными; если кто-либо зародит в своей душе это отвратительное чувство, то я обращаюсь не к нему: я обращаюсь к судьям, которые сообразовали меня выслушать, они не станут экономить несколько дней своей жизни, когда речь идет о решении всей жизни другого. Какой варварский судья захотел бы рискнуть из-за поспешного приговора заплатить ценой убийства несколько мгновений жизни, которую он всецело должен посвящать обществу?

Один известный судья утверждал, что те, кто готовит себя к судебной должности, слишком пренебрегают изучением вероятности; он желал, чтобы у нас было хорошее руководство, в котором были бы изложены правила правдоподобия. Такое сочинение, без сомнения, было бы полезно, особенно если бы сделать эти правила наглядными, применив их ко множеству хорошо подобранных примеров.

Но судья почти ничего не сделал бы, если бы ограничился этим изучением, нужно изучать людей среди самих людей, и я осмелюсь думать, что один день наблюдения в обществе просветил бы его больше, чем целые месяцы уединенных размышлений. Некоторые суровые мужи смотрят на светскую жизнь как на нечто чуждое, куда судья не смеет ступить, не нарушая своих обязанностей. Однако же верно, что общение с людьми может стать для судьи источником самых полезных наставлений. Именно там, близко к страстям, можно различить их истинный характер, степень силы и направление, которое они

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

придают человеку, – будь то в их столкновениях или в их со-
четании; привычка видеть людей учит читать сердце по при-
творным чертам их лица.

Привычка слышать их и сравнивать их слова с поступками,
наконец, учит истинному смыслу этого языка интереса, кото-
рый никогда не говорит то, что хочет сказать.

Так опыт и внимание формируют в нас чутье к ложному и
истинному, которое не дается ученостью и без которого нель-
зя обращаться с показаниями людей, не ошибаясь в их весе.
Дойдут даже до того – так могущественна привычка, – что бу-
дут судить о них с быстротой, равной их точности; и судья, об-
ладающий этим двойным преимуществом, сможет наилучшим
образом использовать эти знания, полученные, казалось бы,
в легкомыслии.

Пусть судья накопит в своей памяти все эти позитивные за-
коны (которые суть произвольное творение людей) – вот он,
возможно, и способен решить несколько гражданских дел;
но и тогда, если его память не упорядочена здравым смыслом,
его знания послужат лишь тому, чтобы сбить его с толку; его
голова – это пещера, из которой он извлекает законы, чтобы
принести их в жертву; подобно великану из басни, который
выпускал спутников Улисса, запертых в его пещере, лишь для
того, чтобы пожрать их.

Однако я согласен с тем, чтобы он использовал гражданские
законы наилучшим образом: уголовное правосудие требует
его первостепенного внимания; обвиняемый предстает перед
его судом; речь уже не идет о механическом применении яс-
ного закона к признанному факту; речь идет об установлении
факта неопределенного, факта скрытого, факта, который дол-
жен определить судьбу человека. Чем поможет судье в испол-
нении этой обязанности знание гражданских законов? Сумеет
ли он узнать людей, распознать все обстоятельства, характе-
ризующие их действия, составить верное представление о ха-
рактере и интересах обвиняемого, сравнить его со всех сто-
рон с вменяемым ему преступлением, оценить свидетельства,
разделить их, сопоставить, объединить, проследить их во всех
приближениях от сомнения к достоверности? Он знает только
законы; они даже не учат распознавать честных людей, тем
более – разбираться в тех, кто таковыми не является. Все эти
мотивы вероятности, все эти моральные величины соберутся
в его уме хаотично, чтобы составить бесформенную массу, ко-
торая будет воздействовать не собственной силой, а лишь со-
гласно состоянию души, которая их воспринимает. То слабая
и склонная к обману, она увлечется самым легким свидетель-
ством; а в другие времена, непреклонная в своей суровости, не
уступит даже очевидности; и жизнь людей, менее уважаемая

здесь, чем жизнь самых низких животных, которых умерщвляют лишь по необходимости, станет игрушкой невежества или дурного настроения.

Времена, возможно, изменятся; настанет момент, когда опыт откроет судье глаза; когда крики непризнанной и осужденной невинности будут терзать его душу и нарушать его покой; когда судью будут оценивать лишь соответственно его раскаянию и его несчастью. Но пусть он подавит эти крики, если сможет; пусть утешает свою невежественность своей добросовестностью – никогда он не сможет спасти свою честь; публика, которая является первым цензором своих судей, которая, не успевая предстать перед их судом, уже призывает их к своему, – публика уже вынесла им свой неотвратимый приговор. Он вписан во все воспоминания, и каждый судья может сказать себе: я почитаем или опозорен в умах всех моих сограждан – мысль ужасная и утешительная для души, чувствительной к чести! Счастливы еще тот народ, который заставляет тех, кто им управляет, желать, чтобы он оценил их, и который возвращает себе через общественное мнение власть, уступленную им законам!

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Счастлив тот народ, который заставляет тех, кто им управляет, желать, чтобы он оценил их, и который возвращает себе через общественное мнение власть, уступленную им законам!

Судья может какое-то время скрывать свое невежество в законах; столь серьезные предметы едва ли становятся темой легкомысленных людских бесед – но чего он никогда не сможет скрыть, так это своей неспособности судить по уголовным делам; чего он никогда не сможет скрыть, так это страстей, которые его воспаляют – его доверчивости или упрямства, предвзятости, предрассудков, прихоти настроения, незнания нравов и характеров людей, – того, что его семья, слуги, друзья, его окружение знают задолго до него и гораздо лучше, чем он сам.

Какое унижительное зрелище для глаз мудрого человека – видеть невежество и слабость ребенка в том, кто властен решать судьбы людей! Какая ужасная и обескураживающая мысль для добродетельного гражданина! Так вот кто вершитель моей судьбы; если какой-нибудь порочный человек осмелится обвинить меня, вот судья, который мне уготован. Боже правый! Сжался над моей участью и возьми на себя мою защиту; удали от меня злодеев, которые пожелали бы напасть на меня, раз я лишен судей, которые должны были бы меня защищать. Это мнение

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

передается из уст в уста, и вскоре на этого судью смотрят как на общественное бедствие; его имя с содроганием произносят в числе судей; люди не хотели бы допустить его до всего того, что им дорого, как убирают ценные вещи из рук ребенка, который все ломает, потому что ничего не знает.

Как губительно это уныние граждан! Сколько зол приносит недоверие народа к тем, кто им управляет! Наказания бесплодны, потому что люди сомневаются в их справедливости: среди тщетного зрелища казней недоверие и жалость тайно спрашивают, невинен или виновен тот, кого приносят в жертву; и, далекие от той радости, которую внушает защита, дарованная законами, все испытывают ужас, порождаемый подозрением, что он ею оставлен.

Какое оскорбление для правосудия, что первый и самый спасительный совет, который дают обвиняемому, это уклониться от правосудия! Так один философ, обвиненный после смерти Сократа, сказал, покидая жестокие Афины: «Спасем философию от второго надругательства». Невинные люди, оставайтесь на своем месте; в отношении вас вынесено обвинение – это несчастье общества; но будьте тверды и бесстрашны; законы на вашей стороне, и их служители не предадут их. Осмельтесь даже претерпеть унижение заключения; вы выйдете из него лишь для того, чтобы присутствовать на казни своих врагов; все, что природа пожелала нам даровать из света разума, все, что ученость и размышление могут к нему добавить, наши дни и ночи мы готовы все принести в жертву вашему спокойствию.

Чистая и святая справедливость! Мы никогда не оставим тебя; ты перейдешь из наших сердец в наши решения; мы начертаяем твой живой образ нашей кровью, если потребуется, чтобы навечно явить нашим согражданам пример любви к людям и к отечеству.

Но как трудно исполнять твои веления, когда ты предписываешь нам осудить обвиняемого, которого только что изобличила, когда нужно избирать для преступления наказания и кары, когда ты приказываешь людям послать человека на смерть! Это последнее усилие судьи; но, вернее сказать, это дело закона, и в наших печальных обязанностях мы менее авторы, нежели первые свидетели осуждения обвиняемого: это мы выдвигаем против него закон, который его осуждает, это мы этот закон провозглашаем; сомнительно, чтобы мы могли даже его толковать⁸. И в самом деле, остережемся думать, что судья имеет несчастное право распоряжаться по своему произволу наказанием виновного; один лишь закон – хранитель и распределитель

8 Французским просветителям было свойственно радикальное понимание принципа разделения властей, что означало, что судьям отказано даже толковать законы.

кар; он один – господин граждан, и в качестве законодателей наши короли – наши истинные господа.

Ни один человек по своей природе не имеет права вершить судьбу другого человека, налагать кары за его проступки и приказывать ему умереть. Даже отцы не имеют этой власти над своими детьми, и их авторитет, кажется, иссякает к тому времени, когда разум делает человека восприимчивым к наказанию, делая его способным к преступлению. Римляне, у которых нравы сначала оставляли так мало места законам и которые были так заинтересованы в поддержании законов отцовской властью, сочли себя обязанными ограничить эту власть: они полагали, что добрые отцы могут стать несправедливыми судьями, и они больше боялись заблуждения страстей, нежели надеялись на правильность природы.

Но, если ни один человек не получил от природы законной власти распоряжаться судьбой и жизнью себе подобных, конечно, он никогда не получит ее и по соглашению: какой безумец мог бы отречься от своей свободы, своей жизни, себя самого, чтобы целиком предаться людям, слабым, как он, страстным, как он, равнодушным к его защите и порой заинтересованным в его уничтожении? Никогда гражданин не согласится быть произвольно судимым отдельными людьми (из) общества, которому он принадлежит, ни даже всем этим обществом целиком. Возьмите, в самом деле, сколько угодно людей, и они всегда объединятся против кого-то одного: кто поручится ему, что они будут справедливы к нему, что они осудят согласно его вине, а не своим страстям, согласно делу, а не моменту? Чем будет гарантирован их приговор – числом судей? Но толпа заблуждается, и именно малое число любит и знает истину: Аристид был осужден народом Афин.

Гарантиями будут их добродетели и их просвещенность? Но кто поручится мне за просвещенность там, где я вижу страсти, и за добродетель там, где я нахожу частные интересы? Судьи Сократа были обольщены или подкуплены. Человек, получивший от природы лишь мгновение существования, не оставит этого существования среди подводных камней и бурь без всякой защиты, и эта столь живая любовь к самосохранению есть тайный приказ Божества: не доверяться другим, никогда не отказываться от себя самого.

Странный парадокс: гражданин не может быть осужден без его согласия, и никакая кара не законна, если она не избрана самим виновным! Природа закона проясняет эти кажущиеся противоречия: закон есть не что иное, как общественная воля; и, хотя ее формирует и провозглашает единственный законодатель, она остается результатом и выражением всех частных волей. Законодатель, очерчивая круг собравшихся людей, огра-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ничивает их интересы и, направляя их всех кратчайшими линиями к общему центру, воздвигает законы как непогрешимый маяк, к которому каждый должен стремиться.

Что же тогда представляет собой закон для каждого гражданина? Это акт его собственной воли, это его разум, очищенный другим; это то, что он сказал бы, если бы хорошо подумал, то, что он сделал бы, стремясь поступить правильно; это творение законодателя, которое он присваивает себе через справедливое повиновение. Одним словом, гражданин, соблюдающий законы, превращает свой разум в разум общественный; он чтит свой ум тем, что заменяет его общественным и связывает прерогативу свободы ярмом долга.

Рассматривая вещи по их природе, уголовный закон, таким образом, есть не что иное, как обязательство, взятое каждым гражданином перед всеми другими: подчиниться таким-то наказаниям во всех случаях, когда он совершит такие-то преступления. Следовательно, верно, что виновный гражданин заранее определил наказание за свое преступление; и судья, который только что его изобличил, может сказать, показывая ему закон: «Я больше не твой судья; это закон тебя осуждает, или, вернее, это ты сам себя осуждаешь через закон, который ты признал».

Гражданин, соблюдающий законы, превращает свой разум в разум общественный; он чтит свой ум тем, что заменяет его общественным и связывает прерогативу свободы ярмом долга.

Таким образом, уголовные законы всегда должны быть максимально обширными и точными, и незаменимы в уголовных законах подробности являются излишними для других законов. Связано это с тем, что фактические действия определить гораздо труднее, чем права.

Но мало установить преступление – нужно еще установить за него наказание. Уголовные законы должны предлагать судье столь точную картину преступлений и их наказаний, чтобы ему оставалось лишь без труда и неопределенности выбирать, по мере того как возникают общественные беды, средство, указанное законом.

Не надо бояться в этом признаться: наши уголовные законы весьма далеки от этого совершенства; вместо того, чтобы образовывать через хорошо выдержанную градацию наказаний и преступлений двойную цепь, все части которой соответствуют друг другу, и охватывать собой все политическое общество,

они разрозненны, бессвязны и оставляют между собой пустоты, где судья может заблудиться.

В самом деле, наши законы не различали ни преступлений, ни наказаний; они не разделяли преступлений по их роду, виду, объекту, степени. Какая, однако, разница между преступлениями по их объекту! Одни более непосредственно затрагивают частных лиц, другие – общество, одни – суверена, другие – самого Бога. Какие различия в преступлениях по их степени! Сколько оттенков нужно отметить, сколько проступков нужно различить – от непочтительности до святотатства, от ропота до мятежа, от угрозы до убийства, от злословия до клеветы, от мошенничества до захвата чужого имущества.

Если мы рассмотрим преступления по отношению к частным лицам, на которых они посягают, следует ли смешивать проступок гражданина против другого гражданина с проступком супруга против своей супруги, отца против своих детей, детей против своего отца? Гражданин нарушает лишь общественный договор; супруг нарушает еще один: отец, оскорбленные дети вдобавок (к общественному договору) преступают законы природы. Разве все эти проступки не бесконечно различны? И, однако, мы их не различаем. Странная вещь! У нас есть полные номенклатуры для растений и животных, но их не хватает для наших моральных действий. Наши исследования существуют уже несколько веков, и только со вчерашнего дня мы думаем о морали. С окраин поприща наук мы возвращаемся, наконец, к самим себе, как путешественник, который видел все, кроме своей родины; гражданин мира, чужой в собственном доме.

Если мы и установили на сегодняшний день какое-то различие для преступлений, оно хуже, чем полная путаница – ибо легче разобраться в объектах, не имеющих никакого порядка, чем в тех, что имеют плохой. Знаем ли мы в самом деле истинные границы общих преступлений и привилегированных преступлений⁹, королевских случаев¹⁰ и обычных случаев? Сколько нерешенных вопросов по этому пункту!

Не смешивали ли слишком часто обычные преступления и религиозные? Сколько проступков наказывалось в этой жизни, которые должны были судиться лишь в другой! Всегда ли мы достаточно уважали права совести – это священное убежище, где каждый должен быть в безопасности, чтобы судить себя самого по обвинению угрызений совести? Если бы никогда не упустили из виду соразмерность преступлений, стали бы на-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

9 То есть совершаемых духовенством и дворянством, для рассмотрения подобных преступлений была своя подсудность, определяемая исходя из сословного принципа.

10 Под ними понимается совокупность тяжких преступлений, рассматриваемых королевскими судами, – это в основном государственные преступления и тяжкие преступления против личности.

казывать контрабанду с такой же суровостью, как заговор, насилие и общественное угнетение? Если бы проступки супругов, отцов и детей были различены согласно порядку природы и нравов, то природа и чистота нравов были ли бы так скоро развращены?

Но определили ли мы наказания лучше, чем преступления? Без сомнения, нет – и первый порок влечет за собой второй. Это своего рода максима – наказания произвольны в этом королевстве: эта максима удручающа и позорна; мы не знаем даже точных границ применения бесчестья, этого столь важного и столь деликатного наказания, которое могло бы стать заменой стольким другим, которое так подходит народу, любящему честь; одним словом, истинное наказание для француза.

Определили ли наши законы продолжительность и меру изгнания согласно каждому проступку, каждому преступлению? Значит, надо считать родину ничем, раз относятся к изгнанию с таким безразличием.

Разве каторжное наказание не меняется по произволу судьи? Каждый день судьи совещаются, должны ли они приговорить преступника к каторге на определенный срок или пожизненно; законы безмолвствуют, надо их восполнять. Однако на один год страданий больше или меньше – разве это так мало для столь чувствительного существа, живущего так недолго, что законы могли пренебречь самим этим распоряжением? Какое различие мы установили в наших казнях? Смерть, всегда смерть – и почти в одной и той же форме: однако какая пропасть между преступлениями! Самый ужасный убийца наказывается не иначе, чем несчастный, которого нужда и голод толкнули на большую дорогу, чтобы отнять силой хлеб, не разделенный с ним из милосердия.

Слуга, который унес без спроса то, что его хозяин постыдился бы предложить ему в дар, будет повешен на той же виселице, что и тот, кто похитил все состояние хозяина. Нельзя скрывать этих ошибок наших законов – и то, что мы осмеливаемся сказать во всеуслышание, каждый тысячу раз говорил самому себе втайне.

Мне возражат, быть может, что столь точное распределение преступлений и наказаний чрезмерно умножило бы уголовные законы. Трудолюбивый судья не выдвигает этого возражения – большой объем хороших законов его не пугает; беспристрастного и осмотрительного судью скорее стесняет слишком широкий выбор наказаний.

Так является ли недостатком иметь больше законов при условии, что у нас будут лишь необходимые законы? Бояться ли нам, что судья не сможет их удержать в памяти? Хотят ли отказать его памяти в доверии, которое оказывают его суждению,

и находят ли более легким и надежным толковать законы, нежели изучать их?

Судьи, сведущие в истинных принципах уголовного правосудия, никогда не будут сожалеть о печальной и опасной свободе выбирать наказания; они с радостью пойдут вслед за законами и содрогнутся, если когда-либо будут вынуждены их направлять. Однако такова роковая необходимость, к которой приведен французский судья; и суверен возлагает на него обязанность определять наказания при отсутствии законов, или, вернее, согласно духу наших законов.

Чем менее законы разъясняют, тем более судья должен знать; чем больше в них недостатков, тем более он сам должен быть от них свободен; и толкователь должен обладать талантами законодателя. Какие обязательства на вас возложены! Какое бремя – отправление уголовного правосудия! И что печально, речь идет не о следовании истинному духу хороших уголовных законов, а о постижении особого духа наших законов.

Дух всякого хорошего уголовного закона заключается в том, чтобы сочетать, насколько это возможно, наименьшее наказание виновного с наибольшей общественной пользой.

В общем, дух всякого хорошего уголовного закона заключается в том, чтобы сочетать, насколько это возможно, наименьшее наказание виновного с наибольшей общественной пользой. Неделимая точка, где эти две вещи соприкасаются, – единственная, которую следует отметить. Прямой разум, поддержанный чутким сердцем, неизбежно сумел бы ее обнаружить; но, по прискорбной судьбе, наши уголовные законы не имеют этого духа. Кто бы поверил, что канонические установления, религиозные предписания, идеи, почерпнутые из источника, из которого человеческая полития никогда не должна была черпать, – кто бы поверил, что эти вещи сформировали часть положений наших уголовных законов и постоянно уводят нас от их истинной цели?

Кроме того, наши обычаи, наши нравы, обстоятельства изменились, в то время как наши уголовные законы всегда оставались неизменными, и их дух стал почти несовместим с нашей нынешней ситуацией. И даже если бы мы предположили, что эти уголовные законы подходили нам тогда, это не значит, что они походят нам сейчас. Осмелимся сказать, что во все времена, во всех местах людям нужны человеческие законы, а многие из наших таковыми не являются.

**ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН**

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Повсюду и без разбора они расточают смертную казнь; преступления – самые различные по своей природе, самые ужасные, а подчас и самые незначительные – караются одной карой: можно подумать, что в своей поспешности они захотели сделать из всех преступлений один ком, чтобы разом его сокрушить. Разум изумляется, и сердце обливается кровью при чтении их страшных наказаний.

В них часто видят, что кража наказывается, как убийство; и на большой дороге жизнь человека ценится не больше его золота. Опрометчивое установление, которое подвергает головы граждан опасности ради обеспечения их имущества и которое вынуждает злодея совершить два преступления, когда он замыслил лишь одно.

Кражи со взломом караются смертью, а взлом включают почти все кражи. С тех пор, как недоверие закрыло сердца, какие ценности у людей остаются на виду? Никакого различия между первой кражей и последующими, между соблазном и привычкой.

Что скажем мы о наказании, наложенном за домашнюю кражу? Суровые и скупые хозяева уже трепещут за свою собственность и восстают против кроткого голоса жалости: что станет с нашим состоянием, восклицают они, если наши дома не будут надежным убежищем? Кто-то мог бы сказать, что эти состояния не потеряны для государства; что они лишь меняют хозяев: но я знаю, что государство – гарант собственности; но я знаю также, что государство – защитник людей, и что богатства хозяев – ничто по сравнению с жизнью последнего из их слуг, и что содрогаешься при мысли об этом бесчеловечном обмене головы гражданина на самую мелкую монету.

Странная вещь – столь суровый закон исправился сам собой: ужас видеть виселицу у своих ворот и страх ненависти и публичных проклятий останавливают жалобу хозяев; и сама чрезмерность наказания породила безнаказанность кражи, которую более умеренный закон, несомненно, пресек бы; однако, несмотря на эту снисходительность, находим ли мы наши дома менее безопасными? Участились ли кражи? Выбор слуг и бдительность хозяев ежедневно восполняют закон. Люди, обладающие всеми благами общества, вот ваш метод! Чтобы избавить себя от труда их охранять, вы осуждаете на смерть тех, кто осмелится к ним прикоснуться; и то, что сделала бы простая бдительность, вы покупаете ценою жизни человека.

Есть ли основания жаловаться на закон, который осуждает на то же наказание укрывателя кражи и того, кто ее совершил? Есть ли некая дистанция между этими двумя действиями?

Можно ли понять, что простой фальшивомонетчик наказывается той же казнью, что и свидетель, чья ужасная ложь по-

ставила под угрозу жизнь и честь невинного? Неужели мы никогда не перестанем смешивать лица и вещи и оценивать человека металлами?

Также справедливо ли, что умысел убийства наказывается как исполнение? И зачем наши законы отняли у нас средство раскаяния, которое могло бы остановить злодея от исполнения своего умысла?

Несчастный ввозит несколько запрещенных товаров, и его посылают заплатить на колесе скромную прибыль, которую он укрыл от самых богатых людей государства¹¹. В счастье и покое они, без сомнения, не ведают об ужасной жертве, которую приносят их состоянию.

Если мы назначаем за не самые тяжкие преступления такие наказания, которые, казалось бы, требуются честью и природой, какие же казни мы тогда приберегли для тех преступлений, что оскорбляют и то и другое? Как будем мы наказывать ужасное убийство, отцеубийство? Если уже достаточно крови было пролито за малейшие проступки, строгости наказаний не будет для действительно тяжких преступлений. Даже если установят наказанием смерть, более жестокую, то я увижу, как на том же колесе погибают и публичный вор, и чудовище, убившее своего отца! Что ему делают сверх того? Отсекают руку, совершившую это непостижимое злодеяние, – вот и все различие в казнях, которое должно отмечать различие в преступлениях.

Наши законы с самого начала прибегли к смертной казни; что же они могли сделать после? Они немного варьировали ее форму, но эта уловка безрезультатна: такова природа человеческого сердца, что в казнях, наблюдаемых издали, злодей видит лишь смерть, не учитывая разницы в страданиях казнимого; и виселица, и колесо предстают в его будущем в одном и том же образе.

К чему же послужили все эти суровости? К тому, чтобы мы напрасно проливали кровь, которую можно было бы сделать полезной для отечества; к тому, чтобы ускорить развращение нравов, исказив верные понятия о справедливости моральных поступков; к тому, чтобы сделать дурных граждан менее чувствительными к закону. Казни, назначаемые за малейшие преступления, способствуют безнаказанности более тяжких; и, желая слишком легко залечить легкую рану, наши законы разожгли внутри лихорадку.

Какое удивительное противоречие в наших нравах! Мы, вкладывающие столько радости в жизнь, лелеющие все, что мило, и так охотно берушие все, что сладко; мы, у которых в ру-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

11 Речь о казни контрабандистов путем колесования – одной из самых жестоких и мучительных.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ

УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

как лишь цветы, а в устах песни; мы, чья душа восприимчива ко всем чувствам, чей легкий ум открыт всем идеям, мы приняли законы, способные сокрушить чела и сердца из бронзы!

Мы празднуем наши публичные торжества в местах побоищ, орошенных кровью; эти кроткие и легкомысленные люди хоят крови повсюду; они не могут прожить даже мгновения наедине с самими собой, не могут обойтись без общения с себе подобными; и беспрестанно варварский предрассудок вкладывает им в руку против них же меч. Их законы подражают их предрассудкам; публичные наказания столь же жестоки, как и частные мщения, и акты их разума едва ли менее безжалостны, чем акты их страстей. В чем же причина этого причудливого противоречия? В том, что наши предрассудки древни, а наша мораль нова; в том, что мы так же проникнуты нашими чувствами, как невнимательны к нашим идеям; в том, что жадность к удовольствиям мешает нам размышлять о наших потребностях и что мы более спешим жить, чем управлять собой. Это, одним словом, означает то, что наши нравы мягки, но не хороши; то, что мы учтивы, но мы даже не человечны.

Не обвинят ли меня в недостатке уважения, которое мы должны оказывать законам? Мудрые мужи, скажите мне, оскорбляю ли я законы тем, что желаю более совершенных. Возвещаю это робким людям, суеверным почитателям всякого древнего обычая; возвещаю это буйным людям, помещающим главу правосудия на облако и показывающим лишь его руки; возвещаю это всем: пока наши уголовные законы существуют, я никогда не перестану уважать их как гражданин; я никогда не перестану трудиться, чтобы заставить других уважать их, как судья; но как друг человечества я буду желать их преобразования.

Я провозглашаю это желание моего сердца, потому что считаю его полезным и справедливым; и, если бы меня могли убедить, что опасно возвещать подобную истину, я заключил бы ее в своей душе; но она жила бы там, сколько и я сам; пока хоть капля крови течет в моих жилах и заставляет мое сердце биться, я буду стенать об этой истине, которую в таком случае увижу потерянной для моих сограждан.

И даже если бы все наши уголовные законы были хороши, разве не было бы нам позволено думать, что есть другие, более совершенные? Следовало ли тогда запрещать нам надежду, даже самое желание подражать им?

Неужели никогда не будут различать распущенность, желающую все разрушить, и любовь к благу, желающую изменить лишь зло? Распущенность хочет все разрушить лишь для того, чтобы ничего не менять; любовь к благу заменяет зло благом или благо еще большим; распущенность лишь жаждет анархии; любовь к благу требует лишь свободы; распущенность не

хочет никаких законов; любовь к благу не хочет ничего, кроме лучших законов.

Но слабость или злость услаждаются, смешивая их: всякая смелая истина – предмет страха для малодушного человека и предлог для обвинения со стороны злого. Эта ложная почтительность состарила мир на ошибках его детства, и часто одна-единственная истина, которую предрассудок держал в плену в голове великого человека, смягчила бы участь человечества и изменила бы судьбы народов.

Будем особенно опасаться закрывать рты по вопросам, касающимся наших самых насущных интересов; и, пока нам так много нужно трудиться для себя самих, не будем растрчивать нашу душу на безразличные предметы.

Но что! Разве только с сегодняшнего дня говорят о преобразовании наших уголовных законов? Разве наш последний король не начал этого славного предприятия?

Гражданский ордонанс, Уголовный ордонанс – вот истинные завоевания Людовика XIV; ибо завоевать земли – значит взять их в собственность; завоевать людей – значит обеспечить их жизнь.

Если хотят измерить путь, который уголовное правосудие прошло от наших первых королей до последнего царствования, от испытаний огнем и водой до Уголовного ордонанса¹², увидят, что истина сделала шаг в сто раз больший, чем тот, что ей осталось сделать. Какой предмет для соревнования нашему веку! Если мы увидим, что Уголовный ордонанс устарел, разве не будем мы пытаться превзойти его? Вот уже скоро век, как уголовное правосудие основывается на этом славном памятнике – не время ли нам отказаться от этого реликта [прошлого], чтобы вознестись к более совершенным законам? Все возмущает нас это счастливое изменение: никогда прежде так не говорили о нравах и добродетели. Уже время начинает смягчать те суровости, которые невежество сформировало в душах, в остальном чувствительных; уже философия бросает взгляды на уголовные законы. Ее успехи медленны, но верны: подобно часовым стрелкам, что отмечают время, люди не замечают, как они движутся, но видят, как они прибывают.

Благодаря нескольким мудрым мужам, у нас уже есть хорошие сочинения об этом важном предмете, и, возможно, готовы появиться лучшие; ибо хорошее сочинение – это факел, который зажигает тысячу других, умножает свет, не теряя своего

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

12 Речь идет об Уголовном ордонансе 1670 года, принятом при Людовике XIV. Это был основополагающий закон в сфере уголовного права и процесса с момента своего принятия и вплоть до Великой Французской революции. См.: Ишков А.Ю. *Уголовный ордонанс 1670 г. как источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма* // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2017. № 5. С. 135–144.

сияния. Возможно, мы недалеко от времени, когда более мягкие и человеческие уголовные законы излечат раны, нанесенные некоторыми чрезмерно суровыми законами.

Ах! Кто знает, как далеко может простираться наша смелость? Кто знает, не последуем ли мы примеру той августейшей государыни, которая ознаменовала начало своего правления отменой смертной казни?¹³ Кто знает, не прилетит ли человечность с крайнего севера в наши края? Давайте примем эту мысль; она делает честь, она утешает человеческое сердце; по крайней мере не отвергнем ее с поспешностью, в которой нас упрекают за столь многие другие спасительные истины. Исследуем, прежде чем восставать, и не будем всегда подражать тем детям, которые дурно обращаются со своей кормилицей, как только она хочет отнять их от груди. Человек судит о предметах лишь в сравнении; и таков наш дух, что казнь покажется нам суровой, как только она станет менее мягкой, чем все другие. Очень верно, что можно уменьшить величину наказаний, лучше различая их тяжесть; очень верно, что законодатель, начиная с самого легкого наказания и следуя прогрессии, всегда соответствующей прогрессии преступлений, наказывал бы последние преступления лишь умеренными карами.

Унизимся ли мы до того, чтобы считать себя неспособными к столь мягкому правилу! Мы, столь чувствительные к чести, – зачем нам умирать за преступление! Начнем с того, чтобы краснеть за него.

Если же, однако, мы боимся впасть в излишества безнаказанности, обуздывая излишества кары, то оставим эту неотвратимую смертную казнь. Но по крайней мере сбережем ее в качестве нашего последнего средства: следовало бы поместить ее на окраине наших уголовных законов, чтобы отдать ей неискупимые злодеяния и избавить себя от исключительных злодеев, жизни которых нельзя сохранять, не подвергая других опасности.

Насколько были бы достойны эти преобразования наших законов для самого человеколюбивого государя из всех, когда-либо существовавших! Более справедливые и мягкие законы в царствование Людовика Возлюбленного – какое великолепное соотношение!¹⁴

Воображение увлекает меня, и я представляю себе эту счастливую революцию под эмблемой памятника, который вознесся бы среди наших граждан и криков их признательности и радости. Правосудие, религия, жалость и самые кроткие добродетели украсили бы его своим благоговейным видом и трого-

13 Речь о российской императрице Елизавете Петровне, в правление которой смертная казнь не применялась.

14 Речь Сервана была опубликована в 1767 году, в период правления Людовика XV Возлюбленного. Никаких серьезных реформ уголовного правосудия в те времена не последовало.

тельными позами: прикованное преступление явилось бы там удрученное жизнью, осужденное на страдание и угрызения, худшие, чем страдание; оно отворачивало бы голову, стелая, чтобы призвать к себе смерть, которую человечность заставляет отступить. Эта любезная добродетель показала бы в своих пленительных чертах смесь радости, ужаса и жалости; и, попирая ногами убийственные орудия, заставляющие литься кровь людей, она подносила бы преступлению орудия наших полезных трудов. Над этими образами вознесся бы образ благодетельного государя, устанавливающего уголовные законы с видом суровым и нежным, каков вид отца, наказывающего своих детей без слабости и без излишества.

Господа, мы все – люди и, следовательно, друзья; мы все собрались здесь, в храме согласия и справедливости; воспользуемся этой торжественностью, чтобы возобновить священный договор, который природа внушает нам заключить со всеми нам подобными; и в то время, как люди великодушной профессии будут приносить присягу служить публике, поклянемся все в глубине наших сердец быть справедливыми и добродетельными, любить людей и быть им полезными.

*Перевод с французского, предисловие и примечания
Антон Ишкова*

**ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН**
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Наказ третьего сословия Парижа – апрель 1789 года¹

Созыв Генеральных штатов королем Людовиком XVI запустил цепочку событий, приведших к восстанию в Париже и взятию Бастилии 14 июля 1789 года. Когда король впервые более, чем за 150 лет, объявил о созыве Генеральных штатов – общегосударственного сословного собрания, – это вызвало волну политической активности по всей стране. Наиболее образованные представители различных сословий принялись за составление наказов будущим депутатам. Самые радикальные указы принадлежали третьему сословию – они защищали интересы большинства населения. Париж – культурная и интеллектуальная столица Европы, средоточие величайших умов XVIII века – представил свой наказ от третьего сословия. Краткий и емкий, он вобрал в себя все основные идеи, которые будут двигать революционерами вплоть до окончательного свержения монархии в 1792 году. Одним из составителей этого наказа (и секретарей, его утвердивших) был деятель революции, чье имя знает каждый, кто хоть немного интересовался новой историей Франции. Это Жозеф Игнас Гильотен, в дальнейшем предложивший законодателям использовать для приведения в исполнение смертных приговоров механическое устройство, чуть позже названное в его честь гильотиной. Именно в этом наказе впервые прозвучала идея разрушить Бастилию – буквально за несколько месяцев до самого этого знаменательного события, положившего начало революции. Таким образом, нижеследующий документ не только иллюстрация предреволюционных настроений, срез общественно-политических взглядов эпохи Просвещения, но также и зловещее предзнаменование надвигающейся бури. **[Антон Ишков]**

Общее собрание избирателей третьего сословия города Парижа прежде, чем приступить к выбору своих представителей и наделить их полномочиями, должно выразить сожаление по

1 Перевод наказа печатается по: *Cahier Du tiers-état de la ville de Paris* // MAVIDAL M.J., LAURENT E. (Dir.). *Archives parlementaires de 1787 à 1860. Cahiers des États généraux (clergé, noblesse, tiers état) classés par lettres alphabétiques de bailliages ou sénéchaussées*. Paris: Librairie Administrative P. Dupont, 1879. Ser. 1. Vol. 5. P. 281–290.

поводу слишком позднего созыва, который вынудил собрание ускорить свою деятельность².

Являясь французами, избиратели в первую очередь будут заботиться о правах и интересах нации; в качестве граждан Парижа они затем выдвинут свои особые требования.

Наказ, который они собираются дать, полагаясь на патриотизм и рвение своих представителей, делится на шесть частей: первая будет посвящена конституции; вторая – финансам; третья – сельскому хозяйству, торговле и консульской юрисдикции; четвертая – религии, духовенству, образованию, больницам и нравам; пятая – законодательству; шестая – особенно важным для города Парижа вещам.

НАКАЗ ТРЕТЬЕГО
СОСЛОВИЯ ПАРИЖА –
АПРЕЛЬ 1789 ГОДА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Мы предписываем нашим представителям безоговорочно отказывать себе во всем, что могло бы оскорбить достоинство свободных граждан, которые осуществляют суверенные права нации.

2. Общественное мнение, кажется, признало необходимость всеобщего обсуждения недостатков, проистекающих от [существования] различных порядков [заведенных на разных уровнях и в разных областях], ради преобладания общественного духа и чтобы облегчить принятие хороших законов.

3. Пусть представители города Парижа проявят твердость в этих вопросах: они будут смотреть на это как на священное право, как на предмет особого мандата.

4. Им прямо предписано не соглашаться ни на какие субсидии, ни на какие займы, пока Декларация прав нации не станет законом и основные принципы конституции не будут согласованы и закреплены.

5. Выполнив эту первую обязанность, они приступят к проверке государственного долга и его консолидации.

6. Они потребуют, чтобы любой вопрос дискуссии, представляющий большой интерес, дважды выносился на обсуждение с интервалами, пропорциональными важности вопросов, и мог быть решен только абсолютным большинством, то есть более, чем половиной, голосов.

2 Наказы начали составляться после издания королем соответствующего регламента 24 января 1789 года. См.: *Règlement fait par le Roi pour l'exécution des lettres de convocation du 24 janvier 1789 // DUVERGIER J. B. Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, et avis du Conseil d'Etat. Paris, 1834. Vol. 1. P. 13–19.* Основная масса наказов составлялась в феврале–марте, а в мае уже были созданы Генеральные штаты. Так что третье сословие Парижа, утвердив наказ в апреле, действительно задержалось.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

1. В любом политическом обществе все люди равны в правах.
2. Вся власть исходит от нации и может быть использована только для ее счастья.

3. Всеобщая воля устанавливает закон; публичная власть обеспечивает его исполнение.

4. Только нация может предоставить субсидию³; только нация имеет право определять ее размер, ограничивать ее продолжительность, распределять ее, назначать ее использование, требовать ее учета, требовать ее публикации.

5. Законы существуют только для того, чтобы гарантировать каждому гражданину право собственности на его имущество и личную безопасность.

6. Вся собственность неприкосновенна. Ни один гражданин не может быть арестован или наказан иначе, как на основании законного судебного решения.

7. Ни один гражданин, даже военный, не может быть отстранен от должности без судебного решения.

8. Каждый гражданин имеет право быть допущенным ко всем должностям, профессиям и званиям.

9. Естественная, гражданская, религиозная свобода каждого человека; его личная безопасность, его абсолютная независимость от любой другой власти, кроме власти закона, исключают любые преследования касательно его мнений, его речей, его сочинений, его действий, если они не нарушают общественный порядок и не ущемляют прав других лиц.

10. В соответствии с Декларацией прав нации наши представители будут прямо требовать отмены:

- личного рабства без какой-либо компенсации;
- земельных повинностей с компенсацией владельцу⁴;
- принудительного набора в ополчение;
- всех чрезвычайных комиссий⁵;
- нарушений публичного закона касательно писем, переданных по почте⁶;

3 Имеется в виду субсидии на содержание двора, органов исполнительной власти, ведение войны.

4 Речь идет о поземельных повинностях зависимых крестьян, которые предполагается выкупать у помещиков. Примечательно, что в России отмена крепостного права в 1861 году также предусматривала выкуп земли, размер которого был приравнен к повинности (оброку), а не к ее рыночной стоимости. В сущности, крестьяне выкупали повинность. См.: *Высочайше утвержденное Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий // Полное собрание законов Российской империи*. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1863. Собрание 2-е. Т. 36. Отделение 1. № 36659 (1861 г.). С. 176–177.

5 Чаще всего имеются в виду не предусмотренные, и потому не ограниченные законом судебные и квазисудебные органы.

6 Речь идет о почтовой цензуре, которая, судя по всему, была серьезной проблемой и фактически лишала людей права на тайну переписки.

– и всех исключительных привилегий, кроме как для изобретателей, которым они будут предоставлены только на определенный срок⁷.

11. В соответствии с рядом этих принципов должна быть предоставлена свобода печати при условии, что авторы будут подписывать свои рукописи; что типографы будут отвечать за тексты и что все они будут нести ответственность за последствия публикации.

12. Декларация этих естественных, гражданских и политических прав, согласованная в Генеральных штатах, станет национальной хартией и основой французского правительства.

Конституция

1. Во французской монархии законодательная власть принадлежит нации вместе с королем; только королю принадлежит исполнительная власть.

2. Ни один налог не может быть установлен никем иным, как нацией.

3. Генеральные штаты будут созываться периодически, каждые три года, без ущерба для внеочередных сессий.

4. Они не закроют ни одного из своих заседаний (сессий), не указав дня и места своего следующего заседания и времени проведения своих первичных собраний, на которых избиратели должны провести новые выборы.

5. В назначенный день указанные собрания начнут работу без каких-либо дополнительных указаний⁸.

6. Любое лицо, уличенное в совершении какого-либо действия, направленного на воспрепятствование созыву Генеральных штатов, будет объявлено изменником родины, виновным в преступлении против нации, и наказано трибуналом, который должен быть учрежден нынешними Генеральными штатами.

7. Порядок и форма созыва национального представительства будут установлены законом.

8. Вплоть до долгожданного объединения граждан всех сословий в совместном и общем представительстве граждане третьего сословия будут иметь по крайней мере половину представителей в Генеральных штатах.

9. В период между созывами Генеральных штатов не будут назначаться никакие комиссии с государственными полномочиями, а будут созданы лишь учреждения с исследовательскими и методическими функциями для сбора полезной информа-

7 Под привилегией изобретателей здесь понимаются патенты, ставшие предвестником института интеллектуальной собственности и авторских прав.

8 То есть никаких специальных актов об их созыве не потребуется.

ции и подготовки работы последующих Генеральных штатов. Наши представители поддержат просьбу колонии Сан-Доминго о принятии в Генеральные штаты; они будут ходатайствовать о том, чтобы депутаты других колоний также были приняты как наши братья, имеющие право пользоваться всеми преимуществами французской конституции.

10. В период между созывами Генеральных штатов могут быть приняты лишь временные постановления для исполнения того, что было согласовано в предыдущих Генеральных штатах, и эти постановления могут быть приняты в качестве законов только в последующих Генеральных штатах.

11. Личность монарха священна и неприкосновенна. Передача престола осуществляется по наследству в пределах правящего рода, по мужской линии, в порядке первородства, исключая женскую линию, и престол может быть отдан только принцу, родившемуся во Франции в законном и царственном браке.

12. При каждой смене монарха⁹ депутаты последних Генеральных штатов собираются по закону и без специального решения о созыве. Регентство во всех случаях может быть предоставлено только ими.

13. Действующие Генеральные штаты определяют, кто будет временно осуществлять регентство до проведения выборов следующих Генеральных штатов, во всех случаях, когда это может быть целесообразно.

14. Действующие Генеральные штаты решат, кто будет временно осуществлять регентство во всех случаях, когда оно должно быть назначено. Решение действует вплоть до созыва следующих Генеральных штатов.

15. При каждой смене правления новый король приносит присягу нации, а нация – королю. Текст присяги определяется действующими Генеральными штатами.

16. Ни один гражданин не может быть арестован, а в его жилище нельзя вторгнуться на основании письма с печатью¹⁰ или любого другого распоряжения исполнительной власти. Любое лицо, запросившее, подписавшее или исполнившее их, подлжет чрезвычайному преследованию и телесному наказанию, в то время как потерпевшие сохраняют возможность требовать возмещения ущерба, за который виновные лица несут солидарную ответственность.

9 В оригинале – «при каждом обновлении эпохи».

10 До Революции во Франции были распространены так называемые *Lettre de cachet* – «письма с печатью». Это уже подписанные и заверенные королевской печатью приказы о внесудебном аресте человека и помещении его в тюрьму. Вместо имени ставился пропуск, и получивший этот документ благодаря деньгам и/или связям – чаще всего знатный человек – мог отправить за решетку любого, кто не имел возможности раздобыть подобного документа. Существование подобных писем осуждалось просветителями, публицистами – и в том числе Наказами 1789 года. Подробнее см.: Боровой А.А. *История личной свободы во Франции. Т. 1, ч. 1: Старый порядок и революция*. М.: Типография Императорского Московского университета, 1910.

17. Те же наказания будут применяться к любому, кто запросил, отдал или исполнил подобные приказы по собственной инициативе.

18. Министры, администраторы и главные администраторы всех департаментов будут нести ответственность перед нацией, собравшейся в Генеральных штатах, за любые хищения, злоупотребление властью и нецелевое использование средств.

19. Все королевство будет разделено на провинциальные ассамблеи, состоящие из жителей провинции, свободно избранных от всех сословий в соответствии с установленными пропорциями.

20. Государственное управление во всех вопросах, касающихся распределения и сбора налогов, сельского хозяйства, торговли, производства, средств сообщения, различных видов благоустройства, образования и нравственности, будет поручено провинциальным ассамблеям.

21. Города, поселки и деревни будут иметь выборные муниципалитеты, которым также будет принадлежать решение вопросов местного значения.

22. Провинциальные ассамблеи и муниципалитеты не могут предоставлять субсидий или брать займов. Все должностные лица, входящие в их состав, будут нести равную ответственность за любые решения, принятые ими по этому вопросу.

23. Судебная власть во Франции осуществляется от имени Короля судами, состоящими из должностных лиц, абсолютно независимых от каких-либо решений исполнительной власти.

24. Любые изменения в порядке и организации судов могут быть внесены только законодательной властью.

25. Все дворяне без исключения могут заниматься торговлей и овладевать всеми полезными профессиями.

26. Не допускается в дальнейшем практика приобретения дворянства, будь то по должности или иным образом.

27. Генеральными штатами будет учреждена почетная гражданская награда, сугубо личная, а не наследственная, которая по их представлению будет вручаться королем гражданам всех сословий без каких-либо различий, заслужившим ее выдающимися патриотическими добродетелями и значимостью своих деяний.

28. Законы, принятые в Генеральных штатах, будут немедленно внесены в реестры высших судов и всех других трибуналов королевства, а также в реестры провинциальных и муниципальных собраний, будут опубликованы и вступят в законную силу на всей территории королевства.

29. Конституция, которая будет разработана в нынешних Генеральных штатах, в соответствии с только что изложенными нами принципами, станет достоянием нации и может быть из-

менена или дополнена только учредительной властью, то есть самой нацией или ее представителями, назначенными *ad hoc*¹¹ всеми гражданами исключительно для работы над завершением и совершенствованием этой конституции.

30. Текст конституции будет высечен на общественном памятнике, воздвигнутом для этой цели. Конституцию прочитают в присутствии короля при его восшествии на престол, после чего последует его присяга, а копию текста конституции вложат в протокол принесения этой присяги. Все лица, облеченные исполнительной властью, как гражданской, так и военной, магистраты высших и низших судов, должностные лица всех муниципалитетов королевства прежде, чем приступить к исполнению возложенных на них обязанностей, принесут клятву соблюдать Национальную хартию¹². Ежегодно в годовщину ее принятия она будет прочитана и опубликована в церквях, судах, школах, в каждом военном корпусе и на всех кораблях, и этот день станет днем торжественного празднования во всех странах, находящихся под французским владычеством.

ФИНАНСЫ

1. Все взимаемые в настоящее время налоги объявляются недействительными и незаконными; однако тем же актом они временно применяются до дня, установленного Генеральными штатами для их отмены и начала сбора свободно введенных ими субсидий.

2. Долг короля должен быть проверен и после проверки консолидирован и объявлен государственным долгом; и для облегчения его погашения и уменьшения его бремени постановляется, что нация должна вернуть себе государственные земли, заложенные, проданные или отчужденные с 1566 года¹³. Что касается обмена земель, Генеральные штаты должны распорядиться о пересмотре тех сделок, которые не соответствуют всем юридическим формальностям, и затем принять наиболее выгодное для нации решение в отношении этого обмена.

3. Жители столицы прямо заявляют об отказе от своих привилегий, будь то в отношении импортных пошлин на продук-

11 Латинское выражение, означающее «специально для данного случая».

12 Синоним конституции.

13 В 1566 году король Карл IX издал Эдикт о неотчуждаемости владений короны. Согласно ему, отчуждение королевских земель (королевского домена) запрещено за двумя исключениями (передача земель членам правящей королевской семьи и продажа с безусловной возможностью обратного выкупа). Таким образом, парижане требуют возвращения тех королевских земель, которые были незаконно отчуждены, что происходило по различным причинам, см.: *Edit sur l'inaliénabilité du domaine de la couronne. Moulins, février 1566; reg. au parl. le 13 mai // ISAMBERT F.A. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Vol. 14. Paris: Belin-Le-Prêtre, 1821. P. 185–189.*

цию их земель или привилегий на земли, используемые для их домов и садов для отдыха, и на их эксплуатацию.

4. Все особые налоги, будь то вещные или личные, такие как налог на землю, франк-феод¹⁴, подушная подать, налог на содержание ополчения¹⁵ и другие, будут отменены и заменены по мере необходимости общими налогами, которые будут взиматься в равной степени с граждан всех сословий.

5. Пошлины будут взиматься только при въезде в королевство, внутри же барьеры будут устранены¹⁶.

6. Генеральные штаты в первую очередь рассмотрят вопрос отмены губительных налогов эда и габеля, а также способы их замены¹⁷. Они займутся также отменой табачного откупа¹⁸ и заменой его другим налогом.

7. Генеральные штаты при формировании новой налоговой системы будут вводить в основном прямые налоги, которые станут распространяться на всех граждан, на все провинции и взимание которых будет самым простым и наименее дорогостоящим.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Генеральным штатам настоятельно предлагается Ассамблеей как можно скорее рассмотреть вопрос о нынешней высокой стоимости зерна; тщательно расследовать ее причины и виновников, а также рассмотреть пути эффективного и долгосрочного решения этой проблемы.

14 Феодальный сбор с недворян, владеющих землями.

15 В 1688 году Людовик XIV в связи с началом войны Аугсбургской лиги издал «Регламент о наборе ополчения» (*Règlement pour la levée des milices* // ISAMBERT F.A. *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Vol. 20.* Paris: Belin-Le-Prieur, 1830. P. 66–70.), согласно которому местное население на уровне церковного прихода должно выставить, вооружить и оснастить одного ополченца – неженатого мужчину в возрасте от 20 до 40 лет. Натуральная повинность по оснащению ополченца была в дальнейшем заменена на денежную, став, таким образом, одним из налогов. Именно поэтому в перечне налогов упоминается *milice* – ополчение, барщина, постой солдат (повинность в виде обязанности местного населения кормить и принимать у себя в доме солдат лежала тяжким бременем на простолюдниках многих стран Европы, освобождая государства от необходимости заботиться об этих вопросах. Постой солдат также рассматривался как своеобразный налог).

16 Речь идет об отмене внутригосударственных таможенных пошлин – пережитка феодальной раздробленности, который тормозил развитие внутренней торговли.

17 Эд (*Aides*) – косвенный налог на ряд товаров потребления, прежде всего на алкоголь. От него страдали в основном винодельческие регионы, вынужденные повышать цены и терять покупателей. Габель (*Gabelle*) – высокий косвенный налог на соль, которая до появления холодильников была крайне важна для консервации. О налогах во Франции до революции см.: Люблинская А.Д. *Франция при Ришелье: французский абсолютизм в 1630–1642 гг.* Л.: Наука, 1982.

18 Система откупов позволяла государству быстро получить деньги, продав откупщику право собирать налоги. На откуп отводились не только табачный, но и все вышеупомянутые налоги. Откупщики, разумеется, собирали налогов больше, чем платили за право сбора, и, стремясь к максимальному заработку, произвольно обирали население.

2. Генеральные штаты рассмотрят вопрос о мерах обеспечения права собственности на общинные земли и улучшения их плодородия.

3. Генеральные штаты рассмотрят вопрос осушения болот.

4. Генеральные штаты рассмотрят вопрос о мерах борьбы с голубями, являющимися бичом сельского хозяйства.

5. Каждый землевладелец имеет право огораживать свою собственность; выращивать на ней любые растения, которые он сочтет подходящими, и разрабатывать все находящиеся там шахты и карьеры.

6. Королевские охотничьи угодья (капитанства)¹⁹ простираются на 400 квадратных лье²⁰, а возможно, и больше: они являются бичом сельского хозяйства. Свобода и собственность там унижены и уничтожены: животные ценятся выше людей, а насилие постоянно нарушает естественный ход вещей. Депутаты будут специально уполномочены добиваться полного упразднения капитанств; в своем учреждении они настолько противоречат всем принципам морали, что их нельзя терпеть под предлогом смягчения их режима.

7. По естественному праву любой владелец может уничтожать на своем участке дичь и животных, которые способны причинить вред. Что касается права на охоту и средств, которые могут быть использованы как для ограничения, так и для сохранения этого права путем пресечения очевидных злоупотреблений, Ассамблея полагается на мудрость Генеральных штатов.

Торговля

1. Различные торговые договоры, заключенные между Францией и иностранными державами, будут рассматриваться Генеральными штатами на предмет определения и оценки их результатов в отношении Франции; и ни один из них не может быть заключен в будущем без передачи проекта всем торговым палатам королевства и Генеральным штатам.

2. В главных городах будет учреждена Торговая палата, состоящая из двадцати наиболее уважаемых торговцев, купцов, производителей, мастеров и ремесленников. В ее секретариате

19 Капитанства (*les capitaineries*) – территории с особым правовым режимом, чаще всего леса, названные так потому, что во главе каждой из них стоял «капитан охоты». Только король и знать могли охотиться на этих территориях, соответственно, вся дичь там находилась под охраной, и убивать этих зверей было нельзя даже в целях необходимой обороны. Животные из королевских лесов часто нападали на людей, топтали и разоряли поля, что было бедствием для крестьян, живших на этих территориях. К примеру, за убийство забравшегося в дом лося можно было отправиться на галеры. В наказах нередко содержались требования отмены капитанств (Токвиль А. *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя, 2008).

20 Один парижский лье накануне революции – это почти 4 километра. Подробно о различных французских мерах длины см.: DOURSTNER H. *Dictionnaire universel des poids et mesures anciens et modernes, contenant des tables des monnaies de tous les pays*. Bruxelles: M. Hayez, imprimeur de l'Académie royale, 1840. P. 210.

будут храниться все законы, постановления, статуты и тарифы Франции и других стран, касающиеся торговли или могущие представлять для нее интерес.

3. Национальные товары, вывозимые за границу, будут освобождены от всех экспортных пошлин, а товары с иностранных фабрик будут облагаться ввозной пошлиной в Королевство в зависимости от их характера и стоимости.

4. Вывоз сырья, предназначенного для нашей обрабатывающей промышленности, из Королевства будет запрещен, а сырье, предназначенное для нашей обрабатывающей промышленности, поступающее из-за границы, будет освобождено от пошлин.

5. Требуется, чтобы были предоставлены премии нашим мануфактурам, экспортирующим свои товары за границу²¹.

6. Нехватка древесины требует поощрения разработки торфяных и угольных шахт.

7. Генеральным штатам будет предложено определить, целесообразно ли для большей выгоды торговли строго соблюдать правила, установленные для производства, или [стоит] изменить эти положения, или, наконец, предоставить производителям неограниченную свободу.

8. В случае если эта свобода не будет предоставлена, инспекторы и младшие инспекторы по производству будут избираться торговыми палатами большинством голосов, и они будут обязаны отчитываться о своих визитах по мере необходимости²².

9. Все платы за проезд, понтонажи²³ и другие сборы такого рода с этого момента будут временно отменены, за исключением возмещения владельцам недвижимости, которое будет основано на учредительных документах.

10. Городские акцизы²⁴, пока они существуют, не могут взиматься с проходящих транзитом через город товаров и могут взиматься только с товаров, рассчитанных на потребление в этом городе.

11. Налог на кожу, известный как «клеимовая пошлина», уничтожая кожевенные заводы и кожевенную торговлю во

21 Речь идет об экспортных субсидиях и/или льготах производителям-экспортерам, которые должны способствовать росту экспорта.

22 Производственные инспекторы (*inspecteurs des manufactures*) – введенные кардиналом Ришелье должностные лица, которые проверяли на качество и соответствие королевским стандартам продукцию мануфактур. Эти должности, как и многие другие при Ришелье, продавались. Коррупция и мелочный бюрократизм инспекторов, их неподотчетность, изъятие товара, регулярные проверки наносили убытки производителям и даже приводили к восстаниям и убийствам инспекторов. См. главу «Промышленность» в: КНЕХТ Р. *Ришелье*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

23 Плата за проход или проезд по мосту (*Pontonage*) – один из многочисленных местных феодальных сборов в пользу землевладельца, по территории которого проходит караван.

24 Городской акциз – октруа (*octroi* или *droits d'octroi des villes*) – налог, который взимался с товаров, поступающих в город, служил значимым источником его доходов. Сильно увеличивал цену на сельскохозяйственные товары, снижая доступность продовольствия для городской бедноты. В случае транзита товара через города налог сильно бил по грузоперевозкам, приводя к значительному удорожанию перевозимой продукции. См.: ВЕВЕР А. *La suppression des octrois*. Paris: V. Giard, 1899.

Франции, вынуждает нас импортировать кожу из-за границы. Необходимо отменить этот налог, а также клеймовую пошлину на железо²⁵.

12. Никакая перечеканка монет, а также любые изменения их пробы или стоимости не могут производиться без согласия Генеральных штатов.

13. Единообразие мер и весов и иных величин устанавливается на всей территории Королевства.

КОНСУЛЬСКАЯ ЮРИСДИКЦИЯ (СИСТЕМА ТОРГОВЫХ СУДОВ) И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ВОПРОСЫ

1. Ордонанс 1675 года²⁶ будет полностью переработан, и будет принят общий торговый кодекс торговли.

РЕЛИГИЯ, ДУХОВЕНСТВО, БОЛЬНИЦЫ, ОБРАЗОВАНИЕ И МОРАЛЬ

1. Религия, необходимая человеку, наставляет его в детстве, подавляет его страсти на всех этапах жизни, поддерживает его в невзгодах и утешает в старости. Религию следует рассматривать в отношении с правительством, которое ее приняло, и с тем человеком, кто ее исповедует. Ее служители, как часть государства, подчиняются законам; как владельцы имущества, они обязаны разделять все общественные обязанности; как те, кто особо предан богослужению, они должны являть собой пример и учить всем добродетелям.

2. Религия принимается в государстве свободно, без какого-либо нарушения его конституции. Она устанавливается убеждением, а не принуждением.

3. Христианская религия требует гражданской терпимости. Каждый гражданин должен пользоваться индивидуальной свободой совести; общественный порядок допускает только одну господствующую религию.

4. Католическая религия является господствующей религией во Франции, она была принята там лишь в соответствии с чистотой своих первоначальных принципов: это основа свобод Галликанской церкви²⁷.

25 Речь идет о косвенных налогах, уплата которых подтверждалась специальным клеймом на коже или железе.

26 Имеется в виду Торговый ордонанс, принятый в 1673 году и вступивший в силу в 1675-м. Он не регулировал морскую торговлю, для этого был принят Морской ордонанс (*Grande ordonnance de la marine du 31 juillet 1681*). См.: *Ordonnance du commerce* // ISAMBERT F.A. *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Vol. 19.* Paris: Belin-Le-Prieur, 1829. P. 92–107.

27 Речь идет о том, что католическая церковь во Франции, она же Галликанская, подчиняется прежде всего государству и его законам и уже потом – папе Римскому. Эта доктрина получила название «галлика-

5. Статья II Орлеанского ордонанса²⁸, запрещающая любой перевод денег в Рим под видом аннатов, вакансов²⁹ или иным образом, должна исполняться в соответствии с ее формой и содержанием.

6. Церковная юрисдикция никоим образом не распространяется на мирские дела; ее действие извне регулируется государственными законами.

7. Статья V Орлеанского ордонанса о необходимости постоянного проживания архиепископов, епископов, мирских и духовных аббатов³⁰ и приходских священников в своих резиденциях должна соблюдаться, и они никогда не должны освобождаться от этой обязанности даже для службы при дворе или в королевских советах, а только для посещения соборов³¹.

8. Каноники также обязаны проживать в своих церквях и подлежат тем же наказаниям за нарушение правила³².

9. Ни один священнослужитель, имеющий приход с доходом или просто получающий доход с него в размере не менее 3000 ливров, не может иметь какого-либо другого прихода или приходского дохода³³.

10. Любые религиозные обеты, принятые в будущем, не обязывают монахов и монахинь к власти монастыря, и они не теряют никаких гражданских прав. Указанные монахи и монахини не могут распоряжаться своим движимым или недвижимым имуществом в пользу указанных монастырей и так далее.

11. В деревнях с числом домохозяйств более ста должны быть назначены школьный учитель и учительница для предоставления бесплатных уроков всем детям обоего пола, а также сестра милосердия для ухода за больными.

12. Средства на содержание указанных школьных учителей, наставниц и сестер милосердия, на снабжение школы книгами

низм». Согласно ей, в светских делах представители духовенства находятся под королевской юрисдикцией, подчиняясь папе только в духовных вопросах. Папские нормативные акты в случае французского духовенства не должны противоречить королевскому законодательству. Эта доктрина стала зарождаться еще в XIV веке в связи с усиливающейся властью короля.

28 «Общий указ, изданный по жалобам и возражениям сословий, собравшихся в Орлеане» был принят в январе 1561 года. См.: *Ordonnance générale rendue sur les plaintes, doléances et remontrances des états assemblés à Orléans. Orléans; janvier 1561* // ISAMBERT F. A. *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu' à la Révolution de 1789. Vol. 14. P. 64–65.*

29 Различные виды выплат Святому престолу.

30 Мирские аббаты (*Abbé séculier*) – светские лица, не являющиеся представителями духовенства, однако получившие статус аббата. Этот статус мог быть куплен или пожалован. Зачастую они получали доходы от монастырских земель. *Abbé régulier* – духовные, или постоянные, аббаты – настоятели монастырей, представители духовенства и монашества. Подробнее см.: *Аббат* // *Православная богословская энциклопедия. Т. 1.* СПб.: Издательство Петроградской духовной академии, 1900. Стб. 9–11.

31 Данная норма направлена на то, чтобы представители духовенства несли реальную службу, а не просто числились на церковных должностях, получая с них доход.

32 Каноники – представители духовенства, не бывшие монашествующими. Они служили в церквях и соборах. Подробнее см.: *Каноник* // *Католическая энциклопедия. Т. 2: И–Л.* М.: Издательство францисканцев, 2005. С. 758–759.

33 Данная норма, вероятно, направлена на ограничение получения доходов с церковных земель и должностей.

и бумагой, а также на бесплатное снабжение бедных лекарствами будут взяты из средств, предназначенных для ремонта церквей и домов священников.

13. Все игорные дома и лотереи будут упразднены как противоречащие добрым нравам и вредные для всех слоев общества.

14. Генеральные штаты рассмотрят меры по исправлению и восстановлению нравов.

15. Закон о чести категорически запрещает депутатам Генеральных штатов принимать как во время их сессии, так и в течение трех последующих лет какие-либо подарки, денежные пособия или содержание для себя или своих детей.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Цель законов – гарантировать свободу и собственность. Их совершенство – быть гуманными и справедливыми, ясными и универсальными, соответствовать морали и характеру нации, равно защищать граждан всех классов и сословий и карать без различия любого, кто нарушает общественный порядок или права личности.

2. Бесформенный набор римских законов и варварских обычаев, разрозненных правил и постановлений в сочетании с нашей моралью, как будто лишенный единства принципов, зачатый во времена невежества и смуты для обстоятельств и порядка вещей, которых больше не существует, не может составлять законодательство, достойное великой нации, просвещенной всеми открытиями, которые гений, разум и опыт пролили на все предметы.

3. В связи с этим Генеральным штатам будет предложено учредить один или несколько комитетов, состоящих из магистратов³⁴, юристов и просвещенных граждан, избранных из различных сословий нации, которые займутся переработкой всех старых и новых законов, гражданских и уголовных, и, насколько это возможно, созданием всеобщего закона, охватывающего все вопросы и регулирующего все виды собственности и всех лиц, находящихся под французским господством. Генеральные штаты особо рекомендуют этим комитетам в первую очередь заняться реформой и упрощением гражданского и уголовного судопроизводства³⁵.

4. И все же, не дожидаясь завершения этой работы, которая неизбежно будет весьма продолжительной, Генеральные штаты немедленно рассмотрят вопрос об упразднении комиссий

34 То есть должностных лиц судебной системы.

35 Уголовный кодекс будет принят в 1791 году, а гражданский – лишь в 1804-м (Кодекс Наполеона).

Совета³⁶, интендантов³⁷, огненных палат³⁸ и последовательно всех специальных судов, функции которых будут возвращены обычным судам.

5. Определенное число нотаблей³⁹, пользующихся общественным доверием, будет избрано жителями округов, состоящих из пяти или шести городов или деревень. Нотабли будут немедленно, бесплатно и без апелляции решать повседневные споры, возникающие в сельской местности, касающиеся драк, мелкой кражи фруктов, повреждения деревьев и урожая, сбора урожая, взаимоотношений между соседними хозяйствами, а также всех дел, не превышающих 25 ливров. Нотабли могут без апелляции решать все остальные споры, если обе стороны согласны передать дело на их рассмотрение.

6. Отчеты о судебных заседаниях и разбирательствах могут составляться только в присутствии сторон и их защитников.

7. Судьи, даже судьи высших судов, обязаны высказывать свои мнения вслух как в суде, так и в отчете и обосновывать каждое из существенных положений своих решений.

8. Подарки и выплаты судьям за подготовку дела от сторон процесса отменяются, за исключением расходов на гонорары судей, а закон, предписывающий судьям облагать стороны выплатами под страхом штрафа, отменяется.

Уголовные дела

1. Ни один гражданин, проживающий в стране, не может быть арестован или даже принужден явиться к какому-либо мировому судье без постановления компетентного судьи, за исключением случаев, когда он был пойман на месте преступления или арестован по общественному возмущению⁴⁰ стражей, ответственной за обеспечение общественной безопасности и спокойствия. В таких случаях арестованный гражданин должен быть немедленно доставлен, но не позднее, чем в течение 24 часов, в компетентный суд, который при необходимости выносит постановление о его заключении под стражу

36 Комиссии Большого королевского совета, созданные при Людовике XIV, имели правительственные и судебные функции. Подробнее см.: Блюш Ф. *Людовик XIV*. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 110–120.

37 Должность интендантов (*intendant du militaire, justice, police & finance*) была введена Людовиком XIII в 1635 году в рамках реформ Ришелье. Интенданты управляли провинциями от имени короля, имели обширные и почти неограниченные военные, финансовые, административные и судебные полномочия. См.: *Intendant // Boucher d'Argis. L'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Briasson: David l'aîné, Le Breton, Durand, 1766. Т. 8. P. 807–812.

38 *Chambre ardente* – чрезвычайные суды по религиозным преступлениям, приговаривавшие к смертной казни через сожжение.

39 Обычно этим словом обозначают представителей знати, но здесь, очевидно, речь идет о наиболее уважаемых людях.

40 То есть по горячим следам на основе показаний очевидцев.

или отпускает его, если нет доказательств совершения преступления.

2. Ни один гражданин не может быть арестован, кроме как за преступление, влекущее за собой телесное наказание.

3. Любой обвиняемый имеет право еще до первого допроса выбрать себе защитника.

4. Требуемая от обвиняемого клятва, будучи явно противоречащей естественному чувству, связывающему человека с его собственным спасением, является лишь актом насилия над человеческой природой, бесполезным для установления истины и рассчитанным лишь на ослабление страха перед клятвopреступлением. Разум и интересы морали, следовательно, требуют отмены этой клятвы⁴¹.

5. Гласность уголовного судопроизводства, ранее установленная во Франции и применявшаяся на протяжении истории почти у всех просвещенных народов, будет восстановлена, и отныне расследование и судебные слушания будут проводиться при открытых дверях.

6. В уголовных делах рассмотрение фактов всегда будет отделено от рассмотрения законов. Поскольку институт присяжных для рассмотрения фактов представляется наиболее благоприятным для личной безопасности и общественной свободы, Генеральные штаты изыщут пути адаптации этого института к нашему законодательству⁴².

7. Все суды без исключения обязаны под страхом недействительности своих решений указывать в своих определениях и приговорах характер преступления и выдвинутых обвинений, приводить доказательства, на основании которых они приняли решение, и ссылаться на текст закона, на основании которого присуждено наказание.

8. Законодательство, устанавливая наказания для виновного, нарушившего закон, должно также предусматривать компенсацию несправедливо обвиненному. Так, любой обвиняемый, оправданный по предъявленным ему обвинениям, может требовать публикации и размещения текста оправдательного приговора, а также компенсации, соразмерной ущербу, причиненному его чести, здоровью или имуществу. Эта компенсация должна быть взыскана за счет имущества доносчиков или

41 Согласно французскому дореволюционному уголовному праву обвиняемый на первом же допросе должен был дать клятву говорить правду – такую же, которую в современном процессе дают свидетели. Подобную практику считали негуманной еще при разработке основного процессуального закона Старого режима – Уголовного ордонанса 1670 года, однако тогда победили сторонники сохранения клятвы. См.: Ишков А.Ю. *Дискуссия в правовой науке средневековой Франции по поводу разработки Уголовного ордонанса 1670 г.* // История государства и права. 2018. № 5. С. 70–73.

42 Суд присяжных по уголовным делам пройдет во Франции сложную адаптацию и трансформацию. См.: Михайлов П.Л. *Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация.* СПб.: Издательство Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2004.

обвинителей, а также, в дополнение к этому, за счет государственных средств, выделенных на эти цели.

9. Конфискация имущества более не применяется; имущество осужденного переходит к наследникам с возмещением судебных издержек и убытков.

10. Умеренность уголовных законов характеризует снисходительность нравов и свободу правительств. Наблюдения показали, что крайняя суровость наказаний имеет последствия, прямо противоречащие самой цели закона; что она имеет тенденцию ожесточать души и делать нравы жестокими, знакомя воображение с ужасными зрелищами; что она уменьшает ужас преступления и часто способствует безнаказанности, возбуждая сострадание к преступнику. Поэтому должен быть принят закон, отменяющий все пытки перед казнью и все наказания, которые добавляют жестокие и продолжительные страдания к потере жизни⁴³.

11. Смертная казнь должна быть сокращена до возможно меньшего числа случаев и применяться только к самым тяжким преступлениям.

12. Виновные в одном и том же преступлении, к какому бы классу они ни относились, должны понести одинаковое наказание.

13. Поскольку тюрьмы, по замыслу закона, предназначены для наказания заключенных, а существуют из соображений безопасности, подземные темницы будут упразднены повсеместно; будут приняты меры по улучшению санитарного состояния внутренних помещений других тюрем, а также будет обеспечено соблюдение правил, касающихся безопасности и нравственности среди заключенных. Рабочие мастерские должны быть созданы во всех исправительных учреждениях, а также во всех тюрьмах, где эти учреждения не наносят ущерба безопасности.

14. Любая сторона в гражданских делах имеет право представлять собственную позицию; в уголовных делах каждый гражданин может взять на себя защиту обвиняемого.

15. Использование позорной скамьи будет отменено⁴⁴.

16. Генеральные штаты будут принимать во внимание судьбу чернокожих рабов или цветных людей как в колониях, так и во Франции.

43 Пытка, непосредственно предшествующая смертной казни (*question préalable*), была отменена указом короля от 1 мая 1788-го (*Déclaration relative à l'ordonnance criminelle* // ISAMBERT F.A. *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu' à la Révolution de 1789. Vol. 28.* Paris, 1827. P. 526–533) – менее чем за год до начала составления наказов согласно соответствующему королевскому регламенту от 24 января 1789-го. Судя по всему, за эти месяцы решение короля попросту не успело добраться до правоприменителя или же игнорировалось судьями.

44 Позорная скамья – *la sellette* – низкая табуретка, на которую сажали обвиняемого в ходе судебного процесса. Считалась унижающей достоинство человека, вина которого пока еще не доказана, нарушением продвигаемого просветителями и наказами принципа презумпции невиновности. См.: DESJARDINS A. *Les cahiers des États Généraux en 1789 et la législation criminelle.* Paris: A. Durand et Pedone-Lauriel, 1883. P. 312–314.

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ

1. Город Париж в силу своих размеров и населения, торговли и промышленности, сочетания двух излишеств – роскоши и нищеты, – составляющих как его богатства, так и умножающихся и постоянно возникающих потребностей, а также трудолюбия и усердия, необходимых для обеспечения его существования, является, без всякого сомнения, городом в королевстве, требующим самой активной и бдительной администрации, наиболее разумно организованной и наилучшим образом скоординированной во всех своих действиях.

2. Следовательно, третье сословие требует для города Парижа администрации, состоящей из представителей, свободно избираемых всеми гражданами и обновляемых каждые три года, формируемой, подобно провинциальным собраниям, наделенной теми же функциями и находящейся в тех же отношениях с Генеральными штатами. Эта администрация будет в соответствии с установленной ею системой выполнять функции муниципального органа, управлять городским имуществом и так далее.

3. Провинциальные администрации, и в особенности администрация Парижа, тщательно рассмотрят вопрос о целесообразности сохранения, реформирования или упразднения корпораций и гильдий.

4. Парижскому собранию также будет предложено рассмотреть вопрос о целесообразности сохранения, реформирования или отмены привилегий королевского и княжеского домов, а также корпораций и наций.

5. Генеральные штаты отныне [должны] собираться в Париже, в общественном здании, предназначенном для этой цели.

6. На фасаде [этого здания должно] быть написано: «Дворец Генеральных штатов», [а на] месте разрушенной и снесенной Бастилии [должна] быть устроена площадь, в центре которой будет возвышаться колонна благородной и простой архитектуры с надписью: «Людовику XVI, восстановителю общественной свободы».

Подписано:

Тарже, свободно избранный председатель собрания
Камю, второй свободно избранный председатель
Байи, свободно избранный секретарь собрания
Гильотен, второй свободно избранный секретарь

*Перевод с французского, предисловие и примечания
Антон Ишкова*

Денежная реформа 1947 года и экономическое поведение населения

МИХАИЛ
НИКОЛАЕВ

В воспоминаниях священника Георгия Гапона можно встретить любопытное наблюдение о своеобразии религиозного чувства его матери. Ее религиозность была искренней, «но это не мешало ей во время семейной молитвы замечать все, что происходит вокруг, и, если в это время свинья заходила в огород, она бросала молитву и бежала за ней»¹. Пример весьма выразителен для иллюстрации ментального «конфликта интересов»; и хотя хронологически и сюжетно он далек от темы настоящей статьи, тем не менее вполне подходит для того, чтобы подвести нас к разговору о проблеме иных времен и иного масштаба.

В ситуации, когда получение достоверных сведений о политических симпатиях и антипатиях граждан СССР, их подлинной, а не искусно имитируемой приверженности официальным идеологическим установкам и нравственным ценностям по понятным причинам вызывает сложности, экономическое поведение способно весьма определенно охарактеризовать феномен «советского человека как сталинской, так и более поздних эпох. Принимаемые людьми экономические решения

Михаил Николаев (р. 1959) – историк, специалист по российской истории XX века.

1 Гапон Г. *История мой жизни*. Берлин, 1925. С. 9.

**ОЧЕРКИ
НРАВОВ**

часто позволяют обнаружить подлинные мотивы и ценности, которые скрываются за демонстрируемой лояльностью власти и ортодоксальностью публичных высказываний. Периоды экономической турбулентности дают особенно богатый материал для анализа и последующей интерпретации, среди них – денежная реформа 1947 года.

* * *

После смерти Иосифа Сталина страна несколько месяцев жила в обстановке неопределенности, и это касалось не только политической сферы. 27 июня 1953 года Корней Чуковский пишет в дневнике:

«Ни к одной сберкассе нет доступа. Паника перед денежной реформой. Хотел получить пенсию и не мог: на Телеграфе тысяч пять народу в очередях к сберкассам. Закупают все – ковры, хомуты, горшки. В магазине роялей: “Что за чорт, не дают трех роялей в одни руки!” Все серебро исчезло (твердая валюта!). Ни в метро, ни в трамваях, ни в магазинах не дают сдачи. Вообще столица охвачена безумием – как перед концом света. В “Националь” нельзя пробиться: толпы народу захватили столики – чтоб на свои обреченные гибели деньги в последний раз напиться и наесться...

Я видел в городе человека, у которого на сберкнижке было 55 тысяч. Он решил, что пять тысяч будут сохранены для него в целости, а 50 превратятся в нули. Поэтому он взял из кассы эти 50 тысяч и решил распределить их между десятью кассами – так сохранятся все деньги. Но вынуть-то он вынул, а у него и времени мало. Потный, с выпученными глазами, с портфелем, набитым сотняшками, с перекошенным от ужаса лицом. И рядом с ним такие же маньяки. Женщина: “Я стою уже 16 часов”. Милиционер у дверей каждой – самой крошечной – кассы. К нему подходит изнуренная девица: “У меня аккредитив. Вот! У меня аккредитив. – Покажите проездной билет! – Билет я куплю завтра, чуть получу по аккредитиву. – Нет билета, становитесь в очередь”.

Толпа гогочет. Все магазины уже опустели совсем. Видели человека, закупившего штук восемь ночных горшков. Люди покупают велосипеды, даже несвинченные: колесо отдельно, руль отдельно. Ни о чем другом не говорят. [...] Хорошо же народ верит своему правительству, если так сильно боится подвоха!»²

14 января 1958 года по схожему поводу геолог Борис Вронский отмечает в своем дневнике:

«Разнесся слух, что завтра-де будут повышены цены на сахар, и в магазинах творится что-то неопишное. Стоят колоссальные очереди, и горожане стараются запастись сахаром “на всю жизнь”.

2 Чуковский К. *Дневник (1930–1969)*. М., 1994. С. 200–201.

Недавно пронесся слух, что облигации 3% займа не будут свободно приниматься в сберкассах, и народ стал массово продавать их, создав в сберкассах колоссальные очереди. Все это говорит, что к Правительству нет доверия и что любой слух принимается на веру как вполне возможное явление»³.

Эти записи объединяет констатация недоверия населения к действиям правительства в области финансовой и ценовой политики. И если в примерах выше отсылка к денежной реформе 1947 года отсутствует, то историк Сергей Дмитриев упоминает о ней прямо:

«Понедельник 9.12.1957 г. Слышал известие о будто бы предстоящей в текущем декабре операции по ликвидации сбережений советских граждан. Говорят, что вклады в сберегательных кассах будут аннулированы до уровня небольшой суммы (примерно суммы заработной платы вкладчика за пять месяцев). Деньги новые, которые заменят ныне действующие, будто бы уже отпечатаны в Китае (для лучшей сохранности тайны до поры до времени).

Возможно, что почвой для этих слухов является: 1) предстоящая 17–19 декабря сессия Верховного Совета, повестка которой не ясна; 2) 10-летний “юбилей” денежной реформы 1947 г., который ныне в декабре, вероятно, не будет отмечаться особо, но мог бы быть отмечен неплохо при помощи нового обрезания карманов советских граждан»⁴.

Память о денежной реформе 1947 года не ослабла и в определенных ситуациях мотивировала советских людей предпринимать вполне конкретные действия, казавшиеся им страховкой от рисков новых финансовых потерь. Такие длящиеся эффекты – наряду со свидетельствами от непосредственных участников событий 1947-го – позволяют понять отношение населения к денежной реформе. Наряду с косвенными свидетельствами сохранились и прямые, хотя и более поздние описания декабрьских событий 1947 года. Историк Валентин Шелохаев вспоминал о своем детстве:

«Дед подарил мне красивую шкатулку, в которой я хранил его же “денежные зачатки”. Но в роли “банкира” я продержался недолго. В 1947 году грянула денежная реформа, и дед деньги из шкатулки поменял на новые. Но после этого, сам не знаю почему, у меня раз и навсегда пропал интерес продолжать игру в “шкатулку” и к деньгам вообще. После реформы 1947 года еще было много разных денежных реформ, но в моей памяти ярко запечатлелась именно она. Страх перед денежной реформой у людей был так велик, что многих вверх, в буквальном смысле слова, в шоковое состояние. Еще накануне реформы люди опустошали прилавки магазинов, покупая все подряд. По улице брели толпы людей, тащивших на себе

3 <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221958-01-01%22&diaries=%5B393%5D>.

4 ДМИТРИЕВ С. С. *Дневники: В 4 т. Т. 1. 1941–1960*. СПб., 2023. С. 986–987.

несколько комплектов лошадиной сбруи, какие-то тазы, кастрюли, цинковые ведра, канаты, краску и т.д. Безлошадные городские жители скупали телеги и сани, дуги и хомуты. Реформа травмировала население, сеяла панику»⁵.

Писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев в повести «Красные ворота» (1988) красочно рисует картину предреформенной Москвы:

«Уже несколько дней народу на улицах тьма, все магазины – и коммерческие, и комиссионные, и промтоварные – облеплены очередями. Позавчера на бывшей Никольской в магазине “Оптика” брали нарасхват бинокли. Прекрасные цейсовские бинокли – мечта всех средних командиров на фронте – покупали теперь какие-то бабенки, мужички и брали не один-два – десятками, по сто рубликов за штуку. Уже неделю, как в сберкассах толкотня, кто вносил деньги, кто брал, неизвестно же никому, чем обернется реформа и как лучше... Ну, а вечером рестораны коммерческие штурмовались с боя, крики, брань, чуть ли не потасовки у дверей... Конечно, по вечерним улицам Москвы бродили не только те, кому деньги потратить надо. Других... подхватывала какая-то тревожная и в то же время праздничная волна – все гуляют, ну и интересно пойти посмотреть. А кто-то просто последние сотни-две решил спустить, потому как начнется новая жизнь, с новыми деньгами и без карточек, чего уж старые деньги беречь»⁶.

Композитор Александр Колкер вспоминал, как, учась в школе, они с друзьями решили создать джазовый ансамбль. И вот однажды молодые люди прорвались в гостиничный номер к Леониду Утесову, гастролировавшему в Ленинграде, с тем, чтобы предложить ему в репертуар свои песни, и получили такой ответ:

«Песни ваши я не возьму, они еще мальчишеские. Но вы возьмите у меня подарок”. Затем [Утесов] подошел к ломберному столику, выдвинул ящичек, достал полторы тысячи рублей и спросил: “У вас аккордеон есть?”. У нас тогда еще не было аккордеона. “Вот, купите на эти деньги аккордеон”. На следующий день была денежная реформа»⁷.

Неизвестно, как в ленинградских торговых учреждениях, а в московском музыкальном магазине № 8 30 ноября и 1 декабря 1947 года – в первые дни наплыва толп покупателей, гонимых слухами, – ранее не имевшие спроса четыре аккордеона и двенадцать баянов были распроданы⁸.

5 Шелохаев В.В. *Прощание с прошлым*. М., 1998. С. 24–25.

6 Цит. по: Зубкова Е.Ю. *Общество и реформы. 1945–1964*. М., 1993. С. 47.

7 Крыщук Н., Ланда М. *Мария Пахоменко и Александр Колкер. Ни на минуту не расставаясь* // Дело. 2002. 1 июля (www.idelo.ru/235/24.html).

8 *Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы*. М., 2010. С. 376.

Наряду с воспоминаниями сохранились и дневниковые свидетельства. Так, в день объявления правительственного постановления Сергей Дмитриев со слов знакомого записывает:

«В магазинах, аптеках, ларьках скупают все, что можно, вплоть до пипеток и набрюшников. Усиленно ищут водку, так как номинальная цена на нее удерживается»⁹.

В дневнике его однофамильца – рабочего пермского авиамоторного завода – находим похожее:

«Все промтоварные магазины оказались закрытыми на ремонт. Народ бесится и хватает все, что только попадет. В комиссионках разобрали все хорошие вещи, осталась одна “дрянь” (5 декабря).

«На базаре ничего нет, а если и есть, то все по бешеным ценам. Промтовары берут нарасхват. Дают за них тройную цену, чем они стоили месяц тому назад. Продукты питания тоже стали дороже. А слухи о смене денег все увереннее и увереннее» (11 декабря)¹⁰.

Явным диссонансом звучат эти голоса в сравнении с официальными восхвалениями объявленной реформы. Советская пресса привычно публиковала тексты организованных по разнарядке откликов населения. Там же – вдохновенные строки писателей, помещенные в «Литературной газете» от 17 декабря 1947 года под заголовком «Новая победа могучего советского государства». Среди восторженных певцов постановления о реформе мы встречаем и Корнея Чуковского:

«Этот декрет поразил меня раньше всего новаторской смелостью. Наша планета еще никогда не видала такого дерзкого нарушения тысячелетних традиций, прочно сложившихся во всех государствах. Традиции эти сводились к тому, что при всех реформах подобного рода богатым полагалось богатеть, а бедным – окончательно впадать в нищету. Это считалось законом мировой экономики, установленным на веки веков.

Теперь этот мнимый закон опрокинут. Мы еще раз показали всему миру, что нет такого государственного дела, которого мы не могли бы решить в духе справедливости и совестливости. [...]

Когда этот декрет оглашался впервые, я находился в библиотеке и видел, как слушали его рядовые читатели – студенты, врачи, профессора, педагоги, – слушали празднично, благодарно, с искренним восторгом, и, глядя на них, я еще раз с особенной силой почувствовал единство народа и правительства, народа и партии в нашей великой стране».

Рядом отклик поэта Ильи Сельвинского:

9 Дмитриев С.С. *Указ. соч.* С. 144.

10 <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B426%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=50>.

«Денежная реформа – неизбежное явление послевоенного периода в любой стране. В любой стране, где она проводится, ей неизбежно сопутствуют слезы и стон... Денежная реформа советского государства во всем звучит по-иному. Она сопровождается правительственным постановлением о резком снижении цен на продукты первой необходимости вдвое и втрое. Это значит, что наше государство вполне уверено в завтрашнем дне. Уверенность эта передается народу, который в самом характере советской реформы видит новое доказательство глубокой заботы о нем со стороны правительства, вот почему то, что в других государствах является причиной упадка духовных и физических сил народа, у трудящихся СССР вызывает новый подъем творческого вдохновения».

Наиболее художественно выразительным был текст Михаила Матусовского:

«Давно знакомое волнение охватило нас, когда мы услышали похожие на звон тающих льдинок позывные московской радиостанции... и диктор взволнованным голосом возвестил о новой победе советского государства... Страна услышала постановление о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары.

Народ получает сегодня награду за лишения и жертвы, принесенные ради победы... Мы представили себе ясно ту минуту, когда Сталин подписал этот исторический указ, чувствуя на себе взгляды миллионов людей, признательных ему за его отцовскую заботу. [...]

Я бродил вчера по шумной и многолюдной Москве – такой она бывает только в дни больших праздников. Я слышал тысячи волнующих слов благодарности и привета, обращенных к партии и великому вождю и творцу всех наших радостей и побед.

Волшебным светом горят красные и синие неоновые огоньки, легкий снег запушил фонари и ветки деревьев, в одну ночь выросших в Охотном ряду, мирно отбивают кремлевские часы ход нашей истории, – и если так прекрасен наш сегодняшний день, каким же сказочным должно быть наше грядущее».

Самуил Маршак – единственный из собратьев по поэтическому цеху – выразил свои чувства в стихотворной форме, при этом явно уклоняясь от излишних славословий:

Неколебим и неизменен,
Как труд народный, полноценен.
Да будет новый знак рубля!
С рублей советских смотрит Ленин
И башни древние Кремля¹¹.

В партийных инстанциях знали и об иной реакции граждан. Так, в информационном письме оргинструкторского отдела МГК

11 Новая победа могучего советского государства // Литературная газета. 1947. 17 декабря. № 64(2379). С. 1.

ВКП(б) от 15 декабря наряду с перечислением одобрительных откликов на реформу дозировано приводятся и критические высказывания. Вот одно из них, принадлежавшее уборщице мотоциклетного завода Виноградовой: «Советское правительство своим решением обидело низкооплачиваемых рабочих. Я накопила 1000 руб., думала купить одежонку, а теперь опять буду ходить в лохмотьях»¹².

Теперь о том, что произошло в стране за две недели до наступления нового 1948 года и о чем в воскресный день 14 декабря советские люди первоначально в самых общих чертах узнали из пересказа по радио положений постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»¹³.

Обмен денег проводился на всей территории СССР с 16-го по 22 декабря, а в 205 отдаленных районах был закончен 29 декабря. Старые деньги обменивались на новые в соотношении 10 к 1. Вклады и текущие счета в сберкассах переоценивались по соотношениям 1 к 1 до 3000 рублей (такие вклады составляли 84% всех счетов¹⁴), 3 к 2 от 3000 до 10 000 рублей, 2 к 1 свыше 10 000 рублей¹⁵. Переоценка денежных средств на расчетных и текущих счетах кооперативных организаций и колхозов производилась из расчета 5:4, а государственных учреждений и предприятий – 1:1. Все облигации внутренних займов, кроме займа 1947 года, обменивались на облигации нового займа в отношении 3 к 1, а 3%-е выигрышные облигации – из расчета 5 к 1.

На фотографиях в газетах можно увидеть радостных советских людей, получивших новые деньги. В обменных пунктах – деловую обстановку. В дневнике же Сергея Дмитриева читаем:

«Из 1600 пунктов для обмена в Москве вряд ли открыли более нескольких сотен. Люди с 40–70–200–500 рублями стоят с 5 часов утра на морозе до 10, когда открываются пункты обмена. Обмен то и дело прерывается под разными предлогами – то нет денег, то кассир в банк поехал и т.п. Такие порядки вполне уместны были бы где-нибудь в южном Азербайджане, в странах произвола и бесконтролья властей» (19 декабря 1947 года).

«В ВППШ нашел закрытый обменный пункт, в котором был один посетитель-слушатель школы, обменявший 43 рубля на 4 рубля 43 копейки. Тепло, светло, безлюдно, и неизвестно, куда девать деньги менялам. В то же время на улицах на морозе у обменных

12 Москва послевоенная. 1945–1947: архивные документы и материалы. М., 2000. С. 277.

13 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 460–467.

14 Левичева И., Петров Ю., Татаринов С. Денежная реформа 1947 года: неизвестные подробности // Родина. 2011. № 1. С. 52.

15 Эта градация отразилась в анекдоте: «В аптеку приходит гражданин и просит пирамидону аж на тысячу рублей. Аптекарь удивляется: “Зачем вам столько?” – и получает ответ: “Чтобы за остальные девять голова не болела”» (Мельниченко М. Советский анекдот: указатель сюжетов. М., 2021. С. 528).

пунктов мерзнут люди в очередях (я их видел, проезжая в машине на лекцию и обратно)» (20 декабря 1947 года)¹⁶.

По поводу принятого по «пожеланию трудящихся» решения о прекращении с 18 декабря приема старых денег где-либо, кроме обменных пунктов, и возникших в этой связи трудностей в магазинах Дмитриев пишет: «Народ, приученный и привыкший молчать и терпеть, – молчит и терпит. И, кажется, все, что хочешь, стерпит»¹⁷. Профессору, кстати, путем размещения денежных средств на вкладах, удалось сохранить около трети имевшихся на руках 94 000 рублей¹⁸. Любопытную деталь процедуры обмена сообщает его пермский однофамилец, считающий, что не сильно пострадал от обмена:

«Из любопытства ходил на обменные пункты, где меняют деньги. В каждом пункте сидит милиция, и как только она видит, что человек меняет много денег, так сразу же записывают его фамилию и адрес. Для чего это, они не говорят. Но такое их поведение очень сильно действует на моральное чувство меняющих деньги. [...]»

Очень много людей поддели крепко. Да и меня немного обдели. Но так как я очень хитрый, то – что я потерял, то верну себе в три раза больше. К этому я готовился еще в прошлом году. В общем, я почти не проиграл... У нас денег своих не было, а поэтому ничего не пропало. Только вот у мамы три сотни накрылись, да и то по ее глупости» (16 декабря 1947 года).

«Все, что я думал сделать для себя выгодного из денежной реформы, у меня получилось. Правда, одно дело еще под вопросом, но думаю, что и оно выйдет хорошо» (20 декабря 1947 года)¹⁹.

Не связаны ли были его надежды с возможностями жены, работавшей в чайной? Авторская оценка реформы в этих обстоятельствах вполне объяснима:

«Денежной реформой большинство населения очень довольны. А отмена карточек очень сильно действует на материальное улучшение жизни трудящихся. Вот это действительно правильная политика партии и правительства. Я лично тоже очень доволен, хотя и сам “погорел” с облигациями»²⁰.

По свежим следам родился анекдот:

«Колхозник приехал в город с мешком денег, свалил его в углу и пошел узнавать, где меняют старые деньги на новые. Вернувшись, он обнаружил, что деньги валяются на полу, а мешок украден»²¹.

16 Дмитриев С.С. *Указ. соч.* С. 144–145.

17 Там же. С. 144–145.

18 Там же. С. 145, 147.

19 <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B426%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=125>.

20 Там же.

21 Вострышев М.И. *Москва сталинская. Большая иллюстрированная летопись.* М., 2008. С. 512; Мельниченко М. *Указ. соч.* С. 528.

* * *

Объявлению о проведении денежной реформы предшествовали подготовительные мероприятия, призванные обеспечить секретность предстоящего обмена денег. 11 декабря в районные и городские органы МВД были разосланы запечатанные сургучной печатью пакеты, которые надо было вскрыть 14 декабря в 15:00 в присутствии руководителей милиции, финансовых органов и сберкасс. В этих пакетах содержались сведения об условиях обмена денег. 14 декабря утром на местах была получена телеграмма из Минфина СССР, которая предписывала с 14:00 прекратить все операции с деньгами и закрыть сберкассы²². В докладной записке Сталину 3 января 1948 года министр финансов СССР Арсений Зверев подводил итог:

«Задачи, поставленные при проведении денежной реформы, разрешены. Реформа позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения. Излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета. Проведение реформы явилось необходимым условием отмены карточной системы»²³.

Несмотря на победные реляции, 16 февраля 1948 года Зверев, 1 марта министр торговли СССР Александр Любимов, а 23 марта председатель правления Государственного банка СССР Яков Голев были освобождены от занимаемых должностей. Та же судьба постигла некоторых их заместителей. Зверев был понижен дважды: сначала до первого заместителя министра, потом – до обычного. «Все это явно диссонировало с официальной оценкой [...] мероприятия», – замечает автор монографии о денежной реформе Игорь Чуднов²⁴.

* * *

С организационной точки зрения подготовка денежной реформы представляла собой весьма сложное мероприятие, в которое были вовлечены большие человеческие ресурсы – от ученых до кассиров, милиционеров, грузчиков и уборщиц. Первоначально в планы был посвящен только узкий круг специалистов-финансистов. Но, чем дальше продвигалась работа, тем

²² Денежная реформа в СССР 1947 года... С. 598.

²³ Там же. С. 357.

²⁴ Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М., 2018. С. 12.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
1947 ГОДА И ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ...

стремительнее росло количество вовлеченных. Следует учитывать процесс изготовления новых денежных знаков (их начали печатать на фабриках Гознака с 1946 года), подготовку и печать инструкций, транспортировку и хранение денег, поиск и оборудование помещений для выплатных (обменных) пунктов, помимо сберегательных касс и почтовых отделений, обеспечение их охраны, наем дополнительных кадров для кассовой работы. Утаить можно было основное содержание и точные сроки готовящейся реформы, но не сами грядущие мероприятия. Так, например, письмо первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) № 1009сс об организации на территории области в связи с предстоящими обменными операциями специальных выплатных пунктов было направлено в городские и районные комитеты партии 4 декабря 1947 года, после чего был зафиксирован массовый отток денежных средств граждан из сберегательных касс²⁵. В то же время многие номенклатурные работники начали спасать свои сбережения только после 14 декабря, что говорит об отсутствии у них точной информации.

В Москве слухи о предстоящей денежной реформе фиксировались еще в декабре 1945-го. В информационной записке оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) от 25 декабря 1946 года в перечне вопросов, задаваемых агитаторам, фигурирует и такой: «Правдивы ли слухи, что в 1947 г. предстоит замена денежных знаков?»²⁶. В письме на имя секретаря Сталина – Александра Поскребышева – менее, чем за неделю до объявления реформы, один из просителей, озабоченный возможным обесценением его денежных средств в сберкассе, указывал на то, что тревожные слухи ходят «вот уже полгода», а с особой силой – с 28 ноября²⁷. Эту дату можно соотнести с поступлением новых денежных знаков в конторы и отделения Госбанка СССР. В большую часть – 3873 – они были завезены с 28 ноября по 10 декабря. С 1-го по 10 декабря были организованы 45 тысяч выплатных пунктов и привлечены для работы в них 170 тысяч человек²⁸.

Пермский рабочий Александр Дмитриев первый раз упоминает о предстоящей отмене карточек и новых деньгах в днев-

25 СЛАСТНЕВ С. Б. *Проведение денежной реформы 1947 г. на территории Среднего Урала в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области // VI Емельяновские чтения. Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности.* Курган, 2012. С. 180.

26 *Москва послевоенная...* С. 112, 202; о слухах непосредственно перед реформой начиная с 1 декабря: Там же. С. 273–274.

27 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 679.

28 *Об итогах обмена старых денег на новые. Извлечение из докладной записки Заместителя Председателя Правления Госбанка СССР А. К. Коровушкина на имя министра финансов СССР А. Г. Зверева. 31 декабря 1947 года // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Выпуск 3: Денежная реформа 1947 года в документах: подготовка, проведение и оценка результатов.* М., 2007. С. 94. Изготовление новых денежных знаков началось сразу после утверждения правительством эскизных образцов в конце 1946 года (Там же).

никовой записи от 30 ноября 1947 года. При этом называет точную дату – 15 декабря – и выказывает весьма предусмотрительное намерение подкупить мелочь²⁹. Не укрылась подготовка реформы и от иностранных наблюдателей. Еще 5 октября 1946 года чиновник чехословацкого посольства в Москве Кашпарек секретно сообщал в Министерство иностранных дел в Праге, что, согласно данным из очень достоверного источника, в СССР печатают бумажные деньги, чтобы 1 января 1947 года провести их обмен. 1 декабря 1947 года посол Иржи Горак информировал свое руководство:

«В воскресенье 30 ноября с утра на улицах Москвы огромные количества людей покупали все, что было возможно купить. Появились слухи, что 5 декабря, когда выплачиваются зарплаты, огласят денежную реформу. Официальные места молчат, у дипломатического корпуса информации нет»³⁰.

Отсутствие информации порождало слухи, иногда самые нелепые. У ответственных партработников и агитаторов в ходе кампании по выборам в Моссовет могли поинтересоваться: «Верно ли, что в обращение будет пущена золотая монета?»³¹.

Согласно данным МВД от 2 декабря 1947 года, информационные утечки шли от работников финансовых и торговых органов³². Как бы то ни было, паника была налицо, и документы подтверждают ранее приведенные свидетельства мемуаристов. С конца ноября министром внутренних дел Сергеем Кругловым в адрес партийно-советского руководства было направлено свыше десяти докладных записок, информирующих о положении в стране накануне реформы³³. Записка от 30 ноября зафиксировала в Москве 28–29 ноября массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными товарами³⁴. К этому времени интенсивность распространения слухов достигла критической точки, после чего со стороны населения последовали активные действия:

29 <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B426%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=50>.

30 Шустек З. *Денежная реформа в СССР в декабре 1947 г. в документах архива Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики // Государственный Исторический музей. Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* М., 2004. С. 298.

31 *Москва послевоенная...* С. 273.

32 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 378–379. Некоторые исследователи основными информаторами называют сотрудников «центрального аппарата ВКП(б)»: Левичева И., Петров Ю., Татаринов С. *Указ. соч.* С. 54.

33 *Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам из «Особых папок Сталина» / Сост. Э.Ю. Завадская, Т.В. Царевская // Отечественная история. 1997. № 6. С. 135.* «Докладные записки о результатах реформы и расследовании злоупотреблений, связанных с ней – сообщают публикаторы, – составлялись и продолжали поступать в правительство ежемесячно и ежеквартально в течение всего следующего 1948 года. В них меньше подробностей, чем в первых, однако они несут обобщающий и более аналитический характер, дают целостную картину результатов реформы» (Там же).

34 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 367.

«В центральном универмаге к середине дня 29 ноября были полностью скуплены и отсутствовали в продаже меха и меховые изделия. В ювелирно-часовой секции скуплены все часы и ювелирные изделия, в музыкальной секции полностью скуплены пианино, в секции спорт-охота – охотничьи ружья, велосипеды и мотоциклы. В декоративной секции, где в обычные дни продавалось 2–3 ковра, 29 ноября было продано 60 ковров.

Если до 26 ноября в центральном универмаге продавалось по 2–3 шкурки чернобурой лисы, то за 27 и 28 ноября было продано 100 штук, а 29 ноября в течение часа были куплены оставшиеся 13 шкурки» (докладная записка от 30 ноября)³⁵.

«С 30 ноября в городе Москве повысился спрос покупателей в коммерческих магазинах на продовольственные товары, пригодные для длительного хранения (копченые колбасы, сыры, балыки, консервированные продукты, масло, конфеты, чай, сахар и др.). [...] С 29 ноября увеличился приток посетителей в московские рестораны. Сумма выручки [...] возросла в несколько раз. Если в обычные дни выручка ресторанов “Мосресторантреста” составляла 1 600 000 руб., то за 29 ноября оборот составил 2 615 000 руб., а за 30 ноября – 3 144 000 руб. [...] 28 ноября в ресторане “Москва” гроссмейстер Ботвинник, через директора, потребовал отпустить ему 7 кг шоколада в плитках. 29 ноября в том же ресторане Ботвинник скупил еще 10 кг шоколада “Золотой ярлык”. [...]

В магазине Узбекской промкооперации (Петровский пассаж) долгое время находились тубетейки стоимостью от 150 до 250 руб.; 28, 29 и 30 ноября все тубетейки были распроданы, несмотря на то, что даже в летний период спрос на них совершенно отсутствовал» (докладная записка от 2 декабря)³⁶.

В попытке остановить панику магазины стали закрываться на переучет под надуманными предлогами. Резко подорожали товары, продающиеся на рынках, куда поспешили люди прежде всего за дорогостоящими покупками. 30 ноября все улицы и переулки, прилегающие к территории Перовского рынка в Москве, были заполнены народом, на рынках Ленинграда стоимость продуктов повысилась от трех до пяти раз³⁷. Вслед за Москвой активизировалась провинция. По данным МВД, население областей, примыкающих к столице, устремилось туда отовариваться, усиливая панику. Но и сами москвичи своими набегами привносили ажиотаж в ленинградские магазины³⁸.

Помимо торговых заведений, атаке посетителей подверглись сберегательные кассы. За две недели перед реформой вклады в них возросли на 2,9 миллиарда рублей. В движение пришло

35 Там же. С. 368.

36 Там же. С. 375–376.

37 Там же. С. 373.

38 Там же. С. 374, 378.

92% вкладов размером свыше трех тысяч рублей³⁹. Согласно докладом МВД, в сберкассах Москвы значительно увеличился возврат денежных вкладов: если в обычное время вкладчикам забирали 5–7 миллионов рублей в день, то 28 ноября было выдано 25 миллионов, причем по 1800 лицевым счетам средства были получены полностью. «По предварительным данным – говорилось в одном из документов, – к 19 часам 29 ноября сберкассами выдано вкладчикам 50 млн руб.». 30 ноября сберкассами было выдано 89,27 миллиона рублей, а принято вкладов на 56,64 миллиона⁴⁰.

Разнонаправленность движения вкладов была расценена как доказательство неинформированности населения и, следовательно, надлежащего обеспечения секретности при подготовке реформы⁴¹. Однако определенные закономерности прослеживаются. Денежные средства, положенные на депозит за несколько дней до обмена, вскоре снимали. Чуднов приводит сальдо денежного баланса сберкасс: «Первая половина декабря – плюс 1,98 миллиарда рублей, вторая – плюс 391 миллиона. Государство не осталось внакладе, план по России был выполнен на 158,5% или дополнительно на 900 миллионов рублей»⁴².

* * *

Итак, мы видим, что закрепившееся на долгие годы вперед недоверие людей к мероприятиям правительства в области финансовой и ценовой политики имеет под собой вполне конкретные основания⁴³. Помимо массовых закупок граждан, были и попытки сохранить свои накопления в нарушение установленных правил обмена, носившие откровенно криминальный характер. И здесь уже с предельной ясностью обнаруживается как истинный уровень лояльности граждан государству, так и их отношение к официально провозглашаемым идеологическим и нравственным ценностям. Глубокое социальное неравенство обнажается во всей красе и с самыми пикантными подробностями. Так, партийно-государственным функционерам, привыкшим воспринимать номенклатурные блага в качестве

39 Левичева И., Петров Ю., Татаринцов С. *Указ. соч.* С. 53.

40 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 369, 376.

41 Там же. С. 599.

42 Чуднов И.А. *Денежная реформа 1947 г. глазами современников* // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 100.

43 Вывод об укрепившемся в общественном сознании страхе «перед любыми новациями в области финансов» делает Чуднов (Там же. С. 101). Екатерина Безсмертная и Марина Алленых также полагают, что денежная реформа негативно повлияла на доверие населения к действиям властей: *Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР: коллективная монография* / Ред. Р.М. НУРЕЕВ, М.А. Эскиндаров. М., 2023. С. 140.

нормы, было весьма трудно отказать себе в желании распространить положенные по статусу привилегии на мероприятие, участие в котором требовало соблюдения равных условий наряду с остальным населением. И даже более того, оказаться – как далеко не самым бедным – в положении более пострадавших по сравнению с рядовыми согражданами. Такое «унижение равенством», несмотря на многочисленные декларации, противоречило всей системе общественных отношений, сложившихся в сталинском СССР. В докладной записке министра внутренних дел СССР Сергея Круглова «Об итогах борьбы со злоупотреблениями в связи с денежной реформой» от 21 мая 1948 года приводятся следующие цифры:

«За время с 16 декабря 1947 г. по 1 мая 1948 г. органами МВД было выявлено скрытых от учета и похищенных товаров на 61 715 187 руб. и выявлено незаконных вкладов в сберегательные кассы и отделения Госбанка на 101 504 500 руб. [...] Возбуждено 9975 дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 19 551 человек. В числе привлеченных 4401 членов и кандидатов в члены ВКП(б)»⁴⁴.

То есть 22,5%! Самую большую долю привлеченных к уголовной ответственности дала торговля – 55,2%, банковская сфера – 17,8%, другие учреждения – 17,6%⁴⁵. Если на 16 февраля 1948 года, по данным Круглова, к уголовной ответственности были привлечены 375 работников сберегательных касс и 152 сотрудника отделений Госбанка, то на 21 мая эти цифры ощутимо выросли, составив 2572 и 903 соответственно⁴⁶.

Региональные материалы рисуют схожую картину. О злоупотреблениях с открытием вкладов в сберкассах Карело-Финской АССР упоминает Людмила Вавулинская⁴⁷. Сергей Федин приводит данные УМВД по Астраханской области, согласно которым 92 работника сберкасс и отделений Госбанка незаконно внесли вклады на сумму 263 792 рубля, а общее количество вкладчиков составило 294 человека, среди которых – начальник областного управления сберкасс и управляющий областной конторой Госбанка⁴⁸. В отчетном докладе министра финансов Мордовской АССР С.Г. Шацкого от 22 декабря 1947 года, направленном

44 Денежная реформа в СССР 1947 года... С. 427.

45 Там же. С. 427–428.

46 Там же. С. 411–412, 427–428. Об отдельных судьбах попавших под санкции финансовых работников – управляющих Томской и Свердловской областными конторами Госбанка – см. в: ЛЕВИЧЕВА И., ПЕТРОВ Ю., ТАТАРИНОВ С. Указ. соч. С. 53; СЛАСТНЕВ С.Б. *Коррупция на Среднем Урале в период проведения денежной реформы 1947 года* // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Екатеринбург, 2014. С. 368–369.

47 Вавулинская Л.И. *Денежная реформа 1947 г. и отмена карточной системы: подготовка и проведение (на материалах Карело-Финской ССР)* // Клио. 2014. № 8(92). С. 64.

48 Федин С.А. *Противодействие правоохранительных органов Нижнего Поволжья преступлениям, вызванным карточной системой и денежной реформой 1947 года* // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1(62). С. 105–106.

в Москву, говорилось о проведенной проверке, выявившей нарушения в шести районных сберкассах⁴⁹. Начальник управления сберкасс Куйбышевской области с женой положили на депозит по 3000 рублей, начальник бюджетного отдела области с женой – по 4500 рублей, заведующий Молотовской (сельской) райсберкассой – 3000 рублей, а вслед за ним такие же по размеру вклады сделали все 24 работника сберкассы⁵⁰.

Для торговли типичным видом преступления стало сокрытие товарной продукции при переучете, внесение в кассу личных денежных средств с последующей нелегальной перепродажей за деньги нового образца. В сводке МВД по Москве за 19 декабря 1947 года сообщается о заместителе заведующего пивной палаткой № 67, который при содействии брата скрыл от учета 234 литра водки, стоимость которой внес в кассу деньгами старого образца. Директор магазина № 28 «Мосплодоовощ» и его заместитель скрыли от ревизии во время переучета товаров водочные изделия и другие продукты на сумму в 54 000 рублей. Директор столовой № 547 Первомайского треста столовых вместе с сослуживцами скрыл от учета тысячу пачек папирос, часть которых спрятали в Ленинской комнате, в урне, подготовленной для голосования, и в топке голландской печи, а часть – у себя на квартире⁵¹.

Исследователи добавляют новые эпизоды. Директор магазина № 1 Главвино в Москве 15 декабря 1947 года продал вина на 67 000 рублей ряду ответственных работников, предварительно оплатив стоимость части имевшегося в магазине товара, который был скрыт от переучета. В процессе расследования директор заявил, что вино отпускалось только министру госбезопасности БССР. Расследование было приостановлено, и прокурор СССР Константин Горшенин довел полученные показания до сведения министра госбезопасности СССР Виктора Абакумова⁵².

Наряду с широким распространением сдачи личных средств под видом торговой выручки денежные средства вносились в качестве платежей в кассы предприятий, учреждений, общественных организаций – вплоть до членских взносов и знаков почтовой оплаты⁵³. Железнодорожные кассиры могли купить

49 Григорьев И.А. *Проблемы проведения денежной реформы 1947 года на региональном уровне (на материалах Республики Мордовия)* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 16.

50 Репинецкий А.И. *Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области)* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6(38). С. 122.

51 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 380–381.

52 Твердюкова Е.Д. *Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г.* // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 47.

53 В одном из писем министру финансов Арсению Звереву сообщали о массовой скупке работниками связи Одессы почтовых марок: *Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР...* С. 132.

билеты с тем, чтобы продать их позже за деньги нового образца. Сообщая о факте превышения выручки парикмахерских 14–15 декабря 1947 года на 400–500% средней дневной нормы, петербургская исследовательница Елена Твердюкова приводит следующие подробности:

«Мастер московской парикмахерской № 3 Рычков 15 декабря обслужил 150 человек. Между тем, уделяя каждому клиенту в среднем 10 минут, он должен был бы работать 25 часов непрерывно. В Таганском районе Москвы мастер Одинцова обслужила за смену 48 человек, причем каждому из них в учетной карточке отметила выполнение следующих операций: стрижка под польку, стрижка полубоксом, бритье головы, исправление ресниц, бритье бороды, компресс на лицо, мытье головы, одеколон на голову. Зарплата парикмахеров зависела от дневной выработки, составляя 35% от нее. Внося личные средства за якобы оказанные услуги, они предполагали при получении зарплаты частично вернуть свои деньги из расчета за каждый рубль 35 коп. (вместо 10 коп.)»⁵⁴.

Банковские служащие привлекались к ответственности в основном за действия, связанные с оформлением задним числом вкладов в сберкассы, и дробление вкладов до сумм, позволяющих их пересчитать в отношении 1 к 1. Самый громкий случай связан с Лаврентием Берия и стал известен только после его ареста. Протокол допроса от 14 июля 1953 года зафиксировал следующий диалог подсудимого с генеральным прокурором СССР Романом Руденко:

«ВОПРОС: Скажите, до проведения кредитной реформы в 1947 году вы были о ней осведомлены?

ОТВЕТ: Знал.

ВОПРОС: Вы признаете, что, используя в преступных целях эту свою осведомленность, дали задание Людвигу поместить в сберкассу ваши деньги в сумме 40 тыс. рублей, чтобы избежать переоценки?

ОТВЕТ: Раз Людвигов говорит, наверно, дал.

ВОПРОС: Вам оглашается показание Людвигова по этому вопросу: “13 декабря 1947 г. я по указанию Берия сдал в сберкассу его деньги в сумме примерно 40 тыс. рублей (точнее: после реформы денег осталось 30 тыс. рублей). Эти деньги я положил на сберкнижку на свое имя, о чем доложил Берия”. Признаете это?

ОТВЕТ: Раз Людвигов говорит, что я дал указание, – я это не отрицаю, но положил он деньги на свое имя или на мое имя – я не знаю.

ВОПРОС: Считаете ли вы эти ваши действия преступными?

ОТВЕТ: Безусловно»⁵⁵.

В отличие от своего верного соратника, сам Иосиф Сталин во время реформы закона не нарушил, однако нормами пар-

54 Твердюкова Е. Д. *Указ. соч.* С. 50.

55 *Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2012. С. 105.*

тийной этики, возможно, все же пренебрег. Впрочем, сохранившееся свидетельство нельзя признать надежным. Бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Иван Серов, которому было поручено обеспечивать секретность в подготовке реформы, приводит в своих воспоминаниях рассказ сына вождя – Василия Сталина:

«Через несколько дней зашел ко мне В. Сталин и рассказал, что за два дня до обмена Сталин позвал Ваську и Светлану и вынул из сейфа жалованье, которое он складывал годами, подал пачку и сказал: “Вот поделите между собой”. Я не спросил, сколько было денег, и не уверен, что Васька не придумал сам этот рассказ»⁵⁶.

Из числа партийных руководителей, привлеченных к ответственности непосредственно в период реформы, самую высокую должность занимал 1-й секретарь Калужского обкома Илья Попов. Его дело рассматривалось Политбюро ЦК ВКП(б), которое в постановлении от 13 марта 1948 года освободило его от должности за «антигосударственные действия» и исключило из рядов партии. Действия эти заключались в следующем:

«[Попов], используя служебное положение, с помощью начальника областного управления трудовых сберкасс внес в сберкассу на себя, сына и брата 13 850 рублей, чем дал повод целому ряду других руководящих работников области совершить аналогичные антигосударственные проступки»⁵⁷.

Тюремный срок, однако, получил тот самый начальник областного управления трудсберкасс⁵⁸. Попутно заметим, что манипуляции со сберкнижками не идут ни в какое сравнение с масштабами тех материальных – в частности, жилищных – благ, которыми наделил себя Попов за время работы в Калуге⁵⁹. Будет ошибочным считать, что его смещение – проявление решительных мер борьбы с нарушителями постановления о денежной реформе. Декабрьское прегрешение Попова, по всей видимости, стало лишь предлогом: вопрос о его замене был поставлен за несколько дней до 14 декабря. В подготовленных по поручению секретаря ЦК ВКП(б) Алексея Кузнецова сотрудниками управления кадров «предложениях об укреплении руководства некоторых обкомов ВКП(б) и о перемещении группы первых секретарей обкомов ВКП(б), – сообщает

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
1947 ГОДА И ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ...

56 Серов И.А. *Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти.* М., 2016. С. 365.

57 ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов и др. М., 2004. С. 163–164. Подробнее о деле Ильи Попова см. в: Кометчиков И.В. *Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944–1948 гг.* // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 3. С. 723–737.

58 Кометчиков И.В. *Указ. соч.* С. 730.

59 Там же. С. 729.

историк Игорь Кометчиков, – первые две страницы были уделены обоснованию замены И.Г. Попова как не справившегося с работой и не имеющего необходимой общей и политической подготовки»⁶⁰.

* * *

Приведенное выше количество привлеченных к уголовной ответственности – 19 551 человек – явно не отражает в полной мере числа совершенных преступлений, ибо исключает партийных и советских руководителей, а также руководителей МВД и МГБ, которые отделались взысканиями⁶¹. Равенство перед законом сталинская Конституция только декларировала. Показательна в этом отношении история, изложенная в протоколе № 344 секретариата ЦК ВКП(б) от 12 марта – 8 апреля 1948 года, отразившем разбор дела «О нарушении работниками Управления МГБ по Молотовской области постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14.XII.1947 г. “О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары”»:

«Начальник секретариата Управления МГБ Владимиров С.В. 15 декабря 1947 г., после опубликования закона о денежной реформе, при содействии зав.управлением сберкасс г. Молотова Паншиной незаконно получил из сберегательной кассы по доверенности начальника Управления т. Зачепа И.И. принадлежащие ему 34 тыс. руб. и в тот же день, совершив подлог, задним числом оформил вклады в сберкассе на 14 книжек в сумме 43 тыс. руб. на имя сотрудников УМГБ и своих родственников. [...]

Начальник Управления МГБ т. Зачепа И.И., получив 15 декабря 1947 г. из сберкасс свой денежный вклад через своего подчиненного Владимирова, знал, что он взял эти деньги из сберкасс в нарушение закона о денежной реформе, но не принял никаких мер к расследованию его действий и наказанию за допущенное беззаконие, а также не сообщил государственным органам о незаконных денежных операциях сберегательной кассы»⁶².

Именно так и сформулировано. Начальнику, поручившему подчиненному совершить мошенничество в свою пользу, пеняют на то, что он не принял никаких мер по его наказанию и не донес на организацию, которая подневольному исполнителю в этом помогала.

60 Там же. С. 731.

61 Упомянув о разборе партийными инстанциями персональные дела лиц, замешанных в злоупотреблениях в ходе проведения реформы, Игорь Чуднов приводит такие числа: в 1947–1949 годах только в Кузбассе за хищения, злоупотребления и растраты были исключены из партии более тысячи человек (Чуднов И.А. *Денежная реформа 1947 г. глазами современников*. С. 100).

62 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 414–416.

Какая же кара постигла этих двоих – начальника и подчиненного? Секретариат ЦК ВКП(б) 12 марта 1948 года утвердил постановление Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б): Владимирова «за нарушение закона о денежной реформе и совершение подлога исключить из членов ВКП(б); материалы [...] передать в Прокуратуру СССР для привлечения к судебной ответственности»; Зачепе «объявить строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку»⁶³.

Еще одна типичная ситуация из докладной записки МВД руководству страны от 22 декабря 1947 года:

«Секретарь Глусского райкома ВКП(б) Белоруссии Демельштейн 14 декабря, после вскрытия пакета особого назначения, предложил заведующему райсберкассой Стельмашенкову открыть сберкассу и принять вклады деньгами старого образца от ответственных работников района. Стельмашенковым было принято на сбережение от руководящих работников и их родственников вкладов на 224 000 руб. Решением Бюро Бобруйского обкома КП(б) Белоруссии от 20 декабря с.г. на всех коммунистов, принимавших участие в незаконной сдаче личных денег в сберкассу, наложены строгие партийные взыскания»⁶⁴.

Сегодня, благодаря опубликованным материалам, известно о масштабах коррупции в Ленинграде и Ленинградской области, Свердловской области, Пермском крае. Что касается разоблачения ленинградских ответственных работников, то остается дискуссионным вопрос о возможной связи разоблачительной кампании с готовящимся «ленинградским делом»⁶⁵. Как правило, в схеме спасения своих денежных средств участвовали партийное и советское начальство, руководители правоохранительных и финансовых органов (финотделов, госбанка и сберкасс).

После инициированной секретариатом ЦК ВКП(б) проверки приема вкладов сберкассами всех районов Ленинграда и области во время реформы секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Петр Попков 28 января 1948 года направил в Москву список нарушителей, где были указаны суммы незаконно оформленных вкладов и принятые меры:

«1-й секретарь Приморского РК ВКП(б) (6800 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Председатель Приморского райисполкома (9000 руб.) – вопрос о наказании не обсуждался из-за болезни нарушителя, впоследствии был снят с должности;

63 Там же. С. 414–416.

64 Там же. С. 385.

65 Болдовский К.А. *Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат* // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2013. № 4. С. 176.

Председатель Октябрьского райисполкома (1330 руб.) – объявлен партийный выговор;

2-й секретарь Свердловского РК ВКП(б) (14 000 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Председатель Свердловского райисполкома (5150 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Заместитель председателя Свердловского райисполкома (900 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Секретарь Свердловского райисполкома (4200 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

2-й секретарь Кронштадтского РК ВКП(б) (2000 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Зав. особым сектором Октябрьского РК ВКП(б) (3000 руб.) – снята с должности, объявлен строгий выговор;

И.о. председателя Октябрьского райисполкома (830 руб.) – объявлен выговор;

Секретарь по кадрам Пушкинского РК ВКП(б) (750 руб.) – снят с должности;

Зав. оргинструкторским отделом Пушкинского РК ВКП(б) (600 руб.) – объявлен выговор;

Начальник райотдела УМВД Петроградского района (1690 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Начальник райотдела УМВД Октябрьского района (390 руб.) – объявлен выговор.

В Лужском районе Ленинградской области:

1-й секретарь РК ВКП(б) (30 000 руб.) – снят с должности, исключен из партии;

Председатель райисполкома (2950 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор;

Второй секретарь и секретарь по кадрам РК ВКП(б) (оба внесли по 3000 руб.) – объявлены строгие выговоры.

Начальник райотдела УМВД (7891 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор.

Начальник райотдела УМГБ (2500 руб.) – снят с должности, объявлен строгий выговор»⁶⁶.

На примере фигурирующего в списке второго секретаря Свердловского РК ВКП(б) можно увидеть детали уже знакомой картины. В сообщении прокурора Ленинграда второму секретарю горкома Якову Капустину от 29 декабря 1947 года сообщалось, что провинившийся узнал о схеме обмена от работников райотдела МВД до официального вскрытия пакетов с инструкциями, после чего вызвал к себе заведующую центральной сберкассой района и попросил ее оформить вклады на нескольких своих родственников. Вслед за этим заведующая разрешила внести деньги и некоторым своим подчиненным. Через несколько часов ее повторно вызвали уже к председа-

66 Там же. С. 179–180.

телю райисполкома, который вручил для внесения в сберкасу как собственные деньги, так и деньги своего заместителя, а также секретаря исполкома. Просьба прокурора о привлечении к судебной ответственности заведующей сберкассой была удовлетворена, тогда как согласия на аналогичные меры в отношении партийного руководства получено не было, поскольку вопрос об их ответственности должен был решаться в партийном и дисциплинарном порядке⁶⁷.

Особая криминальная специфика обнаружилась в действиях сотрудников управления МВД по Ленинградской области, где начальник хозяйственно-административного отдела Мотылев организовал с ведома двух заместителей начальника управления распродажу конфискованных вещей на деньги старого образца по их номинальной стоимости. Всего было продано вещей на 86 000 рублей, причем среди покупателей были как сам Мотылев, так и три заместителя начальника управления, а также другие сослуживцы. Главный виновник получил строгий выговор с занесением в учетную карточку и был уволен. Пострадал и секретарь парткома управления, снятый с должности⁶⁸.

По данным историка Кометчикова (правда, без разбивки по категориям), закон о денежной реформе в Калужской области нарушили по меньшей мере 290 руководящих областных, городских, районных партийных и советских работников, работников финансов и торговли. Среди нарушителей оказалось «практически все руководство Черниговской области во главе с первым секретарем обкома КП(б)У М.Г. Кузнецовым и председателем облисполкома С.Ф. Костюченко»⁶⁹.

Многочисленные нарушения, совершенные региональной властной элитой, были зафиксированы в Свердловской области, включая областное руководство МГБ и МВД⁷⁰. За незаконные действия были освобождены с занимаемых должностей секретари райкомов ВКП(б) Баканов, Горяинов, Ковач, Марков, Невоструев, Шубин, начальник управления МГБ СССР по Свердловской области Борщев, начальник управления МВД СССР по Свердловской области Попков, начальник Красноуральского городского отдела МГБ СССР Комлев, начальник Красноуральского городского отдела МВД СССР Лыхин. В Красноуральске правоохранители преждевременно вскрыли секретный пакет. Помимо привычного оформления задним числом вкладов в сберкассах, имел место случай, когда секретарь Белоярского райкома

67 Там же. С. 179–181.

68 Там же. С. 181–182.

69 Кометчиков И.В. *Указ. соч.* С. 730–731.

70 См.: Тепляков А.Г. *О коррупции в органах НКГБ – МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: сборник статей к 60-летию профессора С.А. Красильникова.* Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2009. С. 205–223.

ВКП(б) заставил заведующего райторготделом и председателя райпотребсоюза открыть 15 декабря торговлю промышленными товарами для избранной публики и купил товаров на 1800 старых рублей⁷¹.

Среди других ведомственных нарушителей фигурируют: начальник управления охраны МГБ Южно-Сахалинской железной дороги и госморпароходства, помощник министра госбезопасности Литовской ССР, начальник пункта охраны МГБ пристани Тобольск Тюменской области, начальник отделения охраны МГБ станции «Белово» Томской железной дороги и его заместитель, начальник контрразведывательного отделения Бийского ГО УМГБ по Алтайскому краю⁷². Сотрудники правоохранительных органов фигурировали в числе нарушителей закона и в Астраханской области⁷³.

В Красноярском крае с 15 декабря 1947 года по 15 января 1948-го органами прокуратуры были возбуждены 35 уголовных дел, к ответственности привлечены 55 человек, в том числе двенадцать работников районных сберегательных касс, четыре работника отделения Госбанка СССР. Правда, позже заведенные в спешке уголовные дела пришлось перепроверять⁷⁴. Кто же попал в число «несправедливо пострадавших»?

«Напрасно были привлечены к уголовной ответственности и осуждены работники советских и партийных органов, оказывавшие давление на финансовых работников, заставляя их принимать личные деньги таких руководителей в сберкассы. Поскольку... внесение средств 14 декабря 1947 г. не было преступлением, то такие партийные и советские работники должны были быть привлечены только к партийной ответственности»⁷⁵.

Согласно сводке управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «О непартийных и антигосударственных действиях некоторых руководящих работников местных партийных, советских и финансовых органов при проведении денежной реформы» (февраль 1948 года) по 40 республикам, краям и областям в нарушении закона о проведении денежной реформы были уличены 145 секретарей райкомов и горкомов партии⁷⁶.

По словам первого заместителя министра внутренних дел СССР Ивана Серова, провинившихся, чьи дела разбирали ко-

71 СЛАСТНЕВ С.Б. *Проведение денежной реформы 1947 г. на территории Среднего Урала...* С. 180; Он же. *Коррупция на Среднем Урале в период проведения денежной реформы 1947 года.* С. 366–369.

72 ТЕПЛЯКОВ А.Г. *Указ. соч.* С. 205–223.

73 ФЕДИН С.А. *Указ. соч.* С. 106.

74 ПЕЧЕРСКИЙ В.А. *Денежная реформа 1947 г.: криминальный аспект (на примере Красноярского края)* // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2023. № 1(27). С. 156.

75 Там же. С. 161.

76 ЗУБКОВА Е.Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953.* М., 1999. С. 84; БОЛДОВСКИЙ К.А. *Указ. соч.* С. 183.

миссии партийного контроля, остроумцы, якобы, окрестили «декабристами»⁷⁷. Календарное совпадение с событиями далекого 1825 года пробуждает в памяти хрестоматийные ленинские характеристики касательно революционеров из дворянства – «узости их круга» и «страшной удаленности от народа». Применительно к новой реальности они обретают смысл, явно отличный от первоначального.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
1947 ГОДА И ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ...

* * *

Воссозданные исследователями истории позволяют получить представления о тесных неформальных связях круга «уважаемых людей» (согласно более поздней терминологии Аркадия Райкина) и обнаружить мотивы их поступков, диктуемых отнюдь не служебным рвением.

Историк Александр Ильюхов пишет о городе Велиж Смоленской области, где начальник милиции Свирин утром 14 декабря, еще до срока вскрытия секретного пакета, пригласил к себе в РОВД заведующего районным финансовым отделом Полякова, управляющего местным отделением Госбанка Кузьменкова, заведующего райсберкассой Жигарева, а также своего заместителя Кулешова. Поставив их в известность об условиях обмена, он посоветовал положить имеющиеся наличные в сберкассу, что Поляков с Кузьменковым и сделали. Позже пришла коллега жены Кузьменкова и вложила на свое имя еще 3000 рублей, как выяснилось позже, из средств, принадлежащих тому же Кузьменкову. Перед самым закрытием сберкассы такую же сумму успела вложить еще одна подставная вкладчица. За ними свои деньги понесли помощник секретаря райкома ВКП(б) Никитин, оперуполномоченные райотдела милиции Сергеев и Корниенко, начальник пожарного отдела райотдела МВД Садченко, заведующий паспортным отделом Иванова. Милиционер Латушкин, не имея свободной наличности, продал фуфайку за 125 рублей и отнес деньги в сберкассу.

Быстро подключилось и партийное руководство. Два счета на общую сумму 6000 рублей открыл секретарь райкома партии Горохов. Но этого ему показалось мало, и он попросил заведующего сберкассой положить еще 2000 рублей не на свой, а на его счет. Тот отказался, однако выход был найден: за пять минут до закрытия сберкассы один из инструкторов райкома успел открыть счет на свое имя на 3000 рублей, из которых 2000 принадлежали его партийному начальнику. Пикантность ситуации состояла в том, что Горохову условия обмена стали

77 СЕРОВ И.А. *Указ. соч.* С. 365.

известны еще утром, после чего он зарезал двух свиней, а его жена оперативно продала мясо на базаре, выручив те самые 6000 рублей. Не отстал от него и заведующий районным финансовым отделом, срочно продав новое пальто. Так же поступила и жена прокурора Алексеева, но опоздала, и на следующий день заведующий сберкассой уже отказался принять ее вклад. Прокурор ему этого демарша простил, заведя на несговорчивого заведующего уголовное дело.

После официального закрытия сберкассы в 14:30 бурная деятельность местных функционеров продолжилась. Начальник милиции уже после 16:00 дал указание заведующему сберкассой принять деньги у своего заместителя Кулешова, заведующий финансовым отделом – у своего заместителя Устинова, сотрудника отдела Дынина и заместителя председателя райисполкома Тарасова. Прокурор Алексеев попытался привлечь к судебной ответственности не только заведующего сберкассой Жигарева, но и заместителя заведующего финансовым отделом Устинова и контролера Афанасьева. Через десять дней Жигарева, а затем Устинова, Афанасьева и Кузьменкова арестовали. Жигарева уговаривали никого не выдавать, суля смягчение наказания. Однако дело вышло из-под контроля районных властей, и состоявшееся в областном центре судебное слушание закончилось обвинительным приговором. Жигарев и Устинов получили по пятнадцать лет лишения свободы, Афанасьев – двенадцать, Кузьменков – пять. Представители райкома и милиции уголовному преследованию не подвергались⁷⁸.

Даже через два года после реформы в решениях секретариата ЦК ВКП(б) можно встретить следы наказаний за противозаконные действия в период ее проведения. Из протоколов узнаем, что 17 декабря 1949 года второй секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Московской области Е.А. Санковский передал бухгалтеру райкома партии 5700 рублей личных денег, получив впоследствии указанную сумму новыми дензнаками. Наказание стандартное: с учетом возвращения денег в кассу райкома нарушителю объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку⁷⁹. На учет был взят в декабре 1952 года и бывший заместитель начальника управления контрразведки МГБ Ленинградского, а затем Прикарпатского военного округа И.Я. Лоркиш. На него были получены показания двух человек (один из них арестованный) в том, что тот «в период денежной реформы в 1947 году совершал жульнические махинации при обмене денег»⁸⁰.

78 Ильюхов А. *Обмануть «систему» или как меняли деньги в 1947 году* // Родина. 2005. № 5. С. 105–106.

79 *Денежная реформа в СССР 1947 года...* С. 431–432.

80 Лубянка. *Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти* / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2007. С. 546.

Вышеприведенные данные дают достаточно ясное представление о поведении властной элиты в декабре 1947 года и согласуется с выводами тех исследователей, которые полагают, что в послевоенном СССР коррупция приобрела системный характер⁸¹. Денежная реформа, подобно лакмусовой бумажке, одновременно и повсеместно (что весьма показательно!) выявила скрытые интересы, которыми жили многие лояльные режиму граждане, включая лиц, в чьих характеристиках значились «верность делу партии Ленина–Сталина», активное участие в общественной жизни, наставничество над молодежью и прочие доблести.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ
ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
1947 ГОДА И ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ...

* * *

Подводя итог, отметим, что руководство страны в постановлении о денежной реформе признавало, что для ее проведения «потребуются известные жертвы», и убеждало население часть из них принять на себя – как тяжелое последствие войны, неизбежное, но последнее⁸². Сергей Дмитриев на это писал в дневнике: «Ясно, что не последняя [жертва], а очередная. Слова о “последней жертве” [...] породили крылатые словечки, шутки, а вероятно, и анекдоты»⁸³. Возможно, автор имел в виду один из образцов подобного фольклора, который не решился воспроизвести письменно: «В театре Советской армии идет пьеса “Последняя жертва”. Автор – Сталин. Режиссер – министр финансов Зверев»⁸⁴.

Очередной призыв потерпеть до наступления светлого будущего не предполагал самоограничения для избранных. Партийно-советская номенклатура в который раз убедительно доказала, что не готова разделить всю тяжесть испытаний наравне с остальным населением и проявить требуемую от обычных людей «жертвенность». Государство при всей строгости к нарушителям закона из числа работников торговли, подневольных финансистов и мелких чиновников к высокопо-

81 См.: Говоров И. В. *Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области)* // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 79. «Родовыми чертами советских спецслужб, – утверждает Алексей Тепляков, – стали воровство, хищения и коррупция» (Тепляков А. Г. *Указ. соч.* С. 222).

82 *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам...* С. 462. Напомним также, что не успели советские граждане оправиться от шока денежной реформы, как грянули выборы в местные органы власти, и им пришлось отправиться на избирательные участки, чтобы выбрать самых достойных народных представителей, предложенных правящей партией. Уже 22 декабря 1947 года первый секретарь МК и МГК ВКП(б) Георгий Попов, подводя итоги волеизъявления, информировал Сталина о том, что на выборах в Моссовет проголосовали 99,99% зарегистрированных избирателей, а за кандидатов блока коммунистов и беспартийных были поданы 99,4% голосов (*Москва послевоенная...* С. 289).

83 Дмитриев С. С. *Указ. соч.* С. 144.

84 Мельниченко М. *Указ. соч.* С. 528. Название пьесы отсылало к комедии Александра Островского.

ставленным «слугам народа» проявляло привычную снисходительность, ограничиваясь в большинстве случаев дисциплинарными взысканиями. О неизменности сложившейся практики номенклатурных привилегий ярче другого свидетельствует пореформенная система так называемых «синих пакетов» – дополнительной тайной зарплаты, не облагаемой налогами. Изменились обстоятельства – и одни номенклатурные льготы путем монетизации заместились другими.

В директивном письме Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1947 года сообщалось о принятых в Москве мерах в связи с отменой бесплатных продовольственных и промтоварных лимитов руководящим советским и партийным работникам центральных учреждений и ведомств. Вместо них было решено выдавать временное денежное довольствие дополнительно к получаемой заработной плате. Председателям Советов Министров союзных республик, соответствующим секретарям ЦК КП(б), председателям обл(край)исполкомов, секретарям обкомов и крайкомов ВКП(б) предлагалось:

«1. Отменить с 1 января 1948 г. ныне действующий порядок бесплатного отпуска продовольствия и промтоваров (продовольственных и промтоварных лимитов), прекратить расходование средств из фонда улучшения социально-бытового обслуживания на бесплатный отпуск продуктов, на дачи и другие виды бесплатной выдачи продовольствия и промтоваров руководящим советским и партийным работникам;

2. Установить с 1 января 1948 г. руководящим советским и партийным работникам (сюда не входят работники Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности), которые получают в настоящее время бесплатно продовольствие и промтовары, выдачу дополнительно к получаемой ими заработной плате денежного довольствия в размере от 2 до 3 должностных окладов в месяц»⁸⁵.

Из поступивших ответов с мест можно узнать, что по Кемеровской, Сталинградской, Курской, Калининской и Вологодской областям ежемесячное денежное довольствие первым секретарям обкомов ВКП(б) и председателям облисполкомов было установлено в размере трехмесячного оклада от 5400 до 6000 рублей вместо получаемого ими бесплатного продовольственного лимита в размере 2400–3000 рублей в месяц⁸⁶.

Обещания населению, что обмен денег «ударит прежде всего по спекулятивным элементам, накопившим крупные запасы денег и держащим их в “кубышках”», в глазах многих сограждан выглядело пустой декларацией⁸⁷. Оценку этим обещаниям

85 ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 153–154.

86 Там же. С. 154.

87 Левичева И., Петров Ю., Татаринов С. Указ. соч. С. 54.

можно обнаружить в том числе на избирательных бюллетенях, на которых редкие смельчаки оставляли негативные комментарии⁸⁸. В обзоре оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) от 22 декабря 1947 года вместе с такими записями приведен и фрагмент записки, опущенной в избирательную урну в Ленинградском районе Москвы, озаглавленной «Мысли рядового трудящегося»:

«Героическими усилиями нашего чудесного, самоотверженного и бесконечно терпеливого народа Родина наша в 1945 г. была спасена от чудовищно-страшного внешнего врага. Внутренний же враг-спекулянт, вор, взяточник – оказался еще сильнее, так что наши правители не в силах с ними справиться вот уже 30 лет. От этого гибнет наш народ многострадальный!»⁸⁹

Более предметно и афористично высказался в своих поздних воспоминаниях – редких по откровенности в признании «грехов» по спасению своих сбережений – вологодский учитель Виталий Русинов: «Клеп-капкан ставился на медведя, а изловили зайца и мышь. И ничего не поделаешь. Жаловаться некуда»⁹⁰.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА
1947 ГОДА И ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ...

88 Об обнаружении в избирательных урнах бюллетеней с надписями «контрреволюционного содержания» без ссылок упоминается в: *Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР...* С. 140. Между тем приведенные там сведения, по всей вероятности, заимствованы из статьи Чуднова, который приводит конкретные примеры, свидетельствующие о том, что их содержание не связано с мероприятиями реформы: Чуднов И.А. *Денежная реформа 1947 г. глазами современников*. С. 101.

89 *Москва послевоенная...* С. 288.

90 Быков А.В. *Мемуары вологжан Русиновых как источник по истории денежного обращения в советский период // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования*. СПб., 2023. С. 378–379.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

От культурной революции 1960-х к постмодернизму: Фредрик Джеймисон как теоретик периодизации¹

*Константин
Александрович
Митрошенков (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.*

И в англоязычном мире, и в России Фредрик Джеймисон известен главным образом как исследователь постмодернизма и реформатор марксистского литературоведения. Гораздо реже о Джеймисоне говорят как о теоретике истории и периодизации, хотя эта проблематика проходит через все основные его работы, начиная с книги «Марксизм и форма» (1971) и заканчивая сборником лекций «Годы теории» (2024)². В наиболее концентрированном виде взгляды Джеймисона на теорию истории представлены в эссе «Periodizing the 60s» (1984), русский перевод которого скоро будет опубликован в журнале «Новое литературное обозрение». В этой статье, которую можно считать расширенным предисловием к готовящейся публикации, я разберу предложенную Джеймисоном модель периодизации и покажу, что и

- 1** Я хотел бы поблагодарить Адама Лидса, чей семинар «The Poetics of Social Forms» в Колумбийском университете помог мне лучше понять идеи Фредрика Джеймисона. Следующие ниже размышления – прямое продолжение разговоров, начатых на этом семинаре.
- 2** Этой книге посвящен отдельный блок «Годы теории Фредрика Джеймисона (1934–2024)» в одном из недавних выпусков «НЗ» (2024. № 6(158). С. 3–58).

**ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ**

сорок лет спустя она может служить источником теоретических находок.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

1

«Всегда историзировать!» – таким призывом открывается книга «Политическое бессознательное» (1981), вероятно, самая известная работа Джеймисона³. Может показаться, что нет ничего более «естественного» для критика-марксиста, чем указывать на важность историзирующего подхода. Но если мы, следуя призыву Джеймисона, историзируем его собственную интеллектуальную позицию, то обнаружим, что на рубеже 1970–1980-х лозунг историзации вовсе не был для марксиста само собой разумеющимся. В те годы марксизм все еще находился под сильным воздействием альтюссерянской критики историзма, изложенной в ряде работ 1960-х и прежде всего – в сборнике «Читать “Капитал”» (1965). Поэтому прежде, чем говорить о модели, предложенной самим Джеймисоном, необходимо сначала разобрать аргументы Луи Альтюссера, в заочном диалоге с которым Джеймисон формулировал свои позиции.

Альтюссер полемизирует с теми последователями и интерпретаторами Маркса, кто видит его *основное* достижение в отходе от этерналистского (то есть неисторичного) взгляда на экономические категории. Если бы достижение Маркса заключалось только в этом, пишет Альтюссер, то он ничем не отличался бы от Гегеля, который аналогичным образом историзировал категории классической философии. Но Гегель и Маркс оперируют совершенно разными *концепциями истории*.

Гегель мыслит историю как гомогенный континуум, «в котором проявляется диалектическая непрерывность процесса развития Идеи; [...] моменты Идеи существуют в ряде исторических *периодов*, на которые необходимо четко разделить временной континуум»⁴. Условием возможности такой концепции истории является категория «исторического *настоящего*»: представление о социальной тотальности, все элементы которой «всегда сосуществуют в одном и том же времени, в одном и том же настоящем, а значит, современны друг другу в этом настоящем»⁵, – то есть непосредственно связаны между собой и *выражают* некую общую для них сущность, или, говоря на языке вульгарного идеализма, некий общий «дух времени». Та-

3 JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 9.

4 Альтюссер Л. *Ошибки классической экономики: наброски понятия исторического времени* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 17.

5 Там же.

кого рода отношения между частями Альтюссер называет «экспрессивной каузальностью», а образуемое ими целое – «экспрессивной тотальностью».

В отличие от Гегеля, Маркс не мыслит историческое время как «непрерывное, гомогенное и современное самому себе»⁶. Согласно Марксу, элементы социальной тотальности – то, что Альтюссер дальше будет называть уровнями или инстанциями, – не связаны между собой непосредственно и не являются выражением некоей общей сущности. Они «относительно автономны» и сосуществуют в «сложном структурном единстве, сочленяемые друг с другом согласно конкретным детерминациям, зафиксированным, в конечном счете, экономическими уровнями или инстанцией»⁷. В темпоральном отношении это означает, что уровни марксистской тотальности существуют не в одном гомогенном времени; каждому из них присуще особое время и особая динамика развития. Это касается в том числе и уровней надстройки, которые хоть и детерминируются «в последней инстанции» экономикой, но не выводятся из нее непосредственно⁸.

Критика Альтюссера направлена в первую очередь против догматического марксизма, исходящего из того, что способ производства непосредственно определяет даже такие далекие от экономики сферы, как культура и наука, и оперирующего понятиями вроде «феодалного искусства» или «буржуазной философии». Однако тенденцию к механистическому сведению надстроечных явлений к базису можно обнаружить и в, казалось бы, более утонченных образцах марксистского анализа – например, в работах Вальтера Бенямина о Бодлере, в чьей поэзии, по мнению критика, нашла выражение «эпоха зрелого капитализма»⁹. Столь же проблемным с альтюссеррианской точки зрения представляется и попытка Георга Лукача, на тот момент (1960-е) наиболее влиятельного литературоведа-марксиста, связать по принципу аналогии эволюцию художественных форм с социально-экономическими изменениями¹⁰.

Альтюссеррианская критика гегельянского историзма представляет особую проблему именно для марксистских исследований литературы и культуры – то есть тех уровней, что находятся в наибольшем отдалении от экономики и, следовательно, требующих наиболее тонкого подхода. Джеймисон, чье становление как теоретика пришлось на пик популярности альтюссеррианства, воспринял эту критику крайне серьезно. Во

6 Там же. С. 19.

7 Там же. С. 21.

8 Подробнее об альтюссеррианской критике линейной концепции истории см.: Егорова А. *К переосмыслению категории класса: *tempora multa* множественного субъекта* // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 171–192.

9 Бенямин В. *Бодлер*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

10 Лукач Г. *О реализме*. М.: Common Place, 2025.

введении к «Политическому бессознательному» Джеймисон посвящает отдельный раздел разбору доводов Альтюссера. Он признает обоснованность многих из них, но утверждает, что из тупика можно выйти, обратившись к процедуре *медиации*, или опосредования.

Сам Альтюссер относился к этой основополагающей для диалектической традиции процедуре с подозрением, полагая, что она как раз и приводит к механистическому смешению уровней, «обеспечивая единство путем отрицания различий»¹¹. Однако Джеймисон считает, что Альтюссер путает медиацию с *гомологией* – проведением прямых параллелей между разнородными явлениями: например, между мировоззрением автора и избранной им художественной формой, как это делает марксистский философ и литературовед Люсьен Гольдман в книге «Сокровенный бог» (1964). Медиация же не приравнивает разнородные явления, но стремится *установить отношения между ними*. Джеймисон понимает медиацию так:

«[Это] процесс *перекодировки*: изобретение набора терминов, стратегический выбор конкретного кода или языка, благодаря чему одна и та же терминология может использоваться для анализа и артикуляции двух совершенно разных типов объектов, или “текстов”, или же двух совершенно разных структурных уровней реальности»¹².

Стоит обратить внимание на язык Джеймисона. Он неслучайно говорит об «изобретении» (*invention*) терминов: подобно бриколеру, критик-марксист для каждой конкретной процедуры медиации конструирует особый концептуальный аппарат, не претендующий на универсальность. Процедуру медиации, пишет Джеймисон, можно было бы считать всего лишь «методологической фикцией», если бы не тот факт, что «общественная жизнь в своей основополагающей реальности является единой и неделимой», а ее фрагментация – лишь видимостью, порожденной логикой и законами «повседневной жизни и экзистенциального опыта при позднем капитализме»¹³. Таким образом, процедура медиации оказывается необходимым условием артикуляции того, что Альтюссер назвал «сложным структурным единством» полуавтономных уровней, зафиксированным «в конечном счете, экономическими уровнем или инстанцией».

В том же введении к «Политическому бессознательному» Джеймисон отмечает, что альтюссерянская критика подрывает саму возможность исторической и культурной периодиза-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

11 ALTHUSSER L. *Marxist is not Historicism // Reading Capital: The Complete Edition*. London; New York: Verso, 2015. P. 287; см. также: ИДЕМ. *From Capital to Marx's Philosophy // Ibid*. P. 63–66.

12 JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 40.

13 Ibid.

ции. «Классическое» понятие периода предполагает, что все относящиеся к нему явления существуют в одном времени и отмечены неким общим родовым свойством – иными словами, оно воспроизводит все ту же логику «экспрессивной каузальности»¹⁴. Но полностью отказаться от периодизации Джеймисон не считает возможным, ведь в таком случае под вопросом окажется сама «репрезентация Истории», без которой невозможно никакое осмысленное политическое действие. Три года спустя в статье «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» (1984) он пишет:

«Если мы не достигнем некоего общего смысла культурной доминанты, мы скатимся ко взгляду на современную историю как простую разнородность, случайное различие, сосуществование кучи разных сил, чья эффективность неопределима»¹⁵.

Следовательно, процедура периодизации должна быть не отброшена, но переосмыслена с учетом альтюссеррианской критики. Именно это Джеймисон и пытается сделать в «Periodizing the 60s».

2

Тот факт, что в 1984 году Джеймисон мог рассуждать о периодизации 1960-х, свидетельствует: к тому моменту представление, что 1960-е как исторический период подошли к концу, стало общепринятым. Собственно, весь выпуск журнала «Social Text», в котором появилось эссе Джеймисона, был посвящен переосмыслению 1960-х с левых позиций¹⁶. Необходимость *переосмысления* недавно закончившегося периода указывает на еще одну важную особенность интеллектуальной и политической ситуации начала 1980-х: стоило только студенческим протестам затихнуть, а революционному движению в странах «третьего мира» забуксовать, как из разных политических лагерей стали раздаваться критические замечания в адрес наследия 1960-х. Если правые и центристы обвиняли активистов-шестидесятников в дестабилизации общества и посягательстве на фундаментальные культурные ценности, то критики из левого лагеря указывали на многочисленные просчеты политических движений 1960-х и слабые стороны разработанных в этот период концептуальных схем¹⁷.

14 Ibid. P. 27–28.

15 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 92.

16 *Introduction* // *Social Text*. 1984. № 9-10. P. 1–9.

17 Обзор разнообразных критических реакций на 1960-е см. в: ВАЙНЕН Р. *Долгий 68. Радикальный протест и его враги*. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 445–472.

Если говорить о левых, то столь противоречивая реакция на 1960-е была вызвана, как представляется, ощущением радикального разрыва между закончившимся десятилетием и последовавшим за ним периодом неолиберальных реформ и укрепления правящих классов по всему «первому миру». Те, кто пытался осмыслить 1960-е в свете этих событий, оказывались перед двумя альтернативами: либо утверждать, что победа консервативных сил стала результатом поражения разнообразных революционных движений (и в таком случае пытаться выяснить, в какой момент «что-то пошло не так»), либо предположить, что именно половинчатые успехи шестидесятников подготовили почву для невиданного прежде наступления капитализма, научившегося кооптировать даже откровенно враждебные ему силы (именно по второму пути пошли впоследствии Люк Болтански и Эв Кьяпелло в книге «Новый дух капитализма» (1999)). Как мы увидим далее, Джеймисон отчасти склоняется ко второму варианту, но предлагает более сложный взгляд на взаимосвязь между освободительными движениями 1960-х и консервативным поворотом последующих десятилетий.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ
ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

Противоречивая реакция на 1960-е была вызвана ощущением радикального разрыва между закончившимся десятилетием и последовавшим за ним периодом неолиберальных реформ и укрепления правящих классов по всему «первому миру».

Джеймисон начинает эссе с небольшого теоретического размышления о периодизации. Основанием для выделения 1960-х в качестве отдельного исторического периода он считает следующее:

«Наличие не некоего вездесущего и единообразного стиля или образа мышления и действия, а общей объективной ситуации, на которую современники [могли] по-разному реагировать, в том числе творческими инновациями, оставаясь при этом в рамках наложенных ситуацией структурных ограничений»¹⁸.

Таким образом, Джеймисон сразу подчеркивает, что, во-первых, в своем анализе он исходит из представления об относительной автономии исторических акторов и уровней, и, во-вторых, что влияние исторической ситуации (общей исторической конъюнктуры периода) на акторов и уровни будет рассматриваться в категориях условий (не)возможности, а не

18 JAMESON F. *Periodizing the 60s* // *Social Text*. 1984. № 9-10. P. 178. Далее ссылки на конкретные страницы эссе даются в скобках в тексте статьи.

прямой детерминации. Рассмотрение различных феноменов 1960-х в едином контексте возможно не потому, что они обладают неким общим набором родовых черт, а потому, что все они в том или ином виде являются реакцией на общую историческую ситуацию и, собранные вместе, образуют то, что Георг Лукач в другом контексте назвал «тотальностью реакций»¹⁹. Примечательно, что Джеймисон не дает никакой предварительной характеристики этой ситуации. Можно было бы предположить, что он исходит из ее самоочевидности для любого читателя, более или менее знакомого с политической и культурной историей 1960-х. Но гораздо более вероятным представляется, что Джеймисон прямо следует за Альтюссером, который называл историю «отсутствующей причиной», доступной для познания только в своих эффектах²⁰. Таким образом, не имея доступа к исторической ситуации 1960-х во всей ее тотальности, мы тем не менее можем опосредованно изучать ее, обращаясь к тем трансформациям, которые она вызвала в различных сферах общественной жизни.

Джеймисон указывает на еще одну особенность, отличающую его подход к периодизации от моделей «старой органической истории». Его эссе посвящено не поиску «аналогий и гомологий между сильно различающимися уровнями общественной жизни», а установлению гомологий «между *разрывами* в развитии форм, относящихся к различным уровням» (р. 179). Различение, которое проводит Джеймисон, на первый взгляд кажется не столь существенным, но именно поэтому важно обратить на него внимание. Указание на то, что примерно в одно время такие напрямую не связанные между собой уровни, как политика, массовая культура и литература, претерпели существенные структурные изменения, вовсе не означает, что эти изменения аналогичны друг другу или происходили аналогичным образом. Но сам факт совпадения этих изменений во времени позволяет предположить наличие более широкой конъюнктуры – той самой общей исторической ситуации, которую Джеймисон предлагает изучать по ее эффектам.

Джеймисон связывает начало 1960-х как исторического периода с движением деколонизации в британских и французских владениях, одним из основных событий которого стала война за независимость Алжира (1954–1962). Это движение имело как минимум три важных следствия. Во-первых, на арене истории появился новый коллективный субъект – колонизированный народ, ведущий успешную борьбу против угнетателей и в процессе этой борьбы обретающий самосознание. Во-вторых, связанные странами «первого мира» колониальные войны (не

19 LUKACS G. *Solzhenitsyn*. Cambridge: MIT Press, 1971. P. 46.

20 JAMESON F. *The Political Unconscious*... P. 23–25, 34–35.

только в Алжире, но и американское вторжение во Вьетнам) привели к всплеску антивоенного и антиимпериалистического движения в них самих и к общей радикализации западного общества. Наконец, страны «третьего мира» стали поставщиками новых политических моделей для стран «первого мира». Речь идет о партизанской стратегии фокизма, выработанной кубинскими революционерами, и китайском маоизме, бросившем вызов хрущевскому «ревизионизму». Впрочем, Джеймисон предупреждает от излишне упрощенного взгляда на 1960-е:

«[Деколонизация] шла рука об руку с неокOLONиализмом, и конец старой империалистической системы... также означал создание новой системы угнетения – например, на символическом уровне это выразилось в том, что на смену Британской империи пришел Международный валютный фонд» (р. 184).

Именно в 1960-е, доказывает Джеймисон, капитализм уничтожает последние анклавы некапиталистических способов производства и становится по-настоящему глобальным.

Рассмотрение различных феноменов 1960-х в едином контексте возможно не потому, что они обладают неким общим набором родовых черт, а потому, что все они в том или ином виде являются реакцией на общую историческую ситуацию.

От деколонизации Джеймисон переходит к трансформациям философии в 1960-е. Такой переход может показаться не вполне логичным, но автор обосновывает его указанием на то, что история философии представляет собой «историю попыток осмыслить историческую и общественную субстанцию, находящуюся в процессе постоянной диалектической трансформации, субстанции, апории и противоречия которой определяют неудачи всех сменяющих друг друга философских систем» (р. 186). В своей излюбленной манере Джеймисон рассматривает явления, которые традиционный марксизм относит к категории надстройки, не как отражения исторической ситуации, но как реакции на нее, рассчитывая таким образом сохранить верность альтюссеровской концепции полуавтономии уровней. По Джеймисону, в 1960-е философия реагировала на два основных вызова: появление новых коллективных субъектов (колонизированных народов, женского движения, движения за права чернокожих, «сексуальных меньшинств» и так далее) и осознание непрозрачности самой сферы политического, доступ к которой всегда опосредован надличностными структурами.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

Отсюда основные направления философских поисков 1960-х: попытки описать процесс формирования идентичности (Жан-Поль Сартр, Франц Фанон) и концептуализировать роль структур в повседневной жизни (структурализм и альтюссеррианский марксизм, испытавший большое влияние маоизма).

Еще один вызовом для философии – как, впрочем, и для остальных сфер интеллектуального и культурного производства – стал постмодернизм. Джеймисон отмечает, что переход к нему представляет собой слишком сложное явление, чтобы рассмотреть его в рамках эссе, и поэтому останавливается только на одной его составляющей – трансформации понятия знака. Если де Соссюр говорил о двуединстве означающего и означаемого (и даже сравнивал их с двумя сторонами одного листа бумаги) при произвольном характере их связи с референтом (объектом в реальном мире), то последующие теоретики сначала освободили знак от связи с референтом, а затем – означающее от означаемого. В понимании Джеймисона, первая стадия трансформации знака примерно соответствует периоду модернизма с его идеологией автономии искусства, а вторая – периоду постмодернизма:

«Речь идет уже не об игре знаков, а об игре чистых или буквальных означающих, освобожденных от балласта в виде означаемых, то есть от значений. Эта игра порождает новый вид текстуальности во всех видах искусства... и проецирует мираж некоего конечного языка чистых означающих, часто ассоциирующегося с шизофреническим дискурсом» (р. 200).

Для описания этого процесса Джеймисон привлекает сразу несколько теоретических языков, в том числе понятия овеществления и фрагментации, обычно используемые в социально-экономическом контексте. По всей видимости, именно такую операцию Джеймисон и имел в виду, когда в «Политическом бессознательном» писал о медиации как об описании разноразмерных явлений в одних и тех же категориях. Таким образом, Джеймисон прослеживает проникновение капиталистической логики внутрь самого знака, относящегося к уровню интеллектуального и культурного производства.

В политическом отношении аналогом фрагментации знака оказывается постепенный распад новых коллективных идентичностей. Как отмечает Джеймисон, после избавления от колониальной зависимости национально-освободительные движения стран «третьего мира» оказываются перед вопросом: как поддерживать с трудом обретенное чувство национального самосознания в отсутствие питающего его манихейского конфликта между «своими» и «чужими»? В результате коллективные субъекты начинают дробиться на многочисленные микрогруп-

пы, идентичности которых подчинены той же диалектике самоопределения через противопоставление себя Другому. Аналогичные процессы Джеймисон прослеживает и в странах «первого мира», где на смену претендующей на универсальность марксистской категории класса приходят категории гендерной, этнической и культурной политики. Если прежде существовала хотя бы иллюзия общей борьбы угнетенных за свое освобождение, то теперь представители различных угнетенных групп всячески подчеркивают уникальность своей идентичности и во многих случаях отвергают само представление о том, что экономическая эксплуатация является первопричиной всех прочих ее форм.

Разговор об экономике Джеймисон откладывает до заключительной части эссе. В этом можно усмотреть намеренный концептуальный ход. Вместо того, чтобы в духе догматического марксизма начинать с общей социально-экономической характеристики периода и уже из нее выводить анализ политических, культурных и интеллектуальных явлений, Джеймисон сначала фиксирует трансформации, произошедшие в этих сферах, и только потом переходит к экономике, чтобы найти для них общее объяснение. Обращаясь к книге Эрнеста Мандела «Поздний капитализм» (1975), Джеймисон пишет, что экономический кризис 1974 года ознаменовал собой окончание экономического цикла, начавшегося в 1940-е и отмеченного «изобретением компьютерных технологий, появлением ядерной энергетики и механизацией сельского хозяйства» (р. 206), а также характеризовавшегося постепенным распространением этих изобретений за пределы, говоря языком Иммануила Валлерстайна, капиталистического ядра. Мандель утверждает, что по окончании этого цикла произошел переход от классического капитализма, не имевшего еще всемирного охвата, к капитализму позднему, установившему полное господство над миром. По мысли Джеймисона, 1960-е стали переходным периодом между двумя фазами развития капитализма и именно этим был обусловлен противоречивый, или диалектический, характер десятилетия: освобождение от прежних систем господства, появление новых идентичностей и форм политического участия и одновременно невиданная прежде экспансия капитализма и кризис универсалистской левой политики.

3

Специалисты по политической, социальной или экономической истории могут обнаружить отдельные неточности и натяжки в предложенном Джеймисоном анализе. Представляется, одна-

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

ко, что оценивать его нужно в первую очередь с точки зрения продуктивности самой теоретической модели, а не фактической точности. Именно этим я и займусь в оставшейся части статьи, вынеся за скобки соображения о том, насколько соответствует действительности нарисованная Джеймисоном картина 1960-х.

Как я уже отмечал, Джеймисон прямо следует за альтюссеррианской концепцией полуавтономных уровней, скрепленных экономической инстанцией. У этого концептуального решения есть несколько важных нарративных следствий. Вместо одного линейно выстроенного повествования, отдельные части которого посвящены последовательно сменяющим друг друга этапам, мы получаем несколько микроповествований, события которых разворачиваются примерно в одно время. Вместе с тем в эссе Джеймисона можно обнаружить некоторую хронологическую последовательность. Первый его раздел посвящен «третьему миру», в котором характерные явления 1960-х вроде изобретения новых политических моделей заявили о себе раньше, чем в странах «первого мира». В последнем же разделе анализируются экономические трансформации, что служит мостиком между «прошлым» повествования и «настоящим» его читателей, «ведь в 1973–1974 годах начался мировой экономический кризис, последствия которого дают о себе знать по сей день» (р. 205). Кроме того, подобно тому, как в литературном произведении развязка сюжетной интриги позволяет по-новому взглянуть на все предшествующие события и осознать их подлинное значение, так и в эссе Джеймисона завершающий экономический анализ позволяет увидеть рассматриваемые события в новой перспективе.

Стоит обратить внимание и на пространственную организацию эссе. Основное внимание в нем уделяется странам «первого» и «третьего мира». Джеймисон начинает с описания процесса деколонизации, переходит к философии, культурной теории и поэзии «первого мира», а затем вновь возвращается в мир «третий», обращаясь к партизанским движениям Южной Америки и их теоретизации французским философом Режи Дебре. Перед нами не претендующее на энциклопедическую полноту изложение всех наиболее важных событий 1960-х, но пунктирная карта пространственной динамики периода, характеризующегося, как следует из эссе, диалектическим взаимодействием между «первым» и «третьим миром» при относительной инертности мира «второго». Пользуясь джейминовской терминологией более позднего периода, можно сказать, что эссе о 1960-х представляет собой опыт *глобального когнитивного картографирования*.

Как отмечает Джеймисон в книге о постмодернизме, период позднего капитализма характеризуется таким усложнением

мультинационального пространства, при котором отдельному человеку все сложнее связать свой повседневный опыт с глобальными процессами, не говоря уже о том, чтобы осмыслить текущий исторический момент во всей его тотальности. Именно поэтому особое значение приобретает работа по картографированию этого нового пространства, позволяющая артикулировать связи между, казалось бы, несвязанными явлениями и процессами, а также выявить их фундаментальные условия возможности. Когнитивное картографирование в каком-то смысле оказывается постмодернистским двойником современной процедуры периодизации, призванной упорядочить хаос явлений. Джеймисон проводит аналогию между операцией картографирования и предложенным Альтюссером пониманием идеологии как «воображаемого представления отношения субъекта к его реальным условиям существования»:

«Какковы бы ни были ее недостатки и проблемы, эта позитивная концепция идеологии как функции, необходимой для любой формы социальной жизни, хороша уже тем, что подчеркивает наличие разрыва между локальным позиционированием отдельного субъекта и тотальностью классовых структур, в которых он размещен, разрыва между феноменологическим восприятием и реальностью, которая превосходит любое индивидуальное мышление или опыт, то есть разрыва, который идеология, собственно, и пытается сократить или скоординировать, нанести на карту посредством сознательных или бессознательных репрезентаций»²¹.

Таким образом, операция картографирования оказывается, по сути, еще одной формой медиации, призванной устранить разрыв между «локальным позиционированием отдельного субъекта и тотальностью классовых структур». Речь идет о кажущемся разрыве: с точки зрения марксизма, индивидуальный опыт и глобальная динамика всегда объективно связаны. Другой вопрос, что в предельно овеществленном и медиатизированном мире позднего капитализма эта связь не дана нам в чувственном восприятии. Поэтому мы и нуждаемся в когнитивном картографировании – своего рода концептуальной заплатке, позволяющей хотя бы приблизительно помыслить тотальность мир-системы в ситуации, когда тотализирующее мышление кажется все менее возможным.

Установка на тотализацию возвращает нас к проблеме связи между уровнями. Джеймисон решает ее двумя основными способами. Это обращение к упомянутому выше понятию реакции на общую историческую ситуацию и переписание разноуровневых явлений в одних и тех же категориях – процедура, ко-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

21 Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 791–792.

тору Джэймисон в «Политическом бессознательном» назвал одной из форм медиации. У обоих способов есть свои ограничения. Теоретически замена понятия «влияние» на «реакция» должна позволить исследователю сохранить полуавтономию уровней, но на практике это удается не всегда. Когда Джэймисон говорит о философии, то трактует отношения между ней и политическим/социально-экономическим уровнем довольно прямолинейно. Он утверждает, что философские поиски 1960-х отвечали на основные вызовы десятилетия (деколониацию, появление новых коллективных идентичностей, наступление технократии и так далее), разрабатывая соответствующие им концептуальные модели. Выходит, что перед нами все та же «теория отражения», хотя и в несколько усложненном виде. Когда же Джэймисон связывает уровни при помощи перекодировки – например, описывая трансформации знака в заимствованных из социальной теории категориях овеществления и фрагментации, – то приходит к критиковавшемуся Альтюссером мышлению путем аналогий, результатом которого становится стирание принципиальных различий между уровнями. Стоит подчеркнуть: проблема не в том, что Джэймисон устанавливает связи между уровнями (это необходимое условие марксистского анализа), а в том, что во многих случаях он делает это слишком *непосредственным образом*.

Отчасти проблему можно решить, обратившись к иному пониманию медиации: вместо того, чтобы искать общий для двух различных уровней код, стоит попытаться соединить их при помощи третьего, опосредующего уровня, предварительно теоретически сконструировав его²². Чтобы не быть голословным, приведу конкретный и, как может показаться, несколько неожиданный пример. Филолог-формалист Борис Эйхенбаум в статье «Литературный быт» (1927), полемизирующей с современным ему марксистским литературоведением, писал:

«Четырехстопный ямб Пушкина, например, невозможно (не только в причинном плане, но и в плане обусловленности) связать ни с общими социально-экономическими условиями николаевской эпохи, ни даже с особенностями ее литературного быта, но переход Пушкина к журнальной прозе и, таким образом, самая эволюция его творчества в этот момент обусловлены общей профессионализацией литературного труда в начале 1830-х и новым значением журналистики как литературного факта. Связь эта, конечно, не причинная; это – использование новых литературно-бытовых условий, отсутствовавших прежде: расширение читательского слоя за пределы придворного и аристократического круга, появление рядом с книгопродавцами особых профессиональных издателей...

22 О различных определениях медиации см.: WILLIAMS R. *Marxism and Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1977. P. 95–100.

переход от альманахов, имевших “любительский” характер, к периодическим изданиям коммерческого типа»²³.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

В этом пространным и, казалось бы, не претендующем на теоретические обобщения фрагменте Эйхенбаум предлагает собственную модель литературно-социологического анализа, к которой стоит приглядеться повнимательнее. Эйхенбаум отказывается устанавливать прямую связь между развитием художественных форм и социально-экономической ситуацией. Столь же непродуктивной кажется ему попытка напрямую вывести особенности пушкинской поэзии из особенностей литературного быта его эпохи. Но Эйхенбаум не отрывает литературу от экономики и быта, а устанавливает между ними сложные отношения опосредования: согласно его модели, социально-экономические изменения делают (не)возможными определенные формы литературного быта, которые в свою очередь выступают условием (не)возможности определенных литературных форм. Таким образом, литературный быт оказывается опосредующим уровнем между литературной и экономикой, введение которого в дискуссию позволяет рассуждать о взаимоотношениях между двумя этими рядами в категориях обусловленности, а не прямой причинно-следственной связи. Эйхенбаум неслучайно говорит об «использовании новых литературно-бытовых условий», подчеркивая тем самым относительную автономию литературных акторов²⁴.

Конечно, модель Эйхенбаума нельзя назвать универсальной. Во-первых, введение опосредующего уровня не только позволяет выработать более сложную модель причинности, но и открывает дорогу для потенциально бесконечного умножения уровней опосредования: если мы вводим в схему уровень С, чтобы связать уровни А и В, то кажется логичным ввести затем в нее уровень D, чтобы связать уровни А и С, и уровень E, чтобы связать уровни С и В, и так далее. Во-вторых, есть все основания полагать, что в различных способах производства отношения между уровнями выстраиваются различным образом и что при описании взаимосвязей между уровнями в некоторых способах производства уместнее говорить о непосредственном воздействии либо использовать какую-то иную, не упомянутую нами модель причинности. Мы снова сталкиваемся с проблемой исторической изменчивости, вынуждающей исследовате-

23 Эйхенбаум Б. *Литературный быт* // Он же. *Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2020. С. 81–82.

24 В этом смысле Эйхенбаум следует наверняка знакомой ему формуле Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс К. *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 119).

лей постоянно модифицировать аналитические инструменты. Как бы то ни было, статья Эйхенбаума дает представление об альтернативной концепции медиации между уровнями (или рядами, если говорить на языке самих формалистов), при помощи которой можно было бы усовершенствовать модель Джеймисона²⁵.

4

Джеймисон впоследствии неоднократно будет возвращаться к проблематике периодизации 1960-х. Во введении к книге о постмодернизме он почти дословно повторяет изложенные в эссе аргументы в пользу периодизации, дополняя их одним новым соображением. Реагируя на высказывания тех, кто считает нецелесообразным выделять постмодернизм в качестве отдельного культурного периода в силу его сходства с модернизмом, Джеймисон пишет:

«Решение, определяющее то, с чем мы имеем дело – с разрывом или преемственностью (чем считать настоящее – оригинальным историческим периодом или же просто продолжением примерно того же самого, пусть и в новой овечьей шкуре?), – нельзя эмпирически оправдать, как и философски обосновать, поскольку оно само является исходным нарративным актом, образующим основу для восприятия и интерпретации событий, о которых должно рассказать повествование»²⁶.

Такое замечание может показаться неожиданным с учетом того, сколько сил в эссе о 1960-х Джеймисон потратил на то, чтобы оправдать предложенную им периодизацию апелляциями к реальному историческому материалу, а не к имманентной логике исторического повествования. Однако не стоит думать, что за несколько лет, прошедших между публикацией эссе о 1960-х и написанием предисловия к книге о постмодернизме, Джеймисон превратился в карикатурного скептика постмодерниста, проповедующего абсолютную произвольность исторического повествования. Уже в следующем абзаце он отмечает, что, несмотря на всю свою неопределенность и,

25 Эйхенбаум – далеко не единственный теоретик, у которого можно обнаружить модель опосредующих уровней. Схожим образом, например, рассуждает Жан-Поль Сартр в «Проблемах метода», указывая на семью как на опосредующее звено между социальным классом и индивидом: САРТР Ж.-П. *Проблемы метода. Статьи*. М.: Академический проект, 2008. С. 54–64. Джеймисон, к слову, в других своих работах неоднократно ссылается на рассуждения Сартра (JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 42–43). Но в силу своей сосредоточенности на индивиде модель Сартра представляется мне менее подходящей для анализа культурного производства, чем модель Эйхенбаума, изначально разрабатывавшаяся с прицелом на социологию литературы.

26 Джеймисон Ф. *Указ. соч.* С. 64.

как считают некоторые теоретики, концептуальную несостоятельность, термин «постмодернизм» приобрел в последние годы огромную популярность.

«[Войдя в широкий обиход, постмодернизм переписал] все знакомые вещи в новых терминах и, соответственно, предложил новые модификации, новые идеальные перспективы, перетасовал канонические чувства и ценности; если “постмодернизм” соответствует тому, что Реймонд Уильямс имел в виду под своей фундаментальной категорией культуры – “структурой чувства” – и если он стал “гегемонической” структурой такого рода, что соответствует еще одной из ключевых категорий Уильямса, значит, он мог получить такой статус только благодаря глубокой коллективной ауто-трансформации, переделке и переписыванию прежней системы. Это гарантирует новизну и ставит перед интеллектуалами и идеологами неожиданные и при этом социально полезные задачи – и сам этот факт также маркируется новым термином»²⁷.

Джеймисону не откажешь в остроумии. Вместо того, чтобы пускаться в бесплодные споры о том, действительно ли постмодернистские явления представляют собой нечто качественно новое по сравнению с явлениями модернизма, он предлагает исходить из того, что само господство термина «постмодернизм» служит симптомом изменения исторической ситуации и заслуживает отдельного изучения.

Теоретическое замечание о легитимности постмодернизма как категории периодизации подводит нас к вопросу о взаимоотношениях между этим понятием и пониманием 1960-х как исторического периода. Внимательные читатели не могли не заметить многочисленных пересечений между эссе Джеймисона о 1960-х и книгой о постмодернизме как на тематическом, так и на концептуальном уровнях. В эссе 1984 года связь между двумя сущностями никак не артикулируется, хотя Джеймисон и называет постмодернизм одной из важнейших концептуальных рамок для понимания 1960-х. Но уже в книге о постмодернизме он описывает 1960-е как период «культурной революции», создавшей необходимые социально-психологические условия для наступления позднего капитализма, – при том, что все необходимые для этого экономические условия наличествовали, если верить Эрнесту Манделю, уже к концу Второй мировой войны:

«Таким образом, экономическая подготовка постмодернизма или позднего капитализма началась в 1950-х после того, как был компенсирован военный дефицит потребительских товаров и запчастей и на рынок начали выходить новые товары и технологии (не последними из которых оказались медиатехнологии). С другой сто-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

27 Там же. С. 66–67.

роны, психический габитус новой эпохи требует абсолютного разрыва, усиливающегося поколенческим сломом, достигнутым в полной мере в 1960-е»²⁸.

В эссе о 1960-х Джеймисон утверждал, что культурные трансформации этого периода стали возможны благодаря трансформациям базиса. Теперь же он развивает этот тезис, доказывая, что культура не просто реагировала на трансформации базиса в соответствии со своей внутренней динамикой, но и была тем фактором, от которого зависела успешность этих трансформаций. Эту сложную взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и экономики – или, говоря более традиционным марксистским языком, надстройки и базиса – можно считать еще одной отличительной чертой постмодернизма, когда «базис на третьей стадии капитализма порождает надстройки, наделенные динамикой нового рода», в результате чего «“культурное” и “экономическое” коллапсируют друг в друга и означают одно и то же в условиях стершегося различия между базисом и надстройкой»²⁹.

Но если мы согласимся с тезисом Джеймисона о том, что 1960-е были переходными периодом между двумя фазами развития капитализма, то это ставит перед нами новую проблему историографической репрезентации переходных периодов. Проблема эта существует на двух взаимосвязанных уровнях: концептуальном и повествовательном. Различные «формационные» теории исторического развития – будь то традиционная марксистская схема смены способов производства или фукольддианская история эпистем – предлагают убедительные описания сменяющих друг друга периодов, но редко могут объяснить сам процесс перехода между ними. Так Маркс не предложил законченной концептуализации переходного периода, ограничившись следующим замечанием:

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»³⁰.

Конкретизировать эту формулу попытался ученик Альтюссера – Этьен Балибар, – пришедший к заключению, что «переход-

28 Там же. С. 77–78.

29 Там же. С. 80–81. В таком случае мы должны признать, что джеймисоновское понимание медиации как описания разноуровневых явлений в одних и тех же категориях, на ограничения которого я указал выше, вполне legitimately применительно к явлениям постмодернизма, что в очередной раз подтверждает тезис о необходимости модифицировать аналитические инструменты при изменении исторической ситуации.

30 Маркс К. *К критике политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

ные периоды... характеризуются сосуществованием нескольких способов производства», один из которых доминирует над другими. Анализируя эту модель в книге «Сингулярная модерность» (2002), Джеймисон обращает внимания на заложенную в ней полемику с эволюционным историзмом: согласно Балибару, новый способ производства не вырастает постепенно из старого, но существует параллельно ему; когда же он становится доминирующим, то элементы прежде доминировавшего способа производства не исчезают в одночасье, а продолжают существовать теперь уже в подчиненном положении. Однако Джеймисон отмечает, что и модель Балибара при всей ее изощренности не предлагает концептуализации самого процесса возникновения новой системы, ограничиваясь лишь описанием сосуществования и борьбы заранее данных способов производства³¹.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

В то время как материальные условия для перехода к позднему капитализму в целом существовали уже в конце 1940-х, необходимый для этого «ментальный» переворот произошел только двадцать лет спустя.

Эссе Джеймисона о 1960-х можно рассматривать как попытку решить проблему концептуализации и описания переходного периода, хотя сам он и не формулирует свою задачу подобным образом. Процесс перехода оказывается двухступенчатым и наглядно демонстрирует возможность неполного совпадения между базисом и надстройкой: в то время как материальные условия для перехода к позднему капитализму, согласно Манделю, в целом существовали уже в конце 1940-х, необходимый для этого «ментальный» переворот произошел только двадцать лет спустя. Едва ли имеет смысл универсализировать анализ Джеймисона, но, сильно обобщая, можно сказать, что переходный период характеризуется резким культурным всплеском, который является симптомом нарастания антагонистических противоречий между сосуществующими способами производства³². Такой взгляд полностью согласуется с пониманием культурной революции, которое Джеймисон предлагает в книге «Политическое бессознательное»:

31 JAMESON F. *A Singular Modernity*. London; New York: Verso, 2002. P. 76–81.

32 Гипотезу Джеймисона было бы любопытно проверить на материале советских 1920-х, одновременно сопоставив ее с концепциями культурной революции, разработанными специалистами по советской истории. См.: Дэвид-Фокс М. *Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 221–279.

«[Культурная революция представляет собой] момент, когда существование различных способов производства становится явным образом антагонистическим и их противоречия оказываются в центре политической, общественной и исторической жизни»³³.

Именно применением концепции культурной революции Джеймисон и пытается решить проблему концептуализации и описания переходного периода. Акцент на культурной революции не означает отрицание примата экономики (ведь культурные, или «ментальные», условия позднего капитализма появились позже материальных), но является своего рода компенсацией за характерное для догматического марксизма пренебрежительное отношение к культуре.

5

Свою попытку осмыслить постмодернизм как исторический период Джеймисон назвал «историзацией того, что предельно неисторично»³⁴. В 2020-е мы, кажется, страдаем не от недостатка, а от переизбытка истории, о чем свидетельствуют повсеместные размышления о «возвращении истории» и ставший популярным в годы пандемии COVID-19 (кажется, это было так давно, а ведь прошло всего пять лет!) мем «I really wish I weren't living through a major historical event right now»³⁵. Разумеется, не стоит принимать подобные высказывания за чистую монету; к сожалению или к счастью, выскочить из истории невозможно, а потому невозможно и вернуться в нее. Помня уроки Джеймисона, их следует рассматривать как *симптомы* новой исторической ситуации, контуры которой нам только предстоит очертить. Но чем нам в этом может помочь джейминовская модель периодизации, если она, как я показал выше, возникла в ответ на совершенную иную историческую ситуацию?

Дело в том, что «переизбыток» истории не тождествен подлинно историчному отношению к современности. Все рассуждения о «возвращении истории» окрашены в апокалиптические тона: история в таком случае обычно мыслится как череда непредсказуемых катастроф, ни с того ни с сего падающих на наши головы. Такое восприятие истории явно не способствует взвешенному, насколько это возможно, анализу долгосрочных и краткосрочных причин той ситуации, в которой оказалась сегодня не только Россия, но и весь мир. Нежелание многих

33 JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 95; см. также: IВІD. *Cultural Revolution* // IВІD. *Valences of Dialectics*. London; New York: Verso, 2010. P. 267–278.

34 ДЖЕЙМИСОН Ф. *Указ. соч.* С. 796.

35 См.: <https://knowyourmeme.com/memes/tired-of-living-through-major-historical-events>.

«лидеров общественного мнения» увидеть, что происходящее в России – вовсе не некий эксцесс, вызванный исключительно особенностями российского общества, а часть более обширной исторической конъюнктуры, крайне симптоматично в этом отношении. Вывод, к которому подталкивают нас как политические события последних лет, так и интеллектуальная реакция на них, можно сформулировать следующим образом: мыслить исторично – значит не только осознавать, что исторические события оказывают влияние на нашу частную жизнь, но и искать такие концептуальные модели, которые позволили бы осмыслить текущую историческую ситуацию во всей ее сложности, учитывая одновременно и контингентную событийность, и долгосрочную динамику.

Разработанная Джеймисоном модель периодизации не предлагает готового решения наших проблем и не претендует на универсальность. Если и есть какой-то урок, который мы могли бы вынести из его размышлений о теории истории, то состоит он в том, что не существует никакой само собой разумеющейся процедуры историзации, которая одинаково успешно работала бы применительно и к Средневековью, и к эпохе позднего капитализма. Инструменты исторического анализа вырабатываются в ответ на изменения исторической ситуации и зачастую (хотя и не всегда) приходят в негодность с очередным историческим поворотом. Призыв «всегда историзировать» имеет смысл только в том случае, если он обращен в первую очередь на свои собственные инструменты и условия возможности. Значение джеймисоновской модели заключается как раз в том, что она принимает все эти вызовы и с разной степенью успешности отвечает на них. Иными словами, учиться у Джеймисона следует не столько конкретным концептуальным ходам, сколько самому историческому мышлению, которого нам сегодня так не хватает.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

You necessary film: О мистической изнанке авангардных городских симфоний¹

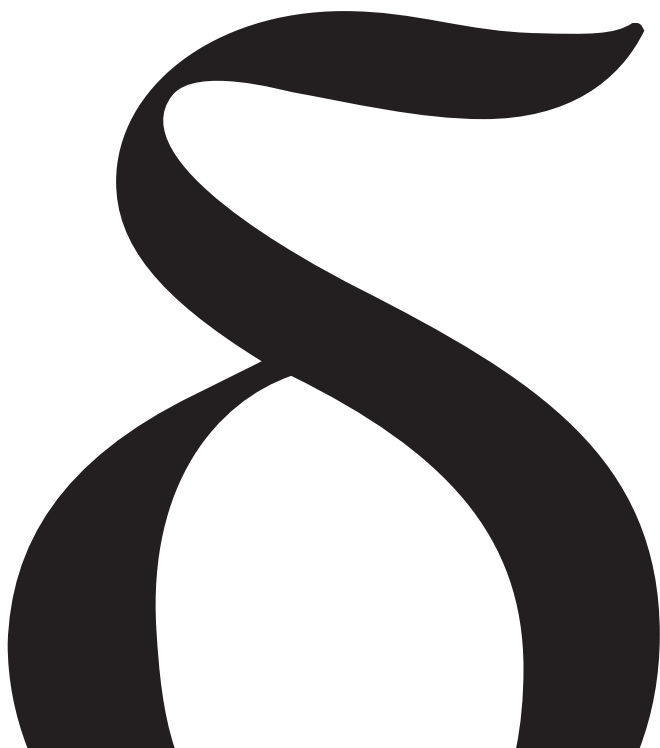
**БЕРЛИН АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА
НА ФОНЕ АВАНГАРДНОГО КИНО**

В 1929 году Альфред Дёблин опубликовал роман, который принято считать квинтэссенцией жанра городской симфонии в литературе XX века – «Берлин, Александрплац». Роман был новаторским, и автора вполне можно было заподозрить в том, что он, как и другие собратья-модернисты, старался «найти новые средства и возможности [чтобы] запечатлеть и понять современность»². Критики, а затем и литературоведы сломали множество копий, пытаясь разобраться в том, что именно подсмотрел – или не подсмотрел – Дёблин в джойсовском «Улиссе», первый немецкий перевод которого вышел в 1927 году: к вящему раздражению самого автора, уверявшего, что в глаза не видел «Улисса» – по крайней мере осенью 1927-го, когда начал работу над первыми главами собственной книги³.

- ¹ Эта статья представляет собой начало цикла, посвященного кинематографическим городским симфониям.
- ² Маркин А.В. *Примечания* // Дёблин А. *Берлин, Александрплац*. М.: Ладомир; Наука, 2011. С. 509.
- ³ Дёблин А. *Моя книга «Берлин, Александрплац»* // Там же. С. 380.

**КУЛЬТУРА
МОДЕРНОСТИ
REVISITED**

Впрочем, для современной Дёблину немецкой публики гораздо очевиднее была совсем другая логика, кинематографическая. Премьера «Метрополиса» Фрица Ланга, откуда в роман Дёблина целиком переселилась компания аллегорических фигур во главе с Вавилонской Блудницей и Смертью, состоялась в самом начале все того же 1927 года. А одноименный роман тогдашней жены Ланга, Теа фон Харбоу, по которому «Метрополис» был снят, вышел еще в 1925-м и настолько активно использовался в раскрутке будущего блокбастера, что жить в тогдашней Германии и пройти мимо этого феномена было никак невозможно⁴.

Заимствование было вполне демонстративным, и столь же демонстративно Дёблин встроил чужих кукол в принципиально иную логику высказывания. Фриц Ланг и Теа фон Харбоу создали романтическую притчу о гармонизации социума – неотразимо привлекательную с точки зрения мифогенного потенциала и безнадежно ходульную во всем, что касалось сюжета и заложенных в него идей. В духе старого доброго органицизма ключом ко всеобщему счастью должна была стать «благородная молодежь», ассоциируемая с сердцем общества, которая только и могла связать между собой мозг (правлящий класс) и руки (пролетариат), преодолев сопротивление злобных колдунов, представших в технократическом мире рядиться в мистиков и алхимиков и переодевшихся в интеллектуалов⁵. Футуристическое пространство Метрополиса становилось еще более условным в силу того, что каждый из персонажей был превращен в ходячую идею, продолжая – на сюжетном уровне – притворяться «живым» действующим лицом. Это неизбежно сказалось и на работе актеров. Пожалуй, единственную достойную партию в фильме вел Фриц Расп, исполнитель роли «Der Schmale», «Тощего» – «специалиста по решению проблем»: никаких идей его персонаж не воплощал, он был нужен почти исключительно для того, чтобы усилить действие, а потому и руки у актера были развязаны.

- 4 Роман вырос из наброска, сделанного обоими авторами, и фон Харбоу предварила первую публикацию авторским вступлением, не оставлявшим сомнений в том, что роман писался, чтобы стать основой для фильма. Первоиздание, рассчитанное на солидную публику, сопровождалось публикацией отдельных частей в еженедельнике «Das Illustrierte Blatt», при этом съемки шли параллельно, и отдельные выпуски иллюстрировались рабочим материалом фильма. Киностудия UFA, вложившаяся в беспрецедентно дорогую картину, сроки производства которой растянулись на непредставимые по тем временам 17 месяцев, а бюджет которой был превышен в четыре раза, приглашала на съемки журналистов и кинокритиков, так что рекламная кампания длилась порядка полутора лет. См.: MINDEN M., WACHMANN H. (Eds.). *Fritz Lang's Metropolis: Cinematic Visions of Technology and Fear*. New York: Camden House, 2002.
- 5 Что ничуть не мешало этому проекту оставаться харизматичным до предела – причем не только с точки зрения его влияния на последующую традицию антиутопической кинофантастики – вроде «Бегущего по лезвию» или «Пятого элемента». Еще на рубеже 1920–1930-х «Метрополис» произвел самое благоприятное впечатление на верхушку нацистской партии, во главе с Гитлером и Геббельсом, поскольку был прекрасно совместим с их собственными стратегиями мифотворчества.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

*YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ*

*Вадим Михайлин
(р. 1964) – историк
культуры, социальный
антрополог, переводчик,
профессор Саратовского
государственного
университета.*

У Дёблина в главное действующее лицо превратился сам Берлин, и для того, чтобы справиться с возложенной на него ролью, город просто обязан был стать ощутимым и достоверным до предела. Персонажи – при всей их постэкспрессионистской, в духе *Neue Sachlichkeit*, гиньольности и наклонности к физиологической самохарактеристике – тоже были опознаваемы как типажи с берлинской улицы, и если искать для них кинематографические соответствия, то никак не у Ланга 1920-х, а скорее у Фридриха Мурнау, с его выразительным Эмилем Яннингсом в «Последнем человеке» (1924) – этакой модернистской вариации на тему гоголевской «Шинели». Дёблин перенасыщает свой город движением уличных толп и транспорта, назойливой наружной рекламой и видами магазинных витрин, монтажными контрастами панорам и максимально крупных планов с фиксацией на характерной детали. Видел немецкий зритель что-то подобное на киноэкране до того, как взял в руки «Берлин, Александрплац»? Ну, конечно же, видел: в фильме Вальтера Рутtmана «Берлин – симфония большого города», премьера которого прошла 23 сентября 1927 года, то есть буквально за полмесяца до того, как у Дёблина сложился замысел собственного романа. И уж у Рутtmана Дёблин заимствовал самозабвенно – начиная от монтажной грамматики высказывания и заканчивая конкретными эпизодами⁶.

Для кинематографического жанра городской симфонии фильм Рутtmана – текст, настолько же архетипический, как книга Дёблина для аналогичного литературного. Собственно, именно Рутtmан и подарил обоим жанрам имя, подчеркнуто выстроив свой мегаполис не по модели популярных когда-то городских панорам с красивыми видами и не по законам сенсационной *urban fiction*, густо замешанной на мелодраме и на экзотике городского дна. Он снял именно симфонию, где воздействие на зрительское восприятие строилось с опорой на темп и ритм, где наглядность «городских картинок» всего лишь аранжиро-

6 Так, две главы, смонтированные в четвертую книгу романа, которые посвящены берлинским скотобойням и ориентированы на выстраивание прямых параллелей между судьбой людских масс, втянутых в водоворот мегаполиса, и судьбой пригнанных на скотобойню животных, вдохновлены короткой (около минуты) последовательностью кадров из первой части «Симфонии большого города». Динамичный монтаж Рутtmана объединяет общие планы людских толп, движущихся от железнодорожной станции – со средним планом спешащих по мостовой мужских и женских ног – с аналогичным планом ног коровьего стада, идущего по той же мостовой, – с еще одним общим планом движущейся городской толпы, – который перебивается кадром с марширующей в том же направлении и с той же скоростью колонной солдат (мясорубка Первой мировой в 1927 году была неотъемлемой частью общей коммуникативной памяти и общего же посттравматического синдрома) – с общим планом, на котором шарманщик представляет собой единственную и потому весьма заметную статичную фигуру на фоне идущей толпы, – с крупным планом руки шарманщика, которая крутит ручку, так, что та становится похожа на ручку мясорубки, а идущая в глубине кадра толпа на фарш – затем снова толпа, подсвеченная снизу юнгианскими бликами речной воды, – заводские конструкции – скот, который плетью загоняют в ворота скотобойни, – ворота заводской проходной, через которые безо всякого видимого принуждения идут люди. Дёблину на выстраивание тех же параллелей потребовались семь страниц.

вала общий месседж, не вполне переводимый на визуальные или нарративные коды. Сама эта невыразимость, пожалуй, и была тем главным, что привлекало и профессионалов, и, отчасти, широкую публику в авангардных портретах городов – а таковых в 1920–1930-е во всем мире было снято около полусотни. Жанр городской симфонии с самого начала не был ориентирован на чистой воды миметичность. Он не показывал город – он создавал ощущение города, причем ощущение, весьма специфическое: этакий легкий озноб от соприсутствия гигантского существа, наделенного собственной интенциональностью и волей, – существа, которое использует людей точно так же, как камень, уголь, металл и другие материалы, за счет которых живет и выстраивает собственные сюжеты, необозримые из индивидуальной человеческой перспективы. То есть с самого начала был мистичен по сути.

Дёблин подсмотрел у Рутtmана не только монтажный принцип организации повествования, не только ставку на ритмически организованную полифонию городского пространства. Он углядел главное: закадровую мистическую концептуализацию этого пространства. В его романе два сюжета – внешний и внутренний. Внешний динамичен и разбросан на сотни страниц и голосов. Он повествует о попытке внешнего же индивидуального становления, попытке, исходно обреченной на провал, поскольку – так же, как и в аттической трагедии, – для Дёблина стремление полагаться на собственную волю и воспринимать себя как режиссера собственной судьбы есть хюбрис: превышение пределов, положенных смертному, и подлежит не награде, а наказанию. Франц Биберкопф, протагонист «Берлина», выходит в начале романа из тюрьмы слабым и безвольным, и город не мешает ему, поскольку видит в нем не гранитный камушек в зубчатой передаче, а полезную смазку. Но потом герой начинает проявлять своеволие, наливается весом и силой – и город ломает его три раза подряд, возвращая, в конечном счете, в состояние полного ничтожества⁷. Но именно здесь и свершается ход внутреннего сюжета, прописанного буквально парой фраз: сюжета о том, как человек, отказавшись от бремени собственного я, обретает себя: и как город из палача и убийцы в мгновение ока превращается в волшебного помощника, помогая расстаться с сюжетом не истинным.

По этой же причине и символические фигуры, позаимствованные Дёблином у Ланга, превращаются в аллегории в духе немецкого барокко – персонифицированные идеи, чьи жесты и взгляды сплетают внешнюю рамку сюжета и чья роль в тексте является комментирующей, метанарративной. Главная их

7 Именно на радикальной смене телесного «объема» выстроил рисунок роли Эмиль Яннингс в «Последнем человеке».

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

роль – это роль свиты при главном сверхъестественном персонаже, постоянно присутствующем «в кадре», но – подобно богу – проявляющем себя исключительно через эманации: Берлине. Напряжение между внутренним и внешним, истинным и ложным сюжетами было для Дёблина принципиально значимым – поскольку повышенный интерес к «современности» был вызван у него совсем не теми установками, которые, как правило, принято прозревать за предельно динамизированной авангардной тканью романа. Как и большинство авангардистов, Дёблин придерживался вполне традиционалистских взглядов: не консервативных, в отличие от Т.С. Элиота или от Олдоса Хаксли, но именно традиционалистских, мистически ориентированных на некую «первозданность», из которой мы вышли, которая продолжает управлять нами и в которую у нас еще есть надежда вернуться⁸. В эссе «Прометей и первобытное», написанном в 1938 году, он четко противопоставляет «внешнюю» прометеевскую технику человеческого самосовершенствования, построенную на отказе от «первобытного» и на технологическом прогрессе, технике «внутренней», мистической, в основе которой лежит попытка вернуться к счастливому доличностному состоянию. При этом «современные» способы познания – религия, наука, философия – для него в равной степени являются порождением Прометея и как таковые обречены на провал:

«В образах, порожденных прометеевым началом, здоровых или болезненных, никаких оснований для мистического [опыта] отыскать невозможно, однако попытки подобного поиска сами по себе являются доказательством того, что власть Прометея слабеет и вырождается»⁹.

Процесс перемещения техник и смыслов между авангардным кинематографом и модернистской литературой напоминал перекрестное опыление. Когда в 1931 году Фриц Ланг снял «М», свой первый звуковой – и самый совершенный за всю карьеру – фильм, сомневаться в том, что он внимательнейшим образом прочел роман Дёблина, не приходилось. И дело было даже не столько в том, что вместо условного Метрополиса в кадре у него появился абсолютно «интересный» и живой протонуарный Берлин, сколько в том, что работал этот город по новым правилам. И мистическое чувство, которое он создавал у зрителя, было густо замешано на игре с мореновским «теле» – незримой и находящейся по ту сторону добра

- 8** Как и в случае, скажем, с французскими сюрреалистами или русскими футуристами, подобные взгляды прекрасно уживались с левыми политическими идеями.
- 9** DÖBLIN A. *Prometheus und das Primitive* // ИДЕМ. *Schriften zur Politik und Gesellschaft*. Olten: Walter-Verlag, 1972. S. 367. Здесь и далее, если не указано иное, перевод иноязычных источников мой. – В.М.

и зла космической волей, которая управляет судьбами отдельных людей и народов¹⁰.

Мистическая модель работы с диететическим пространством стала, на мой взгляд, едва ли не ключевым вкладом авангардной городской симфонии в мировое киноискусство. Вкладом, не настолько очевидным, как те неперенные атрибуты, которые принято прежде всего связывать с этим жанром: агрессивный монтаж, нарратив, выстроенный не на «продольном» («эпическом», то есть основанном на отслеживании биографической логики персонажей), а на «поперечном срезе» (погружающем зрителя в сплошной поток экранной «реальности»), *Querschnitt*, в терминологии Бэлы Балажа¹¹, и так далее. Здесь работа со зрительским восприятием и со зрительской фантазией велась на куда более глубинном уровне; и, в отличие от истории авангарда как технического киноязыка и как набора установок по оперированию телесными и когнитивными техниками, эта история, по большому счету, не только не написана, но даже и не начата¹². Претендовать на то, чтобы обозначить хотя бы основные ее контуры в небольшой статье, было бы чистой воды хюбрисом. Так что я поступлю иначе: добавлю к уже сделанному берлинскому эскизу на тему «мистического месседжа» конкретной городской симфонии¹³ еще один, нью-йоркский, обозначив стартовую точку жанра, связанную с коротким, продолжительностью менее десяти минут, фильмом, который был снят двумя начинающими американскими кинематографистами еще в 1920 году. И пообещаю сделать еще как минимум два или три текста, в которых рассмотрю другие индивидуальные варианты проработки этого месседжа: применительно к разным городам, разными режиссерами, каждый из которых решал собственные задачи, но неизменно наделял свой город мистическим измерением. Для того, чтобы картина стала сколько-нибудь полной, этого все равно будет недостаточно – поскольку городских симфоний во второй четверти XX века наснимали предостаточно и для сколько-нибудь при-

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

- 10 Подробнее о технике работы с «большой закадровой волей», о создании параноидального эффекта в «М» Фрица Ланга и о том, какое влияние этот фильм впоследствии оказал на такие разные кинематографические традиции, как нуар, неореализм и ревизионистский вестерн, см. в: МИХАЙЛИН В. *Прекрасность паранойи: «М» Фрица Ланга и «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера // Зло как благо. Интерпретация культурных кодов 2025*. Саратов: Наука, 2025. С. 201–232.
- 11 BALAZS B. *Der Filmsuchtseinen Stof. Programme de la Fox Europa Film Produktion*. Archiv der Stiftung der Deutschen Kinemathek. Berlin, s.p.
- 12 Впрочем, вот цитата из недавней статьи: «городские симфонии пытались уловить нечто большее, чем фотографически точное отражение города; скорее предметом их интереса была его аура»: BARNEY C. *The Spectator-in-the-Text: Cinematography, Spectatorship and Ideology in Manhatta (1921) // The Cinematograph*. 2023. Vol. 1. № 1. P. 1.
- 13 Краткому и, по определению, неполному, поскольку здесь и сейчас меня интересовала возможность оттолкнуться от известного литературного текста: сам же фильм Руттмана заслуживает отдельного пристального анализа.

стальной проработки всего этого корпуса кинотекстов под заданным углом зрения потребовались бы усилия не одного человека, да и формат не журнальной статьи, а, пожалуй, добротной книжной серии. Но я попробую.

«МАНХАТТА»

В 1919 году фотограф Пол Стрэнд, ученик Альфреда Стиглица, уже успевший зарекомендовать себя как одну из значимых фигур в жанре «прямой фотографии», зашел в гости к приятелю, Чарльзу Шилеру – художнику, разделявшему с ним интерес к абстрактному искусству и к «непосредственной» фотофиксации городской среды. Шилер показал ему недавно купленную кинокамеру, и прямо там и тогда у них родилась идея снять маленький фильм о Нью-Йорке¹⁴. Съемки шли с зимы по осень 1920 года, а премьера состоялась уже в 1921-м, и на экран картина вышла под названием «Нью-Йорк великолепный», скорее всего выбранным организаторами коммерческого показа¹⁵. В 1923-м, уже как «Дымы Нью-Йорка», он был частью программы на «Вечере бородатого сердца» – дадаистско-сюрреалистическом шоу в Париже. После чего, вернувшись обратно в Америку, обрел, наконец, свое постоянное, «уитменизированное»¹⁶ имя. Уолт Уитмен, кстати, играет в этом фильме особую роль не только в силу того, что именно из его поэтических текстов Шилер и Стрэнд позаимствовали разговорную форму «Манхатта». Фильм снабжен титрами, представляющими собой цитаты – иногда искаженные, но вполне опознаваемые – из нескольких стихотворений этого автора, крайне значимого для американской модернистской традиции¹⁷. И внутренняя структура картины выстраивается именно с опорой на эти цитаты. Впрочем, об Уитмене чуть ниже.

Фильм начинается неподвижным кадром с достаточно условной рисованной панорамой Нижнего Манхэттена – этакой визитной карточкой города, поскольку именно эти очертания

14 Из неопубликованного интервью Пола Стрэнда, данного Милтону Брауну и Уолтеру Розенблюму в ноябре 1971 года: Paul Strand Archive. Archives of American Art. New York; HORAK J.-C. *Paul Strand and Charles Sheeler's «Manhatta» // Lovers of Cinema. The First American Film Avant-Garde. 1919–1945.* Madison: The University of Wisconsin Press, 1995. P. 269.

15 Ibid. P. 269.

16 JACOBS S., KINIK A., HIELSCHER E. *Introduction. The City Symphony Phenomenon 1920–40 // The City Symphony Phenomenon. Cinema, Art, and Urban Modernity between the Wars.* New York: Routledge, 2019. P. 10.

17 И не только для американской. Достаточно вспомнить, насколько активно его переводил на русский язык Константин Бальмонт (с 1904 года), – и о крайне заинтересованном отношении к его поэзии со стороны русских футуристов – уже в переводах Корнея Чуковского, поскольку именно он, опубликовав в 1906 (или 1907-м?) году собственную подборку переводов в сопровождении публицистического комментария, задал принципиально новую, несимволистскую, модель восприятия его текстов. См.: Чуковский К. *Поэт анархист Уот Уитмань. Переводъ в стихахъ и характеристика.* Санкт-Петербург: Кружокъ молодыхъ, б/д.

представали в начале XX века эмигрантам, которые прибывали в Нью-Йорк через Атлантику. Точно такой же двухмерной панорамой фильм перемежается всякий раз, когда возникает цитата из Уитмена, а потом и заканчивается ею же: город Шилера и Стрэнда на десять минут – урывками – впускает зрителя в себя, обретая трехмерность и продуманную монтажную детализацию, после чего возвращает в позицию внешнего наблюдателя, зацепившегося глазом за открытку в витрине туристической компании – но с новым опытом «подгружения» в развоплощенную реальность двухмерного фото. Фильму, если воспользоваться мыслью Роберта Коуди – галериста, теоретика искусства и издателя авангардистского журнала «The Soil», – не нужна история в литературном или театральном смысле слова; история для него есть «всего лишь мотив, условность или оправдание», поскольку по сути своей кино говорит на общепонятном языке поверхностей и движений¹⁸. В отличие от живописи, которая вынуждает зрителя тратить время на разглядывание и додумывать показанную ему проективную реальность, кинематограф представляет собой «живопись временем»¹⁹, способную оперировать опознаваемыми поверхностями в динамике, не только сталкивать их между собой, наслаивать друг на друга, но и выстраивать во временной перспективе, превращая в зримую речь. Авторы фильма как раз и переводят речь письменную на язык поверхностей и движений, в полном соответствии со взглядами Коуди, с которым были достаточно близко знакомы.

Этот «прямой перевод» звучащей речи в воспринимаемую визуальную систему образов некоторыми кинематографистами 1920-х оценивался впоследствии как «литературщина». Как уступку традиционным, домодернистским конвенциям использование цитат в качестве титров рассматривают и нынешние специалисты по кино, поскольку Уитмен – это не только верлибр и свободный поток ассоциаций, которые воспринимались как элементы новаторской поэтической техники в 1850–1860-е, но никак не на рубеже 1910–1920-х. Это еще и вполне конкретный набор мировоззренческих установок, которые современным исследователям представляются мало совместимыми с авангардным искусством первой трети XX века. Так, Ян-Кристофер Хорак, автор самой авторитетной на данный момент статьи о «Манхатте», выстраивает свой текст – прекрасно фундированный и полный весьма любопытных наблюдений, – отталкиваясь от представления о двойственной и противоречивой, с его точки зрения, природе фильма Стрэнда и Шилера,

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

18 COODY R.J. *Censoring the Motion Picture // The Soil*. 1916. December. P. 37.

19 В 1919 году Вальтер Руттман написал опубликованное только семьдесят лет спустя эссе о кино, так и озаглавленное: «Malereimit Zeit». См.: COWAN M. *Walter Ruttmann and the Cinema of Multiplicity Avant-Garde – Advertising – Modernity*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2014. P. 53–99.

который сочетает в себе тотально модернистские творческие установки с характерной для XIX века нарративностью и тоской по единению с природой: так что даже небоскребы превращаются в элемент естественного пейзажа.

«Манхатта» представляет собой текст, до крайности разноприродный, одновременно модернистский и антимодернистский. Конфликтующие в нем дискурсы так и остаются непримиримыми»²⁰.

Исходя из общей логики авторских рассуждений следует сделать вывод, что «Манхатта» есть явление переходное и что в дальнейшем, переселившись на куда более плодородную для радикальных установок почву послевоенной Европы, кинематографический жанр городской симфонии должен был освободиться от сковывающих его «антимодернистских» элементов²¹. Но, во-первых, ничего подобного не произошло и в Европе: ни нарративность, ни склонность к традиционалистским установкам не перестали быть системными элементами жанра. А во-вторых, достаточно чуть пристальнее присмотреться к тому, как выстраивает свой анализ «противоречивой “Манхатты”» Ян-Кристофер Хорак, чтобы противоречивость исчезла сама собой. Дело в том, что, описывая «модернистские элементы», он, как и положено порядочному искусствоведа, сосредотачивает внимание прежде всего на компонентах эстетических – на монтаже, на плотном внимании к линии, форме и массе, к «динамическому противопоставлению движения, света и тени»²², а также на других технических приемах вроде игры экстремальными ракурсами и контрастными планами, за счет которых Шилер и Стрэнд разрушают ренессансную перспективу и заставляют зрителя, выбитого из привычных режимов восприятия, проблематизировать и собственную позицию, и сам процесс восприятия визуального сигнала. Традиционалистская же составляющая характеризуется по преимуществу через «идейные установки», связанные с использованными в качестве титров текстами Уитмена: а также через основанную на них же нарративную структуру.

Порой это приводит к достаточно курьезным результатам. Вот Хорак дает цитату из пресс-релиза к фильму, написанного самим Полом Стрэндом:

«В ходе съемок, сознательно ограничивая себя неповторимой и колоссальной геометрией нижнего Манхэттена и его окрестностей,

20 ХОРАК J.-C. *Op. cit.* P. 283–284.

21 Для собственно американского искусства Хорак, впрочем, делает показательное исключение, признав, что здесь обозначенное им противоречие никуда не денется на протяжении всего XX века. «Как и многие другие работы американских авангардистов, по мировосприятию “Манхатта” представляет собой явление, одновременно модернистское и до странности романтическое, почти наивное» (*Ibid.* P. 271).

22 *Ibid.* P. 283.

авторы старались напрямую запечатлеть представшие перед ними живые формы и посредством крайне жесткого отбора свести объемы, линии и массы к предельно напряженным и выразительным отношениям между собой, через которые и являет себя дух [места]. Они пытались выстроить при помощи естественных объектов сценографию, похожую на ту, которая в «Кабинете доктора Калигари» строится на оформлении живописном»²³.

А вот парой страниц ниже Хорак уже сам характеризует намерения авторов:

«Сводя образы к их базовым геометрическим структурам, отдавая приоритет абстрактным и формальным композиционным элементам в ущерб иконическим, сигнифицирующим функциям образа, и в то же время позиционируя, в духе конвенций «прямой фотографии», предмет изображения как «реальность», Шилер и Стрэнд провоцировали зрительский интерес за счет динамической силы композиции»²⁴.

Но Стрэнд пишет про другое. «Геометрия нижнего Манхэттена» и «крайне жесткий отбор», сводящий «объемы, линии и массы к предельно напряженным и выразительным отношениям между собой», для него не самоцель и не способ «спровоцировать зрительский интерес за счет динамической силы композиции». Все это интересует его исключительно как инструмент, позволяющий прозреть сквозь колоссальную, перенасыщенную визуальными сигналами и предельно динамизированную сценографию городского пейзажа то главное, ради чего снимается фильм, – явление Духа, одной из видимых эманаций которого и является Нью-Йорк. Хорак вообще не обращает внимания на упоминание о визуальном решении «Кабинета доктора Калигари» – фильма, который вышел на экраны в феврале 1920 года и на момент съемок «Манхатты» воспринимался как авангард в самом прямом смысле этого слова. Между тем в тексте Стрэнда это упоминание представляет собой деталь более чем значимую – поскольку собственный проект прямо позиционируется как «наш ответ Роберту Вине».

Фантазмагорическая сценография «Кабинета доктора Калигари», сплошь построенная на утрированных геометрических формах, искажающих и остраивающих привычное видение интерьеров и городских пространств, выполняет в этом фильме, давшем начало немецкому кинематографическому экспрессионизму, вполне конкретную – и обоснованную на сюжетном уровне – роль. В конце картины выясняется, что рассказанная в нем история представляет собой плод воображения пациента психиатрической клиники, так что зрителю приходится зад-

²³ Ibid. P. 272.

²⁴ Ibid. P. 275.

ним числом пересобирать элементы сюжета в новой логике, выходящей за рамки увиденного представления. Но эта перенастройка переживается не как шок, а как вполне закономерное расширение рамок восприятия, поскольку на протяжении целого часа экранного времени, предшествующего финалу, именно сценография (вкуче с утрированной актерской игрой и изобретательной операторской работой) готовила зрителя к этому «рекадражу».

В «Манхатте» геометрия города освобождена от театральной сюжетности, и нарратив строится на иных основаниях, опираясь на сугубо мистическое, в духе американской унитарной и трансценденталистской традиции представление об устройстве мира – и предлагает зрителю экскурсию в «умение видеть» истинную природу бытия. Тексты Уитмена выполняют в этом путешествии роль этакой трансценденталистской референтной базы. Цитаты из них, оформленные в виде титров, одновременно комментируют «реальный» город, появляющийся на экране, и отсылают к единственно значимому для поэта опыту. К опыту переживания непосредственной включенности в вещную реальность, огромную и осязаемую телесными органами чувств в каждом своем элементе, и одновременно – к опыту преодоления собственной индивидуальности, выхода за ее пределы и слияния с божественной Сверх-Душой²⁵. Напомню, что с точки зрения Ральфа Уолдо Эмерсона – философа, крайне значимого для Уолта Уитмена²⁶, – человек ошибается, привычно приравнивая душу к индивидуальному «я». Душа бесконечна так же, как и Вселенная; всякий человек является носителем Бога в самом прямом и непосредственном смысле слова, поскольку Бог и есть Сверх-Душа, присутствующая в каждом из нас. Для Уитмена главная задача поэта – вернуть человечеству способность видеть мир не из ничтожно малой индивидуальной перспективы, а из перспективы, единственно истинной, трансценденталистской. Нью-Йорк в его поэзии – идеальное место, позволяющее почувствовать несоизмеримость «душев-

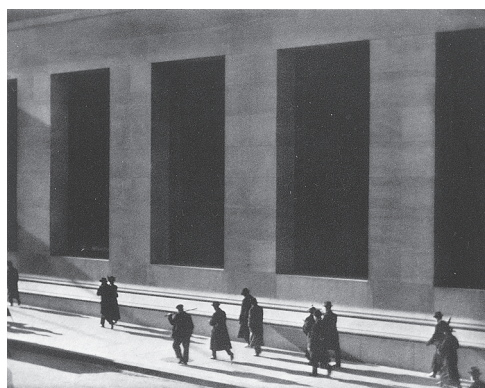
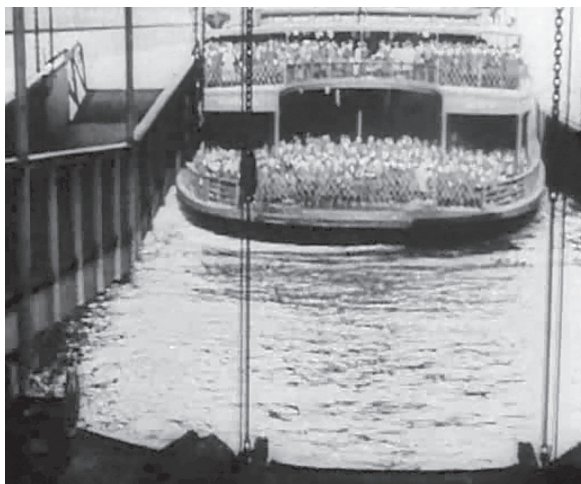
25 Эмерсоновская *Over-Soul*, которой посвящена самое, должно быть, известное из его философских эссе: EMERSON R. W. *Essay IX. The Over-Soul // Essays by R. W. Emerson*. Boston: James Munroe and Company, 1841. P. 221–245.

26 Уитмен активно читал Эмерсона и восторгался им без меры, чем время от времени ставил последнего в неудобное положение – как в эпизоде со вторым изданием «Листьев травы» в 1856 году. Уитмен использовал вырванную из контекста комплементарную цитату из личного письма от Эмерсона в качестве блёрба, напечатав ее золотом на обложке книги, – конечно же, не только не спросив у «Мастера», открывшего ему «неведомые берега», разрешения на такой жест, но даже не поставив его в известность, что тот, по умолчанию, превратится в элемент уитменовской саморекламы. На деле Эмерсон относился к поэтическим талантам Уитмена весьма скептически и время от времени проходил в переписке со знакомыми по некоторым особенностям его текстов, которые ему как истинному джентльмену представлялись попросту лишними в вкуса – вроде безудержного увлечения поэта каталогами, каковое Эмерсон как-то раз уподобил «инвентарной описи аукциониста перед торгами» (SLATER J. (Ed.). *Correspondence of Emerson and Carlyle*. New York: Columbia University Press, 1964. P. 509). См. в этой связи: LOVING J. «A Well-Intended Halfness»: *Emerson's View of «Leaves of Grass» // Studies in American Humor*. 1976. Vol. 3. № 2. P. 61–68.

ной» и «индивидуальной» перспектив и подтолкнуть человека к необходимости отказаться от последней. Шилер и Стрэнд подхватывают эту уитменовскую концепцию и превращают оживленный кинокамерой город в зримое воплощение Сверх-Души, явленной в его масштабности, геометрической логичности, динамике, силе – и в дымах, возносящихся вверх.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

*YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ*

Фильм состоит из четырех частей. Первая дает момент прибытия в город извне: двухмерная картинка с городским силуэтом оживает, камера движется над водой по направлению к Манхэттенскому причалу, затем, после вида на Бруклинский мост, монтажная склейка дает нам обратную перспективу, и мы обнаруживаем, что камера «приехала» на пароме со Стейтен-Айленда. Сам этот кадр представляет собой своеобразный оммаж Альфреду Стиглицу, учителю Стрэнда, поскольку переснят с его фотографии, сделанной в 1910 году (илл. 1, 2). Огромная толпа сперва сливается в неразличимую массу, когда паром входит в тень, а затем снова рассыпается на атомы и выплескивается из корабельных недр, чтобы отфильтроваться сквозь

*Илл. 1. Альфред Стиглиц. Паром. 1910 год.
Илл. 2. «Манхатта». Прибытие парома.
Илл. 3. Пол Стрэнд. Уолл-стрит. 1915 год.
Илл. 4. «Манхатта». Здание «J.P. Morgan & Co» на Уолл-стрит.*

коридоры и растечься по городским улицам²⁷. Завершают серию два кадра – кладбище Тринити-чёрч на нижнем Манхэттене, где количество надгробий явно превышает число прогуливающихся между ними людей, и утренняя Уолл-стрит, где крохотные фигурки прохожих населяют узкий нижний фриз изображения, заполненного гигантскими окнами здания «J.P. Morgan & Co». На сей раз это уже автоцитата: фотография 1915 года «Уолл-стрит» – одна из самых известных работ самого Пола Стрэнда (илл. 3, 4).

Бэла Балаж еще не успел сформулировать свою концепцию «поперечного среза», а Стрэнд и Шилер уже в 1920 году работают в кино с нарративами «больших тел». Главным героем становится город, который принимает в себя, распределяет и переваривает миллионы единичных человеческих судеб, и кинооператор превращается в демиурга, в таротного Мага, перед которым на столе разложены все нити и компоненты бытия и который единственный в состоянии прояснить отношения между макро- и микрокосмом. Люди понижаются в значимости до массовки, а на первый план выходят объекты, способные «держат» массу, линию, скорость: здания, улицы, мосты и транспортные средства. Еще одна важная для будущего жанра находка – это водная стихия как первоматерия: город, подобно магическому кристаллу, вырастает из нее в начале фильма, чтобы на закате раствориться в космической игре отражений между небом и водной поверхностью. В дальнейшем этот образ будет активно эксплуатировать большинство авторов городских симфоний: кто-то с уклоном в юнгианские контексты, кто-то – в контексты геноновские, кто-то, просто будучи не в силах устоять перед теми возможностями, которые текущая, бликующая или играющая отражениями вода способна дать для насыщения монтажного визуального ряда²⁸.

Если первая часть фильма дает своего рода горизонтальную развертку мистико-символического сюжета, то вторая предлагает развертку вертикальную. Ее предваряет цитата из стихотворения, название которого Шилер и Стрэнд заимствовали у Уитмена для собственного фильма – «Маннахатта» (1860)²⁹: «Железный урожай, стройный, сильный, роскошный, возносится к ясному небу». Начинается эта последовательность кадров с неоготической башни «Вулворт-билдинг», до 1930 года оставшейся самым высоким зданием в мире. Даже с крыши друтого небоскреба и с расстояния в несколько сотен метров каме-

27 «Когда, обретя свободу, мильононогий Манхэттен ступил на твои тротуары». Эта строка из «Бродвейского действия» 1860 года служит промежуточным титром в первой части картины.

28 А еще позже он прочно войдет в символический лексикон послевоенного кинематографического неомодернизма – у того же Андрея Тарковского. См.: Михайлин В. *Знаки на стене: первый фильм Андрея Тарковского и советский New Age* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 131–161.

29 Слегка видоизменив это слово, позаимствованное из языка ленапе, на современный жаргонный лад.

ра не в состоянии вместить все здание: сперва она фиксирует верхнюю его часть на фоне уходящего в бесконечность туманного неба, а потом постепенно спускается на тот уровень, где начинаются крыши обычных высотных домов. Небо исчезает полностью вместе с контрастом между «структурной» и «энтропийной» составляющими кадра. Поле зрительского зрения заполняют сплошные геометрически выверенные объемы и массы с проработанными светотенью поверхностями – и вот здесь наступает черед внутрикадровой динамики. На сложном и неподвижном геометризированном фоне одна за другой возникают «живые» струйки дыма. Они движутся, они меняют форму, объем и плотность – и восходят вверх, к невидимому небу.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

Главным героем становится город, который принимает в себя, распределяет и переваривает миллионы единичных человеческих судеб, и кинооператор превращается в демиурга, в таротного Мага, перед которым на столе разложены все нити и компоненты бытия.)

Очередная цитата из Уитмена³⁰ переключает взгляд камеры в глубь земные, туда, где живут необработанные камни и откуда растут небоскребы. Снятый сверху вниз кадр с чернорабочими, ломающими вручную гранитную породу, сменяют кадры с поднимающими ее мощными экскаваторами – уже на уровне зрительских глаз. Следуя за их движениями, камера поднимается вверх, сперва на уровень фундаментов, потом стен и, наконец, снова ловит небо, на фоне которого возводятся стальные балочные конструкции очередного небоскреба. Съемка ведется теперь снизу вверх, под углом примерно в тридцать градусов. Затем камера охватывает гораздо более масштабную панораму стройки, а контрастные силуэты высотников становятся совсем крошечными. Цитата из «Бродвейского действия» – «Где наши красавицы из мрамора и металла застыли горизонт, куда ни глянь» – запускает скачкообразное движение камеры вверх от дыма на крыше к вершине очередного небоскреба, а затем нарезку дымов, снятых с высоких точек, причем в одном из кадров облако дыма рассеивается, открывая небоскреб. Эта серия настолько активно навязывает зрителю контраст между устойчивой структурой и эфемерным, восходящим вверх движением, что сомнений в авторских интенциях не остается: контраст имеет значимый символический характер. И на-

30 На сей раз серьезно искаженная, но восходящая к «Песне профессий» 1855 года.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

звание «Дымы Нью-Йорка», под которым увидела этот фильм парижская публика на «Вечере бородатого сердца» в 1923 году, напоминает, что Тристан Тцара – главный распорядитель этого дадаистского действия – был человеком, весьма чувствительным к скрытым смыслам изображений и слов.

Вторая часть «Манхатты» подарила будущему жанру авангардной городской симфонии еще два ключевых и едва ли не общеобязательных элемента. Во-первых, повышенный интерес к высотным структурам и к вертикальной динамике – что, в общем-то, не удивительно, если выделить главные визуальные отличия современной городской панорамы от классического буколического пейзажа. Как не удивительна и склонность авторов к символизации больших городских вертикалей, и стремление подчеркивать несоизмеримость оных с привычным – ренессансным – способом видеть мир с высоты человеческого роста. Этот акцент вносится прежде всего за счет экстремальных ракурсов. Шилер и Стрэнд явно не имели возможности – в том числе и финансовой – поработать с аэросъемкой, но к концу десятилетия и этот прием сделается привычным признаком жанра. Одержимость дымами и трубами – заводскими или вписанными в поверхности крыш – элемент, в принципе, вполне самостоятельный, но близко связанный с первым. Во-вторых, это пристальное внимание к поверхностям, к фактуре, пришедшее из «прямой фотографии», адептами которой на момент съемки были оба автора.

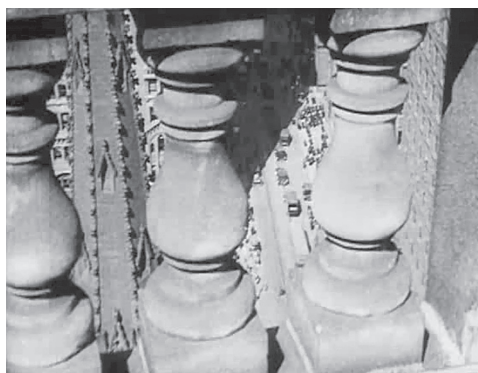
Третья часть фильма подчеркнуто синтезирует горизонтальную и вертикальную развертки сюжета. Это пейзажная панорама, снятая с небоскреба так, чтобы крыши менее высоких домов с азартно дымящими трубами образовали нижний, темный, фриз изобразительной плоскости. При этом центральный фриз создает светлая полоса Гудзона с не менее азартно дымящими – в движении – пароходами и с контрастным пятном Говернорз-Айленда. А верхний фриз, тоже темный, – относительно плоский в 1920 году, но тоже тотально урбанизированный бруклинский берег. Далее поднимающиеся вверх дымы продолжают объединять в единое, воскуряющее небу целое речные кадры с пароходами, крыши небоскребов и нового участника сюжета, привносящего мощный динамический акцент, – паровозы. Город трудится на суше и на воде, перевозит грузы, разворачивает на рейде неповоротливый океанский лайнер «Аквитания», связывая между собой берега, острова и континенты, – пока столбы дыма продолжают связывать землю и небо.

Ключевой точкой темы становится знаменитый «анфасный» портрет Бруклинского моста, подчеркнуто симметричный и геометризованный, с выраженным акцентом на вертикальных тросах и диагональных вантах на фоне неоготических арочных

пилонов (илл. 5). Под конец серии речная и высотная последовательности снова разводятся между собой. Сначала зритель видит кадры спящих по реке буксиров – снятые с очень высоких точек, но так, чтобы в рамке оставалась только «стихия», а вечернее солнце превращало ее в переливчатое светоносное зеркало. Потом камера перенаправляется с таких же высоких точек на городские улицы и транспортные артерии – так, чтобы те выглядели вертикалями, по которым движутся микроскопические фигурки людей и крохотные машины.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

Первый кадр из этой серии предельно глубок, снят сквозь балюстраду на крыше небоскреба, так что балясины превращаются в библейского масштаба столпы между небом и землей. При этом в левом, «духовном» в европейской оккультной традиции, проеме оказывается неоготический шпиль Тринити-чёрч, вполне зримо возносящийся ввысь души, взгляды и камни³¹. В правом же пролете, которому положено являть зрительскому глазу картину *vita activa*, виден Бродвей со спящими по нему микроскопическими фигурками людей и машин. В плоскости изображения он кажется почти таким же вертикальным, как и шпиль, но понятно, что вертикаль эта воображаемая, ложная и что вся тамошняя суэта носит сугубо приземленный характер. Тень шпиля падает на него, деля на темную и светлую половины, – но только тень (илл. 6)³².

Илл. 5. «Манхатта». Бруклинский мост.
Илл. 6. «Манхатта». Две вертикали.

31 До начала строительства нью-йоркских небоскребов в 1884 году именно Тринити-чёрч ее 85-метровым шпилем была самым высоким зданием Нью-Йорка.

32 Этот кадр важен не только в силу собственной символической насыщенности. Он выполняет и роль архитектурно-художественную. Во второй, «вертикальной», части фильма, ровно через пять минут после начала, в монтажной последовательности «с дымами» мелькает кадр, построенный точно таким же образом, как этот, поставленный ровно за пять минут до конца картины. На более раннем кадре, снятом через тот же парапет, открываются несколько иные виды. В левом проеме видна вертикально возносящаяся стена дома, аранжированная восходящим вверх дымом. В правом – горизонтальные поверхности крыш с проводами, стеклянными изоляторами и косой полосой тени примерно посередине. Еще один кадр, который может иметь отношение к этой структурной последовательности, – все тот же Бруклинский мост, с двумя зеркально симметричными и не заполненными ничем, кроме рассеянного света и геометрического рисунка вантов, арочными проемами: и с потоком прохожих, «приписанных» к нижнему фризу изображения.

Нагнетание визуальных образов, создающих ощущение связи всего со всем – перегруженных улиц, движущихся транспортных средств, мостов, проводов, тоннелей, каналов и вокзалов, – так же станет одним из *know how* для авторов городских симфоний. Как и предельно детализированное внимание к поверхности, и монтажная игра «стихиями» и «структурами» – гигантскими неподвижными массами, уравновешенными завораживающей динамикой движущихся толп, машин и не поддающейся структурированию игрой водных поверхностей и *skyscapes*.

В рамках небольшой статьи у меня, к сожалению, нет возможности подробно проанализировать систему возможных отсылок к тем текстам, из которых Шилер и Стрэнд взяли цитаты, – к «Городу кораблей» (1867), «Бродвейскому действию» (1860), собственно «Маннахатте» (1860) и к «Искрам из-под колеса» (1871). Я сделаю минимально необходимое – переброшу мостик от последнего из титров, открывающего четвертую часть фильма, к смыслу, скрытым за этой отсылкой к девятой, финальной же, части стихотворения «На бруклинском пароме» (1856).

Сама цитата – «Облака на роскошном закате! Сияньем своим пропитайте меня и тех, кто родится, мужчиной ли, женщиной, поколениями позже меня!»³³ – всего лишь намекает на то, где зрителю искать ракурс, необходимый для интерпретации как последних кадров «Манхатты» с колоссальной закатной панорамой устья реки Гудзон, так и общего меседжа короткометражки. Девятая часть «Бруклинского парома» сводит в единую точку движение смыслов, прихотливое и разнонаправленное, как всегда у Уитмена. Долгая игра взаимных притяжений и отталкиваний между двумя ключевыми для поэта состояниями – симпатией³⁴ и гордостью³⁵ – разрешается в акте принятия не только природной и человеческой составляющих бытия (сам паром и пребывание между берегом и берегом символизированы тотально), но и природы, сотворенной человеком, мира «сделанных вещей» как видимых и осязаемых помощников³⁶. Финальный гимн вещам начинается с обращения к городам,

33 «Gorgeous clouds of the sunset! Drench with your splendor me, or the men and women generations after me!» (WHITMAN W. *Crossing Brooklyn Ferry* // ИДЕМ. *The Leaves of Grass. Authoritative Texts, Other Poetry and Prose Criticism*. New York; London: W.W. Norton & Company, 2002. P. 139).

34 Предполагающей отказ от субъектности, преодоление границ собственного телесного и психического «я» и мистическое единение с мирозданием, понимаемым – на трансценденталистский манер – как продолжение и расширение души, «единение микрокосма с макрокосмом», если воспользоваться шеллингианской интерпретацией классической оккультной соломоновой печати. См.: COFFMAN S.K. *Crossing Brooklyn Ferry. A Note on the Catalogue Technique in Whitman's Poetry* // *Modern Philology*. 1954. № 51. P. 225–232.

35 Предполагающей, напротив, предельно интенсивное переживание собственной самости во всей ее материальной и телесной конкретности, во всей чувственной полноте порывов к добру и злу.

36 Вещи, в которых воплотилась вечность, останьтесь, Вы ждали, вы ждете всегда, о немые, прекрасные наши помощники, И примем мы вас, наконец, отныне и впредь, по желанию сердца, Вы не сможете больше мешать нам, не станете сопротивляться,

кораблям и фабричным трубам как к полномочным представителям человеческой *natura naturata*. Именно через них являет себя взгляду не индивидуальная человеческая телесность, но телесность сотворенного человечеством вечно мира, та самая «необходимая пленка» (*necessary film*), которая облекает душу Человека и помогает ей расшириться до пределов вселенной³⁷. Магический кристалл Нью-Йорка, волею множества людских поколений выросший из природных стихий в том месте, где встречаются вода и камень, становится проводником в иные, над-реалистические способы постижения бытия.

В 1922-м, то есть за год до того, как «Манхатта» получила европейскую премьеру на сюрреалистическом вечере в Париже, Пол Стрэнд опубликовал в авангардистском журнале «Broom» полемическое эссе под названием «Фотография и Новый Бог»³⁸, в котором, по сути, буквализировал уитменовскую метафору о *necessary film*, придав последнему слову новый смысл, уже успевший с развитием фото- и киноискусства стать доминирующим – «пленка» или, собственно, «фильм». Разведя между собой «познание» и «выражение», он выстроил историю европейского человечества от Средневековья к современности через призму доминирующих в ту или иную эпоху способов понимания мира.

Когда-то, пишет Стрэнд, научное мышление было категорически несовместимо с господством христианской церкви и те, кто верил в силу эксперимента и в необходимость поверять знание эмпирическими методами, подвергались гонениям. Но со временем ситуация изменилась:

«Человеческое воображение, уставшее от противоборства сект и от священных войн, нашло источник вдохновения в неведомом, которое явилось в облики неисследованных торговых путей и новых источников материального обогащения; они и породили мечту о власти над сородичами, не менее могущественную, чем власть, основанная на вере в Бога. Мысль сменила русло, ученый стал незаменим и сделался столпом общества. [...] Из дерева и металла он создал руки, способные выполнять работу за тысячу людей; он создал спины, способные нести ношу тысячи животных, и, чтобы заставить их работать, заковал в цепи силу земли и воды. С его помощью человечество осуществило новый акт творения, породило на свет новую Троицу: Бога-Машину, Эмпирический Материализм в качестве Сына, и Науку как Дух Святой»³⁹.

Мы вас используем, вы нам нужны – мы с вами сроднились,
Не расчет, но любовь движет нами, поскольку и вы – идеальны,
Вы даруете вечности члены свои,
Душе вы даруете члены свои, в большом или в малом.

37 «Appearances, now or henceforth, indicate what you are, / You necessary film, continue to envelop the soul».

38 STRAND P. *Photography and the New God* // Broom. 1922. Vol. 3. № 4. P. 252–258.

39 Цит. по.: ИДЕМ. *Photography and the New God* // ТРАХТЕНБЕРГ А. (Ed.). *Classic Essays on Photography*. New Haven: Leete's Island Books, 1980. P. 145.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

Художнику в новом мире попросту не осталось места, он превратился в существо, настолько же гонимое, каким был ученый в Средние века. И точно так же, как художник когда-то обслуживал жестокую власть церкви, нынешние ученые позволяют использовать себя ради извлечения прибыли – и придумывают новые способы убийства и новые потребности, удовлетворить которые невозможно. Спасти человечество от неминуемого краха может только... фотограф или кинооператор, который использует достижения механики, химии и физики, чтобы вдохнуть в присвоенный «Новым Богом» брутальный, корыстный и рациональный мир толику образного мышления и живого человеческого чувства, тем самым соединив в себе художника и ученого и дав миру надежду:

«Отринув все Троицы и всех Богов, он задает своим товарищам-труженикам простой вопрос: в каких отношениях находятся между собой познание и выражение? Не являются ли обе эти способности живыми манифестациями той энергии, внутренняя противоречивость которой одного из нас превращает в разрушительное орудие материализма, а другого – в нежизнеспособного фантазера; и не даст ли сведение этих противоположностей нового религиозного импульса? Не должны ли эти две формы энергии слиться воедино, прежде чем из них обеих родится жизнеспособное будущее?»⁴⁰

«Необходимая пленка» машин и технологий может быть прекрасна и полезна, но только в том случае, если представляет собой не самоцель и не способ извлечения прибыли. Она – конгломерат уитменовских *minisers*, умелых слуг и помощников, способных дать человеку новые, недоступные прежде способности: видеть сверхбольшое и сверхмалое, прозревать в привычной среде обитания, в потоке случайностей эманации Духа, которые проявляют себя в элементарных, повторяемых и абстрагируемых формах – в движении, линии, массе. Нью-Йорк Шиллера и Стрэнда обязан своей магией не только и не столько тем экспериментальным, авангардным находкам, которые превратились в визитные карточки и для него, и для других городов, больших и не очень, ставших в 1920–1930-е героями авангардных киносимфоний. Мифогенным, способным породить целый

40 Ibid. P. 151. Редакция журнала «Broom», в котором было напечатано это эссе, воспринимала авангардную культурную составляющую художественной жизни большевистского СССР как обязательную и крайне значимую часть общемирового процесса утверждения нового искусства. Журнал публиковал дельные и основанные на информации, полученной из первых рук статьи о советских авторах, переводы их текстов (Пильняк, Эренбург) и просто не мог не пользоваться ответным вниманием со стороны продвинутой советской аудитории и, соответственно, не доходить до читателя, еще незнакомого с прелестями «железных занавесов». Конечно, утверждать прямо, что Дзига Вертов читал (или слышал в чьем-то пересказе) эссе Стрэнда до того, как снял «Человека с киноаппаратом», я не имею возможности. Но разительный по сравнению с более ранними фильмами (с тем же «Кино-глазом») контраст в отношении к «Человеку с киноаппаратом» слишком напоминает о стрэндовской концептуализации оператора как демиурга и «указателя пути».

кинематографический жанр стал Нью-Йорк «уитманизированный», трансцендентальный, Нью-Йорк мистический.

Финальная панорама, в которой – в полном соответствии с логикой тетраграмматона – высказывание переходит на новый смысловой уровень, сделана в лучших традициях фотографического пикторализма, сколько бы ни воевали против него такие адепты «прямой фотографии», как Стрэнд, Шилер или их наставник Альфред Стиглиц. Только за основу здесь взята несколько иная живописная традиция. Не портрет, пейзаж или жанровая сцена, выполненные в манере салонного академизма или не менее салонного к началу XX века импрессионизма, а мистико-символический пейзаж в духе Каспара Давида Фридриха, Феликса Валлотона или Павла Кузнецова. Нижний фриз, занимающий приблизительно две пятых всего изобразительного поля, дает панораму дельты Гудзона – в которой рукотворные элементы легко и естественно растворяются в природном целом. Базовый тон этого фриза – темный, как и положено материальному миру, но самый его центр занимает яркое световое пятно: широкая солнечная дорожка на поверхности залива. Три пятых в верхней части поля занимает небесный пейзаж, более светлый по общему тону, но с резким темным пятном, облаком, уравнивающим вертикальную ось (илл. 7). Таким образом обычный для указанной живописной традиции ход со скрытым (или замутненным) источником небесного света, присутствие которого угадывается человеческим глазом только по его отражению в земных явлениях⁴¹, завершает это визуальное высказывание – помимо прочего, предложив будущим адептам нового жанра еще и значимый структурный ход. В дальнейшем большинство городских симфоний будет соблюдать это такое джойсовское единство времени и места – начинаясь с утреннего прибытия в город и заканчиваясь значимым смысловым акцентом, совмещенным с вечерним или ночным освещением.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

YOU NECESSARY FILM:
О МИСТИЧЕСКОЙ ИЗНАНКЕ
АВАНГАРДНЫХ ГОРОДСКИХ
СИМФОНИЙ

Илл. 7. «Манхатта».
Финальный кадр.

41 Подробнее об этом см.: Михайлин В., Беляева Г. *Благо, которое нельзя утратить: символическая тайнопись Павла Кузнецова // Умолчание. Интерпретация культурных кодов 2023*. Саратов: Наука, 2023. С. 34–120.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Страна Милея

Аргентина – страна непредсказуемого настоящего. Каждые два года здесь проходят выборы, воспринимаемые обществом как судьбоносные, – как очередной поворотный пункт, за которым должно наступить неведомое будущее. Журналист Хорхе Лиотти пишет в этой связи:

«Каждый раз мы как будто стоим за высокой стеной, которая не дает нам увидеть, что за ней скрывается, что принесет нам послезавтрашний день. Этот острый синдром можно выразить фразой: “Давайте поговорим в понедельник!”. Иначе говоря, когда мы проснемся в новой реальности»¹.

2025-й не стал исключением. Промежуточные выборы в Национальный конгресс, на которых переизбиралась половина (127) депутатов и треть (24) сенаторов, рассматривались правительством президента Хавьера Милея как ре-

1 ЛИОТТИ Х. *Máxima tensión por el nuevo esquema de poder* // La Nación. 2025. 25 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/maxima-tension-por-el-nuevo-esquema-de-poder-nid25102025/).

**ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА**

ферендум о доверии проводимому им экономическому курсу. Как и в 2023 году, когда Милей неожиданно для всех стал президентом, результаты выборов-2025 оказались ошеломляющими. Вопреки всем прогнозам, вопреки экономическому и политическому кризису, коррупционным скандалам, затрагивающим ближайшее окружение президента, вопреки даже его собственным ожиданиям, партия Милея «Свобода наступает» («La Libertad Avanza») одержала убедительную победу, завоевав 40,7% голосов избирателей, принявших участие в голосовании 26 октября. Главная сила оппозиции – перонистская коалиция «Патриотическая сила» («Fuerza Patria») вместе с близкими к ней региональными объединениями – собрала 33,7%.

Доля полученных партией Милея голосов существенно меньше тех 56%, которые он завоевал во втором туре президентских выборов, но почти на 11 процентных пунктов больше 30%, проголосовавших за него в первом туре и представляющих собой его ядерный электорат. Опросы, проводившиеся в течение двух месяцев перед октябрьскими выборами, давали Милею от 30% до 36%, причем результат свыше 35% рассматривался как безусловный успех правительства². Сам Милей накануне голосования высказывался в том духе, что задача его партии – получить не менее трети голосов с тем, чтобы лишить Национальный конгресс возможности преодолеть президентское вето.

На этом фоне 41% голосов выглядел как победа, еще более оглушительная после проигрыша правительства Милея на региональных выборах 7 сентября

в провинции Буэнос-Айрес, где «Свобода наступает» уступила перонистам, возглавленным губернатором Акселем Кисиллофом: 33,78% против 47,35%. Буэнос-Айрес – самая населенная провинция Аргентины, в ней живут 40% избирателей; она является традиционным оплотом перонизма, особенно в его киршнеристском изводе, а выборы здесь рассматриваются всеми как генеральная репетиция выборов общенациональных. И, когда обещание Милея «забить последний гвоздь в гроб киршнеризма» обернулось перевесом перонистов в 13,6 процентных пункта, общее ощущение было таким, что король оказался голым³. Более того, из восьми провинций Аргентины, где выборы в законодательные органы власти проводились отдельно от общенациональных, партии Милея удалось выйти на первое место только в имеющем автономный статус городе Буэнос-Айрес с результатом в 30,7%.

Что же произошло за пятьдесят дней с 7 сентября до 26 октября? За счет чего Милей смог переломить ситуацию, выиграть выборы и существенно изменить соотношение сил в Национальном конгрессе, что позволило не только блокировать негодные правительству законопроекты оппозиции, но и беспрепятственно проводить законодательные реформы, которые предусматривает его ультралиберальная экономическая программа?

2024-й – первый год пребывания Милея на посту президента – оказался для него в целом успешным. Поставленные им экономические цели были в основном достигнуты: месячная инфляция снизилась с 25,5% в декабре 2023-го

2 SPEZZAPRIA M. *Elecciones legislativas: los tres escenarios electorales que afronta el Gobierno y su proyección en el Congreso* // La Nación. 2025. 18 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/elecciones-legislativas-los-tres-escenarios-que-afronta-el-gobierno-y-su-proyeccion-para-el-recambio-nid18102025/).

3 RIVAS MOLINA F. *Milei, el via crucis del rey desnudo* // El País. 2025. 14 de septiembre (<https://elpais.com/argentina/2025-09-14/milei-el-via-crucis-del-rey-desnudo.html>).

до 2,7% в декабре 2024-го, а бюджет в результате радикального сокращения государственного аппарата и расходов, в первую очередь социальных, уже через полгода стал профицитным. Заплаченная за финансовую стабилизацию цена (закрытие предприятий, падение промышленного производства, сокращение доходов населения, резкое ухудшение положения самых уязвимых слоев) с точки зрения правительства выглядела временными трудностями, которые освобожденный от государственного паразитизма рынок рано или поздно преодолеет⁴.

Большинство аргентинских экономистов, включая политических сторонников Милея, придерживавшихся сходных теоретических взглядов, единодушно указывали на главную слабость финансовой политики правительства: завышенный курс национальной валюты. Дешевый доллар отрицательно сказывался на внутренней конкурентоспособности аргентинских предприятий, делая инвестиции в импорт и в спекулятивные операции более прибыльными по сравнению с вложениями в производство. Со стороны Милея ответом на критику, как правило, были ругательства и навешивание ярлыков, главный из которых – «мандрилы» (*los mandriles*) – намекал на «красные» наклонности тех, кто позволял себе не соглашаться с его взглядами⁵.

Самоуверенность правительства и его экономической команды поддерживалась международными связями Милея – и в первую очередь тесными отношениями с президентом США Дональдом

Трампом. Последний в решающей мере способствовал тому, что Международный валютный фонд (МВФ) в апреле 2025 года выделил Аргентине кредит в 20 миллиардов долларов, с помощью которого правительство намеревалось стабилизировать валютно-финансовую ситуацию. Условиями предоставления этого кредита выступали увеличение резервов Центрального банка, которые в начале 2025 года были отрицательными; отмена множественного валютного курса (*серио cambiario*) и установление валютного коридора. На удержание его верхней границы экономическая команда Милея направила основную часть полученных от МВФ средств с тем, чтобы не допустить усиления инфляции в том случае, если аргентинский песо начнет падать. Низкая инфляция была важнейшим достижением Милея и его главным предвыборным лозунгом⁶. Министр экономики Луис Капуто, выступая 1 июля на встрече с предпринимателями, обвинил в злонамеренности и продажности тех аналитиков и журналистов, которые указывали на опасности заниженного курса доллара для экономики. «Если доллар дешевый, покупай, не упusti, чемпион!»⁷ – этот призыв Капуто многие восприняли как руководство к действию, особенно после проигрыша «Свободы наступает» в провинции Буэнос-Айрес, спровоцировавшего массовое бегство от национальной валюты.

Несмотря на чрезвычайные меры по достижению финансовой стабильности, экономическая ситуация в 2025 году ме-

4 См.: Ворожейкина Т. *Аргентинская бензопила: год первый* // Неприкосновенный запас. 2025. № 1(159). С. 94–107.

5 Мандрил – обезьяна, у которой задняя часть туловища ярко-красного цвета.

6 Ворожейкина Т. *Аргентина-2025: криптожульничество и китайская ваза* // Неприкосновенный запас. 2025. № 2(160). С. 198–212.

7 “*Comprá, no te la pierdas campeón*”, dijo Luis Caputo en pleno debate sobre el dólar barato // Perfil. 2025. 2 de julio (www.perfil.com/noticias/economia/compra-no-te-la-pierdas-campeon-la-frase-de-toto-caputo-sobre-el-dolar-barato-que-lanzo-en-la-universidad-austral.phtml).

нялась к худшему. Во втором квартале все ключевые показатели экономической активности показали отрицательную динамику по сравнению с предшествующими двумя кварталами. Темпы роста ВВП снизились с 2,2% в четвертом квартале 2024-го до 0,9% в первом квартале 2025-го и -0,1% во втором; темпы роста частного потребления сократились с 3,5% до 2,7% и -1,1% соответственно; прирост инвестиций в основной капитал уменьшился с 11,1% до 8,9% и -0,5%⁸. Резкое падение производственных инвестиций во втором квартале 2025 года указывает на то, что финансовые потоки после отмены валютного контроля были переориентированы на покупку валюты. Индекс промышленного производства, который начал было расти в апреле (2,5%) и мае (2,4%) 2025 года, с июня снова ушел в отрицательные значения⁹. Главная гордость правительства – инфляция, которая в месячном выражении сократилась до 1,5% в мае, – снова начала понемногу разгоняться и достигла 2,1% в сентябре и 2,3% в октябре, перешагнув символически важные для Милей 2%¹⁰. Инфляция, которая в годовом выражении составила 31,3% в октябре 2025 года¹¹, остается, по международным меркам, высокой, хотя по сравнению с 118% в 2024 году она, конечно, существенно снизилась.

Нарастающая неустойчивость в экономике, замедление позитивных тенден-

ций, наметившихся со второй половины 2024 года, ослабляли позиции правительства в избирательной кампании. К этому добавилась череда коррупционных скандалов, которые затрагивали самого президента и его ближайшее окружение и подрывали важнейшую составляющую идеологической позиции, обеспечившей ему победу на президентских выборах 2023 года. Противостояние с так называемой «кастой» – чиновниками, политиками, бизнесменами, «оседлавшими» государство и извлекавшими из этого прибыль, – в реальности оказалось фиктивным.

Первый такой скандал разгорелся в феврале 2025 года, когда Милей принял активное участие в продвижении криптовалюты \$Libra, обернувшейся мошеннической схемой¹². В апреле Палата депутатов вопреки отчаянному сопротивлению администрации президента проголосовала за создание комиссии по расследованию «криптогейта» (*Criptogate*). 18 ноября члены комиссии, представляющие оппозицию, опубликовали доклад, в котором утверждается следующее:

«Президент Хавьер Милей и его сестра Карина – генеральный секретарь аппарата президента – были ключевыми фигурами, своими действиями или бездействием способствовавшими предполагаемому международному мошенничеству и, следовательно, несут политическую ответственность»¹³.

8 *Informe de avance del nivel de actividad. Segundo trimestre de 2025*. Instituto Nacional de Estadísticas y Censos República Argentina. Cuentas nacionales. Septiembre de 2025. Vol. 9. № 17 (www.indec.gob.ar/uploads/informesdeprensa/pib_09_25081553D02E.pdf).

9 *Índice de producción industrial manufacturero*. Instituto Nacional de Estadísticas y Censos República Argentina. Industria manufacturera. Septiembre de 2025. Vol. 9. № 29 (www.indec.gob.ar/uploads/informesdeprensa/ipi_manufacturero_11_25C3F9595FFA.pdf).

10 *Índice de precios al consumidor (IPC)*. Instituto Nacional de Estadísticas y Censos República Argentina. Índices de precios. Octubre de 2025. Vol. 9. № 35 (www.indec.gob.ar/uploads/informesdeprensa/ipc_11_2517475C11AE.pdf).

11 Ibid.

12 ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Аргентина-2025...*

13 SERRA L. *Comisión \$LIBRA: la oposición concluyó que Milei habría incurrido en mal desempeño en sus funciones al promover la criptomoneda* // La Nación. 2025. 18 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/comision-

Хавьер Милей и создатели *\$Libra* неоднократно принимали участие во встречах, созывавшихся Кариной Милей в президентском дворце. В докладе подчеркивается, что случай с *\$Libra* не первый подобный эпизод в биографии президента: в декабре 2024-го он принял участие в продвижении криптовалюты *\$KIP*, также представлявшей собой мошенническую схему типа *rug pull*. Махинация с *\$Libra* привела к миллионным потерям вложившихся в нее инвесторов: это коснулось 114 410 виртуальных кошельков – 498 из них зафиксировали потери свыше 100 тысяч долларов, а 3144 потеряли от 10 тысяч до 100 тысяч долларов. Однако 36 кошельков заработали тогда более миллиона долларов каждый¹⁴, а общая сумма, полученная бенефициарами *\$Libra*, составила от 100 миллионов до 120 миллионов долларов¹⁵.

Президент, согласно докладу, скомпрометировал свой пост, нарушив границы между общественным и частным поведением, и, возможно, преступил Закон об общественной этике. Авторы доклада рекомендуют Палате депутатов оценить ненадлежащее исполнение президентом Милеем своих обязанностей, создав для этого парламентскую комиссию по импичменту, а также возбудив уголовное дело в связи с препятствованием расследованию в отношении судьи и прокурора, которые с февраля ведут уголовное дело *\$Libra*¹⁶. Следует сказать, что создание комиссии по импичменту, маловероятное даже при предыдущем составе Конгресса, становится практически невозможным после выборов 26 октября, резко расширивших пар-

ламентское представительство партии Милея. Публикация доклада после выборов, хотя и снижает его политическое значение, но тем не менее демонстрирует решимость части политического истеблишмента и общества противостоять коррупции и не допускать безнаказанности вовлеченных в нее лиц.

Следующая громкая история не затронула непосредственно Милея, но коснулась его сподвижников. Вечером 7 июля ведущий журналист газеты «La Nación» Карлос Пагни рассказал в своей еженедельной телепрограмме «Аргентинская одиссея» о том, как 26 февраля в аэропорту «Хорхе Ньюбери», расположенном в центре Буэнос-Айреса, приземлился частный рейс из Майами с единственной пассажиркой на борту. Ее багаж состоял из десяти объемистых чемоданов, которые она ввезла в страну, не предъявляя таможенному контролю. На записях с камер наблюдения видно, как женщина протягивает таможеннику мобильный телефон, по которому он, видимо, получает инструкцию «сверху» не досматривать багаж. Это была Лаура Белен Арриета, ответственная за отношения правящей партии «Свобода наступает» с Конференцией консервативного политического действия (Conservative Political Action Conference) – международной праворадикальной группой, которая связывает президента Хавьера Милея и его главного помощника Сантьяго Капуто с Республиканской партией США и окружением Дональда Трампа.

Самолет принадлежал аргентинской частной компании «Tactic Global», сотрудницей которой была Арриета и ко-

libra-la-oposicion-concluyo-que-milei-habria-incurrido-en-mal-desempeno-en-sus-funciones-al-nid18112025/).

14 Ibid.

15 ALCONADA MON H. *\$LIBRA*, 9 meses después: el rastro cripto de US\$120 millones y las preguntas que persiguen a los hermanos Milei // La Nación. 2025. 14 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/libra-9-meses-despues-el-rastro-cripto-de-us120-millones-y-las-preguntas-que-persiguen-a-los-nid14112025/).

16 SERRA L. *Comisión \$LIBRA...*

тору возглавляет Леонардо Скатуриче. Этот бизнесмен с неоднозначной репутацией и связями в разведывательном сообществе Аргентины был именно тем человеком, который установил отношения между Милеем и Трампом еще до того, как Милей выиграл президентские выборы. Кроме того, Скатуриче является бизнес-партнером доверенного лица и личного порученца Трампа – Барри Беннета, – тесно связанного с Сантьяго Капуто¹⁷. Как только история с десятью чемоданами стала публичной, журналисты и политики в очередной раз задались вопросом: почему для людей, входящих в окружение президента, не обязательны общие правила и каковы его действительные взаимоотношения с пресловутой «кастой»? Пресс-секретарь Милея, Мануэль Адорни, заявил, что представленные интерпретации являются «необоснованными» и добавил, что «если кто-то думает, что можно покинуть Соединенные Штаты с кучей чемоданов и чтобы никто ими не заинтересовался, то он либо идиот, либо действует злонамеренно»¹⁸.

В отличие от истории с таинственным рейсом из Майами, очередной скандал напрямую затронул главное доверенное лицо президента Карину Милей. 20 августа, всего за две недели до выборов в провинции Буэнос-Айрес, были опубликованы аудиозаписи телефонных разговоров исполнительного директора Национального агентства по вопро-

сам инвалидности (Agencia Nacional de Discapacidad – ANDIS) Диего Спаньоло. Прежде этот человек был личным адвокатом Хавьера Милея, который назначил его на этот пост в январе 2024 года. В опубликованных записях Спаньоло явно встревожен и жалуется неизвестному собеседнику на систему взяток, действующую в возглавляемом им агентстве:

«Я поговорил с президентом и сказал ему: “Они воруют, ты можешь притворяться дураком, но не думайте свалить все это на меня. Если возникнут проблемы и меня не прикроют, у меня есть все сообщения от Карины”».

Из записей следует, что фармацевтические компании платили откаты за государственные контракты на поставку лекарств и медицинского оборудования. Руководителями этой схемы Спаньоло называет Карину Милей и ее ближайшего помощника, заместителя по вопросам государственного управления в администрации президента Эдуардо «Луле» Менема¹⁹, а также фармацевтическую фирму-дистрибьютора «Suizo Argentina», которая отвечала за сбор средств с поставщиков и передачу их «наверх»:

«Люди “Suizo” звонят остальным поставщикам и говорят им: “Уже не 5%, теперь ты должен внести 8%. Ты их должен принести в “Suizo”, а мы передадим в администрацию президента”. Карина должна получить 3% или 4%. Я думаю, они говорят ей, что полу-

17 PAGNI C. *Los misterios del avión libertario* // La Nación. 2025. 8 de julio (www.lanacion.com.ar/politica/los-misterios-del-avion-libertario-nid08072025/).

18 TARRICONE M. *Las 5 claves sobre el caso de las 10 valijas que entraron al país sin control de la Aduana* // Chequeado. 2025. 8 de julio (<https://chequeado.com/el-explicador/las-5-claves-sobre-el-caso-de-las-10-valijas-que-entraron-al-pais-sin-control-de-la-aduana/>).

19 Разветвленный клан Менем восходит к сирийскому эмигранту Саулу Менему, приехавшему в Аргентину в 1910-х. Его дети – ныне покойный президент Аргентины Карлос Менем (1989–1999) и его брат, сенатор Эдуардо Менем (1983–2005), входили в руководство перонистской партии. Следующее поколение семьи представляют Мартин Менем, сын Эдуардо, нынешней председатель Палаты депутатов Национального конгресса, и его троюродный брат Эдуардо «Луле» Менем. Оба активные деятели правящей партии «Свобода наступает», связанные в первую очередь с Кариной Милей.

чают 5%, что 1% идет посреднику и 1% мне, Карине остается 3%»²⁰.

На следующий день после того, как аудиозаписи разошлись по социальным сетям и стали главным политическим событием в стране, Милей уволил Спаньоло, а затем, выступая на предвыборном митинге, назвал все сказанное им ложью. Министр национальной безопасности Патрисиа Бульрич объявила обнародование аудиозаписей «операцией иностранной разведки», назвав в числе потенциальных акторов Россию и Венесуэлу²¹.

В отличие от случая с *\$Libra*, расследование «дела ANDIS» началось немедленно, и уже через три месяца, 14 ноября 2025 года, прокурор Франко Пикарди выпустил 276-страничное заключение, на первом листе которого в поле «Обвиняемый» значится: «Милей Хавьер и другие, обвиняемые в махинациях путем мошеннического управления, обмане, незаконном сговоре, взяточничестве, активном подкупе и противозаконных сделках»²². Добросовестность доклада, его обширная доказательная база были отмечены многими журналистами и политическими аналитиками. Свидетельства, собранные следователями – в ходе обысков у подозреваемых, анализа их телефонных разговоров и чатов, – в основном подтверждают то, о чем говорил Спаньоло.

Мошенническая схема была основана на манипулировании тендерами,

которые ANDIS проводило для закупки дорогостоящих, редко встречающихся лекарств и медицинских материалов. Чиновники создали две параллельные системы закупок: открытую, к участию в которой допускались 14–16 фармацевтических компаний, и теневую, «для своих», где участвовали 3–4 отобранные фирмы. Сценарий был все время один и тот же: две компании оказывались победителями торгов, в то время как две другие лишь имитировали конкуренцию, создавая видимость законности на рынке, на котором фактически действовал картельный сговор. Роли чередовались в зависимости от типа продукта: две фирмы были постоянными бенефициарами торгов по фармацевтическим препаратам (93% всех закупок), две другие монополизировали поставку слуховых аппаратов и ушных имплантов. Завышение цен на этих аукционах было фантастическим. Согласно заключению прокурора Пикарди, на открытых тендерах цены на те же медикаменты были ниже более, чем на 50%, нежели те, по которым оплачивались поставки привилегированных компаний. По отдельным редким лекарствам разница в цене между открытыми и закрытыми торгами достигала 1900%. Только с июля 2024 года по август 2025-го преступная организация, включавшая чиновников, бизнесменов и посредников, получила таким образом более 30 миллионов долларов²³.

20 “A Karina le debe llegar el 3%”: los escandalosos audios del funcionario que echó Milei // Ahoraplay. Economía y política en tiempo real. 2025. 21 de agosto (<https://ahoraplay.ar/politica/a-karina-le-debe-llegar-el-3-los-escandalosos-audios-del-funcionario-que-echo-milei/>).

21 Escándalo de los audios: Patricia Bullrich denunció una “operación de inteligencia” de Rusia y Venezuela // Clarín. 2025. 2 de septiembre (www.clarin.com/videos/escandalo-audios-patricia-bullrich-denuncio-operacion-inteligencia-rusia-venezuela_3_IH7Fgm3xyF.html).

22 Texto completo del dictamen de fiscal Picardi: “El 3% para KM está perfecto” // Urgente24. 2025. 19 de noviembre (<https://urgente24.com/actualidad/texto-completo-del-dictamen-fiscal-picardi-el-3-km-esta-perfecto-n613673>).

23 ALCONADA MON H. La trama millonaria de corrupción en la Agencia de Discapacidad: cómo funcionaba el esquema que desvió más de \$43.000 millones // La Nación. 2025. 15 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/la-trama-millonaria-de-corrupcion-en-la-agencia-de-discapacidad-como-funcionaba-el-esquema-que-nid15112025/).

Основная команда действовала в системе ANDIS еще в годы президентства Маурисио Макри (2015–2019). Ею руководил, как следует из материалов прокуратуры, Пабло Ачабаян – бывший чиновник министерства здравоохранения, в 2018-м возглавлявший в ANDIS отдел, который занимался дорогостоящими лекарственными средствами. С уходом Макри Ачабаян покинул эту должность, но шесть лет спустя смог поставить на нее своего человека. В канун 2023 года он написал в чате команды следующее сообщение:

«Ребята, 2023 год будет насыщенным, и это трамплин к 2024-му, когда мы все будем работать вместе. Спасибо всем за то, что мы вместе, и строим то, что нам нужно. Еще четыре года усилий, а потом – все на Тенерифе!»

Группа, как следует из материалов дела, надеялась на содействие сестры президента. «Агентство возглавит Диего Спаньоло. Нужно добраться до Карины Милей. Именно от нее все зависит», – писал в январе 2024 года один из участников чата²⁴. Прямых доказательств того, что Карина Милей была участником или конечным бенефициаром мошеннической схемы, в опубликованном расследовании нет. Ее имя, вернее – инициалы «КМ», несколько раз всплывают в докладе, в частности, в переписке между Мигелем и Орнеллой Кальвете. Первый – главный лоббист и посредник в «деле ANDIS», который, не будучи государственным служащим, раздавал указания

чиновникам агентства. Вторая – его дочь, служащая Министерства экономики, в доме которой во время обыска были найдены 700 тысяч долларов наличными. В ответ на предложение дочери подарить ему в случае успеха очередной махинации что-нибудь «хорошее» – «Ламборгини» или ферму – ее отец пишет: «Не нужно, [...] с 3% КМ все будет отлично»²⁵.

На конец ноября 2025 года обвинения по «делу ANDIS» предъявлены пятнадцати подозреваемым, двое из которых были задержаны. Как будет дальше развиваться расследование и каковы его судебные перспективы, сейчас никто предсказать не может. Вопросы о том, будут ли предъявлены обвинения «ее превосходительству сестре»²⁶ и ее главному помощнику Эдуардо «Луле» Менему, какую роль играл в этом деле ее главный противник в администрации Сантьяго Капуто, а также другие лица, связанные с правящей партией, остаются открытыми.

Все это вопросы будущего. Перед выборами, когда результаты расследования еще не были опубликованы и имелись только аудиозаписи Спаньоло, «дело ANDIS» нанесло чувствительный удар по репутации правящей семьи и партии «Свобода наступает». В особенности потому, что скандал развернулся на фоне противостояния Милей и большинства Национального конгресса по поводу финансирования помощи людям с ограниченными возможностями. Эта статья расходов подверглась безжалостному урезанию в результате

24 RODRÍGUEZ NIELL P. *Chats, cuadernos y sobrepacios. Las claves para seguir la investigación de corrupción en la Agencia de Discapacidad* // La Nación. 2025. 19 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/chats-cuadernos-y-sobornos-las-claves-para-seguir-el-caso-por-corrupcion-en-la-agencia-de-nid19112025/).

25 LÓPEZ GÓMEZ N. *Quién es quién en la causa ANDIS: el mapa completo de los imputados, sus roles y las acusaciones* // Página 12. 2025. 20 de noviembre (www.pagina12.com.ar/2025/11/20/quien-es-quien-en-la-causa-andis-el-mapa-completo-de-los-imputados-sus-roles-y-las-acusaciones/).

26 В аргентинских медиа по отношению к Карине Милей часто употребляется иронический титул *la hermanísima*, представляющий собой комбинацию испанских слов *hermana* (сестра) и *excelentísima* (ее превосходительство).

бюджетного урегулирования (*ajuste*) 2024 года, и те, кто получал пособия по инвалидности, оказались в отчаянном положении. А тут вдруг обнаруживается, что остатки этих бюджетных средств распределяли между собой мошенники в том самом агентстве, которое должно было помогать именно людям с ограниченными возможностями!

В июне 2025 года сначала Палата депутатов, а затем и Сенат уверенным большинством проголосовали за Закон о чрезвычайной помощи по инвалидности, на который президент наложил вето, а в конце августа – начале сентября обе палаты Национального конгресса двумя третями голосов его преодолели. Это было первое поражение Милея в борьбе с парламентскими законопроектами, которые, по мнению президента, угрожали сбалансированности бюджета. Далее Конгресс смог преодолеть президентское вето в отношении законов о финансировании университетов и о чрезвычайной ситуации в педиатрии, что отвечало и требованиям общества: люди с ограниченными возможностями, родители детей-инвалидов, студенты, университетские преподаватели, врачи главного педиатрического центра имени Хуана Гаррахаана в Буэнос-Айресе неоднократно протестовали против экономии на самых уязвимых группах населения. И, хотя правительство вопреки Конституции отказалось эти законы выполнять, предложив Конгрессу указать источники финансирования для их выполнения, политическая ситуация менялась не в пользу Милея.

Коррупционные скандалы лишали Милея ореола бескомпромиссного борца с «кастой» и создавали неблагоприятный для него предвыборный политический фон – тем более, что именно Карина, которая является председателем партии «Свобода наступает», занималась подбором кандидатов и согласованием партийных списков. Ее жесткая и бескомпромиссная позиция при распределении мест вызывала, с одной стороны, недовольство союзников по избирательной коалиции – партии «Республиканское предложение» («Propuesta Republicana») и той части радикалов, которые поддерживали правительство, – а с другой, углубила противоречия с Сантьяго Капуто, поскольку Карина отказалась включать в списки кандидатов в провинции Буэнос-Айрес представителей «небесных сил» – радикальной либертарианской группировки, созданной помощником президента²⁷. Борьба за власть внутри так называемого «железного треугольника» (*triángulo de hierro*), включающего Сантьяго Капуто, президента и его сестру, вышла на поверхность, сделав кризис внутри правящего трио очевидным.

К этому добавилось нарастающее напряжение между президентом и губернаторами провинций, которые представляют самые разные партии и течения. Среди них есть перонистские каудильос, десятилетиями находящиеся у власти, как Гильдо Исфран, губернатор северной провинции Формоза; есть киршнеристы – как Аксель Кисиллоф, губернатор провинции Буэнос-Айрес; есть

27 «Небесные силы» («Fuerzas del Cielo») – неформальное молодежное объединение, участники которого называют себя «вооруженной рукой» президента в его «культурной битве» за экономическую свободу и консервативные ценности (см.: Ворожейкина Т. *Аргентина и мир: эра Милея* // Неприкосновенный запас. 2025. № 6(158). С. 247–255). Группировку возглавляет влиятельный блогер Даниэль Паризини по прозвищу «Толстяк Дан» (Gordo Dan), известный своим эпатажным поведением и хамскими высказываниями, зачастую с фашистскими обертонами. Название отсылает к рассуждениям Милея во время президентской кампании 2023 года, когда он утверждал, что в своей борьбе против «касты» чувствует поддержку сверхъестественных, небесных сил.

перонисты-антикиршнеристы – как Мартин Шаршора, губернатор провинции Кордоба, или губернаторы-члены Гражданского радикального союза (Unión Cívica Radical). Треть губернаторов являются руководителями местных политических партий и движений. Глава правительства города Буэнос-Айрес – сторонник «Республиканского предложения» Хорхе Макри, двоюродный брат бывшего президента Маурисио Макри. И, хотя правящая партия не имеет своих губернаторов, большая часть разнородного сообщества лидеров провинций на протяжении первых полутора лет правления Милей поддерживала президента и обеспечивала ему голоса подконтрольных им депутатов и сенаторов Национального конгресса при прохождении правительственных законопроектов или же, наоборот, при блокировке законодательных инициатив жесткой киршнеристской оппозиции. Взамен правительство обещало губернаторам денежные трансферты для поддержания экономики провинций, а наиболее лояльным – объединение с партией «Свобода наступает» и места в списках кандидатов на выборах.

К июлю 2025 года терпение губернаторов иссякло: они сочли, что правительство уже достигло своих целей по финансовой стабилизации и может, наконец, разблокировать фонды, сборы в которые поступали из провинций для последующего перераспределения между ними. Речь шла о трансфертах национального казначейства, различных трастовых фондах и существенной части налога на топливо. Все эти средства, которые по закону должны были воз-

вращаться в провинции, центральное правительство удерживало у себя под предлогом обеспечения профицита бюджета. Кроме того, оно полностью прекратило строительство и ремонт дорог, закрыв Национальное управление путей сообщения, которое в течение ста лет занималось поддержанием транспортной инфраструктуры в территориально очень протяженной стране.

К экономическим проблемам добавились политические: вопреки обещаниям Карина Милей упорно навязывала своих кандидатов в региональные списки, практически игнорируя интересы губернаторов. 10 июля сенаторы – с явной санкции всех губернаторов и главы правительства города Буэнос-Айрес – подавляющим большинством голосов (56 «за» при одном «против») проголосовали за серию законов, обязавших правительство возвратить провинциям удерживаемые средства, а заодно поднять пенсии на 7,2%. Милей отреагировал в своем привычном стиле, назвав всех сенаторов – как союзников, так и противников – «бюджетными дегенератами» (*degenerados fiscales*), обвинив их в стремлении уничтожить его кабинет²⁸.

Разрыв президента с губернаторами был очевидным. В день национального праздника 9 июля на торжествах в городе Тукуман, где в 1816 году была провозглашена независимость Соединенных провинций Рио-де-Ла-Плата, отсутствовали все губернаторы, за исключением троих, а также сам президент республики, который за год до этого красовался на традиционном праздновании во главе восемнадцати руководителей провинций²⁹. В начале августа шесть губер-

28 *Milei contra la política* // El País. 2025. 16 de julio (<https://elpais.com/opinion/2025-07-16/milei-contra-la-politica.html>).

29 RIVAS MOLINA F. *Los gobernadores dejan a Milei sin festejo por el día de la independencia* // El País. 2025. 9 de julio (<https://elpais.com/argentina/2025-07-09/los-gobernadores-dejan-a-milei-sin-festejo-por-el-dia-de-la-independencia.html>).

наторов объявили о создании нового избирательного блока «Соединенные провинции» («Provincias Unidas»). Он задумывался как третья сила между либертарианцами и перонистами, столкновение которых привело к глубочайшей политической поляризации. Инициатива исходила от губернаторов двух самых важных (после провинции Буэнос-Айрес) регионов – Мартина Шаршоры (Кордоба) и Максимилиано Пушаро (Санта-Фе). Федеральный список блока возглавил бывший губернатор Кордобы, кандидат в президенты в 2023 году, перонист Хуан Скьяретти.

Таким образом, Милей, его правительство и партия вступили в избирательную кампанию практически в полной изоляции, раздираемые внутренними противоречиями и коррупционными скандалами, переругавшись с большинством бывших союзников и сторонников. Алехандро Каттерберг, один из ведущих аргентинских социологов, заявил в этой связи:

«Важнейшая ошибка правительства заключалась в том, что оно не превратило политические соглашения в электоральные, а напротив, разорвало их, что привело к утере контроля над Конгрессом и политической повесткой дня, а также нарастанию неуверенности и страха на [валютно-финансовом] рынке. Вето, наложенное президентом на популярные меры Конгресса, еще больше ухудшило имидж [правительства] и усилило растерянность в обществе, что открыло дорогу к поражению на выборах в провинции Буэнос-Айрес»³⁰.

Ситуация в немалой степени усугублялась тем, что Милей в своих выступлениях

постоянно настаивал на судьбоносном, почти экзистенциальном значении выборов-2025. Его победа должна была запустить радикальные экономические реформы и навсегда покончить с киршнеризмом³¹. Именно поэтому поражение в провинции Буэнос-Айрес было воспринято как политический провал правительства. Вообще говоря, выборы в региональные представительные органы, хотя и в важнейшей провинции страны, никогда не имели того значения общенационального референдума, которое придавал им Милей. В сентябре 2025 года они обозначили начало открытого политического кризиса, который за несколько недель до национальных выборов усугубился еще одним скандалом, грозившим, как казалось, полностью похоронить надежды правящей партии.

В конце сентября кандидат в депутаты от перонистской коалиции в провинции Буэнос-Айрес Хуан Грабойс опубликовал информацию о связях одного из главных сподвижников Милея – экономиста Хосе Луиса Эксперта – с предпринимателем Фредом Мачадо, против которого в США было выдвинуто обвинение в наркоторговле. Соединенные Штаты в течение нескольких лет требовали выдать им Мачадо, который все это время находился под домашним арестом в собственном доме в городе Вьедма, столице южной провинции Рио-Негро. Грабойс обнаружил на сайте федерального прокурора по восточному судебному округу штата Техас копии банковских переводов на счета Эксперта на общую сумму в 200 тысяч долларов, осуществленных в 2020 году американской

30 *“Milei mostró problemas de liderazgo fenomenales”: Alejandro Catterberg en Odisea Argentina // La Nación+. Odisea argentina. 2025. 21 de octubre (www.youtube.com/watch?v=0eNlGhsMKvs).*

31 Главный лозунг избирательной кампании партии «Свобода наступает» «Киршнеризм – никогда больше!» («¡Kirchnerismo Nunca Más!») отсылал к «¡Nunca más!», названию доклада комиссии, расследовавшей исчезновения и бессудные казни во время военной диктатуры 1976–1983 годов. В этом есть явное смысловое передегеривание, так как либертарианцы выступают за пересмотр отношения к военной диктатуре и ее преступлениям.

фирмой Мачадо. Эксперт неоднократно летал на принадлежавших компании Мачадо самолетах и пользовался предоставленным ему Мачадо бронированным автомобилем, на котором передвигался во время избирательной кампании 2021 года, когда был избран депутатом Национального конгресса от партии «Свобода наступает»³². С января 2024-го Эксперт был председателем комитета по бюджету и финансам Палаты депутатов Национального конгресса и на момент публикации разоблачительных материалов возглавлял федеральный список кандидатов от партии Милея в провинции Буэнос-Айрес.

Сначала Эксперт полностью отрицал предъявленные ему обвинения и отказывался снять свою кандидатуру. Милей также на первых порах яростно защищал своего сподвижника, обвиняя оппозицию в провокации. Однако по мере того, как появлялись все новые свидетельства разветвленных связей Мачадо и Эксперта, последний был вынужден уйти с поста председателя комитета, а затем и снять свою кандидатуру. Это поставило команду Милея перед новой проблемой: до выборов оставались всего три недели, избирательные бюллетени уже были напечатаны, и Национальная избирательная палата отказалась вносить в них изменения. Тем более, что на этих выборах Аргентина впервые голосовала по единому бюллетеню, включавшему все партии, где для каждой из них указывались только первые пять кандидатов из

списка, а для первых двух приводились еще и портреты. Эксперт был первым в списке, так что его фото осталось в бюллетене. Менеджеры кампании нашли остроумный, как им показалось, выход. В предвыборном ролике партии два следующих кандидата – Диего Сантиллы и Карен Рейхардт – позируют на фоне рифмованного призыва «Чтобы проголосовать за рыжего, отмечай лысого» («Para votar al colorado, marca al pelado»). «Рыжий» («El Colorado» или сокращенно «El Colo») – это распространенное прозвище Сантиллы, который возглавил после снятия Эксперта партийный список и чье фото в бюллетене не было. Лысый – указание на внешность Эксперта, которого в ролике называют «человеком, который отказался». Лозунг породил волну насмешек и издевательств в сети как из-за абсурдности происходящего и превращения выборов в фарс, так и по причине общей неловкости ситуации, когда политик с серьезным лицом произносит явно не соответствующую его уровню и моменту фразу, и возмутил даже некоторых политтехнологов правящей партии: «У нас враги среди собственных креативщиков»³³.

Политический кризис, как это почти всегда случалось в Аргентине, немедленно вызвал кризис валютно-финансовый. Доллар, который после отмены в апреле фиксированного курса рос постепенно, оставаясь в рамках установленного коридора, с конца июля устремился круто вверх, приблизившись после сентябрьского проигрыша правительства

32 *Imputaron a José Luis Espert por lavado de dinero en la causa abierta por la denuncia de Juan Grabois // La Nación.* 2025. 7 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/imputaron-a-jose-luis-espert-por-lavado-de-dinero-en-la-causa-abierta-por-la-denuncia-de-juan-grabois /).

33 *“Para votar al colorado, marca al pelado”, el insólito slogan del Gobierno que disparó burlas en redes // LaPolítica Online.* 2025. 14 de octubre (www.lapoliticaonline.com/politica/para-votar-al-colorado-marca-al-pelado-el-insolito-slogan-del-gobierno-que-disparo-burlas-en-redes/). Фото бюллетеня см. в: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/buenos_aires-bup.png; партия «Свобода наступает» – первая слева; общее описание ситуации, включая злополучный ролик, см. в: www.montevideo.com.uy/Noticias/-Para-votar-al-colorado-marca-al-pelado-apelan-a-slogan-capilar-por-escandalo-de-Espert-uc939898.

к верхней границе, а в отдельные дни даже пробивая ее³⁴. Началось повальное бегство от национальной валюты. Большинство специалистов говорили о неизбежной девальвации – вопрос был лишь в том, получится ли дотянуть до выборов, чтобы провести ее после голосования.

Правительство твердо стояло на своем, бросая последние резервы Центрального банка на удержание курса песо. 22 сентября было принято чрезвычайное решение о полной отмене пошлин на экспорт аргентинских сельскохозяйственных товаров. Беспошлинное «окно» открывалось до 31 октября, чтобы побудить экспортеров ускорить продажу валютной выручки и тем самым увеличить предложение валюты, уменьшив напряжение на финансовом рынке³⁵. В результате этой операции было получено 6 миллиардов долларов, две трети из которых ушли на валютный рынок. В последнюю декаду сентября – начале октября 2025 года Центральный банк тратил на поддержание обменного курса порядка 300–500 миллионов долларов ежедневно, а 19 сентября эта цифра достигла рекордных 678 миллионов. Министр экономики Луис Капуто, отстаивая позицию правительства, заявил: «Долларов хватит на всех. Мы будем продавать до последнего доллара, чтобы удержать верхнюю границу коридора»³⁶.

Всего в сентябре–октябре аргентинцы купили на валютном рынке свыше

12 миллиардов долларов, а с апреля по октябрь 2025 года эта сумма составила 30 миллиардов, что в полтора раза превысило объем предоставленного в апреле кредита МВФ³⁷. Удержание обменного курса любой ценой во избежание роста инфляции перед выборами привело к падению стоимости аргентинских ценных бумаг и увеличению странового риска, стабильно превышавшего 1000 пунктов в сентябре–октябре 2025 года³⁸.

Таким образом, между двумя выборами – региональными в провинции Буэнос-Айрес и промежуточными в Национальный конгресс – в Аргентине разразился полномасштабный валютно-финансовый кризис, еще раз выявивший присущие ей зависимость экономической ситуации от перипетий политической борьбы и высокий уровень институционального недоверия. Без преувеличения можно сказать, что правительство находилось на грани коллапса.

Но помощь пришла – от главного друга Милея, президента США Дональда Трампа. В конце сентября министр финансов США Скотт Бессент объявил о предоставлении Аргентине валютного свопа на 20 миллиардов долларов для стабилизации курса песо³⁹. Эта новость на некоторое время успокоила аргентинский валютный рынок, но через неделю доллар снова начал быстро расти. 9 октября, за две недели до выборов,

34 *Cotización histórica del dólar oficial durante el año 2025* // Dolarito. 2025 (www.dolarito.ar/cotizaciones-historicas/dolar/oficial/2025/cotizacion-historica-del-dolar-oficial-a%C3%B1o-2025/).

35 *Los detalles del decreto que bajó a 0% las retenciones al campo* // Infobae. 2025. 22 de septiembre (www.infobae.com/economia/2025/09/22/los-detalles-del-decreto-que-bajo-a-0-las-retenciones-al-campo/).

36 LAFUENTE E. *Presión cambiaria: cuánto dinero le queda al Tesoro para intervenir sobre el dólar antes de las elecciones* // La Nación. 2025. 8 de octubre (www.lanacion.com.ar/economia/dolar/presion-cambiaria-cuanto-dinero-le-queda-al-tesoro-para-intervenir-sobre-el-dolar-antes-de-las-nid08102025/).

37 BLANCO J. *La dolarización preelectoral rozó los US\$30.000 millones* // La Nación. 2025. 28 de noviembre (www.lanacion.com.ar/economia/la-dolarizacion-preelectoral-rozo-los-us30000-millones-nid28112025/).

38 *Evolución histórica del riesgo país* // Dolarito. 2025 (www.dolarito.ar/indices/riesgo-pais/).

39 Механизм валютного свопа предусматривает временный обмен валютными активами. Одна сторона покупает активы у другой и обязуется продать их обратно по оговоренной стоимости.

Бессент написал в социальных сетях, что после четырех дней интенсивных встреч с Капуто договоренности полностью согласованы и что «министерство финансов США готово немедленно принять любые исключительные меры, которые будут необходимы для обеспечения стабильности рынков»⁴⁰. В своем твите Бессент похвалил Аргентину за созданный под руководством Милея «прочный экономический фундамент, включая уже происходящие структурные изменения, которые приведут к значительному росту долларowego экспорта и валютных резервов».

«Мы рассмотрели широкий политический консенсус, сложившийся в Аргентине на вторую половину срока президента Милея. Меня воодушевила его ориентация на достижение финансовой устойчивости и экономической свободы для народа Аргентины путем снижения налогов, увеличения рабочих мест в частном секторе и партнерства с союзниками. По мере того, как Аргентина избавляется от мертвящего бремени государства и прекращает траты, ведущие к инфляции, открываются великие возможности. Успех программы реформ в Аргентине имеет системное значение, а сильная и стабильная Аргентина, способствующая процветанию Западного полушария, отвечает стратегическим интересам США»⁴¹.

Прямую финансовую и политическую поддержку Милея в самый канун парламентских выборов можно трактовать как открытое вмешательство администрации Трампа в электоральный процесс. Бессент упоминал прямые американские

интервенции на аргентинском валютном рынке; это означало, что США приступили к покупке песо за доллары. Такого в истории Аргентины еще не было. По неофициальным подсчетам, в течение двух предвыборных недель американское правительство купило аргентинской валюты на сумму от 2 до 3 миллиардов долларов. «[Бессент] никогда не размещал меньше 400 миллионов долларов США в день, всего же было семь или восемь интервенций», – подсчитал аргентинский специалист по валютным операциям⁴².

Складывалась ситуация *déjà vu*. В начале 2002 года, в разгар жесточайшего социально-экономического и политического кризиса в Аргентине, американский экономист Руди Дорнбуш открыто говорил о том, что этой стране нельзя больше доверять управлять собой.

«Мир должен оказать финансовую поддержку, но только после того, как [Аргентина] примет радикальные реформы, а также согласится на иностранный контроль и надзор за бюджетными расходами, печатанием денег и налоговым администрированием»⁴³.

По мнению Дорнбуша, комитет, состоящий из опытных руководителей иностранных центральных банков, должен был взять под контроль кредитно-денежную политику Аргентины, поскольку только сильная, поддерживаемая извне финансовая дисциплина способна разорвать постоянный цикл экономических кризисов и неэффективного управления. Через четверть века американ-

40 *Qué dice el comunicado completo de Bessent sobre la economía Argentina* // La Nación. 2025. 10 de octubre (www.lanacion.com.ar/economia/que-dice-el-comunicado-completo-de-bessent-sobre-la-economia-argentina-nid09102025/).

41 Ibid.

42 JUEGUEN F. *Estiman que Estados Unidos vendió más de US\$2000 millones para contener el dólar* // La Nación. 24 de octubre (www.lanacion.com.ar/economia/estiman-que-eeuu-vendio-alrededor-de-us2000-millones-para-contener-en-dolar-nid24102025/).

43 *Dornbusch on Global Economy, Argentina, Russia, and Much More* // IMF eLibrary. 2002. January 1 (www.elibrary.imf.org/view/journals/023/0031/006/article-A007-en.xml).

ская администрация действовала в том же духе, но гораздо прямолинейнее, не беспокоясь об институциональном оформлении своего вмешательства в экономику и политику другого государства. Между тем усилия Бессента имели лишь частичный успех: доллар если временно и снижался, то затем снова поднимался к верхней границе валютного коридора; динамика стоимости аргентинских ценных бумаг была крайне нестабильной. Причем колебания обменного курса и уровня странового риска четко совпадали с графиком американских валютных интервенций⁴⁴.

Этим, однако, дело не ограничилось. 8 октября в Буэнос-Айрес прибыл Барри Беннет – неформальный посланец Дональда Трампа, совладелец и менеджер лоббистской фирмы «Tactic Global». Другой совладелец «Tactic Global», аргентинец Леонардо Скатуриче, уже упоминавшийся в «деле с чемоданами», имеет разветвленный бизнес в США, тесно связан с помощником Милея Сантьяго Капуто и также выступает посредником между Милеем и Трампом. Вместе с Беннетом на принадлежащем Скатуриче самолете в Аргентину прилетел американский финансист Роберт Ситроне, известный своим влиянием на экономическое крыло аргентинского правительства и являющийся владельцем фонда «Discovery Capital Management». Ранее этот фонд по дешевке скупил огромное количество облигаций арген-

тинского государственного долга (по некоторым сведениям, до одной трети), и теперь его владелец столкнулся с угрозой потерять вложенные средства, поскольку в условиях валютного кризиса Аргентина не могла обслуживать свой внешний долг⁴⁵. Американский экономист Пол Кругман отмечает, что Ситроне был одним из тех, кто призывал своего старого друга и бывшего коллегу Бессента поддержать Милея деньгами американских налогоплательщиков⁴⁶. Таким образом, за операцией по спасению Аргентины стояли не только «стратегические интересы США», но и вполне практические потребности частных представителей американского бизнеса и истеблишмента.

В то время как Луис Капуто вел в Вашингтоне переговоры с Министерством финансов США и МВФ, Сантьяго Капуто организовал на частной квартире в Буэнос-Айресе встречу Беннета с тремя руководителями сотрудничающих с правительством Милея парламентских блоков. В течение двух часов Беннет, выступая от имени правительства Соединенных Штатов, убеждал их, что в ответ на предоставляемую помощь оно потребует от Милея обеспечить политическую устойчивость. А для этого необходимы политические соглашения, которые его правительство должно заключить с сотрудничающими парламентскими группами и дружественными губернаторами. Тема политической

44 Операция по спасению Милея вызвала волну критики в США: она происходила на фоне ликвидации USAID и прекращения американской помощи бедным азиатским и африканским странам. Кроме того, выделение кредита и валютные интервенции в Аргентине осуществлялись в условиях прекращения финансирования Конгрессом правительства США (*shutdown*), когда сотни тысяч государственных служащих были отправлены в неоплачиваемые отпуска. Оправдываясь, Бессент сообщил, что операции на аргентинском валютном рынке представляли собой выгодные инвестиции. И действительно после победы Милея, когда курс доллара существенно снизился, американское казначейство с прибылью продало купленные ранее аргентинские песо.

45 PAGNI C. *Javier Milei y el ancla norteamericana* // La Nación. 2025. 14 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/javier-milei-y-el-ancla-norteamericana-nid14102025/).

46 KRUGMAN P. *Bailing out Bessent's Buddies' Bets on Argentina* (<https://paulkrugman.substack.com/p/bailing-out-bessents-buddies-bets>).

устойчивости неоднократно поднималась и в заявлениях Бессента, который говорил, что хочет помочь Милею, но также и посмотреть, как у него пойдут дела на выборах⁴⁷.

Главное и последнее слово осталось за Трампом. 14 октября, за двенадцать дней до парламентских выборов, аргентинская делегация, возглавляемая Милеем и включавшая всех ведущих министров его правительства, встретила в Белом доме с американским президентом и его командой. Выразив восхищение Милеем как «чрезвычайно талантливым экономистом» и как главой государства, который стремится «сделать Аргентину снова великой» («Make Argentina great again»), Трамп объявил с прямотой римлянина: «Если президент проиграет, мы не будем щедры с Аргентиной. [...] Он должен выиграть. Если он проиграет, мы не будем тратить наше время»⁴⁸. Трамп повторил эту мысль трижды.

Встреча была открытой, на ней присутствовала пресса, у журналистов была возможность задавать вопросы. Делегации сидели друг против друга за длинным столом, съемка велась из-за спин аргентинских участников, которые молчали в течение всей открытой части встречи, поскольку им практически не задавали вопросов. С американской стороны говорил только Трамп. Вся мизансцена была выстроена как встреча учителя с почтительно внимающими учениками. При этом временами возникало ощущение, что Трамп не вполне понимает, о каких выборах идет речь: из

его речи иногда следовало, что в Аргентине вот-вот должны состояться президентские выборы. В эту двусмысленность немедленно вцепилась свора троллей во главе с блогером Толстяком Даном, обвинивших министра иностранных дел Аргентины в том, что он не довел нужной информации до американского президента. Но Трамп и тут не дал сбить себя с толку, опубликовав после встречи пост следующего содержания:

«Хавьер Милей пользуется моей полной и абсолютной поддержкой. Я надеюсь, что аргентинцы оценят его хорошую работу, и поддержат его на промежуточных выборах, чтобы мы могли и дальше помогать Аргентине раскрыть свой невероятный потенциал»⁴⁹.

Многие в Аргентине были шокированы ходом переговоров. Экономист Карлос Мелконян, бывший председатель Национального банка Аргентины, сказал: «Я никогда не видел подобного, почти колониального вмешательства», — и расценил встречу как провальную⁵⁰. Однако Милей остался доволен и продолжил избирательную кампанию в одном ему свойственном стиле, дав, правда, публичное обещание перестать употреблять ругательства в предвыборных выступлениях, поскольку опросы свидетельствовали, что большинству аргентинцев это не нравится.

В остальном, однако, характер кампании остался прежним. Ее апогеем стало выступление Милея на стадионе в Буэнос-Айресе перед пятнадцатью тысячами сторонников. Одетый в черную

47 PAGNI C. *Javier Milei y el ancla norteamericana*.

48 *Trump habló tras el encuentro con Milei y se refirió a las elecciones de medio término: "Espero que lo apoyen"* // La Nación. 2025. 15 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/donald-trump-hablo-tras-el-encuentro-con-milei-y-se-refirio-a-las-elecciones-de-octubre-espero-que-nid14102025/).

49 Ibid.

50 *Carlos Melconian, sobre la reunión Milei-Trump: "Nunca vi una incursión cuasi colonial de este tipo"* // Clarín. 2025. 15 de octubre (www.clarin.com/videos/carlos-melconian-reunion-milei-trump-vi-incursion-cuasi-colonial-tipo_3_GKfcYMDiGW.html).

кожу, он представлял свою новую книгу «Строительство чуда» («La construcción del milagro») и одновременно участвовал в самодельном рок-концерте, исполняя песни «Rolling Stones» и другие хиты в сопровождении оркестра, который состоял из соратников президента и депутатов его партии.

«В то время как Бессент посвятил себя спасению президента Аргентины и решил покупать аргентинские песо за доллары (в противоположность тому, что делают аргентинцы), Милей принял участие в экстравагантном спектакле, имевшем огромный и негативный международный резонанс. В этом нелепом шоу аргентинский президент выступал в роли экономического теоретика, политического агитатора и фальшивившего певца. Слишком много радости в такой печальный момент. Ни один президент не был когда-либо замечен в подобных публичных выступлениях, никто, даже самый непочтительный, не осмеливался зайти так далеко. Иногда кажется, что Милей не воспринимает окружающую его действительность»⁵¹.

Ощущение было именно таким: Милей живет в собственной реальности и действует сообразно своим манихейским представлениям, что, по мнению многих, делало его плохим, нерасчетливым политиком. Граничащий с религиозной верой рыночный фундаментализм, как и два года назад, подавался им избирателям в качестве единственно верного основания для решения всех проблем Аргентины. Иная, социальная, логика –

логика гуманистических ценностей – была не только полностью подчинена императивам рынка: ее в представлении Милей не существовало вовсе⁵². Когда журналист Эдуардо Фейнманн спросил президента, что он может сказать тем 80% аргентинцев, которые в результате проводимой им политики едва сводят концы с концами, Милей искренне удивился: «Вы хотите, чтобы я печатал деньги? [...] Что должно делать правительство? Правительство должно заботиться о поддержании порядка в финансовой сфере и на денежном рынке»⁵³. Все остальное, включая рост занятости и доходов, по его убеждению, должно стать следствием финансовой и рыночной санации. Присущая Милею моральная глухота временами ставила его в крайне невыгодное политическое положение. Так, защищая сестру в «деле ANDIS», он изумляется: «Зачем ей 3%, если она может иметь все 100%?»⁵⁴.

Все изложенные выше обстоятельства могли бы стать объяснением проигрыша Милей на выборах 26 октября. Но этого не произошло: напротив, то, что многим казалось дорогой к поражению, неожиданно привело к победе. Несмотря на коррупционные скандалы, рок-концерт, валютный кризис, фронду губернаторов, утрату контроля над Национальным конгрессом, замену в последний момент основного кандидата в важнейшей провинции, партия Милей вышла на первое место, получив 40,7% голосов, и выиграла в четырнадцати (из 23-х) провинций

51 MORALES SOLÁ J. *Un presidente como nunca se vio* // La Nación. 2025. 15 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/un-presidente-como-nunca-se-vio-nid14102025/).

52 FIDANZA E. *Milei es parte de la excepcionalidad argentina, como la Pampa húmeda* // Perfil. 2025. 14 de octubre (www.perfil.com/noticias/modo-fonvecchia/eduardo-fidanza-milei-es-parte-de-la-excepcionalidad-argentina-como-la-pampa-humeda.phtml; www.youtube.com/watch?v=YS-GLwFlGCM&t=1293s).

53 Javier Milei en A24 con Eduardo Feinmann: «Este ruido se termina el 26 de octubre» // Entrevistas A24. 2025. 16 de octubre (www.youtube.com/watch?v=ji22Fo2fgrg).

54 *Insólito: Milei se preguntó cómo Karina “se va a quedar el 3 por ciento cuando puede quedarse con el 100%”* // Política Argentina. 2025. 21 de septiembre (www.politicargentina.com/notas/202509/68725-insolito-milei-se-pregunto-como-karina-se-va-a-quedar-el-3-por-ciento-cuando-puede-quedarse-con-el-100.html).

Аргентины и в городе Буэнос-Айрес. Самым большим достижением «Свободы наступает» – и, соответственно, унижением для киршнеристов и лично губернатора Кисиллофа – стала победа в провинции Буэнос-Айрес. И хотя перевес в пользу правящей партии оказался здесь минимальным – всего 29 400 голосов, или 0,3 процентных пункта, – символический характер этой победы был очевиден. За пятьдесят дней партии Милея удалось не только наверстать 13,6 процентных пунктов, но и обогнать, пусть и минимально, своего основного соперника в его главном политическом и электоральном бастионе.

Поражение потерпели не только перонисты, но и претендовавшие на место третьей силы «Соединенные провинции», которые получили 7,7%. Из шести провинций, входящих в этот блок, его представители победили только в Корrientес, еще в четырех, включая главные – Кордобу и Санта-Фе, – коалиция уступила сторонникам Милея, а еще в одной – Санта-Крус – проиграла перонистам. «Свобода наступает» получила наибольшую поддержку в основных городских центрах: ее кандидаты выиграли в Буэнос-Айресе и в восемнадцати из 23 региональных столиц. На выборах 2025 года партия Милея вытеснила «Республиканское предложение» из того политического пространства правого центра, которое партия Маурисио Макри занимала на протяжении последних двадцати лет. Анализ, проведенный газетой «La Nación», выявил прямую зависимость результатов голосования от уровня социально-экономического развития: чем он выше, тем лучше электоральные показатели партии «Свобода наступает». Она получила главную под-

держку в высших и средних слоях, бедные голосовали за перонистов⁵⁵. Все вернулось на круги своя: та часть бедных и нижних средних слоев, которые проголосовали за Милея на президентских выборах 2023 года, в 2025-м ушли от него.

По итогам выборов партия «Свобода наступает» получила в Палате депутатов 80 мест (из 257). Вместе с перебежчиками из партии «Республиканское предложение» и Гражданского радикального союза ее депутатская скамья по состоянию на конец ноября расширилась до 95 мест, что вместе с оставшимися депутатами этих партий – союзниками правительства – дает ей как минимум 107 мандатов при необходимом кворуме (простое большинство) в 129. «Патриотическая сила» утратила в результате перехода наиболее «реалистично» настроенных депутатов-перонистов на сторону победителя позицию первого меньшинства: ее представительство сократилось с 99 до 93 мест. Таким образом, правящая коалиция стала крупнейшей фракцией обновленного парламента, что позволяет ей получить контроль над важнейшими комитетами и повесткой дня Палаты депутатов.

Количество собственных представителей партии Милея в Сенате выросло с восьми до двадцати человек (из 72). Теперь в верхней палате вместе с союзниками из «Республиканского предложения» правительство будет иметь как минимум 24 сенаторских голоса, то есть одну треть. Представительство перонистов сократилось с 34 до 28 мест, что впервые за сорок лет аргентинской демократии не позволит им блокировать правительственные законопроекты. И это, по-видимому, еще не предел, по-

55 RODRÍGUEZ NIELL P., COSTA L. *¿Tiene razón Bessent? Cómo votaron los sectores más pobres y más ricos en las elecciones del domingo pasado* // La Nación. 2025. 1 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/como-votaron-los-sectores-mas-pobres-y-mas-ricos-en-las-elecciones-legislativas-nacionales-nido1112025/).

сколько новый лидер правящей партии в Сенате, бывший министр национальной безопасности Патрисия Бульрич, ведет активную работу по расколу оппозиционной коалиции на множество автономных блоков, подконтрольных «сотрудничающим» губернаторам⁵⁶.

Результаты выборов были восприняты президентом Аргентины как безусловное выражение поддержки его экономического курса большинством населения. По выражению одного комментатора, Милей ведет себя так, будто получил не 40%, а все 80% голосов. Между тем, если говорить о доле голосов всех зарегистрированных избирателей (36,5 миллиона), то Милей не получил и 40%. 26 октября была самая низкая за всю историю аргентинской демократии явка, которая составила всего 67,26% – и это при том, что участие в выборах в Аргентине обязательно. Почти 12 миллионов человек не пришли на избирательные участки, еще 1,3 миллиона проголосовали незаполненными или испорченными бюллетенями. В сумме это дает 13,3 миллиона (36%) избирателей, которые не захотели сделать выбор. Это существенно больше 9,4 миллиона голосов (26%), полученных коалицией «Свобода наступает», и 7,8 миллиона голосов (21,5%), отданных «Патриотической силе». Иначе говоря, Милея поддержала на этих выборах только четверть аргентинских избирателей (а перонистов – одна пятая), что свидетельствует об углубляющемся кризисе представительства и отрыве политики от общества, одна часть которого испытывает отвращение к нынешнему политичес-

кому процессу, а другая, большая часть озабочена прежде всего выживанием.

Почему же все-таки Милей одержал победу? Важнейшим фактором, действовавшим в его пользу, был, как представляется, страх общества вновь погрузиться в экономический кризис в случае поражения правительства. В Аргентине имеется большой и относительно недавний опыт экономического спада и хаоса, наступавших после подобных проигрышей власти в середине срока: так было при правительствах Фернандо де ла Руа (2001) и Альберто Фернандеса (2021). Как ни парадоксально, но ситуация нарастающего валютно-финансового кризиса сентября–октября 2025 года, по-видимому, сработала на правительство, поскольку большинство людей задалось вопросом: «Что же будет, если Милей проиграет?».

Страх возвращения к власти киршнеристов также заставлял отнюдь не симпатизирующих президенту людей голосовать за его партию. Избранная Милеем стратегия – поляризовать электорат до предела, подспудно внушая избирателям, что плохой результат или даже поражение правящей партии приведет к неизбежному возврату киршнеризма, – полностью сработала⁵⁷. Антикиршнеристы мобилизовались, особенно в провинции Буэнос-Айрес: поражение партии «Свобода наступает» на выборах 7 сентября подтолкнуло многих из них проголосовать за нее 26 октября. Сбылся прогноз многоопытной и искушенной Кристины Киршнер, которая предвидела эту опасность и выступала против

56 CELICHINI D. *El juego del quorum. Quiénes son los diputados y senadores que deberá seducir Milei para aprobar leyes en el nuevo Congreso* // La Nación. 2025. 27 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/quienes-son-los-diputados-y-senadores-que-debera-seducir-milei-para-aprobar-leyes-en-el-nuevo-nid27102025/); RODRÍGUEZ YEBRA M. *El plan para terminar con la Argentina peronista* // La Nación. 2025. 30 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/el-plan-para-terminar-con-la-argentina-peronista-nid29112025/).

57 JACQUELIN C. *Un batacazo hijo del antikirchnerismo masivo y de la intervención trumpista* // La Nación. 2025. 27 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/un-batacazo-hijo-del-antikirchnerismo-masivo-y-de-la-intervencion-trumpista-nid27102025/).

отстаиваемого Кисиллофом отделения региональных выборов от общенациональных⁵⁸. Кроме того, перонистская коалиция выступила на этих выборах преимущественно как сила отрицания: лозунгу Милея «Киришнеризм – никогда больше!» она противопоставила лишь призыв «Остановить Милея!». Но, в отличие от Милея, предложившего стране пусть жесткую, но все же программу выхода из социально-экономического кризиса, у перонистской оппозиции такой план отсутствовал. За два года, прошедшие после поражения в 2023-м, процесс обновления в киришнеристском крыле перонизма так и не состоялся. Все силы ушли на внутреннюю борьбу между Кисиллофом и Киришнер, которая, даже находясь под домашним арестом, сохраняла контроль над аппаратом перонистской партии.

В пользу Милея работали почти все факторы, которые, по идее, должны были действовать против него. Коррупционные скандалы, похоже, не показались важными тем, кто за него проголосовал. (Те же, кого они шокировали, как правило, не голосовали вовсе, так как за перонистами тянется собственный, причем довольно длинный, шлейф коррупции.) Да и в целом, антикоррупционные расследования, как показывает недавняя история Аргентины, не сказываются на результатах выборов до тех пор, пока экономическая ситуация остается более или менее сносной. Возмущение продажной властью охватывает избирателей лишь тогда, когда экономика входит в кризис, как было при президентах Карлосе Менеме и Кристине Киришнер.

Предвыборная тактика Карины Милей, сводящаяся к жесткому противостоянию всем – губернаторам, союзникам, оппозиции, противникам в собственном лагере, – принесла победу. Никому доселе неизвестные кандидаты от «Свободы наступает» были избраны депутатами Национального конгресса.

По-видимому, жизнь при президенте Милее, который победил главное зло – инфляцию, – еще не так плоха, чтобы обращать внимание на историю с криптовалютой или воровство средств, предназначенных инвалидам. Проголосовавшие за Милея избиратели из низших и нижних средних слоев предпочли стабильную бедность ложному благополучию, обеспечиваемому денежной эмиссией. Даже сомнительный рок-концерт подействовал на публику неоднозначно. Одна реакция – возмущение «пиром во время чумы» («Ты не можешь валять дурака с гитарой, в то время как людям плохо»), другая, напротив, – одобрение («Президент – не чета другим политикам. Он один ведет себя так же, как мы»)⁵⁹.

Еще одним фактором, возможно, главным, по мнению некоторых исследователей⁶⁰, обеспечившим победу Милея, стала финансовая помощь США. Угроза Трампа – «Или победит Милей, или мы уйдем», – по-видимому, произвела впечатление на ту часть аргентинских избирателей, которые решили избежать такого исхода. 75% опрошенных в начале ноября 2025 года согласились с тем, что «поддержка Трампа способствовала победе правительства на выборах». При этом 53% сочли это вмешательство негативным для страны, а 43% – позитивным

58 PAGNI C. *Los enigmas que falta desentrañar después de la contundente victoria de Milei* // Nación. 2025. 27 de octubre (www.lanacion.com.ar/politica/los-enigmas-que-falta-desentrañar-despues-de-la-contundente-victoria-de-milei-nid27102025/).

59 *Elecciones legislativas 2025: se define el nuevo Congreso: Tenenbaum y Schargrodsky* // Radio con Vos. 2025. 27 de octubre (www.youtube.com/watch?v=CakmnY4etAA&t=9s).

60 Например, «Без долларов не было бы победы»: Andrés Malamud: «Cristina radicalizó el peronismo» // Odisea argentina. La Nación+. 2025. 25 de noviembre (www.youtube.com/watch?v=CUx8RJo32w).

(показательно, что это доля практически совпала с долей голосов, полученных либертарианскими кандидатами 26 октября)⁶¹.

Милей празднует победу. На два года вперед перед ним расчищенное – политически и психологически – поле для того, чтобы осуществить намеченную им ультралиберальную экономическую трансформацию. Обновленному Национальному конгрессу будет предложен пакет реформ, включающих в первую очередь либерализацию трудовых отношений, изменение налогового и пенсионного законодательства. Кроме того, в планах Милей – дальнейшее сокращение государственного аппарата и числа государственных служащих, приватизация и, главное, заключение торгового соглашения с США, которое откроет им привилегированный доступ на аргентинский рынок. Снятие таможенных ограничений призвано обеспечить масштабные американские инвестиции в добычу минерального и углеводородного сырья, что, по замыслу

Милей, должно стать основой экономического роста в Аргентине.

Оппозиция же – после третьего по счету общенационального поражения – глубоко расколота и занята поисками ответа на вопрос «Кто виноват?». «Знамена перонизма – среди которых политический суверенитет, социальная справедливость, экономическая независимость – больше некому поднимать»⁶². Позиции Акселя Кисиллофа, которого после победы перонистов 7 сентября в провинции Буэнос-Айрес начали рассматривать как возможного кандидата на президентских выборах 2027 года, резко ослабли. В конце 2025-го переизбрание Милей на второй срок выглядит безальтернативным, хотя оно в первую очередь будет зависеть от результатов его экономической политики. Но, как говорилось выше, Аргентина – страна непредсказуемая: перонизм уже много раз возрождался из пепла, а либеральные программы неоднократно и с большим треском проваливались. Посмотрим, как будет на этот раз.

61 JACQUELIN C. *La nueva polarización, entre la hegemonía y el vacío* // La Nación. 2025. 10 de noviembre (www.lanacion.com.ar/politica/la-nueva-polarizacion-entre-la-hegemonia-y-el-vacio-nid09112025/).

62 RODRÍGUEZ YEBRA M. *Op. cit.*

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Мифы, технические тела и мораль:

обзор российских интеллектуальных журналов

Экзистенциальный кризис и пути его преодоления стали одной из главных тем рассматриваемых выпусков: «Художественный журнал» обращается к анализу популярности мифов и сказок в современных обществах и искусстве, а «Stasis» обсуждает экзистенциально-аффективное измерение современных кризисов. Вызывают озабоченность также вопросы морали и морализации: авторы «Ab Imperio» отстаивают право на свободное исследование обществ как сложных и открытых систем в условиях, когда навязывается морализирующая политика идентичности; в «Логосе» же озабочены моральной ответственностью и осуждением, а еще философией техники Жильбера Симондона и технологическими трансформациями телесности.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

МИФЫ И СКАЗКИ КАК ФАРМАКОН

В современных западных культурах уже давно сложилась устойчивая тенденция: многообразно реабилитировать миф как способ справиться с происходящими событиями и процессами. Это обусловлено общим кризисом рациональности, который вызван тем, что человеческая рефлексия хронически отстает от ускоряющегося социального и технического развития. Вдобавок к жизни возвращаются популистские формы политики и объединения, которые, казалось, были отброшены прогрессом рационализирующего западного сознания. В этой ситуации, когда все – человек в его многообразии, общества, государства, технические платформы и инфраструктуры, природа и планета в целом – меняется быстро и неуловимо для взгляда, миф кажется многим единственным способом хоть как-то осмыслить и одомашнить эти непрогнозируемые для разума потоки.

Миф – это такое отношение к миру, в котором последний становится тотально понятным: все приобретает смысл, а любая нестыковка, проблема или неизвестное закрываются новой историей. В мире

мифа нет подлинных абсурдности, зла и насилия – все оправдано. Здесь нет места философскому и научному познанию, зато есть нескончаемый ветвящийся рассказ. Интерес к мифическому и созданию мифов усилился на фоне перипетий последних лет – пандемии, экономических и инфраструктурных кризисов, правого поворота во многих странах, военных конфликтов, роста неравенства, успехов ИИ. Мир становится все более чуждым и враждебным, и человек нуждается в том, чтобы справиться с его абсурдностью. Одновременно с этим кризис проекта современного искусства с его негативностью и критичностью спровоцировал возврат в искусство салонности, эзотерики и мифологизации. Как работает мифологизация сегодня и что дает? Этому посвящен «Художественный журнал» (2025. № 128).

Открывающий дискуссию Леонид Тишков в автобиографичном тексте прослеживает связь между *местом* (родным Уралом) и перенятой у предков потребностью постигать его через миф – «чтобы не сойти с ума». Он творит мифы, чтобы воссоздать Урал своего детства и таким образом создает свой мир, ведь «иначе как бы он смог жить в ином мире, мире, созданном без его участия, – ведь он должен находиться в центре этого мира» (с. 8). Это, по мнению Тишкова, потребность каждого человека. Но, возможно, ключевой момент все же связан с воссозданием состояния из прошлого («золотого времени» детства): в таком случае миф работает как инструмент припоминания и повтора с целью *(само)терапии*, позволяя достичь определенного качества жизни. Одновременно он связывает с вечностью, что, впрочем, скорее означает избегание быстротечности и временности эмпирического мира и тем самым обеспечение определенного комфорта.

Дмитрий Галкин, другой автор номера, придает мифу схожее терапевтическое значение:

«В современной ситуации нарративного кризиса современное искусство принимает на себя некоторое историческое обязательство по сохранению и артикуляции фундаментального нарративного элемента культуры» (с. 40).

Эту мысль Галкин поясняет анализом художественных проектов Ольги Киселевой и Аннушки Броше, в которых локальный контекст соединяет большие нарративы – мифопоэтический с научным или социальным, древнее время с современностью. Что это за кризис нарративов? Он состоит в их нехватке, которую не удастся восполнить субститутами вроде сторителлинга или теорий заговора. Вслед за Бён-Чхоль Ханом Галкин усматривает исток этого кризиса в расцвете «цивилизации данных», которая дискретизирует мир, время и сообщество, лишая их нарративного измерения.

«Если нарратив производит темпоральный континуум, всегда подгружая прошлое и выставляя ориентиры будущего, то его вытеснение данными лишает нас онтологической системы координат» (с. 44).

Возврат в искусство мифа как частного случая нарратива – способ преодолеть этот кризис и восстановить коллективное время, разделяемое с другими людьми. Можно упрекнуть такую позицию в правоконсервативном уклоне, и Галкин отвечает на это так:

«Если это [проявления консервативного поворота современности] и есть новые обстоятельства современности, если они связаны с глубоко культурной проблематикой нарратива, то с этого момента они становятся темой современного искусства. Научного, ироничного, нацеленного на богатство забытых локальных нарративов. Стратегии будут разными. Культурная работа – общая» (с. 47).

Близкую к Галкину и Бён-Чхоль Хану позицию занимает Станислав Шурипа. Он считает, что «мифопоэтическая отделка

вносит уют аффирмативности в прохладные цифровые пространства» (с. 55). Датафикация и квантификация мира, потеря субъективностями единства превращают любое системное знание в *бриколаж*, что и провоцирует восстановление мифа. Кроме того, Шурипа подсказывает еще один источник мифологизации: поворот к вещам, или материальный поворот, затронувший социальные науки, философию и искусство (с. 61). Этот поворот наделил нечеловеческое *агентностью*, радикально умножив жизненные миры и временные потоки в оптике исследователей. В отсутствие общего мира миф – наиболее подходящий способ придать единство этому калейдоскопу пересекающихся несоизмеримостей.

Одним из источников возврата мифологии в западные общества являются усилия по сохранению традиционных сообществ и образов жизни. Как отмечает Борис Гройс, после краха утопий как неподвижного, постисторического времени западная культура стала искать место аналогичного выхода из истории в музеях как гетеротопиях. В XX веке от сохранения культурных ценностей (предметов, произведений искусства) перешли к спасению культуры как образов жизни и пространств – например, крестьянской культуры. Граница гетеротопии – центральная политическая проблема современности, считает Гройс.

«Если я хочу защитить ту или иную форму жизни, то должен переместить ее в условия гетеротопии. Иными словами, я должен поместить людей, практикующих такую форму жизни, внутрь системы музейной защиты, изолировав их от течения истории. А это, конечно, политическое, а не экономическое и не административное решение» (с. 32).

Речь, по сути, идет о защите культурного разнообразия в противовес гомогенизации обществ технического прогресса – по аналогии с защитой биологического разнообразия. Это эстетический выбор, предполагаю-

щий эстетизацию и самоэстетизацию, вкус к доиндустриальным, а не к промышленным продуктам. При этом практически неизбежно, что такая защита встроена в потоки капитала и производства. Миф и становится способом психологической защиты от этой опосредованности.

Можно вслед за Карлом Отфридом Мюллером считать, что миф – необходимая и бессознательная функция человека. Однако дело осложняется тем, что древняя практика мифа – одно, а то, что мы, сформированные западным письмом, знаем как миф – другое. О речевом происхождении мифа и его порабощении письмом пишет Марсель Детьен. Исследователь обращает внимание, что оппозиция живого слова и текста искусственная и миф как живая иллюзия был изобретен вместе с его письменной фиксацией в точке прерывания живой традиции. Так рождается «миф», мифология без мифа:

«“Миф” рожден как иллюзия, не как одна из тех фикций, которые бессознательно порождали первые носители языка, не одна из тех теней, которые первобытный язык отбрасывает на мысль, но как фикция, сознательно ограниченная, намеренно приватная, незначительный осколок иллюзии, нечто единичное, фрагментарное и пустое: простая, невероятная сказка (*récit*), чистый и лживый соблазн, мертвый слух. “Миф” замыкается на иллюзии других. Так что это очень подходящее место для подрывных слов, абсурдных, “забракованных” историй. Иллюзорное отброшено, иллюзия вытесняется, но [произошло это] по решению новых знаний, философии и исторической мысли, оформленных в письменном виде и обозначающих не-знание, о котором нечего сказать» (с. 22).

«Миф» как единица мифологии без мифа, таким образом, зависает между иллюзией и рассказом, историей. Может ли он быть реанимирован? Детьен считает, что путь к этому не механический повтор историй, а передача изобретательной памятью, когда,

циркулируя, «миф» меняется под влиянием бессознательного (с. 27). Такой изменчивости мифа посвящена статья Анвара Мусрепова. В фокусе его внимания – синтез индигенных мифов и технологического в проектах 60-й Венецианской биеннале «Иностранцы повсюду».

Особый интерес представляет статья Брониславы Куликовской, посвященная оппозиции авангарда и модернизма в контексте противостояния глобальных Севера и Юга. Она показывает механику, из-за которой авангардистский жест на хорошо обустроенной институциональной территории искусства Севера обречен быть модернистским (центростремительным) и консервативным, в то время как модернистский жест на Юге становится авангардистским (центробежным) и прогрессивным:

«То, что представителем метрополии сегодня воспринимается как консерватизм, например, возвращение к исследованию предмета искусства в русле модернистской матрицы, для человека, который атакует эту метрополию с периферии, [...] авангардное на уровне структуры высказывания и модернистское по форме произведение глобального Юга может быть более чем востребовано» (с. 73).

Куликовская отдельно останавливается на антимодернизме в реакционной (против современности за традицию) и прогрессивной (довести до предела движущие силы модернизма и преодолеть его) версиях. В качестве примера реакционного полюса реакционного антимодернизма она приводит Беляева-Гинтовта, а в качестве прогрессивного полюса прогрессивного антимодернизма – Горана Джорджевича.

Злата Адашевская рассказывает интереснейшую историю японского авангардного искусства (нео-дадаизма, группы Гутай) и анти-искусства, реконструируя их истоки в самурайской мифопоэтике «Хагакурэ» и политическом контексте послевоенной Японии. Иван Новиков переносит читателя

в Швецию рубежа XIX–XX веков и рассказывает предысторию своего художественного проекта «От Ивана к Ивану», сделанного на острове Эланд и связанного с судьбой шведского художника Ивана Хофлунда. Последний создавал «мифический идеализированный образ острова, в котором нет следов тяжелого прошлого» (с. 110). Дарья Плаксиева реконструирует создававшийся художниками миф застойного Ленинграда 1970-х:

«Безличие стало кодом времени, ширмой, за которой скрывались личности и их истории. Будучи своеобразной унификацией, оно мифологизировало неправильного, не удобного, вечно вываливающегося из рамок нормальности все еще человека» (с. 119).

Почти все авторы номера если не одобряют мифологизацию, то принимают и понимают нужду в ней. Критический противовес принятию мифа в социальной и художественной жизни составляет статья Юлии Тихомировой о тенденции мифологизации и обращения к сказочности в российском современном искусстве последних лет. Она прослеживает эту тенденцию на примерах от художников агрегатора «Tzvetnik» до выставки «Русское невероятное»:

«Сказочные тропы вроде “deus ex machina” и наивного протагониста (Иванушки-дурака), субъектность которого часто минимальна, резонируют со всеобщей растерянностью перед лицом как будущего, так и настоящего. Такая инфантилизирующая оптика дает иллюзорную уверенность и стабильность – не будем критиковать утомленных катастрофами людей за то, что в этом они находят утешение. Но вот является ли своевременным решение некритически использовать эти тропы, бесконечно воспроизводить сказочную и мифологическую эстетику и даже возводить ее в смыслообразующий принцип?» (с. 138).

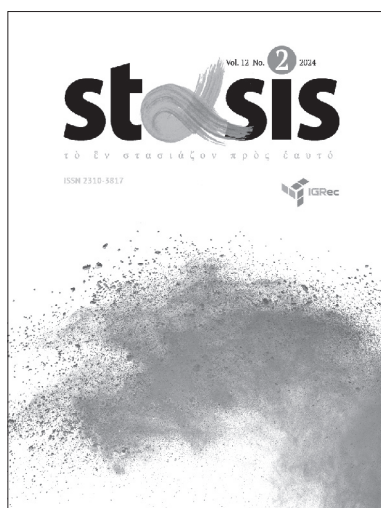
Вдобавок сказочная оптика нередко используется «в инфантильной надежде»

скрыть низкое качество выставки и искусства. Впрочем, Тихомирова все же находит пример осмысленного использования темы сказок и мифов – «Абажуры для Ксипе Тотека» Алексея Булдакова. Правда, тонкой гранью, отделяющей инфантильное использование мифа от критического, оказываются наличие у художника антропологического образования и отсылка к истории искусства в виде стиля *Art Deco*.

Дискуссия, развернувшаяся в номере, оставляет в неопределенности: то ли миф сегодня нужен для терапии общества и потому оправдан, то ли он инфантилизирует сверх меры. Времена кризисов и смуты экзистенциально тяжелы, но точно ли они требуют бегства в мифопоэтическое, а не трезвости и смелости разума?

ЖЕНСКОЕ И НОСТАЛЬГИЯ В КРИТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

«*Stasis*» (2024. № 2) продолжает тему предыдущего выпуска – перспективы современной континентальной философии – и рифмуется с «мифопоэтическим» номером «ХЖ».

«Современная континентальная философия обращается к аффективным и глубинным измерениям кризиса, к самой ткани этих катастроф, чтобы рассмотреть их экзистенциальную подоплеку как симптом более глубоких трансформаций – эпистемологических, онтологических, этических, – а вместе с тем те способы, которыми коллективные аффекты (страх, ярость, надежда) формируют нашу реальность» (с. 7).

Марина Аристова открывает обсуждение, ставя под сомнение такую фундаментальную ценность капитализма, как рост. В 1970 году математик Николас Георгеску-Реген проанализировал экономические процессы через второй закон термодинамики и показал неизбежность катастрофы при условии продолжения экономического роста (с. 15–16). Предложенный ученым экологический подход к экономическому анализу развития вдохновил появление в начале 2000-х радикальной гипотезы *отказа* от роста (*degrowth*) и капиталистического экстрактивизма как способа уйти от неизбежного. Аристова показывает, что и капиталистическая апология роста, и теории отказа от него – мифы, разделяющие некоторые общие основания и циркулирующие в коллективном воображении.

Война – один из столпов кризисности современного мира. Важно, кто и на каком языке ее описывает. По мнению Александры Ивановой, сегодня преобладают юридический и государственный языки ее описания. Новый язык, считает она, должен выстраиваться на связи между территориальностью (приграничными зонами) и коллективностями (нациями и сообществами).

Кризисное время порождает *ностальгию* по утраченному дому и былому, даже если это былое в ней и конструируется. Такое чувство, если оно осознано, может становиться точкой роста субъекта – этому случаю *субъективации* посвящена статья Екатерины Хан. Опираясь на идею «веера памяти» Беньямина, она анализирует струк-

туру ностальгирующего сознания и осуществляемого в нем темпорального синтеза. При рефлексивной ностальгии как осознанной работе с прошлым это чувство может универсализироваться и становиться ядром мотивации. В таком случае ностальгия становится «техникой, которая использует ретроактивность памяти для культивации определенной модели субъективности» (с. 81).

Вторую половину номера составляют материалы, посвященные сексуальности и феминистским подходам. Лолита Агамалова и Марья Пророкова анализируют героиню Блодьювидд из валлийского эпоса сквозь призму концептов козла отпущения Рене Жирара и киборга Донны Харауэй. Это позволяет им выявить ограничения обоих подходов, а валлийский миф прочесть как текст гонений.

Елена Костылева вслед за Катрин Малабу переосмысливает место и роль концептуальной фигуры *клитора* в философии и психоанализе, традиционно игнорируемой мыслителями. Эта фигура ставит вопрос о политическом аспекте *наслаждения* вне фаллоцентрической логики и в рамках переосмысления женского у таких исследовательниц, как Оксана Тимофеева и Карла Лонци. Клитор – это иное, анархическое, материальное, ничто и «атом сопротивления».

«Поворот к этой сущности – или *клиторальный поворот* – и может стать революцией в самом способе мыслить женское, тело, удовольствие, власть. Это не просто добавление еще одного объекта в список изучаемого, но пересмотр самих оснований, на которых этот список был составлен. Клитор, бывший отсутствием, становится присутствием. То, чего “не было”, теперь есть – и это меняет не только политику, но и эпистемологию. Можно сказать, что клиторальный поворот – это “политика без политики”, где “малость”, пустота и материальная агентность переплетаются» (с. 145–146).

Яна Маркова реконструирует истоки неприятия психоаналитической теории аме-

риканским феминизмом. Основная причина концептуального характера и связана с разделением пола (биологическое) и гендера (социальное), свойственным американской интеллектуальной традиции. Маркова прослеживает генеалогию данной оппозиции в социологии и сексологии, показывая, что это не нейтральный аналитический инструмент, а часть специфической биополитической истории. Хотя оппозиция и была взята на вооружение феминизмом, она обнаружила свою ограниченность в том числе в том, что игнорировала жизненный опыт конкретных людей. Маркова приводит критические аргументы против нее со стороны Джудит Батлер и авторов материального поворота. В противовес совершаемой этой оппозицией подмене живых людей схемами психоанализа за счет психического как связующего измерения предлагал цельную концепцию полового различия и возможность тематизации вопроса «Чье это тело?». Правда, если не ограничивать высокомерие психоанализа, он впадает в те же грехи, что оппозиция пола и гендера. В конечном счете, ориентиром Маркина считает феноменологические подходы (Мойра Гейтенс, Торил Мой):

«Общее зерно, которое можно выявить во всех этих подходах, таково: тело всегда уже социально, но социальное – всегда воплощено. Любая теория пола, претендующая на освободительный потенциал, должна начинать не с теоретического противопоставления “природы” и “культуры”, а с вопроса: чьи именно тела и чей опыт она делает видимыми – и в каком отношении? Какие прежде неизвестные степени свободы она открывает?» (с. 182).

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВНЕ КОНТЕКСТА

Тяжелые и смутные времена требуют моральной ответственности и решимости. Их теоретическому осмыслению в англо-

язычной аналитической философии посвящен «Логос» (2025. № 3). Дискуссию открывает статья Галена Стросона, который заново доказывает Базовый аргумент дискуссий о свободе воли – о невозможности истинной, или предельной, моральной ответственности. Этот аргумент интуитивно прост и убедителен. Полностью быть причиной самого себя (*causa sui*) – атрибут субстанции или Бога. Человек не может быть единственной и исчерпывающей причиной того, каков он в ментальном плане: он слишком зависим от наследственности, случая и обстоятельств, в которых формируется и действует. То, каковы мы в ментальных аспектах, определяет наши поступки, за которые мы несем ответственность. Но если мы не можем нести предельной ответственности за то, каковы мы, то мы не можем нести предельной ответственности и за свое намеренное поведение. Стросон также разбирает три возможных ответа на этот аргумент: компатибилистский, либертарианский и со стороны подхода, разделяющего «Я» и характер.

Обсуждение ответственности продолжает Гэри Уотсон. Он переключает внимание на такой аспект ответственности, как возможность приписывать действия агентам

как проявления их агентности (с. 36). Уотсон анализирует ситуации неоднозначной моральной оценки индивидов, которые совершили плохие поступки, но прежде получили плохое воспитание. Затрагиваемую им проблему осуждения далее тематизирует Т.М. Скэнлон. Он обращает внимание на то, что осуждение понимается двояко: то как просто негативная моральная оценка недостатков человека, то как наказание (с. 69–70). Философ показывает недостатки каждого варианта и предлагает свое решение: нечто большее, чем оценка, но меньшее, чем наказание. По Скэнлону, осуждение – это нарушение отношений:

«То есть изменение понимания наших взаимоотношений с человеком, которые были нарушены его действиями или установками. Следовательно, человек, который подвергается осуждению, в той мере, в какой он имеет основания хотеть сохранить эти взаимоотношения, имеет основания отреагировать на осуждение посредством оправдания своего поступка (тем самым отрицая, что нарушение отношений имело место) или посредством принесения извинений, то есть признавая нарушение взаимоотношений и пытаясь их восстановить на новых началах» (с. 83).

Подробный анализ условий возможности осуждения читатель найдет в исследовании Евгения Логинова. Он детально анализирует акт возложения моральной ответственности, выделяя морального агента, моральный фактор, моральное значение и моральную оценку:

«Для осуждения нам нужно, чтобы агент был моральным агентом, то есть имел принципиальный контроль над собой, чтобы у него были предсудительные нормативные установки и, в большинстве случаев, чтобы он контролировал фактор, за который мы его осуждаем» (с. 120).

Артем Юнусов идет дальше и исследует основания самой практики возложения мо-

ральной ответственности. Дмитрий Ананьев в свою очередь обращает внимание на то, что незнание может быть причиной отказа от осуждения. В таких случаях его заменяет обоснованность ожиданий – это случаи слабой доброй воли. Статья Дмитрия Миронова интересна попыткой дать критическую классификацию моральных теорий и опорой на совсем иную литературу, чем все предшествующие материалы, – и все же работает в рамках аналитической традиции. Завершается дискуссия увлекательной проблематизацией теорий моральной ответственности из перспективы философии сознания. Андрей Мерцалов указывает на то, что первая группа теорий опирается на допущение о тождестве личности во времени (одна и та же личность совершает поступок и осуждается), однако не ставит его под вопрос. Автор соотносит эти две группы теорий, показывая неувязки между ними.

ПРОТИВ МОРАЛИЗАЦИИ И ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

«*Ab Imperio*» (2025. № 1) открывает год темой позициональности и критики языка идентичности в исторических исследованиях. В предисловии редакторы вписывают ее в актуальные события вокруг имперского подхода в историографии, которого придерживается журнал.

Проблематика позициональности отсчитывает начало как минимум с раннего марксизма и получает особое развитие с формированием постструктурализма, феминизма и постколониальных исследований. Она предполагает, что любое высказывание – неважно, совершает его обычный человек, политик или ученый – делается из конкретной и частной (не универсальной) позиции, детерминированной присущими субъекту социальным происхождением, гендером, телесностью, расой, образовани-

ем, политической и сексуальной ориентацией, принадлежностью к тем или иным социальным группам, нациям, интересам – то есть социальными структурами в широком смысле. Это порождает дилемму: лишается ли высказывание силы в результате такого разоблачения механики его производства или, наоборот, подкрепляется? Лишается ли индивид субъектности, оказываясь агентом социальных сил, или же он сохраняет некоторую способность автономных действий?

Способом упростить эту проблематику, сведя множественность детерминирующих факторов к одному–двум, является подход идентичности. В таком случае зачастую системный анализ подменяется разбором личных негативных качеств исследуемого. Ориентация на жесткие идентичности, с их predetermined траекториями и сценариями взаимодействия, делает дальнейшую аналитическую работу ненужной, одновременно морализируя дискурс.

«Поскольку роли и ценности распределяются раз и навсегда, зафиксированная в произвольно выбранный момент асимметрия идентичностей начинает интерпретироваться как постоянная иерархия моральных добродетелей» (с. 17).

В том числе в противовес языку идентичностей, а также методологическому национализму с 1990-х формировались исследования империй как механизмов управления многообразиями. «Имперский поворот» в историографии опирался на методологический конструктивизм, гендерные, культурные и субалтерные исследования. Он позволял учитывать плюроцентричность власти и неустраимую гибридность социальных групп. Это повысило чуткость оптики историков к разнообразию и пошло вывести из тени промежуточные и пограничные группы, оставшиеся до того в тени институтов и власти. Однако в последние годы вследствие конфликта

в Украине, событий на Ближнем Востоке, правого поворота в США и других странах исследования «имперских формаций» стали восприниматься как апологетические по отношению к любым империям, которые теперь символизировали абсолютное зло:

«Воспроизводя тропы далекого периода антиколониальной борьбы, современные критики рассуждают о гомогенных “империях” и “колониях”, замкнутых друг на друге в однозначных отношениях господства и угнетения. Можно было бы ожидать встретить столь откровенно упрощенные обвинения в популярной литературе или политических памфлетах, написанных до имперского поворота, показавшего сложность имперских формаций, но не после него» (с. 18).

Научные аргументы не срабатывают против такой морализирующей критики. Ее методологическое условие – приписывание имперским формациям имманентных «имперских» свойств, превращающих их в фиксированные сущности, наделенные моральными качествами и действующие только в одном направлении (абсолютное зло).

«Изучение империи как “вещи”, наделенной стабильными качествами и населенной группами, каждая с приписанной ей идентичностью, неизбежно приводит к подмене анализа морализаторством, особенно в современном климате культурных войн» (с. 19–20).

Исследования империй избегают этого за счет понимания общества как *открытой* системы, в которой возможно согласовать разнонаправленность воздействия институтов на группы. При этом речь не идет об оправдании империй, которая была бы простой оппозицией критике, – это именно методологический поворот, позволяющий увидеть *сложность*, а не обновить моральные оценки. В этом случае отсутствует единая и обязательная для всех шкала оценки реальности и универсальные культурные

и моральные стандарты. Такой подход требует анализа историком собственной позиционности, как и анализа позиционности его героев – никакое морализаторство не удовлетворит этому требованию.

Положению имперского подхода сегодня посвящен форум «Изучение имперских формаций в эпоху культурных войн». Его открывает Александр Моррисон критическим обзором дискуссии, развернувшейся вокруг «окончательной» моральной оценки Британской империи. Спор разгорелся в связи с коллективным исследовательским проектом оксфордского историка Найджела Биггара «Этика и империя», начатым в конце 2010-х и дававшим положительную оценку Британской империи. Противники, резко отрицательно оценивавшие ее, издали в 2024 году сборник «Правда об империи: реальные истории британского колониализма». Этот спор – пример того, как кропотливые исследования империи как сложной открытой системы в итоге свелись к театру идентичностей. Проблема в том, что только «однородный субъект может обладать стабильными моральными свойствами или “идентичностью”» (с. 21).

Кришан Кумар переключает внимание на моральную самооценку самих критиков. Он проблематизирует бытующее убеждение, что антиимперская или постимперская позиция сама по себе гарантирует моральное превосходство. Дело в том, что критика империй зародилась внутри них самих, была частью их жизни. Продолжая критику исследовательской оптики, Питер Джадсон ставит под сомнение обоснованность противопоставления империй и национальных государств, указывая как на преемственность между ними, так и на пограничные случаи. И в случае Кумара, и в случае Джадсона критика направлена на приоритет структур перед практиками и действиями.

Тим Робертс подвергает анализу историю и специфику понимания империи и

империализма в американской академии, показывая, что здесь эти термины использовались прежде всего в контексте внешней политики США, а не США как открытого многомерного общества. В свою очередь Катерина Скалведи проблематизирует бинарную оппозицию колонизаторов и колонизированных как неинформативную. Отталкиваясь от анализа действий фашистской Италии в Африке, она показывает, что для нюансированного подхода в колониальной истории важны «ситуации срединности», в которых разворачиваются непредвиденные последствия, поиски компромисса и множественность субъектов.

В рубрике «История» Жанибек Акимбек и Сауле Удербаяева описывают исторический случай, упрямо сопротивляющийся языку идентичности. Их исследование посвящено Борису Тризне – отпрыску старинного украинского рода, который из петербургского военного училища был сослан рядовым в Туркестан за связи с революционным подпольем. Там он дослужился до звания штабс-капитана, перешел в систему военного управления, а после революции занимал руководящие должности в сфере охраны культуры и наследия. Динамичная позиционность Тризны не может быть объяснена никакой идентичностью – только интеграцией ролей в ответ на меняющиеся обстоятельства.

Маттиас Баттис и Бёррис Кузamani показывают, что раннесоветская национальная политика была не только территориальной, но и персональной: при управлении национальным многообразием власти оказывали культурную, а иногда и материальную поддержку определенным национальностям независимо от их географического положения.

Подход идентичностей оспаривает и Илья Герасимов в своем анализе героя «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. Дискутируя с отождествлением Венечки с позднесоветским образом слабого мужчины, он утверждает, что это лишь один из

аспектов многогранной личности героя, ускользающей от любых идентичностей. В заключение Герасимов пишет:

«Знание многомерности мира – без власти над ним – является формулой чистой свободы, обретение которой является подвигом для любого простого человека, слабого и смертного» (с. 249).

МЕТРОПОЛИИ НА ПУТИ К ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМУ СОСТОЯНИЮ

Следующий номер «*Ab Imperio*» (2025. № 2) продолжает пересмотр аналитических инструментов историка, но смещает акцент на деколониальные исследования. Отталкиваясь от антипримера историка Марка Мазовера, предложившего в 1998 году европейцам подвергнуть цензуре собственную субъектность перед бывшими колониями, редакторы в предисловии указывают на несостоятельность механистической деколонизации, сохраняющую старые бинарные структуры иерархических различий и угнетения, только в перевернутом виде. В последнее время такая поверхностная деколонизация вернулась, вытесняя более сложные формы критики. Это ставит вопрос о сравнительном изучении трансформаций прежних метрополий:

«Упадок старых имперских метрополий в результате деколонизации не обязательно ведет к отмене колониального господства. Зачастую оно преобразовывается в функцию абстрактной “глобализации” с ее асимметричным распределением ресурсов. В деколониальной логике борьба с этой гегемонией требует отмены глобализации и любых форм универсализма – не только мировой экономики, но и универсального знания, культуры и этики. Универсальные категории демократии и прав человека также отменяются, если только их не переосмысливают как “суверенную демократию” и “местные традиционные ценности”» (с. 17).

В рубрике «Архив» Владимир Левин публикует часть полевого дневника Авраама Рехтмана – участника этнографической экспедиции 1912–1914 годов в губерниях правобережной Украины. Целью был сбор еврейских культурных артефактов для фиксации культуры и быта евреев в черте оседлости. Заметки Рехтмана показывают, что еврейские сообщества вовсе не были однородным целым. В меняющихся условиях и на фоне эмиграции многих семей здесь активно развивалось новое самосознание и самопозиционирование евреев. Проявлением этих процессов стало оправдание Менделя Бейлиса в суде, потребовавшее еврейской коллективной мобилизации и кооперации с имперской общественностью.

Форум «Перспектива исследований мировых русских языков, литератур и историй» посвящен поискам постколониального подхода к снятию культурной гегемонии. Так, Илья Герасимов вместо цензурирования и запретов предлагает концепцию «мировых русских языков» как аналог «мировых английских языков» (подробнее об этом феномене – в интервью Марио Сарачени, публикуемом здесь же). Она предполагает признание автономии, а также этнической и политической нейтральности различных версий русского языка, специфичных для конкретной страны или типа языковой контактной зоны.

«Полностью адаптированные к потребностям своего общества и при этом взаимопонимаемые, эти языки будут способствовать развитию автономных русскоязычных литератур и несходных литературных канонов, взаимно обогащая друг друга» (с. 20).

Такой жест постколониальной эмансипации разрешает классическую дилемму модерности – диалектику универсализма и гегемонии. Он позволяет бывшей имперской метрополии достичь постколониального состояния без самоограничения, к которому призывал когда-то Мазовер. Подход,

альтернативный тому, о котором пишет Герасимов – концепция «руссофонии», – обсуждают Наоми Каффи, Алессандро Акилли, Мириам Финкельштейн, Нина Фрисс и Марко Пулери. Более подробное обсуждение анализа языка в этом контексте – идентификация разных категорий носителей языка, деконструкция языковых идеологий и контекстуализация различных функций языка.

СИМОНДОН И ЦИФРЫ

«Логос» (2025. № 4) возвращается к старой традиции посвящать номера отдельным авторам и сосредоточивается на фигуре Жильбера Симондона – французского философа техники. Впрочем, редакторы-составители номера Степан Козлов и Алина Лихачевская во введении с ходу проблематизируют столь простое представление этого автора, выявляя четыре ипостаси Симондона: теоретик индивидуации, механик (автор оригинальной теории технической эволюции), гештальт-теоретик / метаантрополог, историк философии. Кроме того, они дают обзор современных философских подходов, испытавших влияние концептуальных ходов Симондона (это теории Латура, Делёза, Стиглера, Ларуэля и других авторов).

«Этот номер – не введение и не словарь, а попытка трансдуктивной работы с философией Симондона. Его задача – показать, как группы симондоновских концептов оказываются задействованы и обогащены в разных проблемных областях, не всегда совпадающих с точками интересов самого Симондона» (с. 9–10).

Спектр областей действительно широк – техноэстетика, советский промышленный реализм, теория социальных изобретений, технотеология. Обсуждение открывает Саша Лозв со статьей о взаимоотношениях философии и *объектов*. Симондон считал, что философская рефлексия объектов доводит

их до полноты, позволяя в большей степени быть собой (с. 16), в то время как сами объекты, становясь предметами философии, позволяют ей быть рефлексивной (с. 18). «Рефлексия возникает вместе с объектом, а объект возникает как проблема для живого существа на пороге рефлексивной жизни» (с. 19). Такая философия также должна быть участвующей в индивидуации объектов (а не прикладной) и свободной (а не утилитарной или активистской).

Степан Козлов скрещивает подходы Симондона и Бурдьё, а точкой схождения выступает понятие *изобретения*. Его задача – выстроить на их основе такую модель социального анализа, которая, сохраняя социальные законы и длительные объекты, включила бы в область анализа технические и иные объекты. В качестве кейса для апробации автор берет нормативно-технический контекст, предшествовавший чернобыльской аварии 1986 года.

Эволюции технических объектов и религии из магии посвящена статья Михаила Куртова. Он детально анализирует механику эволюции и предлагает в качестве альтернативы собственную концепцию технотеологии. В свою очередь Юк Хуэй обращается

к техноэстетике Симондона и реконструирует концепцию теофании как проявления техничности. Он показывает, что задачей понятия теофании было сближение технологии и сакрального. Техноэстетическую линию в дискуссии продолжает Екатерина Григорьева, используя аппарат Симондона для осмысления советского производственного искусства.

Второй блок номера посвящен феномену цифрового, и в этом контексте само применение предиката цифрового к тем или иным явлениям неоднозначно. Николай Афанасов проблематизирует расхожее и вроде бы самоочевидное понятие *цифровой культуры*, указывая на то, что в нем становление подменяется завершённым состоянием. Культура на разных своих участках испытывает многообразные процессы внедрения цифровых технологий, лишь постепенно и частично трансформируясь и меняясь.

«Культура сохраняется и упаковывается в цифровую форму, появляются какие-то новые феномены, но культура в целом не становится цифровой. Цифровыми становятся многие, но далеко не все, способы ее производства и (вос)производства, а также язык описания этих процессов» (с. 188).

Эти процессуальность и неполнота важны, поэтому корректнее говорить о *цифровизации* культуры, которая к тому же ведома капиталистической, а не некоей имманентной цифровым технологиям логикой. Цифровая культура с ее плоским миром – только частный случай культуры в эпоху цифровизации (с. 189). Поэтому, заключает Афанасов, цифровизация важна, но важнее культура, которая останется, когда цифровизация покинет нас.

«Сказать, что нечто воплощено в цифровом виде, значит, в общем-то, не сказать ничего, что характеризовало бы саму культуру. Философское и теоретическое мышление должно фокусироваться на том, что стоит

за возможностью цифрового воплощения, будь то анализ технического, теория мировых процессов или, наконец, сетевая природа организации общества» (с. 189).

В схожей логике выдержана обстоятельная критическая статья Александра Павлова о концепции надзорного капитализма Шошаны Зубофф. Он дает краткий обзор ее трансформаций и приводит адресованные ей критические аргументы. Часть из них указывает на то, что концепция чересчур тотальна и сводит многообразие форм производства и капитала к одной-единственной: капитализм отнюдь не стал целиком надзорным.

Существенная часть цифрового сегодня связана с ИИ и его будущим – в частности, общим ИИ. Его воспринимают и как спасение, и как экзистенциальную угрозу. Этой проблематике посвящено исследование Антона Дождикова. В качестве противовеса общему ИИ он предлагает апгрейд человека до киборга при помощи ИИ.

ТЕХНОЛОГИИ (ДЛЯ) ТЕЛ

В центре внимания следующего номера «*Логоса*» (2025. № 5) – эпизоды из жизни тел в современных обществах: тел живых, страдающих, наслаждающихся, морализирующих и (пере)собираемых технонаукой, властью и энтузиастами. Проблематика телесности, как и то, что происходит с телами сегодня, – все это предельно разнообразно, и материалы номера с разных сторон освещают данное поле, не всегда находя точки соприкосновения: «эмбриональное существование и аффективное сообщество, биотехнологические манипуляции, медицинские дискурсивные практики и иммунология, психиатрия и медиа» (с. 5).

Редактор-составитель номера Ольга Попова сравнивает его с картографией – вполне правдоподобно, если это начало картогра-

фии современных тел. Впрочем, у номера есть общий методологический знаменатель, связанный с поворотом к *практикам*. Почти все авторы разделяют понимание тела как того, что осуществляется и поддерживается в конкретных обстоятельствах конкретными средствами, а не дано неизменным. Отсюда внимание к практикам, процессам и задействованным в них технологиям, а также к изменчивости и множественности тел и их технической опосредованности.

Номер открывает статья Ольги Поповой, Павла Тищенко и Романа Белялетдинова. Они обсуждают антропологические последствия внедрения технологий редактирования генома эмбрионов человека ради лечения наследственных заболеваний и получения нужных качеств у будущих поколений. Открывающийся для технологических и биополитических манипуляций мир пренатального существования человека – еще одно место, где будет создаваться будущее, но вместе с ним, как показывают авторы, и новое неравенство людей, испытавших разные интервенции в свои геномы. Другая проблема: что делать с отношением самих индивидов к объективации и вмеша-

тельству, которые они испытали в пренатальный период? В этом контексте возникает понятие *некачественной жизни*, к которой могут вести страдания, сопряженные с последствиями редактирования генома индивида до его рождения. Ситуация обостряется тем, что сегодня предельным злом считается не смерть, а именно страдания (с. 45). Кто будет нести моральную и финансовую ответственность и в чем она могла бы заключаться? Здесь идеал рациональности, инструментализирующей жизнь, сталкиваются с телесной человеческой субъективностью.

Павел Тищенко углубляется в философские перипетии этой проблематики, обращаясь к идее индивидуации Симондона. Он осмысляет возможные ответы на вопрос о том, были ли мы эмбрионами, и обращает внимание на необходимость перейти от субстанциалистского к процессуальному подходу ко времени и телу. Это позволяет связать доиндивидуальный и индивидуальный периоды в единую траекторию развития.

«Если учесть, что индивидуальное рождается из доиндивидуального и сохраняет его в себе как потенциал будущего развития, то понимаемый в данной перспективе эмбрион в определенном смысле содержит в себе возможность (доиндивидуальное) для цепочки метаморфоз (то же иначе), результатом которой станет индивидуальное сущее, содержащее в себе место для имени “я”» (с. 88).

В каком моменте прошлого мы должны поставить точку отсчета своей биографии? Это более общая проблема границ индивида и живого тела: как и кем они собираются и поддерживаются, где пролегают? Например, Кирилл Петров, отвечая на этот вопрос, изучает интернет-форум, сложившийся вокруг практик применения устройств транскраниальной микрополяризации мозга для купирования боли, не поддающейся медикаментозному устранению. В обмене

знаниями, практиками и опытом формировались относительно воспроизводимые смешения тел, электричества и препаратов, а также совместные аффекты. Это сообщество аффекта, по сути, формировало общее тело в пространстве интернета как узел коллективных взаимодействий.

Ольга Виноградова переводит обсуждение границ и сборки тел в плоскость мереологии, показывая, как можно переосмыслить биоэтическую проблематику, если ориентироваться на понятия части и целого, транзитивности и нетранзитивности. Об этом – в ее анализе работы «Множественное тело» Аннмари Мол.

Частью современных тел является *медиа-тизация* их существования – от медицинской визуализации до новых медиа. Нина Перова тематизирует неожиданную сторону участия медиа – проекты биотехнологического *морального улучшения*, а именно: моральные системы на основе ИИ. Исследовательница ставит под вопрос этическую допустимость искусственных моральных помощников, которым делегируется моральное поведение и которые становятся, в терминах кибернетики, частью информационного контура тела.

«ИИ как цифровой технологический артефакт выступает особым виртуальным телом, понимание которого выходит за рамки классического представления о технологиях как о пассивных инструментах» (с. 6).

Однако проект алгоритмизации морали сам по себе сомнителен, помимо предвзятостей и галлюцинаций ИИ, уже в силу того, что мораль опирается на живой телесный опыт, которого у ИИ нет. Вдобавок сам ИИ может иметь агентность, что усложняет ситуацию и ведет к последствиям антропологического масштаба:

«Формирование сверхдоверия между человеком и ИИ повлечет за собой невозможность морального совершенствования и развития человека, что может привести

к утрате человеком моральной агентности как таковой» (с. 65).

Александра Нагорная, не дожидаясь помощи со стороны ИИ, анализирует проблему общения с онкобольными, предлагая для него правила и речевые формулы. Их задача – помочь формированию общего с больными комфортного коммуникативного пространства, не допустить потери этими людьми и так неустойчивого контроля над своей жизнью. Совершенно иной аспект медиатизации тел затрагивают Александра Першеева и Татьяна Фадеева: они обсуждают представление тела в визуальных искусствах вплоть до новых медиа и показывают, как разные техники художественного производства осуществляли разные версии тел от целостного до множественного, фрагментированного и феноменального. Эти версии отражают эпистемологию, эстетику и ценности своей эпохи. Михаил Журавлев обращается к отношениям между телами и властными инстанциями – он прослеживает рождение идеи иммунитета в политике, ее трансфер в биологию и возвращение обратно в политику:

«Иммунитет позволяет ретерриторизовать биокапитализм в человеческом теле, но лишь в той мере, в какой выполняются условия взаимного сдерживания двух процессов детерриторизации, на которых он основан: биополитических границ капитала и иммунных клеток организма. Иммунитет является пределом, но это предел особого рода – имманентный предел детерриторизации, которая как высвобождает силы и способности организма, открывая их для новых встреч и альянсов, так и подвергает их опасной близости к условиям, несовместимым с существованием тела» (с. 181).

Обсуждение политической обусловленности тела продолжает Павел Одинцов. Он реконструирует присущее психоаналитическому полю напряжение между поддержкой и критикой психической нормализации

и рассматривает психоанализ как возможный этап субъективации и выстраивания отношений с собой.

«Актуализация генеалогической связи с историей практик себя создает внутри психоанализа точку опоры для более последовательного дистанцирования от процессов чрезмерной психической нормализации» (с. 199).

Если ориентироваться на вошедшие в этот обзор журналы, то можно наметить

полюсы пространства дискурсов о современности. С одной стороны, социально-политическая проблематизация технологий и того, как они меняют нас и наши тела. С другой – пристальное внимание к языкам описания современности и прошлого, их ограничениям, допущениям и следствиям, будь то языки историографии, мифологий или морали. Слова и устройства – таким мог быть девиз времени, за которым виднеется тревожная и неопределенная судьба субъектов во всем их многообразии.

«Темный историзм» и практики историописания в эпоху постпостмодерна

ФЕДОР
НИКОЛАИ

История в чрезвычайном положении. Эссе о современном историческом сознании и практиках историописания

Игорь Кобылин

М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 392 с.

В статье «Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов» культурный антрополог Шерри Ортнер, опираясь на идеи Мишеля Фуко, рассматривает эволюцию теоретических подходов в антропологии последних 30–40 лет как реакцию на распространение неолиберализма. «Темной антропологией» автор называет критику характерного для неолиберализма сплава экономики и специфической модели правительности¹, а также сопровождающих эту модель неприглядных сторон социальной жизни (рост несправедливости и дегуманизирующего неравенства, формирование новых болезненных «структур чувств», ощущения депрессии и безнадежности и так далее). «Темная антропология» показывает общие основания различных сборок и «сложных» ассамб-

1 Подробнее об этом понятии см.: Дин М. *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016; Каплун В. *Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, Governmentality Studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах* // Логос. 2019. № 2. С. 179–220.

**НОВЫЕ
КНИГИ**

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

*Федор Владимирович
Николаи (р. 1976) –
историк, профессор
РГГУ, старший научный
сотрудник Школы акту-
альных гуманитарных
исследований Институ-
та общественных наук
РАНХиГС.*

ляжей”, в состав которых в различные эпохи и в различных местах входит неолиберализм»².

Но как различаются форматы сборок экономики и правительности в США, Китае, России и других странах, так различаются и аналитические стратегии в антропологии. Длительное преобладание фукольдиданской оптики и «темной антропологии» вызвало рост интереса сначала к антропологии блага и достойной жизни в условиях столь разных форматов неолиберализма; а затем – к активистской антропологии и культурным исследованиям социальных движений, которые представляют собой «ободряющий контраст по отношению к монотонной диете из (раннего) Фуко, когда ни одно доброе дело не остается безнаказанным, а всякое потенциально позитивное действие попросту преумножает сети власти, в которых мы живем»³. Именно перспективы взаимодействия с другими и признание их агентности (как и агентности исследователя) в конечном счете интересуют Ортнер.

Книга Игоря Кобылина во многом совпадает по тону с работой американского антрополога: здесь также речь идет о выявлении различных форматов и ассамбляжей экономических интересов и стратегий правительности, включая использование истории для мобилизации общества в разные эпохи (например использование индустрии наследия и образов «России, которую мы потеряли» на рубеже 1980–1990-х). С этой точки зрения, не только способы репрезентации прошлого в популярной культуре, но и академическое историописание тоже оказывается частью управленческих стратегий, выстраивающих границы между прошлым, настоящим и будущим. Сама идея историзма понимается здесь во многом как попытка объяснения и управления Событиями, периодически нарушающими наши представления о естественных и социальных законах развития, с позиции советника Суверена. Главной задачей при этом становится «приручение» Истории и попытка вписать Событие в определенный социально-политический контекст, сделать его полностью predetermined и неизбежным – «выстроить надежный заслон против непредсказуемых случайностей времени» (с. 10). В конечном счете, как и работа Ортнер, «История в чрезвычайном положении» подталкивает к рефлексии о том, можно ли историку отказаться от этой роли? Точнее, если машина историзма постоянно проводит различия между прошлым, настоящим и будущим, создавая новые ассамбляжи правительности, – то какие из них представляются в современных условиях более совместимыми с достойной жизнью? Вопрос, кажущийся в России 2025 года невероятно более сложным и

2 ОРТНЕР Ш. *Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов* // Логос. 2022. № 2. С. 3.

3 Там же. С. 24.

трудным по сравнению с текстом Шерри Ортнер, опубликованным в США в 2016-м.

Прежде, чем перейти к анализу «Истории в чрезвычайном положении», отметим еще два важных момента. Во-первых, книга собрана из связанных общей проблематикой отдельных статей, рецензий и эссе, но не структурирована как последовательное доказательство какого-то главного аргумента или как линейное развертывание единого вектора исследования. Во-вторых, рассматриваемые автором сюжеты посвящены анализу работ не столько академических историков (Андрея Юрганова или Алексея Миллера), сколько исследователей культуры и медиа, философов и социальных теоретиков – от Жюль Де-Лёза и Бруно Латура до Джорджо Агамбена и Дипеша Чакрабарти. Таким образом, речь идет о широком спектре практик осмысления прошлого и попытке выявить то «единство в различии», которое они представляют в современных условиях (в эпоху постпостмодерна).

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

Если машина историзма постоянно проводит различия между прошлым, настоящим и будущим, создавая новые ассамбляжи правительности, – то какие из них представляются в современных условиях более совместимыми с достойной жизнью?

Книга делится на три части. Первая из них, самая теоретически нагруженная и сложная – «Приключения теории: анахронизм, аффект, антропоцен», – посвящена дискуссиям в современной теории истории и социальной философии, проблематизирующим границы *современности*. Именно здесь автор доказывает свой основной тезис: разграничение прошлого, настоящего и будущего следует политической логике и всегда оказывается встроено в определенный режим политической мобилизации – попытку управлять другими через противопоставление «древних» и «новых», европейских и неевропейских народов, «темного капиталистического прошлого» и «светлого коммунистического будущего». С этой точки зрения, активистская антропология Ортнер использует схожую бинарную оппозицию и предлагает определенные тактики субъективации, опирающиеся на темпоральную логику историзма.

Как отмечают в своих работах «Что такое современность?» Джорджо Агамбен и Тимоти Митчелл в «Сцене “современности”»⁴, носителями этой логики *современность* определяется

⁴ АГАМБЕН ДЖ. *Что такое современность?* // Он же. *Нагота*. М.: Грюндриссе, 2014. С. 24–38; МИТЧЕЛЛ Т. *Сцена «современности»* // Неприкосновенный запас. 2014. № 6(98). С. 123–139.

как соединение трех взаимосвязанных интеллектуальных жестов. Во-первых, как отделение себя и пространства собственной рефлексии от прошлого. Во-вторых, как конструирование связанных с этой демаркацией воображаемых сообществ (буржуазии и пролетариата; «бумеров» и «зумеров», ностальгирующих консерваторов и их прогрессивных критиков). Важно отметить, что эти сообщества носят не просто политический характер (как у Бенедикта Андерсона) – речь идет о процессуальной идентификации, о продолжающей работать машине различий, укрепляющей фантазм о подлинности и единстве во многом случайно сформировавшихся и постоянно меняющихся и дробящихся ассамбляжей. В-третьих, *современность* оказывается связана с различием (условной) реальности и репрезентации:

«Имя “модерн” относится не только к одной из специфических репрезентаций, производящей на своих границах “несовременного” Другого, но и к чистому различию между любой репрезентацией и реальностью, которую та “представляет”. Мир модерна оказывается организован вокруг этого различия: здесь все существует лишь для того, чтобы быть символически удвоенным» (с. 30–31).

Поэтому современные дискуссии о понятиях анахронизма, аффекта и антропоцена оказываются важны и для обнаружения изъянов в машине историзма эпохи модерна, и как маркер формирования новых сборок. Например, анахронизм все чаще рассматривается в современной теории истории не как ошибка и нарушение границы между настоящим и прошлым, но как «искусство управления темпоральными дистанциями и теми критическими напряжениями, что возникают между определяющими точками каждой из них» (с. 25)⁵. Время при этом оказывается во многом обратимо; а вместо «великой цепи бытия», в которой каждое звено последовательно связано лишь с предшествующим и последующим, осмысление темпоральных дистанций выстраивается из настоящего с опорой на латурианское понимание ассамбляжей. Сам интерес к анахронизму при этом выступает симптомом масштабных изменений понимания историчности в условиях, когда окружающий мир становится все более неопределенным. Схожую логику воспроизводят и дискуссии о *постпостмодерне*, которые рассматриваются автором в главе, посвященной книге Александра Павлова⁶. Двойная приставка «пост» предполагает специфическое соотношение актуальной ситуации с прошлым: отношения между настоящим и прошлым выстраиваются как узнавание и повто-

5 Подробнее см.: Олейников А.А. *Анахронизм и границы истории* // ШАГИ/STEPS. 2018. № 3-4. С. 9–25.

6 Павлов А. *Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М.: Дело, 2019.

рение лиотаровского жеста дистанцирования по отношению к модерну с его устремленностью в будущее.

«Все то, что героический модернизм, живший будущим, стремился оставить в прошлом – “похоронить”, “сдать в архив”, “сбросить с корабля”, “запереть в музее”, – выжило, выплыло и вернулось, хотя и не совсем в прежнем виде. “Призраки минувшего” перестали быть элегической метафорой из модерно-прогрессистского словаря и обрели собственную, пусть и призрачную, плоть. История как артикулированная связь прошлого, настоящего и будущего, “пространства опыта” и “горизонта ожидания” (Райнхарт Козеллек) постепенно распалась, превращаясь в мешанину изолированных фрагментов. Прошлое все никак не могло пройти, будущее – наступить, а настоящее перестало отличать одно от другого и себя от них обоих» (с. 107).

Здесь жест выстраивания дистанции через противопоставление себя прошлому (в данном случае – постмодерну) ничем не отличается от характерных для исторического сознания практик. Специфика ситуации – лишь в более очевидном отсутствии новизны (маркируемом двойной приставкой «пост») и в *признании* взаимосвязи управленческой и экономической (связанной с индустрией наследия при позднем капитализме) составляющей новой сборки.

«Поздний или неолиберальный капитализм диалектически преобразовал историю, как бы вобрав ее в себя. Став его бесконечной внутренней динамикой, она перестала быть для него внешней угрозой» (с. 114).

Пожалуй, самой интересной в рамках первой части книги представляется глава «Грешники в раю, или Невыносимая легкость коммунистического бытия», посвященная книге Кети Чухров «Практикуя благо» и ее анализу позднесоветского общества как относительно успешного антибуржуазного эксперимента, в рамках которого была сформирована сеть специфических тактик субъективации, успешно сопротивляющихся капиталистической либидинальной экономике⁷. Речь идет не столько о политэкономии (условном противопоставлении государственного управленчества-планирования «невидимой руке рынка»), сколько о культуре – эстетическом восприятии, функционировании интеллектуальной и эмоциональной сфер.

Ярче всего специфику этого восприятия фиксирует позднесоветский кинематограф, производящий особый тип субъективности как «заботы о себе» – деятельного и весьма ироничного отстаивания собственной независимости и специфических тактик взаимодействия с окружающими. Яркими примерами этих

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

7 ЧУХРОВ К. *Practicing the Good: Desire and Boredom in Soviet Socialism*. Minneapolis: e-flux, 2020.

тактик субъективации представляются персонажи Олега Янковского в фильмах «Влюблен по собственному желанию» и «Полеты во сне и наяву». С точки зрения и авторитетного советского, и либерального западного дискурса, его героев можно было бы назвать «неудачниками». Однако из эпохи постпостмодерна они кажутся оригинальной альтернативой стремлениям к экономической эффективности, характерной для формирующегося в эти годы неолиберализма. А позднесоветский кинематограф, с этой точки зрения, выступает визуальным архивом тактик субъективации, связанных со специфическим режимом производства общего блага – стремления «делать что-то не только для себя, но и для других; никто не существует автономно, без бытия-с-другим и для-другого» (с. 131).

Важно отметить также, что позднесоветские фильмы отказываются от выстраивания «репрезентации» как эстетизированной картины, удваивающей реальность, но действуют скорее на уровне аффекта, понимаемого Брайном Массуми как вторжение потенциального – того, что может произойти в будущем⁸. Такая оптика, идущая в разрез с популярной в современном кинематографе идеализацией прошлого и ностальгией по СССР⁹, фиксирует отличия, у которых могло быть альтернативное современному неолиберальному ассамбляжу будущее. Хотя, как считает Игорь Кобылин, это будущее не могло бы победить современного капитализма, и проигрыш советского проекта вдвойне трагичен, поскольку осознание его историчности (принадлежности прошлому) возвращает нас в «либидинальный капиталистический ад» (с. 133). Однако осмысление достижений советского культурного проекта принципиально важно для выстраивания все сильнее сокращающейся исторической дистанции и поиска новых форм художественной или философской рефлексии о способах переосмысления границ между прошлым, настоящим и будущим.

Вторая часть книги – «История в чрезвычайном положении: законы истории, управленческая рациональность и проблема События» – во многом продолжает предшествующий анализ взаимосвязи экономической логики с управленческими стратегиями контроля прошлого, настоящего и будущего. Историзм эпохи модерна рассматривается при этом как продолжение традиции пастырской власти и «ойкономии» в ее понимании отцами церкви. С этой точки зрения, суверену принадлежит право приостанавливать действие юридического или исторического закона и объявлять чрезвычайное положение, созда-

8 MASSUMI B. *Politics of Affect*. New York: Polity Press, 2015; Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25–38.

9 Липовецкий М., Михайлова Т. *Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов)* // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127–147.

вая Событие, сверхдетерминированное по отношению к предшествующему ходу истории. Именно так действует Иосиф Сталин, вмешивающийся в дискуссии историков 1920–1930-х, о чем подробно пишет Юрганов в книге «Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма»¹⁰. Однако современные сборки классических и неолиберальных стратегий правительности все чаще делают ставку не на мобилизующие общественное мнение Событие, но на скрытые цифровые алгоритмы, позволяющие прогнозировать будущее и управлять им даже более эффективно.

Именно в этом контексте особенный интерес представляет тезис автора о необходимости ревизии современного «мемориального бума» и широко распространенного увлечения риторикой памяти, в рамках которой исследователи чаще всего разделяют вопросы политики памяти, культурные практики и экономику наследия. Книга Игоря Кобылина фиксирует глубинную взаимосвязь между этими структурами. В одной из ключевых глав книги – «*Déjà vu*, конец истории и алгоритмическая гвернаментальность: возможности и действительность», посвященной работе Паоло Вирно¹¹, – автор рассматривает эту взаимосвязь и ее отличие от историзма модерна, отталкиваясь от яркой цитаты из работы Фредрика Джеймисона:

«Эта тема – исчезновение чувства истории, тот путь, на котором вся наша современная социальная система мало-помалу начала терять способность к сохранению своего прошлого, начала жить в вечном настоящем и в вечном изменении, искореняющем традиции, которые все более ранние общественные формации должны были так или иначе сохранять»¹².

С этой точки зрения, современное увлечение проблематикой памяти, ностальгии и партикулярных идентичностей принципиально отличается от акцента на универсальности человеческой истории в эпоху модерна. Память и ностальгия заимствуют у историзма стратегии согласования гвернаментальности и экономических интересов, репрезентации и реальности, а также техники конструирования оппозиции «своего» и «чужого». Но снижают градус обобщений – отказываются от анализа больших структур и ограничиваются «чувством *déjà vu*» – опытом узнавания деталей и отдельных фрагментов прошлого. Эффект *déjà vu* предполагает восприятие прошлого как коллажа, построенного из отдельных деталей и фрагментов. При этом

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

10 Юрганов А.Л. *Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма*. М.: РГГУ, 2011.

11 VIRNO P. *Déjà Vu and the End of History*. London; New York: Verso, 2015.

12 Джеймисон Ф. *Постмодернизм и общество потребления* // Он же. *Марксизм и интерпретация культуры*. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 307–308.

теряется понимание целостности социального развития, происходит отказ от рефлексии о специфике ключевых исторических Событий и (главное!) потенциально возможном будущем, отличающемся от настоящего. Культурная и историческая память, опирающаяся на чувство *déjà vu*, оказывается частью культурной машины постпостмодерна, улавливающей повторения и стремящейся к их воспроизведению с минимальными стилистическими вариациями.

Альтернативой такого понимания памяти, по мнению автора книги, может стать ее переосмысление с опорой на работы Анри Бергсона и Жюль Делёза:

«Память – это не столько контейнер для уже готового исторического содержания (только биографически или уже и общественно значимого – неважно), сколько способность, в принципе делающая нас историческими существами. И если мы сумеем разобраться с тем, как устроена эта способность, то прояснится и смысл историчности, которой отмечен наш опыт» (с. 191).

Способность вспоминать и обнаруживать в прошлом новые (хорошо забытые) фрагменты оказывается основой возможного действия и горизонта ожиданий, ориентированного в будущее, – принципиально отличающееся от неолиберального настоящего и связанное со сферой потенциального. С этой точки зрения, именно будущее является ключевой частью феномена темпоральности или «тотального времени». Неолиберальный капитализм же стирает его потенциальность, лишает будущее элемента непредсказуемости; в результате чего прошлое и настоящее становятся однородной массой, элементы которой похожи друг на друга, что и фиксирует ощущение *déjà vu*.

На этом фоне активистская антропология и исследования достойной жизни, которые так важны для Шерри Ортнер, представляются во многом наивными и безуспешными попытками опереться на крайне слабые островки локального сопротивления господствующей неолиберальной системе. Без осознанной апелляции к потенциально возможному будущему – «горизонту ожидания» эпохи модерна, который был принципиально важен для классического историзма XIX века, – эти надежды неизбежно рушатся и заканчиваются болезненным возвращением в «клибинальный капиталистический ад».

Третья часть книги, самая понятная для не очень искушенного читателя – «От истории к наследию: диалектика присвоения», – посвящена проблематике наследия и (стирающим чувство истории) стратегиям его использования в поздней и постсоветской культуре. Автор убедительно доказывает, что идеализация «России, которую мы потеряли» и реабилитация имперского (дореволюционного) наследия в 1990–2000-е

строились на все той же взаимосвязи экономической прагматики и смене управленческих стратегий.

Так, например, возрождение Нижегородской ярмарки предполагало не только активизацию торговли и получение федеральных инвестиций, но и повышение властного ресурса нижегородских региональных властей (именно в это время инициировавших «возрождение» должности губернатора). Важно отметить, что корни этой стратегии восходят к позднесоветскому обществу, начавшему признавать и даже идеализировать буржуазность, материальное благополучие и символический капитал прошлого. Ярким проявлением этого тренда становятся детективы, весьма популярные в позднесоветском кинематографе – «Следствие ведут ЗнаТоКи», «Каникулы Кроша» и другие, – значимыми персонажами которых становятся коллекционеры, торговцы антиквариатом и собиратели искусства. В этих фильмах важны не столько сюжеты, сколько идеализация партикулярных идентичностей и дореволюционного наследия, ведущая к отказу от характерной для советского проекта идеи универсализма.

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

Эффект *déjà vu* предполагает восприятие прошлого как коллажа, построенного из отдельных деталей и фрагментов. При этом теряется понимание целостности социального развития, происходит отказ от рефлексии о специфике ключевых исторических Событий и потенциально возможном будущем.

Развивая эту логику, можно предположить, что именно позднесоветская валоризация наследия в 1980-е и ностальгия по «России, которую мы потеряли», характерная для начала 1990-х, во многом стали основой современной консервативной политики памяти. Последнюю не корректно рассматривать лишь как ответную реакцию на внешние факторы – победу националистических партий в странах Восточной Европы в конце 1990-х – начале 2000-х, как это иногда делается в современной историографии¹³. В этом смысле анализ культурной и социальной преемственности между позднесоветским обществом и постсоветской Россией оказывается принципиально важным сюжетом для понимания причин трансформации современно-

13 Эту позицию во многих своих работах отстаивает Алексей Миллер, см., например: Миллер А.И. *Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы* / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. С. 8–25.

го исторического сознания и «правого поворота» в политике как следствия (а не антипода) господства неолиберализма. Разумеется, трансформация историзма в эпоху постпостмодерна и изменение отношения к прошлому характерны не только для России и постсоветского пространства. Анализ этой общей логики и локальной специфики ее проявлений позволяет прояснить более глубокие причины современного «мемориального бума» и увлечения самыми разными политиками идентичности.

Альтернативой этой логике приватизации наследия может выступать другая линия переосмысления памяти о прошлом, подчеркивающая коммунитарный характер пространств и практик коммеморации, о которой Игорь Кобылин пишет в последней главе, по сути выполняющей функции заключения, рассматривая граффити и урбанистические проекты нижегородского стрит-арт художника Синего Карандаша. Олег Аронсон и Елена Петровская во многих своих текстах рассматривают визуальный опыт зрителей кинематографа и фотографии как аффективное чувство сообщества, не обладающего фиксированными границами и потенциально способного к неограниченному расширению¹⁴. С этой точки зрения, визуальное восприятие – это не только символическое осмысление изображения (репрезентации, удваивающей реальность эпохи модерна), но и интерсубъективный опыт, как в позднесоветском кинематографе делающий людей частью сообществ. На этом фоне стилизованные подписи на «трухляшечках», городских руинах и заброшенных общественных пространствах Синего Карандаша представляют собой не столько авторский жест, сколько указатель на существовавшую здесь в прошлом (и потенциально возможную в будущем) коммунитарность или потенциальность. Именно эта отсылка к будущему вынесена в название главы: «Это мог бы быть ваш город». Возможности искусства, философии и способность (исторической) памяти нужны для генерирования новых творческих проектов и социально-культурных форм, а не для легитимации существующего *status quo* и управления настоящим.

* * *

Что же объединяет столь разные, на первый взгляд, сюжеты книги – предельно масштабные концепции антропоцена и «провинциализации Европы» Чакрабарти, интерес к позднесоветскому кинематографу Кети Чухров и «самодельный урба-

14 Аронсон О.В. *По ту сторону воображения*. Нижний Новгород: Приволжский филиал ГЦСИ, 2008; Он же. *Эстетика как практика равенства* // Новое литературное обозрение. 2024. № 2. С. 11–25; Петровская Е.В. *Антифотография*. М.: Три квадрата, 2003.

низм» Синего Карандаша? Все они фиксируют странную ситуацию: систематические неудачи гетерогенных практик сопротивления неолиберальной капиталистической системе через апелляции к историзму – и одновременно наличие в этом историзме потенциала, который и провоцирует все новые обращения к прошлому. Важно отметить асимметрический характер этого парадокса: чем больше прошлое интересует исследователей как отделенное от горизонта ожиданий, тем легче его использовать неолиберальному презентизму и – наоборот: чем сильнее интерес теории истории к будущему (отличающемуся от настоящего), тем больше шансов на достойную жизнь у существующих сегодня практик сопротивления, столь важных для Ортнер.

Пока неолиберальный капитализм вполне успешно преодолевал внутренние противоречия, используя историзм как ресурс для своего развития. Однако каждая из очередных «поломок» этой делёзовской машины различий, «которая работает только потому, что все время ломается» (с. 51), содержит шанс на потенциальные изменения. Именно в этом контексте для автора важно понятие контингентности¹⁵, фиксирующее слоистость и недетерминированность настоящего и будущего. Оно опирается на специфическое понимание События как *осознания* происходящих изменений¹⁶. С этой точки зрения, включение классического историзма в новую ветку социально-философских и эстетических размышлений о потенциально возможном будущем создает продуктивную альтернативу господствующим в эпоху постпостмодерна презентизму и ностальгии. Оно предлагает новую сборку горизонта ожиданий и практик историзации опыта, отказывающихся от логики управленчества и объявления чрезвычайного положения ради реконструкции столь легко узнаваемых оппозиций «древних» и «новых», «своих» и «чужих». Книга Игоря Кобылина интересна именно как попытка переопределить формат разговора об историческом сознании в современных условиях и обозначить новые его горизонты.

ФЕДОР НИКОЛАИ
«ТЕМНЫЙ ИСТОРИЗМ»
И ПРАКТИКИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ...

15 Подробнее об этом понятии см.: Олейников А.А. *Будущее в настоящем* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2. С. 57–68; Корчинский А. *Воображая историю: вместо введения* // Новое литературное обозрение. 2024. № 2. С. 37–48.

16 Уайт Х. *Практическое прошлое*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 90–124.

БОРИС
СОКОЛОВ

Без цензуры. Мемуары маршала Малиновского

Записки первого года войны

Родион Малиновский

М.: Вече, 2025. – 496 с., илл.

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

Маршал Советского Союза Родион Малиновский традиционно остается в тени других, более известных «маршалов Победы» – Георгия Жукова, Александра Василевского, Константина Рокоссовского. Между тем это был человек с удивительной биографией. Единственный среди них, он мог более или менее свободно говорить по-французски, да и испанским языком владел. Всю жизнь ему приходилось скрывать свое довольно неподходящее для советских реалий социальное происхождение (он был внебрачным сыном одесского полицмейстера генерал-майора Бунина) и кратковременную службу в армии Колчака¹. А еще Малиновский, будучи министром обороны, сыграл одну из главных ролей в свержении Хрущева в 1964 году, поскольку без его поддержки шансы на успех заговора, возглавлявшегося Брежневым, были бы близки к нулю. А ведь в 1942-м именно Хрущев отговорил Сталина от ареста и расстрела Малиновского, после того как в августе адъютант Малиновского, капитан Александр Сиренко, самовольно ушел через линию фронта в немецкий тыл создавать партизанский отряд. А в декабре того же года застрелился член Военного совета 2-й гвардейской армии генерал-майор Илларион Ларин – большой друг Малиновского (последний тогда командовал этой армией)². По признанию Малиновского, они с Лариным «вообще думали одинаково» (с. 215)³.

Отличие от подавляющего большинства советских маршалов, Малиновский не успел написать и опубликовать своих мемуаров о Великой Отечественной войне. По крайней мере так считалось до февраля 2019 года, когда российский воен-

1 См.: Соколов Б.В. *Маршал Малиновский*. М.: Новый хронограф, 2016. С. 8–87, 162–164.

2 Там же. С. 378–386.

3 Почему-то в рецензируемой книге в биографической справке о Ларине говорится, что он «покончил с собой, предположительно, в январе 1943 г.» (с. 477). Между тем, согласно донесению наркома внутренних дел Лаврентия Берии Сталину от 27 декабря 1942 года, «в ночь на 27 декабря с.г. у себя на квартире застрелился член Военного Совета 2-й Гвардейской армии генерал-майор Ларин. Ларин оставил записку следующего содержания: “Я не причем. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин”. Родион – командующий 2-й гвардейской армией т. Малиновский»³.

ный историк Александр Ясаков нашел военные мемуары Малиновского в Центральном архиве Министерства обороны. Воспоминания маршала охватывают период с марта 1941 года по февраль 1943-го⁴. Публикуемые «Записки» Малиновского начинаются только с марта 1941-го, когда он был назначен командиром 48-го стрелкового корпуса в Молдавии, и длятся вплоть до января 1942-го, когда Южный фронт под командованием Малиновского начал Барвенковско-Лозовскую наступательную операцию. До назначения командующим Южным фронтом Малиновский некоторое время командовал 6-й армией. Маршал писал мемуары, судя по всему, в середине 1950-х – вероятно, еще до назначения министром обороны осенью 1957-го. Как сообщает в предисловии составитель и редактор книги, дочь маршала Наталья Малиновская, «связанное повествование обрывается январем 1942 года, буквально на полуслове... О последующих событиях говорят лишь отдельные краткие и не связанные между собой заметки» (с. 22–23).

Малиновский не был чужд художественной прозе. После его смерти был опубликован автобиографический роман, где описаны детство, юность, участие в Первой мировой войне и прибытие в Сибирь в 1919 году автобиографического героя Ивана Гринько. В рукописи роман не имел названия, а публиковался несколько раз как «Солдаты России» и «Первая память». В архиве маршала также сохранилась неопубликованная пьеса «Подвиги Жизни» (1920), где действие происходит во Франции во время восстания части Русского экспедиционного корпуса в лагере Ле Куртин в июне–сентябре 1917 года и в Сибири в 1919-м, а автобиографического героя здесь зовут Петр Степин. В «Подвигах Жизни» служба у Колчака и производство в прапорщики трансформировались в участие в красном партизанском движении.

Опыт создания художественной прозы отразился и в мемуарах, в которых есть несколько ярких сцен, да и сам язык повествования ясный, без лишних слов и с минимумом бюрократических оборотов. Впрочем, в опубликованной части авторский текст составляет меньше половины объема. Остальное – документы тех объединений, которыми командовал Малиновский в первые семь месяцев войны: 48-го стрелкового корпуса, 6-й армии, группы из 6-й и 12-й армий и Южного фронта. С одной стороны, это делает воспоминания в высокой степени достоверными, когда практически каждое слово подкреплено документом, а сами эти документы, впервые публикуемые, являются ценным историческим источником. С другой стороны, такое соотношение документов и авторского текста

⁴ Дивеева Ю. Нашли дневник маршала Малиновского с анализом причин поражений в начале ВОВ / Комсомольская правда. 2019. 22 февраля (www.kp.ru/online/news/3394898).

БОРИС СОКОЛОВ

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

не характерно для мемуаров советских маршалов, да и для военных мемуаров вообще, где авторский текст все же преобладает над документами, многие из которых часто даются в изложении. Можно предположить, что, доживи Малиновский до публикации, он сильно расширил бы авторский текст, а вот ряд документов цитировал бы не столь пространно. Но Малиновский умер, находясь на посту министра обороны, и всерьез заняться мемуарами не успел.

Маршалы Жуков и Василевский в своих мемуарах большое внимание уделили Сталину, с которым им приходилось общаться во время войны чуть ли не ежедневно. Маршалы Рокоссовский и Конев со Сталиным общались реже, но он тоже выступает заметной фигурой в их мемуарах. А вот Малиновский за те неполные семь месяцев, которые охватывает эта публикация, со Сталиным не встречался и потому в его воспоминаниях тот практически отсутствует. Малиновский только передает свое впечатление от доклада верховного главнокомандующего на заседании 6 ноября 1941 года и его речи на параде 7 ноября, которые командующий и штаб 6-й армии слушали по радио. Их характеристики вполне канонические, что наводит на мысль, что мемуары писались еще до разоблачения сталинских преступлений на XX съезде КПСС в марте 1956 года. Малиновский восхищается Сталиным:

«Вojдя слушали с исключительным вниманием. В докладе был дан изумительный анализ хода войны, подведен итог четырехмесячной смертельной схватке с врагом, который остановлен и, как и мы, еле переводит дух» (с. 186).

«Речь [...] проникла до глубины души и взволновала сердца бойцов. Она укрепила их веру в славную партию коммунистов – вдохновителя моральной силы нашей армии и народа, великого организатора производства танков, самолетов, орудий и всего нужного для войны и победы нашей армии» (с. 187).

Стоит отметить, что это единственный панегирик Сталину и партии в тексте. Интересно, что другие советские маршалы, писавшие свои мемуары уже после XX съезда партии, в основном в брежневскую эпоху, такого уже не могли себе позволить, хотя порой и признавали заслуги Сталина в Победе. О политработниках Малиновский пишет только в связи с деятельностью своего друга Ларина. Нет в мемуарах маршала и «окопной правды». В окопах ему бывать приходилось, но в боях он не участвовал. Главное в мемуарах Малиновского – это рассказ о командирах и штабах уровня армия – корпус – дивизия и, реже, фронт или полк, то есть о тех, с кем ему приходилось непосредственно иметь дело. И здесь маршал старается писать правду, порой нелицеприятную.

Предисловие к мемуарам написал генерал-полковник Борис Уткин (1923–2023), которому в войну довелось сражаться под командованием Малиновского. В предисловии Уткин описал боевой путь полководца, и там можно обнаружить удивительный факт. Оказывается, весной 1942 года, когда главком Юго-Западного направления маршал Семен Тимошенко начал готовить операцию с целью освобождения Харькова, Малиновский внес прямо противоположное предложение: не проводить Харьковскую наступательную операцию, а объединенными силами Юго-Западного и Южного фронтов нанести удар на юг, выйти на берег Азовского моря, окружить и отсечь основную часть немецкой группы армий «Юг», продвинувшуюся далеко на восток. Как ни странно, это предложение Малиновского даже не рассматривалось (с. 11). К сожалению, Уткин не привел ссылку на источник, где было изложено это предложение. Не исключено, что речь идет о еще не рассекреченном документе.

Ни авторский текст, ни обильно цитируемые Малиновским документы не подвергались цензуре, да и, как кажется, тот первичный вариант, который дошел до нас, вообще не учитывал требования цензуры. Не исключено, что Малиновский хотел со временем издать мемуары не для широкой публики, а с грифом «для служебного пользования» или «секретно» – для командного состава Советской армии. В этом принципиальное отличие воспоминаний Малиновского от других советских маршальских мемуаров – и их особая ценность в качестве исторического источника. В «Записках первого года войны» много критики советских генералов и состояния Красной армии. Наталья Малиновская, дочь маршала, в предисловии приводит цитату, вероятно, из разрозненных заметок о войне, касающуюся Барвенковской операции:

«Замысел этой операции, конечно, нельзя даже сравнивать с замыслом проведения, к примеру, Ясско-Кишиневской наступательной операции. У этих операций все разное – разные этапы войны, разные средства, совсем другой опыт и умение. И это касается не только Южного фронта. Все пережили этот этап, учились воевать, набирались опыта. А командующие только так и могли обрести военную мудрость, без которой успех недостижим. На всех фронтах командование проходило этот этап, училось воевать: через поражения, страдания и кровь получало необходимый опыт. Иного пути в 41–42-м у нас просто не было» (с. 46).

Замечу, что в самих мемуарах сходное место звучит иначе. Говоря о замысле Барвенковско-Лозовской операции, проведенной Южным фронтом в январе–марте 1942 года, Малиновский пишет:

«Конечно, в [замысле операции] обнаруживается много слабостей, есть расплывчатость, слабый учет реальной обстановки. Но не стоит нас в этом винить. Всем нам предстояло справиться с ошибками молодости, преодолеть неизбежное отсутствие боевого опыта во фронтовом масштабе».

И далее следует текст, почти совпадающий с цитатой в предисловии (отсутствующее там предложение выделено курсивом):

«Замысел этой операции, конечно, нельзя даже сравнивать с замыслом проведения, к примеру, Ясско-Кишиневской наступательной операции. *Барвенковско-Лозовская операция была разработана и проведена в основном одним командующим фронтом; у этих операций все разное – разные этапы войны, разные средства, совсем другой опыт и умение. И это касается не только Южного фронта. Все пережили этот этап, учились воевать, набирались опыта. А командующие только так и могли обрести военную мудрость, без которой успех недостижим*» (с. 234).

По сравнению с предисловием появилось предложение о планировании Барвенковско-Лозовской операции командующим фронтом (то есть самим Малиновским), зато опущено утверждение о том, как учились воевать «через поражения, страдания и кровь». Читателям остается гадать: то ли в тексте мемуаров была сделана необозначенная купюра, то ли дочь маршала добавила в эту цитату слова из заметок Малиновского, оставшихся за пределами хронологически связанного повествования.

Приобретение опыта «через кровь» – лейтмотив воспоминаний Малиновского. Он стремится показать, как в первые полгода войны Красная армия училась воевать, большой кровью приобретая боевой опыт и исправляя довоенные недочеты в подготовке. Малиновский честно признается:

«Война меня ошеломила. Мы были к ней не готовы. Я хорошо это знал по состоянию войск Одесского военного округа. Большие организационные мероприятия, необходимые для усиления военной мощи, еще только начинались, требовалось как минимум еще два года, чтобы провести их в полном объеме» (с. 59).

Получается, согласно Малиновскому, нужного уровня готовности Красная армия могла бы достичь только к лету 1943 года, как раз тогда, когда в реальности разгорелась Курская битва – одно из крупнейших сражений Второй мировой войны, где соотношение безвозвратных потерь людей, танков и самолетов было крайне неблагоприятным для советской стороны. Но тут надо учесть, что к тому времени в Красной армии уже практически не осталось кадровых солдат и офицеров. А вот если бы война разразилась летом 1943-го, то вермахту противостояли бы кадровые советские войска, завершившие военные ре-

формы, оснащенные новыми вооружениями и гораздо более боеспособные, чем двумя годами ранее. Хотя, конечно, и вермахт бы за два года усилился. Малиновский, пожалуй, единственный из советских маршалов, кто относит срок реальной готовности Красной армии к войне к 1943-му, а не к 1942 году. Мемуарист подчеркивает, что с самого начала войны 22 июня он решил:

«Я пришел к твердому выводу: действовать надо самостоятельно, не надеясь ни на соседей, ни на начальство, иначе противник меня разобьет. Поставив во главу угла выполнение корпусом боевой задачи, я решил и в дальнейшем действовать, ни на кого не надеясь» (с. 60).

Замечу, что начальником Малиновского в тот момент был командующий 9-й армией генерал-полковник Яков Черевиченко, который в октябре–декабре 1941 года командовал Южным фронтом. Карьеру в годы Великой Отечественной войны Черевиченко не сделал, так и оставшись генерал-полковником и закончив войну с явным понижением – командиром стрелкового корпуса. Сталин явно скептически относился к его полководческим способностям, и Малиновский был того же мнения, указывая, что первый боевой приказ начальника он получил только 30 июня (с. 65), и характеризуя его довольно иронически: «В целом приказ, может, и неплохой, хотя занят в основном расстановкой полков, но, как вскоре станет ясно, он не соответствовал обстановке на участке 48-го стрелкового корпуса» (с. 69). Другой приказ штаба армии, от 4 июля, Малиновский считает столь же безрезультатным, как «удар шпаги в воздух» (с. 76). Дальнейшие приказы из штаба 9-й армии восторга у Малиновского не вызывали. Он свидетельствует:

«Около двух часов ночи 19 июля я получил приказ из штаба армии: “Отводить части в исходное положение, имея в виду отход за р. Днестр к утру 22.7”.

Спустя короткое время пришел другой приказ; “Отставить и забыть об этом разговоре. Готовиться к операции по восстановлению положения по госгранице от Лопатника до Скуляя”.

Надо сказать, не первый раз я получал один за другим приказы диаметрально противоположного содержания: то наступай, то отступай, то опять-таки наступай. Только-только доведешь приказ до дивизий и полков, как получаешь другой, с точностью до наоборот. Как-то раз даже грубо огрызнулся я в разговоре с начальником штаба армии: “Я не взводом командую, не могу подать команду голосом. Потрудитесь учитывать это и впредь не менять приказы ежечасно!” А представьте, какое недовольство это вызывало у народа, начиная от солдат и кончая командирами: не то наступай, не то отступай... да когда ж наши генералы хоть как-то научатся воевать?» (с. 83–84).

Малиновский пишет о крайне низком духе и нежелании сражаться призывников из Молдавии – свидетельства, в советских подцензурных мемуарах практически не встречающиеся:

«Вновь мобилизованных молдаван, большей частью не владевших русским языком, собирали, одевали, вооружали и отправляли на границу в уже воевавшие части 176-й стрелковой дивизии. Они страшно боялись возвращения и возмездия румынских бояр и думали только о том, как бы поскорее бросить оружие, запрятать куда-нибудь обмундирование и махнуть по домам. 176-й стрелковой дивизии толку от них не было никакого, одна деморализация» (с. 61–62).

Малиновский приводит примеры трусости высокопоставленных командиров – правда, не всегда называя их по имени. Так, он пишет о командире 30-й стрелковой дивизии Сергее Галактионове, в июле 1941 года расстрелянном по приговору военного трибунала Южного фронта за «трусость» и «бездействие власти»:

«Командир дивизии, по сути дела, ею не управлял: всякий раз при виде мессершмитта он резко скрывался в роще вместе со своим штабом. Еле отловил комдива, а штабу дивизии категорически запретил всякое перемещение, несмотря ни на какие налеты, которых, кстати сказать, в тот день [23 июня] было немного» (с. 60).

«В ночь со 2-го на 3 июля во время отхода 30-я стрелковая дивизия по причине исключительной личной трусости командира дивизии генерал-майора Галактионова, сбежавшего из района Бокши на восток, оказалась полностью деморализована и разбрелась отдельными группами по горному ландшафту Фалешт, Кишкарен и южнее. Пойманный в районе Кишкарен генерал-майор Галактионов был отстранен мною от командования дивизией и отдан под суд военного трибунала, на что я получил согласие помощника командующего 9-й армией генерал-лейтенанта Репина и начальника штаба армии генерал-лейтенанта Бодина, прибывших ко мне в штаб корпуса вечером 2 июля» (с. 72).

Интересно, что в 1961 году Галактионов был полностью реабилитирован. Малиновский в то время был министром обороны, и реабилитация Галактионова не могла пройти без его участия, так как Министерству обороны предоставляло положительное заключение о реабилитируемом военачальнике для прокуратуры и суда. Выходит, что Малиновский, хотя и писал в мемуарах о трусости и бездействии командира 30-й стрелковой дивизии и сам же отдал его под суд, тем не менее считал, что расстреливать его все же не следовало. Хотя, по словам Малиновского, случай с расстрелом Галактионова «отрезвляюще подействовал на высший и старший командный состав корпуса» (с. 74). Не исключено, что в деле с реабилитацией Галактионова на Малиновского надавил Хрущев.

Не лучше обстояло дело и в других дивизиях 48-го корпуса. По словам Малиновского, 25 июня он вместе с командиром 176-й стрелковой дивизии Владимиром Марцинкевичем⁵ выехал в 591-й стрелковый полк, усиленный одним батальоном 360-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии:

БОРИС СОКОЛОВ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

«Этот батальон [...] и прикрываемый им 591-й стрелковый полк приводили себя в порядок после сильной деморализации, причиненной отходом из Скулян. Некоторые командиры и политработники, не перенеся позорного бегства полка после первого же удара противника, смалодушничав, покончили с собой, а многих убили в бою, в том числе и комиссара полка. Полк разбежался по пшеничному полю. В 74-й стрелковой дивизии фактически дрался один батальон».

Чтобы взбодрить 591-й полк, от которого осталось 500–600 человек, Малиновский отправил его в атаку вместе с двумя другими полками. Как признается мемуарист, «честно говоря, этот плохо организованный бой успеха не принес. Противника из Скулян не выбили. И все же для 591-го стрелкового полка этот бой ознаменовал моральный перелом» (с. 64).

Малиновский намекает также на трусость и нераспорядительность командира 2-го механизированного корпуса генерал-лейтенанта Юрия Новосельского, с которым встретился 8 июля:

«Стрельба не стихала. Генерал Новосельский, заметно нервничая, сказал, что уезжает. Я хотел было договориться с ним о взаимных действиях на случай, если противник все же прорвется ночью, но Новосельский, сказав на ходу “ничем не могу помочь”, ограничился тем, что уже в дверях добавил: “Оставляю тебе на шоссе батальон танков Т-34, они ждут горючего. Горючее я подошлю”. Вскочил в танк БТ и отбыл в сопровождении эскорта двух танков БТ» (с. 78).

Малиновский приводит слова командира упомянутого танкового батальона:

«[Тот] обрадовался и попросил насовсем оставить его батальон в 48-м стрелковом корпусе, “а то у нас порядка никакого нет, все только маневрируем да отступаем... и ни разу еще мой батальон не подрался!”» (с. 79).

С иронией маршал описывает и командующего 12-й армией генерал-майора Константина Коротеева в начале декабря:

«Выезд генерала Коротеева нас поразил: впереди броневик, затем машина пограничников из полка охраны тыла армии, за ней сам Коротеев, а за ним еще одна машина с пограничниками. Этот кор-

5 Марцинкевич погиб 30 июля 1944 году, будучи генерал-майором и командиром 134-й стрелковой дивизии, хотя в биографической справке (с. 479) ошибочно утверждается, что это произошло 6 апреля 1945 года.

теж нам сильно не понравился. Я очень уважал ныне покойного генерала Коротеева (он умер от болезни крови в 1953 году) и считал его неплохим командиром, но вынужден был указать ему на этот барский способ управления армией» (с. 192).

Мемуары Малиновского содержат, конечно же, и трагические описания войны. Вот картина окруженного Николаева 14 августа, оставляемого советскими войсками:

«Город, склады, запасы и заводы горят после сильных и частых бомбардировок немецкой авиацией. При этом весь город – улицы, дворы, парки и сады – забит автотранспортом, обозами и тылами; в городе видимо-невидимо беженцев и эвакуирующихся организаций. Тяжелое, поистине зловещее зрелище. Уничтожают заводы и запасы. Артиллерия противника со всех сторон обстреливает город, над которым висит зарево пожаров. На окаменелых лицах людей уныние, отрешенность и полное равнодушие к опасности» (с. 111).

Еще один эпизод: поход разведчиков 393-й стрелковой дивизии в село Закотное Лиманского района Донецкой области за «языком»:

«Подкравшись к одному из домов села, разведчики услышали приглушенные звуки музыки: в доме танцевали под гармошку. Окна дома были тщательно замаскированы, но охраны не было. Ночи стояли темные, но в щелочки между занавесками разведчики увидели, что с немцами танцуют местные девчата. Такая злость и обида взяла разведчиков! Они и раньше слышали, что закотницкие девушки погуливают с немцами, кто этому верил, кто нет, но слухи ходили. И вот они видят это веселье своими глазами. Разведчики оцепили дом, плотно подперли двери и подожгли. Попытки спастись через окна не удалась никому – дело довершили автоматы и гранаты. Все танцоры сгорели, а хмурые разведчики вернулись без “языка”» (с. 188).

В советское время такой сюжет был абсолютно невозможен – даже в маршальских мемуарах. Сцена, кстати сказать, напоминает эпизод пушкинского «Дубровского».

А вот Малиновский вступает в Нижнеднепровске (так называлась левобережная часть Днепропетровска) в командование Резервной (будущей 6-й) армией 25 августа 1941 года:

«Вблизи располагалась школа, куда я и направился. К зданию тянулись провода. Войдя, я увидел столь поразившую меня картину, что не могу ее не описать. Генерал Тюленев [командующий Южным фронтом], весь трясущийся и раскрасневшийся, кричал: “Застрелю, сейчас же застрелю тебя, мерзавец!” – и пытался выхватить из деревянной кобуры маузер. Его за обе руки держали член Военного Совета фронта [Семен] Задюченко, он вырывался, шла возня и борьба. Перед ними навтыяжку стоял тоже трясущийся,

без кровинки в лице генерал-лейтенант Чибисов, командующий Резервной армией⁶. Внезапный сильный разрыв тяжелого снаряда, звон сыпавшихся с окон стекол, а затем другой и третий разрывы оборвали представшую моим глазам “картину расстрела”.

Тюленев, увидев меня – я доложил ему о прибытии, – тут же преобразился в человека, поздоровался и сказал: “Кстати прибыл! Немедленно вступай в командование!”

– Слушаюсь! Разберусь, что тут делается, и вступлю в командование» (с. 132).

В боях за Днепропетровск Малиновскому пришлось принимать суровые меры против красноармейцев и командиров

«Мы с И.И. Лариным создали что-то вроде заградительных отрядов и поставили их на всех дорогах южнее Спасского, Новомосковска, главным образом на перекрестках, с задачей задерживать и собирать в группы всех,двигающихся из Нижнеднепровска. Неподчинившихся и беглецов расстреливать на месте. Эту работу возглавил Ларин, а я остался, чтобы вместе с Батюней [начальником штаба 6-й армии] организовать управление» (с. 136).

Малиновский отмечает, что, понимая, что сдачу Днепропетровска Сталин может и не простить, некоторые военачальники в конце августа предпочли получить ранение на передовой, чтобы избежать возможного расстрела. Получившего ранение в бою трудно было обвинить в трусости, в случае же гибели на передовой это все же была более почетная смерть, чем расстрел, и можно было надеяться, что семью не репрессируют:

«Я получил сообщение от командира 275-й стрелковой дивизии генерал-майора [Михаила] Дратвина о том, что генерал Тюленев [только что сдавший должность командующего Южным фронтом] в спешенных эскадронах на передней линии попал под сильный минометный огонь, довольно серьезно ранен и направлен из Каменки в Подгородное. Тюленев просит меня подъехать в Подгородное – хочет меня видеть. Когда я подъехал к школе, там уже стояла машина генерала Тюленева. Я заглянул в машину и увидел его радостное лицо.

– Вот, смотри – ранен, – сказал он, указывая на вытянутую ногу в бинтах, пропитанных кровью.

Я распорядился побыстрее отправить его в армейский госпиталь в Новомосковск для оказания квалифицированной помощи.

Прощаясь со мной, генерал Тюленев попросил сообщить о его ранении в Ставку.

На обратной дороге в артучилище я встретил полковника Кашкина, бывшего начальника штаба Резервной армии [погиб в бою

6 Никандра Чибисова, ставшего впоследствии прототипом главного героя романа Георгия Владимова «Генерал и его армия», Тюленев собирался расстрелять за сдачу Днепропетровска, но не реализовал свое намерение. Тем не менее, как доложили Малиновскому 27 августа, «генерал Чибисов арестован и увезен в тыл» (с. 137).

21 февраля 1943 года в Краснодарском крае]. Его вывезли с поля боя с перебитой рукой. Он тоже посчитал за лучшее для себя пойти в атаку с курсантами Полтавского училища» (с. 140).

Замечу, что сам Малиновский, когда оказался летом 1942 года в столь же сложном положении после падения Ростова и ухода своего адъютанта Сиренко за линию фронта, не пытался подобным образом уйти от ответственности.

В целом по количеству критических замечаний в адрес командования воспоминания Малиновского значительно превосходят мемуары других советских маршалов. И, в отличие от большинства из них, Малиновский не стеснялся писать о том, что ему приходилось принимать самые крутые, драконовские меры против своих бойцов и командиров, расстреливать трусов, паникеров и не подчинившихся приказу.

Мемуары Малиновского содержат важные для исследователя данные о потерях его 6-й армии в боях за Нижнеднепровский плацдарм. Суммарные потери в боях с 25 августа по 15 сентября составили 28 611 человек, в том числе 3249 убитыми, 19 100 ранеными и 6262 пропавшими без вести (с. 146, 151). То, что Малиновский привел в мемуарах данные о потерях, – явление для советских маршальских мемуаров крайне редкое. Обычно такие сведения не пропускала цензура. Вероятно, Малиновский приводит цифры из сводок, которые его штаб регулярно направлял штабу Южного фронта. По сравнению с донесениями дивизий и корпусов они нередко оказываются существенно заниженными, особенно в отношении безвозвратных потерь.

Немецкий 3-й моторизованный корпус генерала от кавалерии Эберхарда фон Макензена с 26 августа до 29 сентября 1941 года на Нижнеднепровском плацдарме захватил 34 141 пленного⁷, тогда как Малиновский показывает потери пропавшими без вести в период с 15-го по 30 сентября в 5838 человек наряду с 1099 убитыми, 4145 ранеными и 3253 выбывшими из строя по небоевым причинам (с. 162). Таким образом, по его данным, всего 6-я армия с 25 августа по 30 сентября потеряла пропавшими без вести 12 100 человек, что в 2,8 раза меньше числа красноармейцев, захваченных за тот же период германским 3-м моторизованным корпусом.

Малиновский надеялся, что противостоявшая ему 1-я танковая армия генерала Клейста «понесла, по-видимому, не меньшие потери, чем 6-я армия» (с. 152). На самом деле 1-я танковая армия с 21 августа по 20 сентября 1941 года потеряла 1751 убитыми, 8762 ранеными и 163 пропавшими без вести, – всего 10 676 человек. При этом начиная с 12 сентября основные поте-

7 Макензен Э. фон. *От Буга до Кавказа. (III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов)*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 260, 253.

ри германская эта армия несла не на Нижнеднепровском, а на Кременчугском плацдарме, где действовали ее основные силы и где ей противостояла не 6-я, а 38-я армия. Бои же в районе Нижнеднепровского плацдарма после того, как 10 сентября советская тяжелая артиллерия разрушила немецкий наплавной мост, постепенно сошли на нет. Малиновский пишет:

«Утром 10 сентября командир дивизиона позвонил мне в Подгородное и доложил: мост разбит! [...] С разрушением моста бои в районе Нижнеднепровска затихли. [...] Противник стал по ночам оттягивать силы с этого плацдарма» (с. 149, 150).

Потери армии Клейста за 11–20 сентября можно полностью отнести к боям на Кременчугском плацдарме (432 убитыми и 1576 ранеными – всего 2008 человек). Тогда ее потери в действиях против 6-й армии Малиновского можно оценить в 8668 человек, в том числе 1319 убитыми, 7186 ранеными и 163 пропавшими без вести⁸. Это дает соотношение общих потерь 3,3:1, а по безвозвратным потерям – 6,4:1 в пользу немцев, так что о равенстве говорить не приходится.

Но есть и другой вариант подсчета немецких потерь на Нижнеднепровском плацдарме, который, как кажется, ближе к истине. Все германские войска, воевавшие на этом плацдарме, входили в корпус Макензена, который с 26 августа по 29 сентября потерял 1200 убитыми, включая 43 офицеров, 4655 ранеными, включая 160 офицеров, и 177 пропавшими без вести, включая 1 офицера, – всего 6032 человека⁹. За тот же период советская 6-я армия, по данным Малиновского, потеряла в боях 39 693 человека, в том числе 16 448 безвозвратно. Тогда с 25 августа по 30 сентября соотношение потерь с армией Малиновского оказывается 6,6:1, а по безвозвратным – 11,9:1. Впрочем, надо учитывать, что на стороне немцев в боях участвовал итальянский экспедиционный корпус, который потерял там 291 человека, включая 87 убитых, 190 раненых и 14 пропавших без вести¹⁰.

Интересно, что провал блицкрига Малиновский относит не к периоду советского контрнаступления под Москвой в декабре, а ко времени стабилизации линии фронта в конце октября, что совпало с началом осенней распутицы:

«Фронт войны, по всем признакам, стабилизировался, что говорило о многом и стратегически важно: план немецких фашистов, ориентированный на быстрое наступление и скорую победу, провален окончательно. Это стало нашей большой победой: мы устояли против смертоносной лавины фашистов, сумели развернуть плечи, и

8 *Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army / Army Group, 1941* [BA/MA RW 6/556, 6/558] // *Human Losses in World War II* (https://web.archive.org/web/20121025022023/http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec41.html).

9 МАКЕНЗЕН Э. ФОН. *Указ. соч.* С. 261.

10 *Le operazioni delle unità italiane al fronte russo, 1941–1943*. Roma: Ufficio storico SME, 2000. P. 102.

уж теперь враг получит от нас не одну оплеуху по своей звериной морде, мы так будем бить, что у него в глазах помутится» (с. 179).

Но поначалу бить не очень получалось. В декабре 1942 года Малиновский, будучи командующим группой из 6-й и 12-й армий, предпринял наступление в Донбассе, пытаясь разгромить оперативную группу генерала от инфантерии Виктора фон Шведлера, состоявшую из четырех пехотных дивизий. Маршал оценивает это наступление как безуспешное, поскольку разгромить противника не удалось, хотя и были освобождены 32 населенных пункта. Малиновский пишет:

«Мне до сих пор кажется, что можно было добиться больших успехов в борьбе с группой Шведлера и выполнить поставленную задачу, если бы все командные звенья, главным образом командиры дивизий, групп и командование армии [имеется в виду штаб 6-й армии, которому была подчинена 12-я армия. – Б. С.], действовали более энергично, смело и напористо, но, к сожалению, этого не случилось. Возможно, потому, что у них не хватало умения хорошо организовать бой и взаимодействие родов войск – они еще не были умудрены опытом войны» (с. 211–212).

Малиновский достаточно самокритичен, возлагая не только на подчиненных, но и на себя ответственность за неуспех наступления. Но стоит отметить, что к тому времени война шла уже полтора года и советские командиры должны были приобрести определенный опыт.

Анализируя собственную директиву на проведение Барвенковско-Лозовской операции от 11 января 1942 года, Малиновский самокритично признает:

«В целом эта директива нацеливает войска фронта на абсолютно правильное решение задач, представленных перед фронтом, но во всем чувствуется отсутствие у командования фронтом и штаба фронта опыта проведения подобных операций. Мало было сделано той скрупулезной кропотливой организационной работы, которая требуется для обеспечения успеха такой большой по замыслу наступательной операции. Очевидна излишняя осторожность командования фронта и Главнокомандования Юго-Западным направлением, особенно на Ростовском направлении. Это объяснимо: противник уже врвался на несколько дней в Ростов-на-Дону, поэтому, конечно, обжегшись на молоке, дули на воду – вот причина нагромождения резервов за 56-й армией, как фронтовых, так и направления. Для решения насущных задач этой наступательной операции следовало действовать смелее, привлекая больше сил. [...] Все это, конечно же, совсем не похоже на то, что и как мы делали во второй половине войны. Но, увы, обретения опыта избежать нельзя, от этого никуда не деться. Мы учились, и долго учились, сделали много ошибок и даже глупостей, и некому

было нас поправить. Вот и учились... пока не выучились» (с. 246–247, 248).

БОРИС СОКОЛОВ

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

Накануне Великой Отечественной войны в Красной армии очень влиятельной была так называемая «конармейская группировка», представленная военачальниками – выходцами из кавалерии. К ней, в частности, относились нарком обороны маршал Семен Тимошенко, первый заместитель наркома обороны Семен Буденный и начальник Генерального штаба генерал армии Георгий Жуков. Малиновский служил в пехоте и к «конармейской группировке» не принадлежал, хотя во время войны пользовался определенным покровительством со стороны маршала Тимошенко. К роли кавалерии в Великой Отечественной войне Малиновский относился весьма критически:

«[В составе Южного фронта и Юго-Западного направления] имелось много старомодной конницы – она доставила немало хлопот командованию. В боевых действиях конница давала относительно слабый эффект, так как ее парализовали пулеметы, авиация и танки. Да и, откровенно говоря, к этому времени основательно подзабылся... тот неоспоримый факт, что “боевая история конницы – это история ее начальников”. А такой истории минувшая война нам не оставила» (с. 247).

Но, чтобы не обидеть Тимошенко, Буденного и других бывших кавалеристов, Малиновский тут же оговаривается:

«Многие выдающиеся военачальники покинули конницу, перешли в танковые войска, в авиацию или возглавили общевойсковые соединения. В конечном итоге конница нам дала ряд замечательных командующих фронтами и армиями, что характеризует ее как замечательный род войск, в котором воспитание и выучка командных кадров поставлены и правильно, и вполне современно» (с. 247).

К сожалению, в публикацию вошла только та часть «Записок» Малиновского, которая является связанным повествованием. Вторую часть книги занимают ранее опубликованные приказы верховного главнокомандующего, касающиеся деятельности фронтов, которыми командовал Малиновский. Вместо них лучше было бы поместить туда фрагментарные мемуарные заметки и личные документы Малиновского, хранящиеся в архиве его дочери. Например, неопубликованные ответы на анкету журнала «Огонек» 1946 года, где, в частности, на вопрос «Какой день войны вам наиболее памятен?» Малиновский ответил:

«Всего памятнее мой самый горький день войны – когда пришлось оставить Ростов. Там, под Ростовом, когда не удалось задержать гитлеровскую военную машину, я пережил глубочайшее горе. Ле-

том 1942-го мы отошли, оставив врагу многострадальный Ростов, уже побывавший в руках врага, уже испивший эту горькую чашу. Мы уходили из пылающего города, понунив голову, и сердца наши обливались кровью. И еще было горько осознавать, что потерял важнейший стратегический пункт – “ворота Кавказа”. С тех пор, где бы мне ни приходилось сражаться, меня ни на день не оставляла мысль о Ростове. С этой мыслью я дрался и под Сталинградом, когда 2-я гвардейская преградила путь танковой группе Манштейна, стремившейся разорвать сталинградское кольцо. И, наконец, пришел долгожданный час: в ночь на 14 февраля 1943 г. начался штурм Ростова. [...] В шесть утра город был освобожден. А через три часа мы вместе с Н.С. Хрущевым уже были на улицах Ростова и видели на глазах ростовчан слезы радости. Это был мой первый радостный день в ту войну».

Можно было бы полностью опубликовать отчет Малиновского о Барвенковско-Лозовской операции, рассказом о первых днях которой завершается публикуемая часть мемуаров. В этом отчете, составленном 22 апреля 1942 года, Малиновский так подвел итоги операции, продолжавшейся с 18 января по 31 марта:

«1. Замысел и его осуществление. Разрыв в замысле и осуществлении. Можно ли говорить, что операция была неудачна – не достигли выполнения поставленных задач. Нет, нельзя, – операция была удачна и завершилась полным прорывом фронта на участке в 80 км и развитием в глубину на 100 км. Части 57 А имели открытым путь на Днепропетровск – пр-к на этом направлении был охвачен паникой и смятением, и если дивизии 57 А и были остановлены, то только по соображениям и решениям высшего командования с тем, чтобы сосредоточить все усилия войск в южном направлении и потрясти всю основу боевого порядка войск пр-ка в Донбассе. Противнику в этой операции войска Южного фронта, тесно взаимодействуя с 6 А ЮЗФ, нанесли [...] огромные потери в живой силе и материальной части. [...]

2. Операция вынудила пр-ка бросить в бой на широком фронте глубокие резервы, сорвала план восстановления сил разбитой Клейстовской армии. Население Донбасса вторично убедилось в не сокрушимой мощи Красной армии, которая разгромила в Донбассе не менее пяти пехотных дивизий немцев и всякого рода бельгийских, хорватских и румынских частей, спешно, в пожарном порядке, брошенных на фронт прорыва, в оборону пр-ка вбит большой оперативный клин, повисший реальной угрозой над средним Днепром»¹¹.

Можно было опубликовать «Краткую военно-историческую справку по 2-й гвардейской армии на 20 декабря 1943 г.», составленную при участии Малиновского, где подробно рассказывается об отражении деблокирующего удара Манштейна под

11 Соколов Б.В. *Указ. соч.* С. 298–299.

Сталинградом и о боях за Ростов в январе–феврале 1943 года. В этих сражениях армией командовал Малиновский. Вывод о ее действиях в боях под Сталинградом и Ростовом был следующим:

БОРИС СОКОЛОВ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ. МЕМУАРЫ
МАРШАЛА МАЛИНОВСКОГО

«2 Гв. Армия выполнила свою историческую роль, разгромила остатки крупных и еще серьезных сил группы Манштейн, сокрушила их и перешла в наступление. Это первое наступление армии стоило много крови Советских людей. В ходе наступления пехота – основная сила Гвардии, имела много недостатков, обойти которые значило бы оскорбить славную память о богатырях-героях, погибших за победу нашей любимой родины. Но Армия решающую задачу выполнила»¹².

Скорее всего этот раздел был написан при большом участии Малиновского, так как критический анализ действий 2-й гвардейской армии очень походит на такой же анализ, которому маршал подверг действия своих войск в первый год войны.

В книге приводятся биографические справки всех упоминаемых советских и ряда немецких военачальников, приведены их фотографии, равно как и фотокопии цитируемых документов и аннотированный географический указатель. Определенную сложность составляет то, что одни документы процитированы в самом тексте, тогда как другие, на которые также ссылается Малиновский, даны только в виде фотокопий-иллюстраций. Лучше было бы их также поместить полностью в текст повествования.

Книга иллюстрирована аутентичными фотографиями времен Великой Отечественной войны, преимущественно 1941-го – начала 1942 года: по количеству и качеству фотографий издание приближается к альбому. К сожалению, некоторые подписи под фото содержат ошибки. Так, на странице 252 подпись под фото гласит: «Железнодорожная повозка санитарной службы, 1941 г.». Однако форма двух военнослужащих в погонах, находящихся у повозки, указывает, что перед нами два военных медика (военных чиновника) Русской императорской армии периода Первой мировой войны 1914–1917 годов (в Красной армии погон в 1941 году еще не было).

12 Там же. С. 371–372.

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Реальность страшнее теорий заговора, или Как Милтон Фридман сломал наш мир навсегда

Freedom for Capital, Not People: The Mont Pèlerin Society and the Origins of the Neoliberal Monetary Order

MATTHIAS SCHMELZER

London; New York: Verso, 2025. – 208 p.

Одна из самых больших ошибок – судить проводимую политику и политические программы по их намерениям, а не по их результатам.

Милтон Фридман в интервью Ричарду Хеффнеру¹

Фридман, убирайся домой! Слава народу Чили! Свободе! Остановите капитализм!

Протестующий на вручении Милтону Фридману Нобелевской премии по экономике²

Шульц, Фридман, вся эта шайка...

Ричард Никсон, пленки из Овального кабинета

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Парадокс истории состоит в том, что по мере накопления информации, «выводов» и «уроков» общая осведомленность человечества не повышается, а, наоборот, *падает* из-за невозможности разобраться в огромном массиве данных. К тому же по мере снижения общего уровня образованности и усложнения мира требуется все больше узкоспециализированных экспертов, чтобы разъяснять каждому следующему поколению важные и забытые вещи.

Маттиас Шмельцер – один из таких экспертов, которые осмеливаются публично поставить под вопрос явления, по прошествии многих десятилетий кажущиеся само собой разумеющейся частью реальности. Например: плавающий курс обмена валют, который появился во вполне конкретный момент в результате действий вполне конкретных лиц.

¹ «Richard Heffner's Open Mind». Эфир от 7 декабря 1975 года.

² Церемония проходила 14 октября 1976 года. Видео инцидента включено в документальный фильм «The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism» Майкла Уинтерботтома.

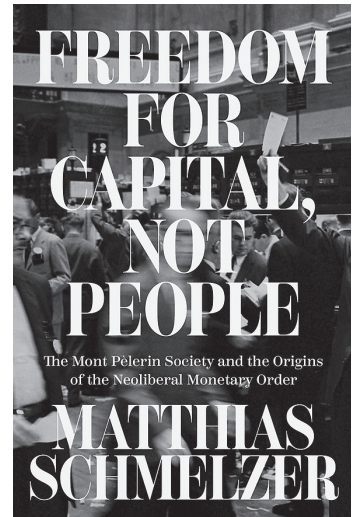
Милтон Фридман (1912–2006) – главный герой этой книги, «самый влиятельный экономист второй половины двадцатого столетия, если не века в целом», по мнению журнала «The Economist», Нобелевский лауреат 1976 года, участник общества «Мон Пелерин» (MPS) – прожил очень долгую жизнь, получал награды из рук американских президентов от Ричарда Никсона до Джорджа Буша-младшего. Фридман был активен до самой кончины в возрасте 96 лет (на следующий день после смерти вышла его последняя колонка в «The Wall Street Journal»), не дожив всего полтора года до мирового экономического кризиса – непосредственного итога его трудов, как считает Шмельцер.

На пике своего могущества в качестве экономического советника Ричарда Никсона Фридман непосредственно отвечал за принятие президентом решения закрыть «золотое окно»³ 15 августа 1971 года, что положило конец действовавшей с 1944 года Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов и отправило доллар, а вслед за ним и остальные мировые валюты в свободное плавание, – где они более полувека с тех пор и дрейфуют.

Как и в случае со всеми историческими фигурами такого масштаба, оценки деятельности Фридмана полярны – от безоговорочного обожания до резкой критики. Например, Наоми Кляйн в своей «Доктрине шока» обвиняет Фридмана не только в сотрудничестве с чилийской диктатурой⁴, но и, косвенно, в шоковых реформах⁵ команды Ельцина–Гайдара в России 1990-х. Книга Шмельцера продолжает критическую линию: автор вскрывает пласт «невидимого двадцатилетия» деятельности Фридмана перед событиями 1971 года, указывая на то, что переход к плавающему курсу был не исторической случайностью и спонтанной реакцией на кризис, а результатом долгого, упорного и обстоятельного планирования, координации действий сотен людей, десятков формальных и неформальных институтов, в чем ключевую и решающую роль сыграл именно Фридман.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

РЕАЛЬНОСТЬ СТРАШНЕЕ
ТЕОРИИ ЗАГОВОРА...

- 3 То есть отменить конвертируемость доллара США в золото для иностранных центральных банков. Среди череды событий, приведших к этому решению, было и демонстративное требование французского президента Шарля де Голля обменять на золото 150 миллионов долларов США наличными 7 января 1965 года.
- 4 После свержения в 1973 году социалистического режима Сальвадора Альенде, Фридман в 1975-м посетил Чили, где встречался с Пиночетом и давал ему экономические советы по обустройству страны. В 1980-е Фридман публично восхвалял экономическую политику Пиночета (выстроенную под руководством его студентов, ставших известными как «чикагские мальчишки») и называл ее «чилийским чудом».
- 5 «Хотя [эти молодые экономисты] никогда не учились в США, они были настолько преданными фанатами Милтона Фридмана, что в российской прессе [их] прозвали «чикагскими мальчишками». [...] «Независимая газета» отмечала, что «впервые в России в правительство вошла команда либералов, считающих себя последователями Фридриха фон Хайека и чикагской школы Милтона Фридмана»» (Кляйн Н. *Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга, 2009. С. 290–291).

Прежде, чем говорить о самой книге, необходимо отметить три обстоятельства, которые лучше подготовят читателя к ее восприятию.

Первое. Книга была написана по-немецки в 2010 году по следам глобального финансового кризиса 2008-го, обрушившего мировую экономику в худшее состояние со времен Великой депрессии, отправившего мировой ВВП впервые со времен Второй мировой в отрицательную динамику и вызвавшего в США и Европе не менее 10 тысяч самоубийств на почве отчаяния⁶.

Начиная с 1970-х в развитых странах формировалась перекошенная структура экономики, в которой объем финансовых требований значительно превышал масштабы реального сектора, а механизмы перераспределения и присвоения капитала все больше отрывались от реальных потребительных стоимостей. Гипертрофированное влияние сектора FIRE (финансы, страхование и недвижимость), рост цен на жилье и произведения искусства, превратившиеся в финансовые активы, напрямую связана с главной идеей книги Шмельцера: современный капитализм все больше живет не производством, а торговлей иллюзиями стоимости (р. xiv). Эта несбалансированная динамика привела к чрезмерному наращиванию долговых обязательств, ставшему причиной кризиса 2008 года.

Пораженный происходящим, Шмельцер, тогда еще 26-летний студент, решил «попытаться понять некоторые из более глубоких исторических причин кризиса 2008 года, сосредоточившись на социально-формирующем эффекте денег и роли организованных неолибералов в преобразовании финансового порядка» (р. vii–viii). Результатом стало исследование, которое видит первую «костяшку домино» кризиса в совершенно неожиданном месте и времени. Согласно Шмельцеру, все началось 10 апреля 1947 года в местечке Мон Пелерин на берегу Женевского озера, где собрались 39 ведущих экономических умов планеты⁷, включая 35-летнего Милтона Фридмана.

Впоследствии Фридман станет (не будучи формально президентом MPS вплоть до 1970 года) самым влиятельным участником общества и консолидирует членов MPS под флагом собственной мечты: установить плавающий валютный курс. Этот план он вынашивает 23 года. На момент его возникновения (1948), как неоднократно подчеркивает Шмельцер, Фридман

6 REEVES A., MCKEE M. *Economic Suicides in the Great Recession in Europe and North America* // The British Journal of Psychiatry. 2014. Vol. 205. № 3. P. 246–247.

7 Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Карл Поппер, Уолтер Липпман, Джордж Стиглер и многие другие. Интересно, что в какой-то момент Хайек и Поппер всерьез рассматривали возможность пригласить на дебютную конференцию MPS Джорджа Оруэлла.

«практически одинок в своих взглядах» (вплоть до 1960-х плавающий курс воспринимается, в том числе на уровне правил, как что-то почти *криминальное*), однако в 1971-м переход к плавающему курсу практически единогласно поддержан всем академическим и финансовым сообществом.

Вся книга Шмельцера посвящена скрупулезному (местами даже, пожалуй, избыточному) доказыванию, что такая колоссальная смена парадигмы объясняется не исторической случайностью, не духом времени, не объективными вызовами – а планомерной, неуклонной и длительной работой лично Фридмана и участников MPS в целом.

Второе. Эта книга – именно про Милтона Фридмана. В ней упоминаются около сотни других персонажей, которые сыграли свою роль в трансформации мирового финансового порядка, однако автор ни на секунду не дает усомниться: именно Фридман – тот тайный паук, сидящий в центре немислимых размеров паутины и постоянно дергающий за одну или другую ниточку. Этот известный экономист у него учился, а вот с этим они переписывались, а этого Фридман звал в гости на свою гавайскую дачу, чтобы обсудить с ним что-то – и тому подобное.

Шмельцер совершенно заморожен фигурой Фридмана, который на протяжении десятилетий терпеливо, гиперактивно (количество публикаций и конференций MPS, к организации которых Фридман имеет отношение, не поддается подсчету) – и при этом не слишком заметно для прессы и исследователей – гнет свою линию. Автор каталогизировал все конференции MPS, подсчитал долю его членов среди участников внешних мероприятий, оценил влияние их публикаций: полученные результаты показывают, что фридмановцы действительно задавили противников числом и усердием.

При этом биографический Фридман Шмельцера совершенно не интересует, в личностном плане архитектор мирового экономического порядка остается для нас «черным ящиком». Автор ни разу не задается вопросом о мотивации Фридмана, зачем ему, собственно, весь этот план и усилия длиною в жизнь, неужели просто ради личного обогащения или самозабвенного служения богу Капитала? Похоже, что Шмельцер действительно раскопал что-то очень важное, и хотя вначале он шутливо отмахивается от предположения, что его книга «похожа на теорию заговора» (с. 7), сама фактура материала, кажется, неуклонно стремится в эту сторону (цитаты последуют далее).

Третье. Эта книга не про экономику, хотя голова и может пойти кругом от количества экономических терминов, нюансов и сотен ссылок на специализированные публикации. Она про людей, про идеи и про то, как люди с идеями – вроде Фридма-

на – меняют реальность. Шмельцеру интересно, какие тактики они используют, какими словами аргументируют, какие рычаги влияния применяют. Речь в книге идет, в конечном счете, про *социальную динамику* одной очень интересной группы людей (американские и европейские экономисты, родившиеся в первые два десятилетия XX века), которая заставила всех остальных поверить в то, что их идеи есть объективная экономическая реальность:

«Как однажды отметил [английский писатель-социалист] Роберт Лисон, в процессе разработки и популяризации теории плавающих валютных курсов в 1960-е “академические экономисты вели себя так, словно они были членами скоординированной коалиции, продвигающей идею гибких курсов”.

Анализ деятельности MPS показывает, что ключевые экономисты, участвовавшие в распространении этой идеи, *действительно* входили в транснациональную неолиберальную сеть и регулярно обменивались теориями и стратегиями. Они тесно сотрудничали между собой, последовательно работая сначала над популяризацией, а затем и над практической реализацией процессов либерализации и “флексбилизации” валютных систем» (р. 160, курсив мой).

Тема выбрана автором очень сложная и опасная – по двум причинам. Первая: в экономике (особенно в ее современном состоянии), как правило, не разбирается никто, кроме самих экономистов. Вторая, непосредственно следующая из первой: рассказ о событиях из этой сферы, особенно таких комплексных, глобальных, с трудом поддающихся осмыслению, как переход к плавающему курсу (или те же часто поминаемые в книге Великая депрессия и кризис 2008 года), становится *нарративом*. То есть такой рассказ приобретает черты художественной истории, в которой неизбежно есть эмоциональная заряженность, деление на *хороших* и *плохих* парней – а предисловие автора, как и его ремарки по ходу всей книги, недвусмысленны: MPS и есть те плохие парни, которые довели нас до того, что мы видим теперь вокруг.

Нарративизация темы, несмотря на все приведенные источники, может вызвать у читателя сомнения в корректности восприятия Шмельцером истории деяний Фридмана и компании. Выходит из этой ловушки автор, кажется, бессознательно, но блистательно: ряд эпизодов книги живописует нам ровно такую же *нарративизацию* (где роль плохих парней выполняют «ретрограды» – сторонники фиксированного курса и широких социальных гарантий от государства) для продвижения своих идей использует уже сам Фридман, вплоть до тщательного выбора вокабуляра и подбора контрастных образов:

«Фридман... рисовал “идиллическую картину благополучного мира, в котором *естественное* функционирование валютных рынков *автоматически* корректирует международный дисбаланс, [вследствие чего] исчезает необходимость в [государственном] контроле”.

Более того – и это, безусловно, было самым важным – Фридман и другие “создали впечатление, что [процесс перехода] на самом деле произойдет довольно гладко и безболезненно,.. что плавающие обменные курсы могут творить чудеса без больших колебаний”. Широкое использование термина “свободные” обменные курсы, в отличие от “фиксированных”, или, как выражался Фридман, “*смирительной рубашки фиксированных обменных курсов*”, без сомнения, еще больше привлекало неолибералов из MPS» (р. 91, курсив мой).

Аналогичной тактикой для убеждения пользовался и Фриц Махлуп, родившийся в Австрии американский экономист, который был ближайшим соратником Фридмана и одной из важнейших фигур в MPS (при том, что он формально даже ни разу не был его президентом). Махлуп противопоставлял сложность политических решений в рамках парадигмы фиксированного обменного курса (он утверждал, что она включает одиннадцать параметров, которым обязаны следовать политики) обещающей простоте плавающего курса (р. 120). Или вот в его же исполнении буквальное *there is no alternative*, которое через 20 лет станет слоганом Маргарет Тэтчер – лучшей ученицы Милтона Фридмана⁸ (тот приезжал в Англию каждый год в 1970-х по приглашению Ральфа Харриса, главы неолиберального Institute of Economic Affairs, для консультации):

«Я не вижу здесь выбора... Если мы, как либералы, должны принять плавающий обменный курс – значит, мы должны принять плавающий обменный курс. Если мы, как либералы, отвергаем контроль над капиталом и торговлей, а большинство людей и их правительства отвергают ограничение эффективного спроса (то есть уравнивательный механизм золотого стандарта), я вижу лишь одну возможность: гибкие валютные курсы”.

В последующих дискуссиях этот на первый взгляд безупречно логичный аргумент – вместе с постулатом о том, что альтернативы существующей системе нет, а потому гибкие курсы являются единственно возможным решением – повторялся снова и снова» (р. 77).

Время перейти к самой книге.

8 Впрочем, к концу 1980-х их отношения охладели, и Фридман написал Тэтчер открытое письмо, в котором критиковал ее экономические решения: *An Open Letter from Milton Friedman to Margaret Thatcher* (<https://miltonfriedman.hoover.org/internal/media/dispatcher/214966/full>).

Саммари исторических событий, тайную изнанку которых демонстрирует Шмельцер, превосходно изложена (причем несколько раз, включая обстоятельный *rescap* в финале) самим автором, поэтому, вместо пересказа, приведем цитаты:

«В 1950–1960-х, как отмечает [австралийский историк экономики Энтони] Эндрес, в [американской] экономике существовали два “эпистемических комьюнити”: составляющие большинство кейнсианцы, доминировавшие на тот момент в дисциплине, и неолибералы, практически все состоявшие в MPS.

Внутри самой MPS, в свою очередь, были два конкурирующих эпистемических комьюнити: сторонники золотого стандарта и сторонники плавающих валютных курсов. Последние исходили из общих посылок и разделяли схожий анализ современных проблем – например, что заработные платы и цены не обладают гибкостью в сторону понижения, а автономная денежная политика является ключевой целью национальных правительств. Они утверждали, что фиксированные обменные курсы и попытки их поддерживать противоречат социально-политическим реалиям и, следовательно, причинно связаны с введением контроля над движением капитала.

Подобные аргументы – с их указанием на “нереалистичные допущения” и “неизбежность контроля” – использовали мощные нарративы, которые могли объяснить взаимосвязь между экономическими проблемами, политическими действиями и желаемыми целями. Согласно политической стратегии, вытекавшей из этого причинно-следственного толкования, только гибкие валютные курсы могли обеспечить либерализацию международных финансовых рынков в условиях текущих социальных реалий» (р. 95).

Шмельцер неоднократно подчеркивает поразительное упорство и организованность системного и несистемного давления на сложившийся политэкономический *status quo* со стороны MPS. Неолиберальные экономисты шли к своей цели уверенно через годы и трудности:

«Члены MPS не только сыграли ключевую роль в организации важнейших конференций по вопросам монетарной политики 1960-х, но и буквально доминировали на них – как по составу участников, так и по идейной направленности. Так, из 32 участников конференции в Белладжио⁹ девять человек (28%) состояли в MPS; на последующих встречах экономистов с политиками – пять из четырнадцати ведущих экономистов (36%); а на конференциях в Бюргенштоке – уже девять из семнадцати (53%). Хотя формального большинства

9 Как показывает Шмельцер, на проходившие с 1964-го по 1974 год в итальянском Белладжио экономические конференции выносились идеи, до этого обкатанные на закрытых конференциях MPS. Помимо тематики, Белладжио и MPS практически совпадали по составу организаторов и главных участников, однако информация об этом и вообще о любой связи между двумя конференциями в публичном поле отсутствует.

у них никогда не было, влияние членов MPS на содержание этих встреч было решающим: они выступали организаторами, спонсорами и ключевыми докладчиками.

Их сила заключалась в том, что они действовали как сплоченная группа, согласованно координируя позиции через эпистемическое сообщество MPS, объединенное общими нормативными принципами и причинно-следственными гипотезами. Для сравнения, участники с кейнсианскими взглядами не располагали столь четко оформленной структурой и не были организованы в единый блок через какой-либо устойчивый сетевой механизм» (р. 100).

Фридмана и компанию нисколько не останавливало, что до 1960-х мир был принципиально в оппозиции к идее плавающего курса – наоборот, это как будто еще больше их подзадорило. Словосочетание *floating exchange* повторяется в книге более двухсот раз – на каждой странице, – и Шмельцер создает ощущение, что для участников MPS оно стало уже не строгим экономическим термином, но буквально мантрой и символом веры. Экономист Чарльз Киндлбергер, активно участвовавший во встречах MPS в 1960-х, заметил – кажется, лишь наполовину в шутку, – что некоторые экономисты поклонялись плавающим валютным курсам как божеству. Он даже иронически называл члена MPS Гарри Гордона Джонсона¹⁰ «архиепископом Кентерберийским», фактическим главой этого экономического религиозного культа (р. 51).

К середине 1960-х экспертное мнение (при непосредственном участии MPS) начало понемногу сдвигаться в сторону плавающих курсов, хотя официальные правительства развитых стран все еще находились в оппозиции к этой идее:

«Правительства ведущих индустриальных стран – за исключением Канады – единодушно отвергли идею плавающих валютных курсов вплоть до конца 1960-х. Даже требование экспертной комиссии, назначенной немецким правительством, о большей гибкости курса немецкой марки потерпело неудачу из-за политического сопротивления. Только с приходом к власти администрации Никсона интеллектуальная ситуация начала меняться» (р. 128).

Первой экономически развитой страной, которая перешла к плавающему курсу, стала Канада (1950). Результат, по мнению кейнсианского экономического большинства, был предсказуем: после некоторого успеха (в 1957-м валюта обошла по стоимости доллар США), с 1960 года канадский доллар начал неумолимо падать, и в 1962-м премьер-министр Канады Джон Дифенбейкер снова его зафиксировал (эта мера, впрочем, не

10 Джонсон, кроме этой цитаты, более в книге Шмельцера ни разу не упоминается, и его ведущая роль в MPS ничем не подтверждена. В сноске автор делает предположение, что имела место ошибка и под «архиепископом» подразумевался именно Фридман.

помогла ему в следующем году переизбраться на пост). По мнению Шмельцера, в канадском прецеденте Фридман *персонально* в ответе, поскольку не только пропагандировал его как удачный пример, но, вероятно, непосредственно его и *сотворил*:

«Во время первого кризиса Бреттон-Вудской системы Милтон Фридман сыграл заметную роль в решении Канады позволить своему доллару свободно плавать. В апреле 1948 года он встретился с Дональдом Гордоном, заместителем генерального управляющего Банка Канады, и посоветовал, что “правильной политикой для Канады будет отпустить доллар в свободное плавание”. Решение Канады нарушить правила Бреттон-Вудской системы и, по выражению одного чиновника МВФ, “пиратское стремление” предпочесть гибкий валютный курс и отказаться от валютных и торговых ограничений заняло важное место в последующих академических дебатах.

Опыт Канады в период с 1950-го по 1962 год стал эмпирической основой, на которой Фридман и некоторые его ученики из Чикагского университета строили свои аргументы в пользу плавающих валютных курсов» (р. 54).

Что касается США (которые с самого начала были основной целью участников MPS, разумно предполагавших, что, изменив крупнейшую экономику, они повлияют и на весь мир), обращает на себя внимание, что разворот в сторону свободного курса *с самого начала* планировался как кризисный:

«Фридман утверждал, что введение плавающих валютных курсов может происходить двумя путями: в условиях кризиса или непосредственно после смены правительства. То есть подобная мера может быть эффективной в ситуации серьезного валютного кризиса – но только тогда, когда (и здесь проявляется роль MPS) лица, принимающие решения, уже знакомы с соответствующей теорией, а ее аргументы получили академическое признание.

Сознательное внедрение неолиберальных экономических мер в условиях кризиса позднее подробно исследовала Наоми Кляйн – как в теоретическом, так и в историческом аспекте, особое внимание уделяя роли Фридмана как идеологического крестного отца “капитализма катастроф”.

Тем не менее, по словам самого Фридмана, плавающие курсы могли бы быть введены и “в первый месяц после того, как к власти приходит партия, ранее находившаяся в оппозиции”. Менее, чем через три года после этого заявления, он уже готовил меморандум для кандидата в президенты Ричарда Никсона» (р. 101).

* * *

В начале книги автор жалуется, что при попытке найти какое-либо внятное описание MPS или его влияния он натолкнулся на стену молчания, подозрительно напоминающую заговор.

Что касается текстов, написанных об MPS и членами MPS, указывает Шмельцер, то они либо не содержат никакой значимой информации о деятельности общества, либо эта деятельность связывается только с фигурами конкретных членов (как правило, Нобелевских лауреатов), исключая любой системный подход к анализу организации.

Есть ли вопросы к методам Шмельцера? Да, разумеется. Прежде всего это касается использования им слова *неолиберальный*, которое имеет вполне строгое политэкономическое значение. Автор же часто применяет его в конструкциях, которые носят недвусмысленно негативно-оценочный характер:

«С периода Великой депрессии и вплоть до 1960-х большинство экономистов и политиков считали, что свободные рынки международного капитала... представляют собой слишком дестабилизирующий фактор для устойчивого и хорошо функционирующего капитализма. Но *те неолибералы*, которые входили в общество Мон-Пелерин и были к нему близки, не соглашались с этим мнением. Бреттон-Вудская система фиксированных, но корректируемых валютных курсов и строгого контроля за движением капитала *была для них главным источником раздражения.*

В *глазах неолибералов* ограничения на движение капитала и валютные операции были одними из самых серьезных угроз не только для рыночной системы, но и для западной цивилизации как таковой. Пристально изучив дебаты и деятельность этой сети, я утверждаю, что *неолибералы сознательно стремились натравить капитал на демократию.* Они намеренно использовали финансовую дерегуляцию и потоки капитала как средство дисциплинировать, ограничить и, в конечном счете, *парализовать любые формы демократического принятия решений, противоречащие требованиям рынка и прибыли.*

Когда я писал "Freedom for Capital, Not People", то не мог себе и представить, что эта книга будет представлять интерес и спустя полтора десятилетия. Тем не менее вопросы, лежащие в ее центре, сегодня даже более актуальны – ввиду *зомбиподобного, "мутировавшего" возрождения неолиберальной гегемонии* после финансового кризиса» (р. viii, курсив мой).

Еще о неоднозначных моментах. Иногда, когда Шмельцеру не хватает данных (например о корнях разногласий внутри MPS по поводу золотого стандарта – из-за отсутствия соответствующих документов), он начинает их просто придумывать, используя довольно экзотические методы исследования, которые затем бойко встраивает в основную систему аргументов:

«Если история конфликта, рассмотренная как спор между школами мысли, покажется [читателю] недостаточной, то альтернативный подход может заключаться в анализе географического происхож-

дения, места жительства и национального или регионального мировоззрения участвовавших экономистов... Гораздо больше объясняет анализ, рассматривающий различия во мнениях как конфликт поколений – или, точнее, возрастных когорт. Так, золотой стандарт отстаивали прежде всего те, кто родился до рубежа XX века и, следовательно, пережил катастрофические события, связанные с плавающими валютами в начале 1920-х. Эта когорта получила образование в докейнсианскую эпоху.

Особенно примечательна группа экономистов, родившихся в первом десятилетии XX века: они поддерживали золотой стандарт вплоть до 1950-х или начала 1960-х, но впоследствии стали продвигать идею плавающих курсов. Наконец, экономисты, родившиеся после 1910 года, почти единодушно выступали в пользу плавающих валютных курсов. Для членов MPS было очевидно, что речь идет именно о конфликте поколений. Так, Майкл Хайльперин в 1965 году отмечал, что продолжает настаивать на “классических” механизмах выравнивания золотого стандарта – “какими бы старомодными они ни казались молодым экономистам”» (р. 46–47).

Наблюдение интересное – но оно не основано ни на чем, кроме догадок Шмельцера, и не может считаться серьезным доводом. Такие кунштюки, хотя они и встречаются (по крайней мере на неэкспертный в экономике взгляд) в книге довольно редко, несколько подрывают доверие к системе аргументов автора.

Шмельцер – возможно, довольно сильно обобщая – описывает «производство неолиберального знания» так, будто это какой-то завод (впрочем, возможно, дело тут еще и в не слишком удачном переводе с немецкого):

«Наиболее важные функции конференций MPS в формировании и распространении теории плавающих валютных курсов, а также в возникновении соответствующей международной неолиберальной сети влияния можно перечислить следующим образом:

1. Производство неолиберального знания.
2. Разработка и обсуждение стратегий неолиберальной “политики знания”.
3. Внутренние – иногда антагонистические – дискуссии.
4. Транснациональное распространение идей и установление сетей взаимодействия.
5. Расширение и укрепление возможностей влияния.
6. Социально-психологическая поддержка внутри сообщества единомышленников» (р. 48).

Стоит ли в таких зловещих тонах описывать достаточно обычный для любой серьезной организации *roadmap* (тем более ретроспективно придуманный автором книги)? Впрочем, монологи членов MPS иногда и, правда, как будто принадлежали профессору Мориарти:

«[Фридрих фон] Хайек не ограничивался историческими наблюдениями, но стремился обобщать их. Уже в своем исследовании 1937 года о золотом стандарте он подчеркивал, что абстрактные и принципиальные “академические дискуссии... со временем формируют общественное мнение и, как следствие, определяют, что станет практической политикой”. В 1949 году он выразил эту мысль еще более лаконично: “Опыт показывает, что... это лишь вопрос времени, когда взгляды, которых придерживаются интеллектуалы, станут руководящей силой политики. То, что современному наблюдателю представляется борьбой конфликтующих интересов, на деле зачастую было решено задолго до этого – в столкновении идей, ограниченном узкими кругами”» (р. 21, курсив мой).

При описании происходившего на экономических конференциях, где члены MPS убеждали банкиров и людей, принимающих решения, в необходимости плавающего курса, Шмельцер неоднократно подчеркивает беспринципность, чтобы не сказать, наглость и инвазивность, участников общества (в первую очередь Фридмана), которые использовали все, чтобы продать свою точку зрения.

* * *

Итоги глобальной реформы, оркестрованной Милтоном Фридманом, оказались, по мнению Шмельцера, ровно такими, как и предсказывали его критики:

«После либерализации валютных и финансовых рынков в 1970-е глобальная торговля на международном валютном рынке¹¹ выросла до масштабов, едва ли вообразимых на момент принятия тех политических решений. В 2010 году ежедневный оборот валютного рынка составлял свыше 3,2 триллиона долларов – более, чем в семьдесят раз больше, чем объем мировой торговли товарами и услугами. К 2022 году этот показатель достиг 75 триллиона долларов в день» (р. 159).

Из глобального кризиса 2008 года, во многом произошедшего по вине спекулянтов, никаких выводов сделано не было, а MPS продолжает сохранять свое влияние и отстаивать прежнюю линию:

«Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD) в своем докладе за 2009 год, следуя позиции ряда известных экономистов, призвала к усилению международного контроля за движением капитала, чтобы снизить риск повторения кризисов. Однако члены Mont Pèlerin Society остались непреклонны: на всемирной конфе-

11 Сегодня он известен как *Forex*, сокращение от *foreign exchange*.

ренции общества, прошедшей в марте 2009 года в Нью-Йорке, Грег Линдсей вновь подчеркнул значение плавающих валютных курсов, назвав их «вероятно, самым важным рыночным реформаторским достижением последних 25 лет» (р. 6).

Даже сегодня, в 2025 году, в комментариях под любым онлайн-видео с Милтоном Фридманом (например к ролику со вручения Нобелевской премии, где активист пытается испортить лауреату праздничное настроение¹²) можно найти сотни доброжелательных, восхваляющих и сочувствующих высказываний в поддержку Фридмана – «человека, освободившего капитал».

Автор не предлагает никаких выводов, а его личное отношение можно воссоздать только из предисловия, отдельных ремарок, разбросанных по тексту, и из других его книг, с названиями вроде «The Future is Degrowth: A Guide to a World beyond Capitalism»¹³. И с точки зрения вечного вопроса «что делать?» работа Шмельцера только усиливает экономико-культурный пессимизм. Ведь из нее следует, что для того, чтобы построить существующую систему плавающих курсов, понадобился гений, сверхчеловек, который тайно и неустанно трудился на протяжении более двадцати лет, задействовал несколько сотен влиятельных знакомых, личный ресурс доступа к президенту США, чтобы успешно оседлать исторический момент, подойдя к нему с досконально разработанной теорией и убедительными доказательствами ее эффективности.

Чтобы даже не переломить ход истории, а хотя бы немного изменить существующее положение вещей, понадобится сопоставимый по масштабу анти-Фридман, только усилий ему придется приложить *еще больше* – из-за заведомо проигрышной исходной позиции, – и это, конечно, абсолютная фантастика.

Итак, будущего нет, будет все то же бесконечное настоящее, в совершенно буквальном экономическом смысле представляющее собой *непрерывную спекуляцию на обещании* – по крайней мере до следующего крупного финансового кризиса, после которого, может быть, Шмельцер напишет предисловие к третьему изданию этой книги и кто-нибудь обратит на нее внимание. Шанс, что это будет тот самый анти-Фридман, микроскопически, исчезающе мал – но история умеет удивлять, и поэтому, может быть, у нас все-таки есть надежда.

12 www.youtube.com/watch?v=QwQioAwm-FI.

13 SCHMELZER M., VANSINTJAN A., VETTER A. *The Future is Degrowth: A Guide to a World beyond Capitalism*. London; New York, 2022.

Summary

The 164th *NZ* issue opens with a selection of materials on a topic that is perhaps unavoidable for any Russian publication of a similar nature preparing to go to print in December of 2025. It is the 200th anniversary of the Decembrist Revolt, an event that marks the beginning of both the revolutionary and liberal traditions in Russia. Both the Soviet regime and its opponents invoked the experience of the conspirators of 1825, their plans for the political, social, and economic transformation of Russia, as well as their very personas. In the current socio-political and cultural situation in the country, the Decembrists and their legacy continue to play an important role and give rise to debate. The above is the focus of the three articles comprising the first thematic block of issue 164, titled “DECEMBER 1825: ITS PRECURSORS AND SUCCESSORS”.

The block opens with Danila Krasnov’s article, “*Distant Relatives: Alexander Radishchev and the Decembrists*”. It offers a brief overview of how Russian and Soviet historiography interpreted the influence of the first major political work in Russian literature – Alexander Radishchev’s “*Journey from St. Petersburg to Moscow*” – on the shaping of the political and ethical views of the future Decembrists. Krasnov points out that, due to ideological tenets originating from Herzen and Lenin, the Soviet tradition tended to exaggerate this influence, portraying the Decembrists as direct “successors” of Radishchev’s revolutionary ideology. Vadim Korolkov’s piece

continues the theme of mythologisation of the events of late 1825 – early 1826, as well as their leading figures. The Soviet myth, which consisted of the Decembrists’ essential canonisation on the one hand, and of their romanticisation by Soviet dissidents of the 1960s–1970s on the other, has since given way to the current Russian regime’s wary and even hostile attitude towards the country’s first revolutionaries. Comparing the late Soviet period to present day, it is especially noticeable in literature and cinema. Such a comparison is the subject of Alexei Makarkin’s article, “*To Take to the Square and Not Wake Herzen: The Decembrists in Contemporary Cinema*”.

This collection of materials is followed by two of the journal’s regular sections. In his column **SOCIOLOGICAL LYRICISM**, Alexei Levinson examines the Russian society’s current attitude towards the Decembrist uprising. **NZ ARCHIVE** features two important historical publications. For the first time, Russian readers are presented with texts that not only helped shape the Decembrists’ views, but also influenced the European political and ideological climate in the first quarter of the 19th century as a whole. These documents date back to the period preceding the French Revolution, and to the start of the Revolution itself.

NZ ARCHIVE opens with excerpts from the speech given by Michel-Joseph-Antoine Servan in the Parliament of Grenoble in 1767. Servan, one of the outstanding jurists of his time, outlined the most crucial demands regarding criminal legislation in the Age of Enlightenment. The second material is the list of grievan-

ces of the Third Estate of Paris, drawn up for the Estates General in April 1789. The summoning of the Estates General by Louis XVI ultimately led to a revolutionary outbreak. The key demands for changing the *ancien régime* are presented in this document, which adheres to the main ideas of the Enlightenment. The list of grievances was compiled three months before the storming of the Bastille; among its authors were the astronomer Jean Sylvain Bailly, who would become the first mayor of Paris (guillotined by the Jacobins in 1793), and Joseph-Ignace Guillotin, after whom the guillotine was named. It was his enthusiasm that contributed to the revolutionary National Constituent Assembly recognising, in 1789, the newly invented device as the primary official method of execution.

Aside from the thematic portion, issue 164 of *NZ* contains other regular sections. *ESSAYS ON MORALS* offers a detailed report on the behavior of the Soviet people and government representatives prior to and during the implementation of the monetary reform of 1947. Mikhail Nikolaev paints a picture of general apprehension among Soviet citizens, of attempts to profit from the reform, and of the government's official "ideological and cultural support" for such unpopular measures.

In *POLITICS OF CULTURE*, Konstantin Mitroshenkov analyses Fredric Jameson's

essay "*Periodizing the 60s*", wherein this philosopher and cultural theorist developed some foundations for the theoretical procedure of periodisation, retrospectively – from 1984, when the text was written, looking back to the 1960s with their radical context. Mitroshenkov's article is titled "*From the Cultural Revolution of the 1960s to Postmodernism: Fredric Jameson as a Theorist of Periodisation*".

The *CULTURE OF MODERNITY REVISITED* section features an article by Vadim Mikhailin, devoted to early cinema, primarily German and American. The article focuses on so-called "city symphonies" – films where the city becomes the protagonist ("*You Necessary Film: The Mystical Underbelly of Avant-garde City Symphonies*").

The latest instalment of Tatyana Vorozheykina's column *THE REVERSE OF THE METHOD* is devoted to the first two years of presidency of the Argentine populist Javier Milei, and his party's unexpected (in light of said two-year run) victory in the recent parliamentary election.

As usual, the issue concludes with Alexander Pisarev's *RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW*, as well as the *NEW BOOKS* section, containing Fyodor Nikolai's review of Igor Kobylin's book "*History in a State of Emergency. Essays on Contemporary Historical Consciousness and the Practices of Historiography*".